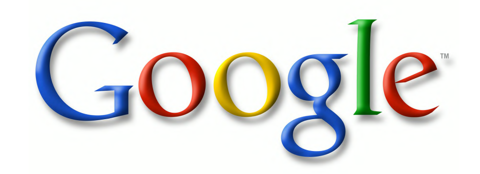
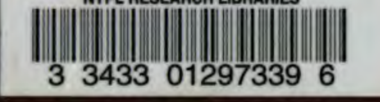
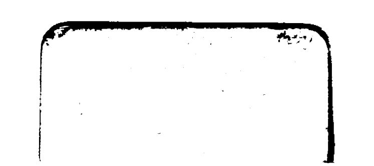



3 3433 01297339 6



ОЧЕРКЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ
по
МОНГОЛІИ
и
СѢВЕРНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ ВНУТРЕННЯГО КИТАЯ

М. В. ПѢВЦОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СЪ КАРТОЮ МОНГОЛІИ.

ОМСКЪ.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА VII.

Пребываніе въ г. Калганѣ.

Торговля и промышленность этого города. Чайная операція. Упадокъ нашей торговли съ Китаемъ. Проэктируемый сбытъ лѣса изъ Амурской и Приморской областей въ Китай. Католическіе и протестантскіе миссіонеры. Окрестности г. Калгана. Земледѣліе, пища и дома сѣверныхъ китайцевъ. Встрѣча новаго года. Театры.

ГЛАВА VIII.

Переѣздъ изъ Калгана въ Ургу и пребываніе въ этомъ послѣднемъ городѣ.

Возвращеніе въ Монголію. Юго-восточная полоса ея къ сѣверу отъ Иньшаня до предѣловъ Гоби. Путешествіе по этой пустынѣ. Характеръ ея природы. Признаки прежняго обильнаго орошенія Гоби. Геологическое строеніе. Пригодность этой пустыни для кочевой жизни. Выходъ изъ Гоби. Страна къ сѣверу отъ нея. Прибытіе въ Ургу. Монгольскій и китайскій города. Хутухта. Благословеніе народа. Праздникъ въ честь Майдари. Земледѣліе въ окрестностяхъ Урги.

ГЛАВА IX.

Отъ Урги до Улясутая.

Приготовленія къ обратному пути. Слѣдованіе по западной части горной страны Гентэя. Стоянка на оз. Угэй. Переправа черезъ р. Орхонъ и вступленіе въ горную страну Хангая. Долина р. Тамира и сѣверо-восточные отроги Хангая. Общій обзоръ этой горной системы. Замѣтки о климатѣ.

ГЛАВА X.

Очеркъ русской торговли съ Монголіей и торговыхъ связей Внутренняго Китая съ этой страной.

Торговые пути изъ З. Сибири въ Монголію. Торговля бійскихъ купцовъ въ гг. Кобдо и Улясутаѣ. Перечень предметовъ ввоза и вывоза. Русская торговля въ Ургѣ. Торговля минусинскихъ и иркутскихъ купцовъ въ области верхняго Енисея. Попытки бійскихъ купцовъ завязать торговыя сношенія съ Гуй-хуаченомъ. Торговля китайцевъ въ Монголіи. Ея прерогативы. Предположеніе о будущности нашей торговли съ Монголіей.

ГЛАВА XI.

Отъ Улясутая до границы.

Г. Улясутай. Путь изъ него по западнымъ отрогамъ Хангая. Вступленіе въ степь въ верховьяхъ рѣчки Кунгуй и слѣдованіе внизъ по этой рѣчкѣ. Песчаное пространство къ сѣверу отъ нея и степной кряжъ Урдуръ-унигытэ къ югу. Озеро Айрикъ-норъ. Процессъ вымиранія живущихъ въ немъ рыбъ. Озеро Киргизъ-норъ и окрестная страна. Признаки осыханія этой страны. Переправа черезъ нижній Дзапхынъ и слѣдованіе по пустынной мѣстности. Начало горной страны Алтая близь источниковъ Шину-усу. Нашъ путь по ней мимо озеръ: Хара-норъ, Шацгай-норъ и Ачитъ-норъ. Переходъ черезъ пограничный хребетъ Сайлюгэмъ и прибытіе въ Кошъ-Агачъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическ. положенія мѣстъ.
II. Барометрическія опредѣленія высотъ.
III. Списокъ птицъ, собранныхъ во время путешествія.
IV. Описаніе путей.
V. Краткая объяснительная записка къ картѣ Монголіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ представляетъ собою результатъ путешествія, совершеннаго мною въ 1878 и 1879 г.г. въ Монголію и сѣверныя провинціи Внутренняго Китая: Шаньси и Чжилійскую. Иниціатива этой экспедиціи принадлежитъ Императорскому Русскому Географическому Обществу. Въ началѣ 1878 года оно получило отъ извѣстнаго путешественника по Монголіи, Г. Н. Потанина, свѣдѣніе, что бійскіе купцы, торгующіе въ этой странѣ, намѣрены послать осенью того же года караванъ изъ г. Кобдо въ г. Куку-хото (Гуй-хуа-чэнъ), что въ провинціи Шаньси. Караванъ предполагалось направить прямымъ, коммерческимъ трактомъ, пролегающимъ близъ сѣвернаго подножія горной цѣпи Южнаго Алтая и еще не посѣщеннымъ европейцами. Пользуясь такимъ случаемъ, Общество просило бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири, Н. Г. Казнакова, о командированіи съ этимъ караваномъ меня и двухъ топографовъ. Генералъ-адъютантъ Казнаковъ, относившійся всегда сочувственно къ научнымъ предпріятіямъ, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе на командировку нашей экспедиціи, для сопровожденія которой назначено было 6 казаковъ Забайкальскаго войска, знакомыхъ съ монгольскимъ языкомъ.

Задача экспедиціи заключалась главнымъ образомъ въ производствѣ маршрутной глазомѣрной съемки на пройденномъ

пути, въ опредѣленіи на немъ посредствомъ астрономическихъ наблюденій географическихъ координатъ нѣкоторыхъ пунктовъ, описаніи дорогъ и въ барометрическихъ опредѣленіяхъ высотъ. Но кромѣ этихъ спеціальныхъ работъ, мы старались, по мѣрѣ возможности, собирать и другія свѣдѣнія о посѣщенныхъ нами странахъ, а именно: этнографическія, торговыя и естественно-историческія. Эти послѣднія заключались въ составленіи коллекцій зоологической (около 200-тъ видовъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся) и ботанической (около 180 видовъ цвѣтковыхъ растеній). Мы составили также небольшую минералогическую коллекцію (около 100 образцовъ горныхъ породъ и минераловъ).

Путь экспедиціи пролегалъ изъ Алтайской станицы (Котонъ-карагай) Устькаменогорскаго уѣзда къ перевалу Уланъ-даба въ пограничномъ хребтѣ Сайлюгэмъ, а оттуда чрезъ урочища Эльдеге и Алтанъ-чечей въ г. Кобдо.

Изъ этого послѣдняго мы направились къ юго-востоку по караванному пути чрезъ монастырь Нарбанъчжи на р. Дзапхынъ и южные отроги Хангая, по которымъ слѣдовали около 400 верстъ. Далѣе экспедиція спустилась въ пустыню Гоби и шла по ней чрезъ уроч. Хоръ-мусу, Боро-тологой и страну Шамхай—Гоби слишкомъ 600 верстъ. Затѣмъ мы вступили въ Юго-Восточную Монголію съ осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ, миновали въ ней небольшой китайскій городокъ Куку-эргэ и достигли наконецъ послѣ долгаго и утомительнаго странствованія по горамъ, степямъ и пустынямъ цвѣтущаго города Куку-хото, или Гуй-хуа-чена, въ провинціи Шанси Внутренняго Китая, отстоящаго отъ Алтайской станицы въ 2500 верстахъ. Изъ Куку-хото экспедиція частью по Монголіи, частью по Внутреннему Китаю перешла въ г. Калганъ и про-

вола въ этомъ последнемъ два зимніе месяца. Въ конце февраля мы направились изъ Калгана по прямой караванной дороге въ г. Ургу, где пробыли месяцъ. Изъ Урги выступили въ начале мая и следовали по прямой дороге чрезъ Улясутай, долину р. Кунгуя, мимо озера Ачитъ къ государственной границе, которую пересекли на перевале Ханъ и вышли въ Кошъ-агачъ.

На пройденномъ пути классными топографами, гг. Скопинымъ и Чуклинымъ, въ которыхъ я нашелъ ревностныхъ помощниковъ, снято около 4000 верстъ маршрутной глазомерной съемки, а мною малымъ универсальнымъ инструментомъ и двумя хронометрами определено географическое положеніе 28-ми пунктовъ и измерено барометромъ 44 высоты.

Обработку минералогической коллекціи принялъ на себя профессоръ С.-Петербургскаго университета А. А. Иностранцевъ, взявшій также на себя трудъ разработать минералогическія коллекціи двухъ другихъ путешественниковъ по Монголіи, Н. М. Пржевальскаго и Г. Н. Потанина, и написать по всемъ тремъ петрографическій очеркъ этой малоизвестной страны. Пользуясь определеніями уважаемаго профессора собранныхъ мною породъ, я счелъ не лишнимъ въ настоящемъ очерке указывать при удобныхъ случаяхъ на ихъ местоxрожденія и взаимное соотношеніе.

Ботаническая коллекція вместе съ такими же коллекціями гг. Пржевальскаго, Потанина и Пясецкаго поступила къ академику К. И. Максимовичу, намеревающемуся написать по нимъ сочиненіе: „Flora mongolica". Наконецъ обработку привезенныхъ мною рыбъ принялъ на себя С. М. Герценштейнъ.

Мне остается только выразить глбуокую признательность названнымъ ученымъ, а вместе съ ними профессору Нико-

лаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Полковнику К. В. Шарнгорсту, за вычисленіе сдѣланныхъ мною астрономическихъ наблюденій; доктору зоологіи Н. А. Сѣверцову, за опредѣленіе добытыхъ птицъ и профессору С.-Петербургскаго университета, М. Н. Богданову, опредѣлившему остальныхъ, мелкихъ птицъ, доставленныхъ мною въ музей Императорской Академіи Наукъ.

М. Пѣвцовъ.

15-го Апрѣля 1883 г.

г. Омскъ.

ГЛАВА I.

ОТЪ АЛТАЙСКОЙ СТАНИЦЫ ДО Г. КОБДО.

22-го іюля 1878 года я, съ своими спутниками, прибылъ въ Алтайскую станицу Устькаменогорскаго уѣзда—исходный пунктъ нашей экспедиціи, и приступилъ къ окончательному снаряженію въ далекій путь. Для перевозки тяжестей куплено было у мѣстныхъ киргизовъ: 18 верблюдовъ, 3 вьючныя и 4 верховыя лошади; двѣ юрты, арканы, чомы (вьючныя сѣдла для верблюдовъ) и другія дорожныя принадлежности. Мукой и сухарями мы запаслись только на четыре мѣсяца, надѣясь въ теченіи ихъ достигнуть Внутренняго Китая, гдѣ нѣтъ надобности возить съ собою жизненные припасы. Всѣ эти приготовленія заняли 9 дней, такъ что только 3-го августа мы могли выступить въ путь.

Алтайская станица расположена въ широкой междугорной долинѣ, ограниченной съ юга Нарымскимъ хребтомъ, а съ сѣвера второстепеннымъ кряжемъ внутренняго Алтая. Нарымскій хребетъ представляетъ высокій, круто подымающійся съ сѣвера лучь Алтая и имѣющій восточно-западное направленіе. Въ этомъ хребтѣ, верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ станицы, находится небольшая снѣжная вершина Кусъ-гунды, а къ востоку отъ нея верстахъ въ 4-хъ снѣжное поле, помѣщающееся въ лощинѣ, защищенной съ юга скалами. Весь сѣверный склонъ хребта покрытъ густымъ лѣсомъ лиственницы и кедра, который занимаетъ, сколько мы могли замѣтить, преимущественно высшія мѣста въ горныхъ лѣсахъ, сосѣднихъ альпійской зонѣ. Лѣса въ этой части Алтая растутъ только на сѣверныхъ склонахъ горъ, а южныя покатости ихъ безлѣсны: на нихъ лишь кое-гдѣ можно видѣть невысокія и тощія деревца лиственницы.

За Нарымскимъ хребтомъ, верстахъ въ 60-ти къ юго-западу отъ Алтайской станицы, лежитъ большое горное озеро Марка-куль, посѣщаемое ежегодно крестьянами деревень Медвѣдки и Таловки, которые ѣздятъ туда весною недѣли на двѣ ловить рыбу. Они устраиваютъ въ устьяхъ впадающихъ въ это озеро рѣчекъ заколы тотчасъ, какъ только въ эти рѣчки зайдетъ изъ озера рыба для метанія икры. Мѣстные жители не совсѣмъ дружелюбно относятся къ нашимъ рыболовамъ, а потому послѣдніе должны задобривать ихъ старшинъ, привозя имъ табакъ, хлѣбъ, топоры и другіе необходимые предметы. Въ самомъ озерѣ живутъ только ускучи (Chondrostoma), но въ горныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Марка-куль, водятся и харіусы (Thymallus).

Съ сѣвера долина Алтайской станицы окаймлена невысокимъ кряжемъ, отдѣляющимъ ее отъ долины р. Бухтармы. Южный склонъ этого кряжа безлѣсенъ: на немъ лишь кое-гдѣ виднѣются одинокія, чахлыя деревца лиственницы. Сѣверный же склонъ, обращенный къ Бухтармѣ, лѣсистъ, и значительно круче южнаго; слѣдовательно долина р. Бухтармы должна лежать ниже долины Алтайской станицы. Послѣдняя орошается горной рѣчкой Сарымъ-сакты, получающей начало на Нарымскомъ хребтѣ и впадающей слѣва въ Бухтарму, верстахъ въ 20 ниже Алтайской станицы. Въ отрогахъ сѣвернаго кряжа долины, на правомъ берегу помянутой рѣчки, залегаютъ гигантскія толщи глинистаго сланца, приподнятыя сѣрымъ крупно-зернистымъ гранитомъ.

Изъ Алтайской станицы мы направились къ востоку по долинѣ, которая верстахъ въ 5-ти отъ нея значительно съуживается, но потомъ опять расширяется и въ ней мѣстами встрѣчаются киргизскія пашни. Онѣ въ то время были покинуты своими хозяевами: въ концѣ іюля большая часть киргизъ Алтайской и Чингизтайской волостей, кочующихъ на Нарымскомъ хребтѣ, ушла въ китайскіе предѣлы съ намѣреніемъ поселиться тамъ навсегда, но этому намѣренію, однако, не суждено было осуществиться: по недостатку за границей пастбищъ и вслѣдствіе притѣсненія китайскихъ властей, киргизы помянутыхъ волостей осенью 1879 года должны были возвратиться въ свои мѣста.

Въ 25-ти верстахъ къ востоку отъ Алтайской станицы, мы вышли

въ широкую долину р. Бухтармы, на урочище Чингизтай. Въ этой мѣстности рѣка часто раздѣляется на рукава, а берега ея покрыты таломъ и тальникомъ. Далѣе отъ рѣки растилаются обширные луга, покрытые высокой и густой травой. На уроч. Чингизтай зимуютъ во множествѣ киргизы, заготовляя запасы сѣна, лѣто же проводятъ въ горахъ. Къ сѣверу отъ Бухтармы, противъ этого урочища, находится деревня Черновая, отстоящая въ двухъ верстахъ отъ рѣки. Около нея есть теплые ключи. Къ югу отъ ур. Чингизтай тянется тотъ-же Нарымскій хребетъ, въ которомъ въ этомъ мѣстѣ есть вершины со снѣжными пятнами.

При дальнѣйшемъ движеніи на востокъ по долинѣ Бухтармы мы встрѣтили въ ней нѣсколько живописныхъ гранитныхъ сопокъ, воздымающихся на равнинной мѣстности. На склонахъ и у подножій ихъ покоятся массивные отторженцы сѣраго, крупнозернистаго гранита, а между ними растутъ деревья лиственницы, сосны и изрѣдка ели, придающія этимъ сопкамъ очаровательный видъ. Лѣса на сѣверномъ склонѣ Нарымскаго хребта въ этомъ мѣстѣ еще гуще, нежели противъ Алтайской станицы; а на южномъ склонѣ хребта, тянущагося на сѣверѣ отъ Бухтармы, ихъ совсѣмъ не видно. Въ здѣшнихъ лѣсахъ водится еще немало звѣрей: медвѣдей, мараловъ, косуль; на скалистыхъ горахъ и высокихъ безлѣсныхъ плоскогорьяхъ пасутся дикіе бараны и козлы. Изъ мелкихъ звѣрей въ этихъ лѣсахъ живутъ соболи, куницы, бурундуки и бѣлки, а въ горныхъ рѣчкахъ встрѣчаются выдры. Во время стоянки на уроч. Чингизтай къ намъ заходили крестьяне деревни Черновой, отправлявшіеся на Нарымскій хребетъ осматривать капканы, поставленные на выдръ. Эти крестьяне, называемые *ясачными*, замѣчательные стрѣлки и отъ нихъ мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія объ охотѣ въ юго-западной части Алтая. На мараловъ они охотятся въ мартѣ по насту, когда снѣгъ съ поверхности оледенѣетъ и по нему можно ходить безъ лыжъ. Мараловъ же онъ не держитъ; проваливаясь, они портятъ о ледяную кору ноги и очень скоро устаютъ, становясь добычею охотниковъ преслѣдующихъ ихъ съ собаками. Случается, что цѣлое стадо измученныхъ такимъ образомъ животныхъ, истребляется въ нѣсколько часовъ; нѣкоторыхъ приводятъ живьемъ въ деревни на

арканахъ и продаютъ промышленникамъ, содержащимъ домашнихъ мараловъ[1]). Этотъ губительный способъ охоты, по всей справедливости, слѣдовало-бы строго воспретить. Наиболѣе прибыльна добыча мараловъ въ іюнѣ, когда у нихъ не успѣли еще вполнѣ окостенѣть молодые рога, сбываемые, какъ извѣстно, за высокую цѣну китайцамъ, употребляющимъ ихъ въ лекарства. Въ это время мараловъ бьютъ прямо съ подхода или караулятъ на солончакахъ, посѣщаемыхъ ими по утрамъ и вечерамъ.

Соболей ловятъ преимущественно капканами, къ которымъ кладутъ приманку: рябчика, куропатку или кусокъ заячьяго мяса. Собольи шкурки продаются на мѣстѣ отъ 6 до 20 рублей. Лучшими соболями считаются въ здѣшнемъ краѣ курчумскіе.

Выдръ, живущихъ въ значительномъ количествѣ въ горныхъ рѣчкахъ, ловятъ всегда капканами и не только зимой, но и лѣтомъ, такъ какъ шкурка выдры, по увѣренію охотниковъ, и въ лѣтнее время немного хуже зимней. Капканы на выдру ставятъ въ водѣ противъ той тропочки на берегу, по которой она постоянно выходитъ на сушу, при чемъ стараются отнюдь не измѣнять положенія камней, карчей, сучьевъ и др. предметовъ въ водѣ и на берегу близь тропы, иначе выдра, замѣтивъ какую-нибудь перемѣну, въ этомъ мѣстѣ ни за что не выйдетъ на берегъ, а изберетъ другое. Цѣна выдры на мѣстѣ отъ 10 до 12 рублей.

Въ 56 верстахъ къ востоку отъ Алтайской станицы мы миновали крайнее русское селеніе въ этой части Алтая—Урыльскій

---

[1]) Мараловодствомъ въ этомъ краѣ занимаются въ деревняхъ: Фыкалкѣ, Черновой, Язевой и Бѣлой. Мараловъ содержатъ въ обширныхъ изгородяхъ, называемыхъ *садами*. Эти изгороди имѣютъ отъ 2 до 5 верстъ въ окружности и дѣлаются изъ весьма толстыхъ (вершка въ 3) жердей, утверждаемыхъ въ столбахъ. Онѣ обыкновенно обхватываютъ лѣсистую мѣстность съ хорошими лугами, на которой могли-бы правильно пастись маралы. На зиму имъ, впрочемъ, заготовляются запасы сѣна. Въ большой изгороди дѣлается другая,—малая, клинообразной формы, въ которую загоняютъ мараловъ для сниманія съ нихъ роговъ, спиливаемыхъ ежегодно съ самцовъ въ іюнѣ. Спиленные рога варятъ въ рассолѣ, потомъ вывѣшиваютъ въ тѣни для просушки. Рога домашнихъ мараловъ цѣнятся ниже, чѣмъ дикихъ, и китайцы умѣютъ хорошо различать тѣ и другіе. Въ лекарство они употребляютъ собственно засохшую жидкость, содержимую молодыми рогами, и продаютъ ее на вѣсъ.

казачій поселокъ. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки Урыла, впадающей въ Бухтарму, немного выше устья. Къ западу отъ поселка простирается волнообразная равнина, испещренная пашнями, но высокое положеніе ея надъ уровнемъ моря (3,350 ф.) препятствуетъ нѣсколько успѣхамъ земледѣлія: весенніе и осенніе утренники нерѣдко вредятъ посѣвамъ. Къ югу отъ Урыльскаго поселка тянется тотъ-же Нарымскій хребетъ, возвышающійся противъ него высокимъ и крутымъ валомъ, поросшимъ на сѣверномъ склонѣ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Восточнѣе этого поселка онъ носитъ названіе Большаго Алтая, поднимается еще выше и въ немъ нерѣдко встрѣчаются пики съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ верхушками.

За Урыльскимъ поселкомъ дорога становится вьючною. Нарымскій хребетъ отдѣляетъ въ этомъ мѣстѣ на сѣверъ высокую и широкую отрасль Кокё-даба, заставляющую р. Бухтарму описать большую излучину къ сѣверу. По хордѣ этой излучины, имѣющей около 20 верстъ, пролегаетъ дорога, пересѣкающая помянутую вѣтвь. Горы ея очень круты, покрыты лѣсомъ и обильно орошены многими ручьями и маленькими рѣчками, по берегамъ которыхъ раскинуты густые заросли кустарниковъ: барбариса, жимолости, смородины и малины.

Съ горъ Кокё-даба мы спустились въ долину Бухтармы, имѣющую около версты ширины. На югѣ эта долина замыкается Большимъ Алтаемъ, носящемъ въ этомъ мѣстѣ названіе Тау-тэкэ (козьи горы), такъ какъ на немъ водятся дикія козы. На уроч. Табаты, отстоящемъ отъ вѣтви Кокё-даба верстахъ въ 7-ми къ востоку, Большой Алтай опускается къ сѣверу пологимъ скатомъ, который, близь берега Бухтармы, обрывается почти отвѣсною каменною стѣною съ нависшими на ней гранитными отторженцами. Непривычный путешественникъ, проходя этимъ мѣстомъ по дорогѣ, пролегающей у самаго обрыва, не можетъ оставаться совершенно спокойнымъ, смотря на нависшія надъ нимъ глыбы и массивные отторженцы у ногъ своихъ, упавшіе съ высоты. Бухтарма, стѣсняемая съ юга и сѣвера горами, гремитъ въ своемъ каменистомъ, усѣянномъ валунами ложе, среди узкой долины, покрытой густымъ лѣсомъ. Кромѣ лиственницы, въ этомъ лѣсу ростутъ: пихта,

ель, береза и кустарники: жимолость, шиповникъ, барбарисъ, крыжовникъ, малина и смородина.

Въ 42 верстахъ отъ Урыльскаго поселка мы перешли на правый берегъ Бухтармы по легкому мосту, покоящемуся на свинкѣ. Быстрота теченія этой рѣки въ верховьяхъ весьма значительна: наблюдатель, ставшій лицомъ противъ теченія, легко замѣтитъ уклонъ, по которому стремится рѣка, вѣчно волнующаяся отъ необыкновенной быстроты и массивныхъ камней на днѣ. Не вдалекѣ отъ переправы дорога пролегаетъ по короткому, но очень трудному перевалу, черезъ косогоръ. Отъ этого перевала начинаются *каменныя болота.* Такъ называютъ топи въ лощинахъ, усѣянныя гранитными валунами и голышами и тянущіяся на нѣсколько сотъ саженей. Верблюды и лошади, проходя по такимъ мѣстамъ, ступаютъ съ камня на камень, ноги ихъ нерѣдко скользятъ и они вязнутъ чуть не до колѣнъ. Впрочемъ, въ сухое лѣто многія изъ этихъ болотъ не представляютъ большихъ затрудненій для движенія, въ особенности на верблюдахъ, ступни которыхъ, какъ извѣстно, отличаются значительной шириной. Во время нашего путешествія по этимъ болотамъ большая часть ихъ подсохла и мы почти безпрепятственно переходили чрезъ нихъ.

Въ 12 верстахъ отъ переправы черезъ Бухтарму, мы пересѣкли ея правый притокъ Чиндагатуй тоже по мосту. Эта рѣка получаетъ начало изъ Бухтарминскаго озера, отстоящаго въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ р. Бухтармы и имѣетъ слѣдовательно ничтожное протяженіе, представляя собою протокъ изъ этого озера. Съ лѣвой стороны она принимаетъ притокъ и изливается въ Бухтарму немного ниже моста. Въ Большомъ Алтаѣ, верстахъ въ 12 отъ устья Чиндагатуя, находится снѣжная группа Айгарыкъ, а къ востоку и западу отъ нея рядъ вершинъ, покрытыхъ снѣжными пятнами.

По мѣрѣ движенія на востокъ, отъ самой Алтайской станицы мы поднимались все выше и выше и въ 20 верстахъ за Чиндагатуемъ достигли верхней границы хвойныхъ деревьевъ, находящейся на высотѣ около 7,500 фут. надъ моремъ. Въ этомъ мѣстѣ дорога поднимается на высокій, но отлогій перевалъ Укокъ, на западномъ склонѣ котораго растутъ низкорослые, но вѣтвистые

кедры, выше ихъ можжевельникъ, уступающій еще выше свое мѣсто приземистой, полярной березѣ (Betula nana). Близь вершины перевала, имѣющаго 7,920 фут. высоты, исчезла и береза. Взойдя на плоскую вершину этого перевала, мы очутились въ пустынной, полярной землѣ, усѣянной небольшими озерами. По сторонамъ дороги не видно было ни цвѣтковыхъ растеній, ни птицъ на сосѣднихъ озерахъ и не слышалось ни одного звука. Къ югу верстахъ въ 15-ти отъ вершины перевала возвышаются высокія альпы Канасъ съ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Онѣ даютъ начало Бухтармѣ, образующейся изъ нѣсколькихъ широкихъ горныхъ потоковъ, сбѣгающихъ съ горъ по крутымъ лощинамъ. Съ вершины перевала эти потоки казались серебристыми лентами, спускавшимися съ высотъ по весьма значительнымъ уклонамъ. На восточномъ весьма пологомъ склонѣ перевала виднѣлись также озера, изъ которыхъ одно, лежащее поблизости дороги, имѣетъ около 4 верстъ въ окружности, а другое верстахъ въ 2-хъ отъ нея къ сѣверу,—болѣе 6. Изъ этого послѣдняго вытекаетъ маленькая рѣчка Укокъ—лѣвый притокъ быстрой и многоводной Алахи. Спустившись очень немного по восточному склону перевала, мы остановились на высокомъ плоскогорьѣ на ночлегъ, близь рѣчки Алахи. Эта рѣка образуется изъ двухъ горныхъ потоковъ, называемыхъ Терсъ-акканами: одинъ беретъ начало въ горахъ Канасъ, близь истоковъ Бухтармы, а другой изъ снѣжныхъ горъ Табынъ-богдо, отстоящихъ верстахъ въ 20 къ востоку отъ группы Канасъ. По берегамъ Алахи и въ окрестностяхъ разсѣяно множество малыхъ озеръ, частью замкнутыхъ, частью соединенныхъ между собою и съ рѣчкою протоками. На Алахѣ и прибрежныхъ озеркахъ мы встрѣтили стаи плавающихъ и голѣнастыхъ птицъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько полярныхъ видовъ, находившихся тамъ, судя по времени года, на лѣтнемъ пребываніи.

Утромъ мы не безъ труда переправились черезъ многоводную Алаху, не смотря на невысокую воду. Весною въ половодіе переправа черезъ нее бываетъ очень затруднительна и даже опасна. Парома на ней нѣтъ и переѣздъ черезъ рѣчку совершается всегда въ бродъ. Къ востоку отъ Алахи мы пересѣкли плоскую, волнистую гряду, тянущуюся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Она

усѣяна многими малыми озерами, лежащими въ чашеобразныхъ впадинахъ и отличающихся, повидимому, необыкновенной глубиной. Всѣ изъ встрѣтившихся намъ на этой грядѣ озеръ были замкнутыя и имѣли отъ 200 до 400 сажень въ окружности. Въ водѣ, около береговъ, торчатъ массивные камни темнаго цвѣта, отъ которыхъ невозможно было отбить образцовъ. На озерахъ видны были плавающія и голѣнастыя птицы, но рыбъ и молюсковъ мы не замѣчали въ нихъ. Глубина отъ береговъ возрастаетъ очень быстро, а мѣстами у самаго берега начинаются пучины. Эти озера напоминаютъ *маары* и обязаны своимъ происхожденіемъ, по всей вѣроятности, проваламъ. Въ 1879 году въ горной странѣ Хангая, въ Центральной Монголіи, мы, въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, встрѣтили озера, подобныя описаннымъ, и, на берегу одного изъ нихъ, нашли кусокъ лавоваго шлака, но валовъ вокругъ нихъ изъ туфа и другихъ вулканическихъ продуктовъ, характеризующихъ многіе маары,—нигдѣ не замѣчали.

Помянутая гряда, усѣянная малыми озерами, имѣетъ около 8 верстъ ширины, и мы на ней насчитали на этомъ протяженіи около 10 озеръ только по близости дороги. Перейдя эту гряду, мы спустились немного на обширную болотисто-солонцеватую равнину Калгуты. Въ западной части ея находится группа прѣсныхъ, соединенныхъ озеръ, называемая Джаръ-куль. На берегу наибольшаго изъ нихъ, около 4 верстъ въ окружности, мы ночевали и ловили въ вытекающей изъ него рѣчкѣ ускучей и харіусовъ—единственныхъ почти породъ рыбъ, живущихъ въ горныхъ рѣчкахъ Алтая. На озерѣ и сосѣднихъ ему малыхъ озеркахъ было много плавающихъ и голѣнастыхъ птицъ, въ числѣ которыхъ опять замѣчено было нѣсколько полярныхъ видовъ.

Урочище Калгуты, покрытое хорошей травой и богатое солончаками, представляетъ прекрасную пастбищную землю. Незадолго до нашего прибытія на ней стояло много киргизовъ, укочевавшихъ въ китайскіе предѣлы. Не смотря на весьма значительную высоту этой мѣстности и вслѣдствіе того сильные холода на ней зимою, киргизы кочуютъ на уроч. Калгуты не только лѣтомъ, но имѣютъ тамъ и зимнія стойбища. Снѣга на этой открытой нагорной равнинѣ выпадаетъ немного, да и тотъ скоро разносится

вѣтрами, такъ что киргизскія стада и среди зимы легко находятъ на ней пищу. Перевалъ Укокъ, лежащій еще выше уроч. Калгуты и открытый почти со всѣхъ сторонъ, зимою точно также большею частью свободенъ отъ снѣга и на немъ могутъ свободно пастись въ это время года стада.

Верстахъ въ 15 къ юго-востоку отъ уроч. Калгуты возвышаются снѣжныя горы Табынъ-богдо (пять святыхъ), образующія мощную группу, связанную съ горами Канасъ промежуточными высотами. Высшіе пики горъ Канасъ поднимаются, по всей вѣроятности, не менѣе 10,500 фут. надъ моремъ, Табынъ-же богдо до 11,000. Высота же снѣжной линіи на нихъ, по приблизительной оцѣнкѣ, должна быть близка къ 10,000 футовъ. Обѣ эти соединенныя группы представляютъ горный узелъ, отъ котораго расходятся первоклассные лучи Алтая: на западъ Большой Алтай съ крутымъ сѣвернымъ и отлогимъ южнымъ склономъ; его западное продолженіе—Нарымскій хребетъ отличается такимъ же характеромъ; на сѣверо-востокъ плоскій пограничный хребетъ Сайлюгэмъ; на юго-востокъ Ю. Алтай, отдѣляющійся двумя хребтами, изъ которыхъ одинъ отходитъ отъ группы Канасъ, а другой отъ Табынъ-богдо. Эта длинная горная цѣпь тянется на юго-востокъ на протяженіи почти 2,000 верстъ. На сѣверо-западъ отъ того же узла отдѣляется плоское поднятіе Укокъ, сочленяющееся, какъ нужно полагать, съ Катунскимъ хребтомъ Внутренняго Алтая, содержащимъ извѣстную снѣжную гору Бѣлуху и рядъ второстепенныхъ бѣлковъ.

Въ Большомъ Алтаѣ и его западномъ продолженіи—Нарымскомъ хребтѣ существуютъ слѣдующіе перевалы: 1) *Сарымъ-сакты*—противъ Алтайской станицы—весьма каменистый и затруднительный даже для вьючныхъ лошадей. Между камнями часто встрѣчаются топи, но крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ. Высшее мѣсто только два мѣсяца (іюнь и іюль) свободно отъ снѣга. Съ сѣвера подымаются на перевалъ по рѣчкѣ Сарымъ-сакты, а спускаются по рѣчкѣ того же названія въ долину р. Курчума. Далѣе по рѣчкѣ Теректы переваливаютъ безъ затрудненій горы Сары-тау и спускаются къ озеру Марка-куль. 2) *Байберды*—верстахъ въ 20 къ востоку отъ перваго. Съ сѣвера крутой верстъ въ 8 подъемъ,

потомъ слѣдуютъ семь переваловъ (джиты кезень) некрутыхъ, но скользкихъ въ дождливое время. Перевалъ ведетъ къ верховьямъ рѣчки Чумека, по которой дорога и направляется къ озеру Марка-куль. Этотъ перевалъ доступенъ и для верблюдовъ съ легкими вьюками. 3) *Бурхатъ*—верстахъ въ 8 восточнѣе Байберды, противъ уроч. Чингизтай, на р. Бухтармѣ. Подъемъ съ сѣвера очень крутъ и для вьючныхъ верблюдовъ затруднителенъ. Спускъ же отлогій и выводитъ на рѣчку Джаманъ-кабу (Сорву). 4) *Баканасъ*—противъ Урыльскаго поселка—съ крайне крутымъ подъемомъ съ сѣвера, на которомъ, впрочемъ, встрѣчаются площадки, гдѣ вьючныя животныя могутъ отдыхать. Спускъ къ югу, какъ и у предыдущихъ переваловъ, отлогій. 5) *Тау-низкэлэ*, въ 25 верстахъ восточнѣе Баканаса, съ весьма крутымъ и каменистымъ подъемомъ съ сѣвера, считается доступнымъ только для лошадей съ легкими вьюками. 6) *Куртэ*—въ 15 верстахъ къ востоку отъ предыдущаго, противъ уроч. Арчаты (зимовка Уркунчи). Этотъ перевалъ крутъ, каменистъ и неудобенъ даже для лошадей съ легкими вьюками, и 7) *Канасъ*—въ верховьяхъ р. Бухтармы—трудно доступенъ и для легко навьюченныхъ лошадей.

Съ ночлега на уроч. Калгуты мы шли около 10 верстъ по болотисто-солонцеватой равнинѣ, покрытой малыми озерками и прорѣзанной протоками, потомъ вступили на твердую, хрящеватую равнину, орошаемую маленькою рѣчкою Калгуты и направились вверхъ по ней къ юго-востоку. Эта рѣчка, вытекающая изъ пограничнаго хребта Сайлюгэма, изливается съ правой стороны въ Алаху верстахъ въ 10 ниже озерной группы Джаръ-куль. Въ 22 верстахъ отъ ночлега дорога входитъ въ неширокую горную долину, орошаемую верхнею Калгуты, въ которой мы остановились на ночлегъ на большой высотѣ. Въ ночь съ 14 на 15 августа земля покрылась инеемъ, а вода въ заливахъ рѣчки тонкимъ слоемъ льда. Въ этомъ мѣстѣ мы оставили рѣку Калгуты, текущую въ верховьяхъ съ сѣверо-востока на юго-западъ въ горахъ, и начали постепенно подниматься на плоскій пограничный хребетъ Сайлюгэмъ по весьма пологому перевалу Уланъ-даба. Безъ всякаго затрудненія достигли мы вершины этого перевала, поднимающейся на 8,620 фут. надъ моремъ. Флора высшихъ мѣстъ перевала Уланъ-

даба отличается, какъ и на у Укокѣ, полярнымъ характеромъ. Спускъ съ этого перевала, подобно подъёму, весьма пологій и пролегаетъ по долинѣ рѣчки Ойгора, получающей начало близь водораздѣла. Тутъ встрѣтили мы опять нѣсколько малыхъ озеръ и ручьевъ, обильно орошающихъ южный склонъ перевала. Долина Ойгора направляется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, постепенно расширяясь, и ограничена высокими горами. На нихъ живетъ много горныхъ барановъ, черепа которыхъ часто встрѣчались въ долинѣ. Въ предшествующія суровыя и снѣжныя зимы, по разсказамъ жителей, погибло отъ безкормицы множество этихъ животныхъ, а остававшіяся въ живыхъ, но сильно изнуренныя голодомъ,—становились добычею волковъ.

Спустившись верстъ 20 съ хребта, мы остановились на берегу рѣчки Ойгора дневать. По близости нашего лагеря стоялъ китайскій пикетъ подъ начальствомъ офицера, который былъ у насъ въ гостяхъ. Офицеръ жаловался на страшную скуку, томившую его въ этомъ пустынномъ мѣстѣ и съ восторгомъ вспоминалъ о кипучей жизни Внутренняго Китая. Онъ уроженецъ провинціи Шань-си и провелъ на пикетѣ слишкомъ два года, отлучаясь изрѣдка на нѣсколько дней за необходимыми покупками въ г. Кобдо. Солдаты же пикета—монголы изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстностей. Мы узнали послѣ отъ мѣстныхъ жителей—урянхаевъ, что этотъ офицеръ занимался между прочимъ съ ними торговлей: покупалъ въ Кобдо чай, металлическія издѣлія, табакъ и ткани, а потомъ промѣнивалъ всё это урянхаямъ на пушнину и маральи рога. Шедшій вмѣстѣ съ нами изъ Алтайской станицы въ Кобдо съ товаромъ устькаменогорскій купецъ, г. Вильдановъ, продалъ ему коечто изъ своего каравана.

Въ той-же долинѣ верхняго Ойгора, но верстъ пять выше пикета, стоялъ лагеремъ прикащикъ бійскаго купца, г. Васильева, торговавшій съ урянхаями. Въ теченіи пяти лѣтъ онъ ежегодно пріѣзжаетъ на это мѣсто изъ Бійска съ товаромъ и торгуетъ до наступленія зимы.

Часть товара продаетъ на мѣстѣ, въ лагерѣ, гдѣ у него складъ, а другую наибольшую развозитъ по кочевьямъ урянхаевъ, посѣщая каждое лѣто высокія горныя области Ю. Алтая, въ которыхъ

кочуетъ этотъ народъ. Больше всего онъ продавалъ урянхаимъ *капкановъ*, или *ловушекъ*, какъ называютъ эти снаряды наши купцы, торгующіе въ Монголіи, затѣмъ юфть, металлическія издѣлія и ткани. Взамѣнъ этихъ предметовъ получалъ отъ урянхаевъ сурочьи шкуры, лисицъ, куницъ, немного соболей и маральи рога. Китайцы изъ г. Кобдо, по свидѣтельству этого приказчика, имѣютъ нѣсколько торговыхъ лагерей въ глубинѣ урянхайской земли и вымѣниваютъ отъ туземцевъ на кирпичный чай, желѣзныя издѣлія и ткани,—лучшіе мѣха и маральи рога.

Отъ приказчика купца Васильева, бывавшаго во многихъ мѣстностяхъ земли алтайскихъ урянхаевъ, мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой странѣ и населяющемъ ее народѣ. Урянхаи занимаютъ горную страну въ Ю. Алтаѣ отъ альпъ Канасъ и Табынъ-богдо на сѣверо-западѣ до р. Булгуна на юго-востокѣ. Они принадлежатъ къ монгольскому племени и говорятъ нарѣчіемъ монгольскаго языка; кочуютъ разсѣянно, скотомъ не богаты, но за то усердно охотятся за звѣрями, въ особенности за сурками, мясо которыхъ ѣдятъ, а шкурки продаютъ нашимъ купцамъ. Въ ихъ странѣ водится наиболѣе цѣнный сурокъ, называемый нашими торговцами „черным“, за шкурку котораго платится на мѣстѣ 25 коп., тогда какъ шкурка обыкновеннаго или „бѣлаго“ сурка цѣнится около 6 коп. Хлѣбопашествомъ урянхаи не занимаются. Они раздѣляются на 6 волостей, управляемыхъ зайсангами, а управленіе всѣми волостями сосредоточено въ рукахъ урянхайскаго князя, утверждаемаго въ своей должности Кобдинскимъ амбанемъ. Урянхаи занимаются барантою (захватомъ скота), а потому не пользуются доброй славой у сосѣднихъ монгольскихъ народностей, у которыхъ ея не существуетъ.

Долина Ойгора покрыта мѣстами малыми озерками, изъ которыхъ большинство сообщается съ рѣчкою протоками. Въ Ойгорѣ живетъ много рыбы: харіусовъ и ускучей. Плавающія и голенастыя птицы на этой рѣчкѣ и сосѣднихъ озерахъ водятся также въ большомъ количествѣ, въ особенности гуси и утки, которыхъ мы встрѣчали тутъ большими стадами. Окрестныя горы, окаймляющія долину съ сѣверо-востока и юго-запада, почти безлѣсны: на нихъ лишь кое-гдѣ разбросаны небольшія рощи лиственницы, растущія

въ закрытыхъ съ юга лощинахъ, да и то только въ верхнемъ и среднемъ теченіи рѣчки, а далѣе къ юго-востоку на окрайнихъ горахъ лѣса вовсе нѣтъ. Въ самой долинѣ, кромѣ немногихъ кустарниковъ, встрѣчающихся кое-гдѣ, нѣтъ никакой древесной растительности. Травянистая растительность этой страны, какъ въ горахъ, такъ и въ долинахъ, не отличается ни разнообразіемъ видовъ, ни пышностію самыхъ растеній и сравнительно съ роскошной флорой Внутренняго Алтая, не далѣе какъ въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ пограничнаго хребта Сайлюгэма, кажется скудною. Причину такого поразительнаго контраста во флорѣ этихъ смежныхъ растительныхъ областей нужно искать, безъ сомнѣнія, въ недостаткѣ влаги, приносимой въ сѣверо-западный уголъ Монголіи. Съ сѣвера и запада эта страна защищена высокими горами Внутренняго Алтая, пограничнаго хребта Сайлюгэма и Южнаго Алтая, а потому водяные пары, гонимые въ нее почти исключительно западными и сѣверо-западными вѣтрами, задерживаются помянутыми горами; въ сѣверо-западный же уголъ Монголіи достигаетъ лишь незначительное количество осадковъ, расходуемыхъ воздушными теченіями большею частію на пути черезъ высочайшія горныя области Алтая. Вслѣдствіе того флора этой страны, не смотря на ея значительную абсолютную высоту, разнообразный рельефъ, и присутствіе въ ней мѣстами весьма высокихъ горъ, далеко не отличается такимъ богатствомъ, какъ во Внутреннемъ Алтаѣ.

Верстахъ въ 40 отъ перевала Уланъ-даба долина Ойгора съуживается на протяженіи около 8 верстъ, потомъ значительно расширяется и принимаетъ степной характеръ, а рѣчка Ойгоръ получаетъ ниже тѣснины названіе Суока и течетъ подъ этимъ названіемъ среди степной долины въ р. Кобдо. Въ 70 верстахъ отъ помянутаго перевала дорога оставляетъ рѣчку Суокъ вправо и направляется по восточной окраинѣ ея долины, окаймленной съ этой стороны волнистымъ плоскогорьемъ, которое обрывается къ долинѣ довольно крутымъ и высокимъ склономъ. Лѣвая окраина долины представляетъ сухую, щебневатую землю, на которой мы встрѣчали стада антилопъ, убѣгавшихъ при нашемъ приближеніи на плоскогорье. Пройдя по этой сухой степи верстъ 25, мы приблизились

къ Суоку, подходящему въ этомъ мѣстѣ къ восточному краю своей широкой долины и остановились ночевать на солонцеватой мѣстности съ обширными зарослями злака, называемаго монголами дэрису (Lasiagrostis). Тутъ въ первый разъ встрѣтили мы монгольскихъ зайцевъ (Lepus tolai) и пустынниковъ (Sirrhaptes paradoxus). Далѣе дорога опять удаляется отъ рѣчки, продолжая идти по лѣвой окраинѣ ея долины. Верстахъ въ 5 отъ ночлежнаго пункта мы миновали солоноватое озеро Белеу, около двухъ верстъ въ окружности и 150 саженей ширины. На немъ плавало множество утокъ, нѣсколько стай гусей и лебеди. Плоскіе берега озера покрыты въ восточной части узкой каймой тростника. Оно, сколько мы могли замѣтить, не имѣетъ притоковъ и не сообщается съ рѣчкою Суокъ.

Съ озера Белеу прошли верстъ 5 по той же степной долинѣ, пересѣкли глубокій съ весьма крутыми берегами оврагъ, потомъ свернули изъ долины въ холмы изъ мергеля. Пройдя по этимъ холмамъ верстъ 15, спустились въ широкую степную долину Эльдеге. Эта пустынная долина тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ до береговъ р. Кобдо и имѣетъ твердую, хрящеватую почву, покрытую весьма скудною растительностью. Съ юго-востока и сѣверо-запада она окаймлена невысокими пустынными горами и, по отсутствію воды, необитаема, по крайней мѣрѣ, въ лѣтнее время. Мы прошли по ней болѣе 20 верстъ и сдѣлавъ въ этотъ день утомительный, 45 верстный переходъ, достигли р. Кобдо уже поздно вечеромъ.

Кобдо, послѣ Селенги и верхняго Енисея, первая по величинѣ рѣка Монголіи. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ неё переправлялись, она имѣла около 40 сажень ширины и весьма значительную быстроту, не смотря на низкую воду. Эта рѣка переходима въ бродъ только въ концѣ лѣта и осенью, а при высокомъ стояніи воды переправа черезъ неё совершается на маленькомъ паромѣ, состоящемъ изъ двухъ соединенныхъ душегубокъ съ помостомъ. На этомъ утломъ суднѣ перевозятъ людей и тяжести, верблюдовъ же и лошадей пускаютъ вплавь. Переправа производится очень медленно и нерѣдко сопровождается гибелью гонимыхъ вплавь животныхъ, благодаря необыкновенной

быстротѣ рѣки и увеличенію въ половодіе ея ширины до версты[1]).

Кобдо, по свидѣтельству прикащика г. Васильева и спрошенныхъ нами урянхаевъ, получаетъ начало изъ весьма высокихъ, снѣжныхъ горъ Ю. Алтая и составляется изъ многихъ рѣчекъ, сбѣгающихъ отъ ледниковъ. Въ верховьяхъ рѣка образуетъ два озера, лежащія въ одной верстѣ одно отъ другаго и имѣющія по 6-ти верстъ длины и около 300 саженъ ширины. Ниже этихъ горныхъ озеръ Кобдо принимаетъ въ себя слѣва многоводный притокъ Чаганъ-голъ, увеличивающій въ значительной степени массу несомой ею воды; еще ниже въ Кобдо съ лѣвой стороны изливается Суокъ, а съ правой многоводная рѣчка Саксай, далѣе въ нее съ той-же стороны текутъ рѣчки: Хату, Уха, Хонуръ-уленъ и Хашату. Отъ мѣста переправы на уроч. Эльдеге Кобдо течетъ нѣсколько верстъ къ юго-востоку, потомъ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и описываетъ большую излучину, въ вершинѣ которой въ нее изливается съ сѣвера протокъ изъ оз. Ачитъ-нора, а въ 50 верстахъ ниже его съ той же стороны рѣчка Шывыртай. Отъ устья протока Кобдо поворачиваетъ на юго-востокъ и впадаетъ въ обширное прѣсное озеро Хара-усу. Область верхней Кобдо отличается дикимъ горнымъ характеромъ, весьма значительной абсолютной высотой и заключаетъ въ себѣ въ верховьяхъ р. Кобдо высочайшія горы этой части Ю. Алтая, превосходящія, по словамъ очевидцевъ, высотою снѣжную группу Табынъ-богдо. Въ верховьяхъ рѣки, ниже образуемыхъ ею озеръ, растетъ лиственница, а въ средней и нижней части берега ея покрыты тополемъ, таломъ, изрѣдка березою, тальникомъ и другими кустарниками.

Не смотря на невысокую воду, мы не безъ труда переправились въ бродъ черезъ р. Кобдо. Въ особенности затруднительна была переправа барановъ, которыхъ мы гнали съ собою около 20

---

[1]) Бійскіе купцы, торгующіе въ г. Кобдо, затрудняясь этою переправою, на которой, помимо неудобствъ во время высокой воды, имъ приходится за перевозку тяжестей черезъ рѣку на паромѣ платить еще деньги, хотѣли завести собственный паромъ на р. Кобдо. Лиственничный лѣсъ для постройки парома они предполагали сплавить изъ верховьевъ этой рѣки, гдѣ онъ растётъ въ изобиліи. Но Кобдинскій амбань, не смотря на неоднократныя просьбы купцовъ, не разрѣшилъ имъ содержаніе собственнаго парома.

головъ. Изъ нихъ только нѣсколько штукъ переплыли рѣку свободно, а остальныхъ пришлось тянуть верховымъ на арканахъ.

Переправившись на правый берегъ, мы прошли верстъ 5 по долинѣ Кобдо, покрытой въ этой мѣстности хорошей травой, изрѣдка малыми озерками и зарослями кустарниковъ. Потомъ оставили долину въ лѣвой сторонѣ и пройдя около 12 верстъ по сухой, каменистой степи, вышли на р. Хату, впадающую въ Кобдо справа. Она течетъ въ широкой горной долинѣ, покрытой тополемъ, таломъ, тальникомъ и другими кустарниками. По берегамъ рѣчки и по близости ихъ лежатъ обширныя стлани кругляковъ и гальки, нанесенныхъ рѣкой во время разлитія. Мѣстами нѣсколько десятковъ саженей приходилось идти по сплошнымъ каменнымъ мостамъ изъ голышей и гальки. Не смотря на это, между камнями, благодаря присутствію влаги, растутъ деревья и густыя заросли кустарниковъ, въ которыхъ мы встрѣчали множество выводковъ сѣрыхъ куропатокъ (Perdix barbata), а по близости скалистыхъ утесовъ долины поминутно попадались тоже выводки каменныхъ куропатокъ (Cacabis chukar). Къ верховьямъ рѣчки долина Хату, какъ видно было съ высотъ, постепенно съуживается и вдали на югѣ переходитъ въ ущелье, но лиственный лѣсъ сопровождаетъ рѣчку на всемъ видимомъ пространствѣ. По направленію къ верховьямъ Хату верстахъ въ 60 виднѣлись высокія горы, покрытыя снѣжными пятнами.

Пройдя по долинѣ Хату версты три, мы остановились на правой ея окраинѣ, у ручейка на ночлегѣ. Близь сосѣднихъ скалъ съ мощными осыпями было такъ много каменныхъ куропатокъ, что ловкій на нихъ охотникъ могъ бы въ теченіи часа настрѣлять до полусотни. Выводки съ заботливыми матерями во главѣ спускались одинъ за другимъ изъ осыпей къ ручейку и, напившись изъ него, возвращались обратно въ камни.

Изъ долины рѣчки Хату дорога поворачиваетъ въ пологія горы, на вершинахъ и склонахъ которыхъ залегаютъ глыбы сѣраго крупно-зернистаго гранита и, пройдя по нимъ около 20 верстъ, подымается постепенно на перевалъ Ухынъ-даба. Съ этого перевала видны на юго-востокѣ снѣжныя горы Гурбанъ-цасату. Спускъ съ него, въ противоположность подъему, крутой и ведетъ въ долину

рѣчки Уха, на которой мы въ тотъ день ночевали. Въ долинѣ стояло много монголовъ—олётъ встрѣтившихъ насъ весьма дружелюбно. До поздняго вечера юрты наши были полны гостями, пріѣзжавшими и отъѣзжавшими верхами на лошадяхъ, не смотря на то, что стойбища ихъ отстояли отъ нашего лагеря не далѣе полуверсты. На нѣкоторыхъ лошадяхъ помѣщалось для такого короткаго переѣзда по два всадника.

Рѣчка Уха впадаетъ съ правой стороны въ Кобдо, верстахъ въ 30 къ сѣверо-востоку отъ мѣста нашей стоянки на ней. Долина ея, имѣющая отъ 5 до 8 верстъ ширины, кромѣ рѣчки, орошена многими источниками, и покрыта мѣстами весьма хорошей травой. На другой день мы отправились вверхъ по этой долинѣ. Верстахъ въ 12 отъ ночлежнаго мѣста она значительно съуживается и переходитъ въ болотистую землю, обильно орошенную ручьями, образующимися изъ родниковъ. Уха, вытекающая изъ горъ влѣво отъ дороги, собираетъ въ себя эти ручьи, и изъ ничтожнаго потока нѣсколько верстъ ниже этой болотистой мѣстности становится многоводной рѣчкой. Изъ болотистой долины верхней Ухи, замыкаемой на юго-востокѣ холмами, мы вступили въ эти послѣдніе и, пройдя по нимъ около 5 верстъ, достигли плоской междугорной котловины Алтанъ-чечей (золотая чаша). Она имѣетъ около 8 верстъ длины, до 2 верстъ ширины и поднимается надъ уровнемъ моря на 7,570 футовъ. Среди котловины лежитъ въ чашевидномъ углубленіи маленькое озерко, на берегу котораго находится китайскій почтовый пикетъ. Къ востоку отъ этого озерка, верстахъ въ 5, возвышается снѣжная группа Гурбанъ-цасату (три снѣжныхъ), заключающаяся въ высокомъ хребтѣ, окаймляющемъ котловину съ юго-восточной стороны. Въ ночь съ 24-го на 25-е августа окрестныя горы и котловина покрылись снѣгомъ, вершка въ три толщиною, но къ вечеру 25-го его не стало.

Передневавъ въ котловинѣ Алтанъ-чечей, мы направились къ юго-востоку и пройдя верстъ 5, поднялись постепенно на перевалъ Хонуръ-уленъ, при спускѣ съ котораго перешли рѣчку того же названія, впадающую съ правой стороны въ Кобдо. Потомъ вступили въ невысокіе холмы и шли по нимъ версты 4. Изъ холмовъ спустились въ широкую степную долину, покатую къ юго-востоку.

Въ ней паслись стада антилопъ, за которыми охотились наши казаки и убили одну. Въ концѣ перехода долина значительно съуживается и упирается почти подъ прямымъ угломъ въ узкую же долину рѣчки Хашату, на которой мы ночевали. Невысокіе обрывы этой долины состоятъ изъ чрезвычайно мощныхъ пластовъ глинистаго сланца съ прослойками сланцеватаго гипса. Сланецъ смѣщенъ и прорванъ сѣрымъ гнейсомъ. Рѣчка Хашату получаетъ начало изъ сосѣднихъ горъ и впадаетъ съ правой стороны въ Кобдо. Мы прошли внизъ по ней около 10 верстъ и, у россыпей скалистыхъ береговъ ея долины, встрѣчали множество выводковъ каменныхъ куропатокъ.

Оставивъ рѣчку, мы поднялись на плоскогорье, миновали небольшое (версты 2 въ окружности) озеро, лежащее въ весьма плоскомъ углубленіи, потомъ шли около 5 верстъ по скалистымъ холмамъ. По выходѣ изъ нихъ дорога пересѣкаетъ ручей и направляется по широкой долинѣ, въ которой мы ночевали у источника. Слѣдующій переходъ около 20 верстъ сдѣлали по скалистымъ холмамъ. Эти холмы состоятъ изъ глинистаго сланца, прорваннаго гранитомъ. Въ нихъ нерѣдко встрѣчаются гольцы, состоящіе частью изъ гранита, частью изъ смѣщеннаго имъ сланца, при чемъ обѣ породы такъ плотно смыкаются, что съ перваго взгляда голецъ представляетъ собою какъ бы однородное цѣлое.

Послѣднюю ночь на пути въ г. Кобдо мы провели на берегу озера, имѣющаго около 2 верстъ въ окружности. Оно содержитъ солоноватую воду и, посрединѣ, довольно глубоко. На западномъ берегу находятся родники, изъ которыхъ проходящіе караваны пользуются водой, такъ какъ озерная вода не совсѣмъ хороша. Прибывъ на это мѣсто около полудня, мы много разъ закидывали въ немъ неводокъ, но не поймали ничего, а потому и рѣшили, что рыбы въ немъ нѣтъ. Между тѣмъ, передъ закатомъ солнца, при совершенно тихой погодѣ на срединѣ озера, около низменнаго острова съ тростникомъ, ясно замѣтна была игра живущихъ въ немъ рыбъ. Мы стали опять бросать неводокъ и такъ далеко, что лошадь верховаго, тянувшаго внѣшнее крыло, всплывала. Но несмотря на всѣ старанія, не могли добыть изъ этого загадочнаго озера ни единой рыбки. Нужно полагать, что рыба въ немъ,

живетъ только посрединѣ, а къ берегамъ, у которыхъ вода солоновата, вовсе не заходитъ.

Страна, на пространствѣ отъ государственной границы почти до самаго г. Кобдо, отличается вполнѣ горнымъ характеромъ. Эти горы, исключая отроговъ Сайлюгэма, наполняющихъ мѣстность къ сѣверо-востоку отъ Суока и къ сѣверу отъ средней Кобдо,—принадлежатъ къ системѣ Ю. Алтая, который отдѣляетъ отъ себя въ сѣверо-восточномъ направленіи мощныя вѣтви. Одну изъ нихъ мы пересѣкли по перевалу Ухынъ-даба между рѣчками Хату и Уха, а другую, болѣе высокую, по перевалу Хонуръ-уленъ. Эта послѣдняя содержитъ въ себѣ помянутую снѣжную группу Гурбанъ-цасату, вершины которой поднимаются не менѣе 11,000 фут. надъ моремъ. Затѣмъ всѣ остальные кряжи на пути отъ р. Кобдо къ городу того же названія представляютъ собою отрасли означенныхъ вѣтвей.

Описываемыя горы Ю. Алтая состоятъ главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца и гранитовъ, прорвавшихъ этотъ сланецъ и образующихъ мѣстами цѣлые кряжи, какъ наприм. между рѣчками Хату и Уха, мѣстами менѣе обширные массивы и, наконецъ, незначительные сопки и гольцы, встрѣчающіеся въ скалистыхъ холмахъ, что между рѣчкою Хашату и г. Кобдо. Ядро горъ состоитъ, по всей вѣроятности, изъ гранитовъ, мѣсторожденія которыхъ чуть не повсемѣстно обнаруживаются выходами этой кристаллической породы. На перевалѣ Хонуръ-уленъ глинистый сланецъ прорѣзанъ кварцевыми жилами, равно какъ и въ холмахъ къ юго-востоку отъ него.

Въ долинѣ рѣчки Хашату обнажаются мощные пласты глинистаго сланца, о которыхъ уже было упомянуто; къ юго-востоку отъ этой рѣчки до долины р. Буянту почти повсюду развитъ глинистый сланецъ, прорванный гранитомъ, образующемъ среди сланца незначительныя высоты и ничтожные гольцы[1]).

Съ озера мы направились по скалистымъ холмамъ, состоящимъ изъ сланца, приподнятаго и прорваннаго гранитомъ. Вдали на юго-востокѣ виднѣлись высокія горы Ю. Алтая,—Теректы, со снѣж-

[1]) Въ горахъ, окаймляющихъ долину р. Суока развитъ порфиритъ и фельзитовый туфъ, а въ холмахъ на пространствѣ отъ оз. Белеу до р. Кобдо—мергель.

ными пятнами на вершинахъ. Вскорѣ показалась на юго-востокѣ обширная долина р. Буянту съ г. Кобдо. Спустившись въ нее, мы миновали кумирню, потомъ переправились черезъ мелкую, но быструю р. Буянту, и прибыли около полудня въ городъ.

Городъ Кобдо расположенъ среди широкой долины рѣчки Буянту въ верстѣ отъ ея праваго берега. По своей чистотѣ онъ составляетъ рѣдкое исключеніе между китайскими городами, обыкновенно, грязными и зловонными въ лѣтнее время. По главной улицѣ, имѣющей около полуверсты длины и 25 сажень ширины, тянется аллея изъ высокихъ, тѣнистыхъ тополей, растущихъ по обѣимъ ея сторонамъ, а подъ ними струятся арыки. Противъ концевъ этой улицы, на противоположныхъ окраинахъ города, расположены двѣ цитадели, изъ которыхъ въ одной (сѣверной) помѣщаются: амбань, чиновники, присутственное мѣсто (ямынь) и пѣхота гарнизона, а другая, (южная),—занята конницею (изъ солонъ). Стѣны обѣихъ цитаделей возведены изъ необожженаго кирпича и имѣютъ около 15 фут. высоты. Толщина ихъ у основанія около 6 фут., а близь кроны, гдѣ бойницы, около 2 фут.

Въ городѣ считается не болѣе 60 домовъ изъ необожженаго кирпича съ дворами, обнесенными кирпичными-же оградами. Жителей въ Кобдо въ 1878 году было около 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ 400 солдатъ гарнизона. Главную массу собственно обывателей города составляютъ китайскіе торговцы, почти исключительно шансійцы, проживающіе въ немъ безъ семействъ. Они только по временамъ, да и то не всѣ, ѣздятъ на родину по дѣламъ и для свиданія съ родными. Затѣмъ въ Кобдо проживаетъ десятка два китайскихъ семействъ, переселившихся изъ Чжунгаріи еще въ началѣ дунганскаго возстанія. Онѣ занимаются мелочной торговлей, отчасти приготовленіемъ простой деревянной посуды для монголовъ, огородничествомъ и кузнечнымъ ремесломъ.

Вокругъ Кобдо разбросано нѣсколько десятковъ жалкихъ юртъ бѣдныхъ монголовъ, питающихся поденною работою въ городѣ и подачками зажиточныхъ китайцевъ за различныя услуги имъ.

часть этихъ бѣдняковъ находится въ постоянномъ услуженіи или, лучше сказать, кабалѣ у китайцевъ.

Наши купцы въ 1878 году торговали въ г. Кобдо въ 4-хъ лавкахъ. Сами они живутъ въ немъ только съ мая по ноябрь, да и то не всѣ, а на зиму оставляютъ вмѣсто себя прикащиковъ. Нанимаемыя ими у китайцевъ помѣщенія довольно просторны, но плохо приспособлены къ потребностямъ и привычкамъ русскаго человѣка. Жилыя постройки зимою очень холодны, хотя и согрѣваются желѣзными печами.

Хлѣбопашества по близости города нѣтъ, а воздѣлываются лишь маленькіе огороды на окраинахъ его. На западномъ берегу озера Хара-усу существуютъ казенныя пашни, обработываемыя монголами и солдатами Кобдинскаго гарнизона, но хлѣба съ нихъ собирается очень немного: его не достаетъ даже на продовольствіе этого гарнизона. Во время дунганскаго возстанія въ Чжунгаріи, хлѣбъ въ г. Кобдо привозили за 2000 верстъ изъ Куку-хото и потому цѣна на него въ то время стояла очень высокая, отъ 4-хъ до 6 рублей за пудъ пшеничной муки и проса. По умиротвореніи этой страны, его стали привозить изъ Баркуля и Гучена и цѣна на пудъ муки и проса упала до 2-хъ рублей.

Окрестности Кобдо совершенно безлѣсны. Топливомъ служитъ преимущественно кустарникъ, привозимый издалека и продающійся дорого. Въ послѣдніе годы стали доставлять въ городъ каменный уголь, добываемый верстахъ въ 100 къ юго-востоку отъ него, въ горахъ Цзунъ-хаирханъ. Водою горожане пользуются частью изъ колодцевъ, частью изъ арыковъ, выведенныхъ изъ рѣчки Буянту, которыми орошаются и городскіе огороды.

Торговля въ г. Кобдо не только у русскихъ, но и у китайцевъ, имѣющихъ въ немъ около 40 лавокъ, незначительна. Торговое значеніе этого города заключается главнымъ образомъ въ существованіи въ немъ нѣсколькихъ большихъ товарныхъ складовъ, принадлежащихъ богатымъ китайскимъ коммерческимъ компаніямъ. Часть товара изъ этихъ складовъ продается на мѣстѣ пріѣзжимъ монголамъ и мелкимъ китайскимъ торговцамъ, содержащимъ лавочки въ городѣ, но главная масса его сбывается внутри страны. Компаніи отправляютъ товаръ въ окрестныя страны съ прикащи-

ками, изъ которыхъ одни развозятъ его по кочевьямъ, другіе продаютъ въ лавкахъ, открытыхъ этими компаніями въ монастыряхъ, княжескихъ ставкахъ и вообще бойкихъ мѣстахъ с.-з. Монголіи.

Какъ въ самомъ городѣ, такъ и внутри страны торговля у китайцевъ и русскихъ почти исключительно мѣновая: серебра (въ кускахъ) въ обращеніи мало, а единственныя китайскія мелкія монеты чохи—въ Монголіи не ходятъ. Въ Кобдо вмѣсто мелкой монеты употребляются бумажные кушаки, которыми опоясываются монголы, а крупная монета замѣняется кирпичемъ чая, стоимостью около полутора нашихъ кредитныхъ рубля.

Осенью 1872 года г. Кобдо былъ разоренъ дунганами, пришедшими съ юга, изъ Баркуля. Въ то время гарнизонъ его состоялъ изъ 1000 слишкомъ солдатъ, число-же осаждавшихъ дунганъ было не болѣе 400 человѣкъ. Они подступили къ городу съ большимъ караваномъ захваченнаго на пути у монголовъ имущества. Съ ними было много женщинъ, остававшихся во время дѣйствія при обозѣ. Жители Кобдо, узнавъ о приближавшейся опасности, частью бѣжали изъ города, частью перебрались въ цитадель къ войскамъ и только немногіе не успѣли скрыться своевременно. Дунгане, по приближеніи къ городу, были встрѣчены ружейными выстрѣлами китайскихъ солдатъ, отступившихъ затѣмъ поспѣшно въ крѣпость. Инсургенты напали на городъ и стали грабить его, поджигая разграбленные дома. Китайцы, не успѣвшіе вовремя скрыться изъ него, были перебиты. Гарнизонъ, засѣвшій въ сѣверной цитадели, въ первое время бездѣйствовалъ. Вдоль главной улицы, впрочемъ, стрѣляли оттуда изъ пушекъ, но эти выстрѣлы не наносили никакого вреда дунганамъ, разсыпавшимся по домамъ, а на вылазку китайцы не отважились.

Ограбивъ городъ и истребивъ огнемъ большую часть домовъ, дунгане отошли отъ него версты на двѣ и расположились лагеремъ. Тогда только амбань, уступая настояніямъ офицеровъ гарнизона, рѣшился отрядить изъ него 500 человѣкъ на вылазку. Китайцы двинулись къ лагерю, но дунгане, сѣвъ на лошадей, атаковали наступающихъ съ фронта и фланговъ, обратили ихъ въ бѣгство и преслѣдовали до самыхъ крѣпостныхъ воротъ, при чемъ осажденные потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

На другой день дунгане оставили Кобдо. Такъ окончился этотъ постыдный для китайскихъ войскъ погромъ. Однако амбань, отрапортовавшій въ Пекинъ о мнимой побѣдѣ надъ инсургентами, получилъ награду. Наши купцы успѣли во время выбраться изъ Кобдо, но у братьевъ Гилевыхъ осталось много шерсти, сгорѣвшей отъ пожара.

Во время нашего пребыванія въ г. Кобдо у китайцевъ 30-го августа былъ большой праздникъ 15-е число (полнолуніе) VIII луны. Наканунѣ во всѣхъ домахъ дѣлались къ нему приготовленія: подбѣливали стѣны, мыли и чистили посуду, а на дворахъ пекли на пару маленькія круглыя булочки, раскрашивая ихъ потомъ красками. Утромъ, въ день праздника, началось пусканіе ракетъ, бросаніе петардъ и сжиганіе бураковъ, мельницъ и другихъ произведеній пиротехники, въ которой китайцы очень свѣдущи. По улицамъ цѣлый день расхаживали толпы съ пѣснями, а передъ трактиромъ на главной улицѣ, устроенномъ на подобіе буфета подъ навѣсомъ, постоянно тѣснился народъ, напѣвая пѣсни подъ акомпаниментъ музыки, помѣщавшейся тутъ же на тротуарѣ. Вечеромъ китайцы ходили въ сосѣднія горы, верстъ за 8, на поклоненіе восходящей лунѣ, а по возвращеніи оттуда пировали за полночь въ домахъ. Въ этотъ день мы не видѣли въ городѣ ни единаго пьянаго и не замѣчали не только дракъ, но даже простыхъ ссоръ между китайцами. На слѣдующее утро занятія горожанъ пошли обычнымъ порядкомъ, какъ будто наканунѣ не прерывались вовсе.

Черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ г. Кобдо караванъ бійскихъ купцовъ, съ которымъ намъ предстояло идти въ Куку-хото, былъ уже готовъ къ выступленію и мы, съ своей стороны, спѣшили окончить послѣднія приготовленія къ дальнѣйшему пути. Изъ 18-ти верблюдовъ 4-хъ, оказавшихся слабыми, промѣняли въ Кобдо на 2 сильныхъ и жирныхъ, поправили юрты, запаслись боченками для воды и наняли 2-хъ монголовъ въ погонщики. Въ проводники общему каравану былъ приглашенъ молодой китаецъ, родомъ изъ г. Куку-хото, желавшій побывать на родинѣ.

Бійскіе купцы въ 1878 году отправляли еще въ первый разъ караванъ въ Куку-хото и исключительно съ маральими рогами.

Они покупают рога на Алтаѣ отъ тамошнихъ кочевниковъ, бьющихъ ежегодно довольно много дикихъ мараловъ, а также у алтайскихъ крестьянъ-охотниковъ и мараловодовъ, отчасти и въ Монголіи у урянхаевъ и торгоутовъ. До 1878 года купцы сбывали эти рога китайцамъ въ Кобдо и Улясутаѣ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, сравнительно съ цѣнами въ Внутреннемъ Китаѣ. Поэтому они рѣшились отправить ихъ въ Куку-хото, гдѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, надѣялись продать несравненно дороже, чѣмъ въ Кобдо и въ Улясутаѣ. Другихъ товаровъ купцы съ этимъ караваномъ не посылали, такъ какъ имъ неизвѣстно еще было на какіе изъ нихъ существуетъ спросъ въ г. Куку-хото.

5-го сентября всѣ приготовленія были окончены и 6-го послѣ полудня мы оставили Кобдо.

ГЛАВА II.

ОТЪ Г. КОБДО ДО МОНАСТЫРЯ ГЭГЭНА НАРБАНЬЧЖИ.

Первыя 8 верстъ изъ г. Кобдо мы прошли по широкой долинѣ рѣчки Буянту, протекающей близь города, а потомъ вступили въ низкія горы, представляющія сѣверную широкую отрасль сосѣдняго невысокаго отрога Ю. Алтая, Баръ-чигиръ, простирающагося съ сѣверо-запада на юго-востокъ. За нимъ виднѣлись на югѣ болѣе высокіе отроги той же системы—Шывыръ и Шуди. Въ этихъ невысокихъ горахъ, служащихъ ступенью къ Ю. Алтаю, мы ночевали у колодца Цакиринъ-худукъ и на другой день, взойдя на высшее мѣсто поднятія, увидѣли оттуда озеро Хара̀-усу, разстилавшееся обширною, синеватою гладью на сѣверо-востокѣ. На сѣверо-западномъ берегу его, который едва можно было различать, возвышались небольшія горы, а на сѣверо-востокъ водная поверхность простиралась такъ далеко, какъ только могъ видѣть глазъ. Съ горъ мы спустились на твердую пустынную равнину и прошли по ней около 18 верстъ до самаго озера. На равнинѣ встрѣчались небольшіе гольцы изъ гранита и глинистаго сланца. Обѣ породы примыкаютъ такъ плотно одна къ другой, какъ будто спаяны. Такіе-же точно гольцы мы видѣли на послѣдней станціи, подходя къ г. Кобдо съ сѣверо-запада.

На южной оконечности озера Хара́-усу мы остановились на ночлегъ. Озеро вдается въ этомъ мѣстѣ въ материкъ широкою губою, поросшею большею частью высокимъ тростникомъ. Наши купцы, торгующіе въ г. Кобдо, говорили, что въ этой губѣ есть острова, на которыхъ зимуютъ монголы.

Озеро Хара́-усу имѣетъ приблизительно около 140 верстъ въ окружности и содержитъ воду прѣсную. О другомъ его названіи,—Иха-аралъ, подъ которымъ его прежде отмѣчали на картахъ, мы

спрашивали мѣстныхъ монголовъ, но они показывали, что такое названіе имъ неизвѣстно и что во всей окрестной странѣ его называютъ Хара̀-усу. Названіе Ихы-аралъ, заимствованное изъ китайскихъ источниковъ, принадлежитъ, по всей вѣроятности, отдаленному времени. Изъ рыбъ въ Хара̀-усу живутъ только, кажется, одни ускучи, а другихъ породъ нѣтъ; молюсковъ же мы не находили въ немъ. Озеро выпускаетъ изъ сѣверо-восточной части нѣсколько протоковъ, соединяющихся потомъ въ одинъ, называемый Чонъ-харихъ, между протоками лежатъ низменные, болотистые острова, покрытые тростникомъ. Чонъ-харихъ впадаетъ въ прѣсное озеро Хара̀-норъ, принимающее съ юго-востока, изъ озера Дурга-норъ, мало уступающаго Хара̀-усу по величинѣ,—другой протокъ и выпускаетъ въ свою очередь протокъ Татхэ-тэменъ въ р. Дзапхынъ.

На озерѣ Хара̀-усу живетъ масса водяныхъ и болотныхъ птицъ. Въ южной части во время нашего пребыванія гуси большими стаями паслись на солонцеватыхъ берегахъ и плавали около нихъ. При появленіи людей на берегу, они не улетали, а отходили въ сторону, желая, такъ сказать, очистить дорогу и, посмотрѣвъ нѣкоторое время со вниманіемъ на приближавшагося человѣка, вскорѣ успокоивались. Монголы, не употребляя вовсе въ пищу птицъ, никогда ихъ не трогаютъ, а потому пернатые обитатели Монголіи живутъ привольно въ этой странѣ. Къ монголамъ онѣ такъ привыкли, что путешественнику—европейцу стоитъ только переодѣться въ туземное платье и онъ навѣрно можетъ разсчитывать, что будетъ подпущенъ птицами гораздо ближе, чѣмъ въ своемъ національномъ костюмѣ.

Озеро Хара̀-усу питается главнымъ образомъ водами впадающей въ него р. Кобдо, потомъ рѣчками Буянту и Хара̀-усу. Послѣдняя, текущая съ юга, покрыта по берегамъ тростникомъ и приноситъ весьма немного воды въ озеро. О глубинѣ его мы ничего не могли узнать отъ мѣстныхъ монголовъ, которые никогда по немъ не плаваютъ. Южная часть озера, представляющая обширную губу, должна быть мелка: осматривая эту губу съ возвышеннаго мѣста на западномъ берегу, мы замѣтили, что большая часть ея покрыта высокимъ тростникомъ, среди котораго лишь

мѣстами виднѣлись пространства чистой воды, такъ что вся губа имѣла оттого пятнистый видъ,—именно желтыя пятна островов и сплошныхъ насажденій тростника чередовались съ синевато-бурыми пятнами свободной отъ него воды. Надъ губой во всевозможныхъ направленіяхъ и на разныхъ высотахъ постоянно носились птицы то цѣлыми стаями, то по одиночкѣ и куда-бы наблюдатель ни обратилъ свой взоръ вездѣ онъ увидѣлъ-бы птицъ, непрерывно снующихъ надъ озеромъ.

Послѣ дневки на южномъ берегу Харà-усу мы свернули съ почтовой Улясутайской дороги и направились на юго-востокъ по широкой долинѣ Дзерге. Она ограничена съ сѣверо-востока высокимъ отдѣльнымъ хребтомъ Цзунъ-хаирханъ, достигающимъ наибольшей высоты на параллели южной оконечности озера и носящимъ въ этомъ мѣстѣ названіе Хобò. Съ юго-запада долину окаймляютъ вѣтви помянутаго отрога Ю. Алтая Баръ-чигиръ. Сѣверозападная часть этой долины, сосѣдняя озеру Харà-усу, представляетъ солонцеватую землю, покрытую большею частью злакомъ дэрису (Lasiagrostis), а въ низменныхъ мѣстахъ низкорослымъ и рѣдкимъ тростникомъ. Между зарослями дэрису встрѣчаются небольшія полосы мелкаго и чистаго песку. По всѣмъ признакамъ, эта часть долины Дзерге была покрыта водами озера Харà-усу, отступившаго къ сѣверу, но оставившаго слѣды своего пребыванія въ ней.

На колодцахъ Баинъ-худукъ, въ 22 верстахъ отъ озера, мы остановились на ночлегъ. Передъ вечеромъ мимо нашего лагеря прошелъ большой китайскій караванъ изъ Куку-хото въ Кобдо съ кирпичнымъ чаемъ, тканями и прочими товарами. Караванъ состоялъ изъ 50 слишкомъ верблюдовъ и не имѣлъ ни одной лошади: всѣ погонщики и самъ старшина ѣхали верхами на верблюдахъ. По ихъ страшно загорѣлымъ лицамъ можно было судить о жарахъ и трудностяхъ, испытанныхъ путниками въ Гоби, изъ которой они вышли около мѣсяца назадъ. На переднихъ и заднихъ верблюдовъ вереницы китайцы имѣютъ обыкновеніе навязывать колокольцы, по бряцанію которыхъ ихъ караванъ легко отличить ночью отъ монгольскаго. Это дѣлается для того, чтобы при ночныхъ движеніяхъ можно было узнавать направленіе, при-

нятое головою каравана, а также случаи остановокъ заднихъ верблюдовъ, отвязавшихся отъ вереницы.

Къ юго-востоку отъ колодцевъ Баинъ-худукъ характеръ долины измѣняется: почва ея изъ мягкой солонцеватой переходитъ въ твердую хрящеватую, покрытую рѣдкими и низкорослыми кустиками караганы (Caragana fritescens), а самая долина съуживается, но на короткомъ впрочемъ пространствѣ. Тутъ мы встрѣтили въ ней двѣ весьма длинныя оросительныя канавы (арыки) Ошикъ-голъ и Баинъ-голъ, выведенныя изъ рѣчки Еши на сѣверо-востокъ и юго-востокъ. Баинъ-голъ впадаетъ въ рѣчку Харà-усу (притокъ озера того-же названія), протекающую по восточной окраинѣ долины, а Ошикъ-голъ течетъ на протяженіи 30 верстъ къ юго-востоку и теряется въ болотистой мѣстности Кытэинъ-шара-холусу. Обѣ канавы служили въ прежнее время для орошенія пашень, отъ которыхъ нынѣ остались едва замѣтные слѣды. Канаву Ошикъ-голъ мы приняли сначала за ручей, но потомъ, найдя на берегу ея еще уцѣлѣвшіе валы вынятой земли, убѣдились въ ея искуственномъ происхожденіи. Мѣстность въ верховьяхъ этихъ канавъ представляетъ безплодную равнину и только по берегамъ ихъ растетъ тощая травка. На этой равнинѣ паслись, однако, табуны цзэреновъ (Procapra gutturosa), за которыми долго гонялись двое изъ нашихъ казаковъ съ монголомъ, но безуспѣшно.

Переночевавъ на Ошикъ-голѣ, мы прошли верстъ 15 по пустынной равнинѣ, пересѣкли нѣсколько небольшихъ песчаныхъ пространствъ, а затѣмъ вышли на урочище Кытэинъ-шара-холусу. Оно представляетъ обширную плоскую впадину, въ южной части которой находится соленое озеро Цаганъ-норъ, имѣющее около 8 верстъ въ окружности. Въ этой впадинѣ много родниковъ и небольшихъ болотистыхъ пространствъ, поросшихъ тростникомъ, а возвышенныя мѣста ея покрыты зарослями дэрису. Въ центральной части впадины лежитъ обширный солончакъ, простирающійся до 12 верстъ въ окружности и заключающій въ себѣ несомнѣнные признаки существовавшаго на этомъ мѣстѣ озера. Ровная, горизонтальная поверхность его, покрытая солянымъ налетомъ, блеститъ издали, подобно поверхности водной, отъ которой

ее трудно отличить. Солончакъ ограниченъ пологими, но рѣзко очерченными берегами, и на нихъ сохранились слѣды разлива, а въ одномъ мѣстѣ въ кочкахъ найдены были раковины озерника (Limnacus stagnalis). По обилію воды, травы и солончаковыхъ растеній эта мѣстность принадлежитъ къ лучшимъ пастбищамъ окрестной страны. На ней кочуютъ монголы цзахачине, земля которыхъ вдается съ юга клиномъ въ долину Дзерге. Цзахачине жаловались на волковъ, которые живутъ во множествѣ въ этой мѣстности и причиняютъ имъ большіе убытки. Они нападаютъ цѣлыми стаями на барановъ и не смотря на преслѣдованіе, повторяютъ часто свои набѣги изъ густыхъ зарослей тростника и кустарниковъ, откуда невозможно ихъ выжить.

На меридіанѣ ур. Кытэинъ-шара-холусу долина Дзерге имѣетъ около 30 верстъ ширины. Съ сѣверо-востока она ограничена по прежнему кряжемъ Цаунъ-хаирханъ, а съ юго-запада весьма высокимъ хребтомъ системы Ю. Алтая,—Батыринъ-шилинъ. Этотъ хребетъ отдѣляетъ къ сѣверо-западу короткую вѣтвь Тугурикъ, оканчивающуюся въ самой долинѣ, а къ западу другую,—Тарбагатай, посредствомъ которой связуется съ главнымъ хребтомъ Ю. Алтая, отстоящимъ отъ долины Дзерге верстахъ въ 60-ти къ юго-западу.

Въ хребтѣ Батыринъ-шилинъ, въ 30 верстахъ къ юго-востоку отъ уроч. Кытэинъ-шара-холусу находится снѣжная гора Батыръ-хаирханъ, дающая начало рѣчкѣ Сункыкъ-голъ, которою питается соленое озеро Цаганъ-норъ этой долины. Къ юго-западу отъ хребта Батыринъ-шилинъ тянется въ одномъ съ нимъ направленіи главный хребетъ Ю. Алтая, называемый Алтаинъ-нуру. Между хребтами лежитъ высокое плоскогорье съ соленымъ озеромъ Цицикъ-норъ, принимающимъ съ юго-запада, изъ горъ Алтаинъ-нуру, рѣчку Борджонъ-голъ. Хребетъ Алтаинъ-нуру въ окрестностяхъ озера Цицикъ-норъ и далѣе къ юго-востоку не имѣетъ снѣжныхъ вершинъ, но верстахъ въ 80 къ сѣверо-западу отъ этого озера, въ немъ есть снѣжныя горы, равно какъ и близь истоковъ р. Булгуна, получающей на немъ начало въ 100 верстахъ къ югу-западу-югу отъ г. Кобдо.

Въ другомъ окрайномъ хребтѣ долины Дзерге,—Цзунъ-хаир-

ханъ, въ окрестностяхъ ур. Кытэинъ-шара-холусу находятся каменноугольныя залежи. Изъ нихъ монголы на своихъ первобытныхъ, двухколесныхъ телѣгахъ доставляютъ уголь въ г. Кобдо. Копи стали разработывать недавно по ходатайству Кобдинскаго амбаня. Добываніе всякаго рода минеральныхъ веществъ въ Монголіи строго воспрещено закономъ и потому на разработку каменноугольныхъ залежей нужно было испросить разрѣшеніе китайскаго правительства. Къ такому ходатайству амбань былъ вынужденъ недостаткомъ древеснаго топлива въ городѣ и суровостью зимы.

Съ ур. Кытэинъ-шара-холусу мы вышли на пустынную, каменистую равнину, и пройдя по ней верстъ 15, ночевали въ мѣстности Ургуюнъ-ширикъ. Эта мѣстность лежитъ въ землѣ той же монгольской народности, цзахачинъ. Она прорѣзана арыками, орошающими пашни, съ которыхъ снятъ былъ ячмень. Цзахачине, какъ видно, довольно успѣшно занимаются земледѣліемъ и умѣютъ искусно орошать свои поля, которыхъ мы совсѣмъ не видѣли у ихъ сосѣдей монголовъ-олётъ. Отъ послѣднихъ цзахачине отличаются нѣсколько своимъ нарѣчіемъ. Они носятъ особыя шапки, какихъ мы не встрѣчали во всей Монголіи. Винокуреніе изъ хлѣба и молока распространено между захачинами въ значительныхъ размѣрахъ и водку они пьютъ несовсѣмъ умѣренно. Тутъ намъ пришлось опять выслушивать жалобы на волковъ, которыхъ и на этомъ урочищѣ, покрытомъ въ южной части высокимъ тростникомъ, водится очень много.

Въ 20 верстахъ къ востоку отъ уроч. Ургуюнъ-ширикъ оканчивается долина Дзерге, простирающаяся къ юго-востоку отъ озера Хара-усу на 120 верстъ. Сѣверный окрайный ея хребетъ, Изунъхаирханъ, отдѣливъ на юго-востокъ невысокую вѣтвь Долотой, поворачиваетъ почти на востокъ и теряется въ сосѣдней степи. На встрѣчу этой вѣтви отъ южнаго окрайнаго хребта долины Батыринъ-шилинъ отходитъ въ сѣверо-западномъ направленіи тоже невысокая отрасль Будунъ-удзуръ, а между оконечностями обѣихъ этихъ вѣтвей заключаются ворота, верстъ въ 10 ширины, ведущія изъ долины въ сосѣднюю котловину. Подходя къ этимъ воротамъ, мы снова встрѣтили пашни цзахачинъ, орошенныя цѣлою сѣтью арыковъ съ запрудами. Чрезъ эти ворота, представляющія

весьма пологій перевалъ Цзаилгинъ, проходитъ западная граница аймака Цзасакту-хана, такъ что пройдя ихъ, мы вступили въ Халху.

Къ востоку отъ воротъ лежитъ обширная котловина, окруженная горами и только въ сѣверной части сообщающаяся посредствомъ долины съ сосѣдними степями. Въ западной части этой котловины помѣщается въ плоскомъ углубленіи обширной солончакъ, называемый Цаганъ-норъ, съ ровною, блестящею отъ солянаго налета поверхностью. Слѣды существовавшаго въ этомъ углубленіи озера также явственны, какъ и на уроч. Кытэинъ-шара-холусу. Но раковинъ, не смотря на многія раскопки, сдѣланныя нами на днѣ солончака, не оказалось. Восточная часть котловины орошается маленькой рѣчкой Хурынъ-голъ, текущей изъ сосѣдней снѣжной горы Мунку-цасату-богдо и теряющейся въ близлежащей сѣверной степи. Берега этой рѣчки покрыты высокими кустами чингиля.

Снѣжная гора Мунку-цасату-богдо заключается въ восточной части хребта Батыринъ-шилинъ и отстоитъ отъ снѣжной горы того-же хребта, Батыръ-хаирханъ, верстахъ въ 60 къ юго-востоку. Мунку-цасату-богдо подымается надъ уровнемъ моря, по всей вѣроятности, не менѣе 12,000 фут., а абсолютная высота г. Батыръ-хаирханъ должна быть близка къ 11,500 фут. Снѣжная-же линія на этихъ горахъ находится приблизительно на высотѣ 11,000 футовъ.

Перейдя рѣчку Хурынъ-голъ, мы поднялись на невысокія горы Тохтохоинъ-нуру, окаймляющія котловину съ востока. На югѣ эти горы сочленяются посредствомъ слабаго поднятія съ массивомъ Мунку-цасату-богдо, а на сѣверѣ примыкаютъ къ степному кряжу Баинъ-ундуръ, простирающемуся съ юго-запада на сѣверо-востокъ на всемъ видѣнномъ пространствѣ. Съ горъ Тохтохоинъ-нуру предъ нами открылась на востокѣ громадная равнина, за которою въ туманной синевѣ виднѣлись высокія горы съ нѣсколькими вершинами, уже успѣвшими покрыться снѣгомъ. Съ тѣхъ-же горъ ясно былъ видѣнъ на югѣ высокій хребетъ Ю. Алтая, отходящій отъ снѣжной горы Мунку-цасату-богдо на юго-востокъ и представляющій слѣдовательно продолженіе хребта Батыринъ-ши-

линъ. Къ сѣверу отъ него тянулся въ томъ-же направленіи и почти параллельно ему другой хребетъ, Дарибень-нуру, точно также сочленяющійся съ этой горой невысокимъ поднятіемъ. Оба хребта простирались на юго-востокъ непрерывно и скрывались вдали за горизонтомъ.

По горамъ Тохтохоинъ-нуру мы прошли не болѣе 8 верстъ и спустились на равнину къ ручью Баинъ-булукъ, на которомъ имѣли ночлегъ. Солонцеватая мѣстность, орошаемая этимъ ручьемъ, покрыта обширными зарослями дэрису, въ которыхъ было много зайцевъ (Lepus tolai) и пустынниковъ (Sirrhaptes paradoxus). Близь нашего лагеря стояло нѣсколько монгольскихъ юртъ. Въ одной изъ нихъ слышны были звуки бубна, не прекращавшіеся нѣсколько часовъ подрядъ. Эти звуки производилъ лама (священникъ), призванный къ трудно-больному, котораго онъ „отчитывалъ", какъ выражались монголы. Не легко было этому больному выслушивать неистовое бубненіе, надоѣвшее даже намъ, не смотря на 100 саженъ разстоянія нашего лагеря отъ юрты больнаго.

Къ востоку отъ ручья Баинъ-булука лежитъ пустыня, называемая Кысыинъ-тала, по которой намъ предстояло пройти около 80 верстъ. На другой-же день утромъ мы вступили въ эту пустыню, представляющую безплодную равнину съ твердою хрящевато-дресвяною почвою, покрытою весьма тощимъ кипцемъ (Stipa orientalis) и колючками. Въ иныхъ мѣстахъ не было и этихъ неприхотливыхъ растеній: взору представлялись голыя, безжизненныя площади съ глинистымъ грунтомъ, совершенно лишенныя растительнаго покрова. На востокѣ пустыня замыкалась высокими горами, а на юго-востокѣ видны были два хребта Ю. Алтая, уходившіе вдаль. При сильномъ, порывистомъ вѣтрѣ, свирѣпствовавшемъ весь день и обдававшемъ насъ пескомъ, дресвой и даже гравіемъ, шли мы молча по этой пустынѣ. Порою вѣтеръ завывалъ съ такою силою, что покачивалъ верблюдовъ, начинавшихъ каждый разъ балансировать на своихъ длинныхъ ногахъ, а всадники съ трудомъ держались на лошадяхъ, предпочитая слѣзать съ нихъ при сильныхъ порывахъ бури и слѣдовать пѣшкомъ. Наконецъ послѣ утомительнаго 40 верстнаго перехода дотащились мы кое-какъ до колодца, но провозились около двухъ часовъ надъ

постановкою юртъ при сильномъ вѣтрѣ. Буря свирѣпствовала до поздней ночи: деревянныя части юртъ скривѣли, гнулись и, не смотря на всѣ скрѣпы, мы ежеминутно опасались крушенія нашихъ подвижныхъ жилищъ. Но, къ счастью, вѣтеръ сталъ стихать и остатокъ ночи мы провели спокойно.

Мѣстность, на которой мы ночевали, называемая Кысь, лежитъ среди пустыни и представляетъ обширную впадину, ограниченную рѣзко очерченными берегами. Въ ней находится небольшое соленое озеро Шабарту-норъ, а на восточной окраинѣ источникъ Кысинъ-булукъ. Большая часть впадины покрыта зарослями дэрису, среди которыхъ разбросаны небольшія песчаныя пространства, состоящія изъ маленькихъ песчаныхъ бугровъ. Солонцеватая почва ея производитъ множество солянокъ. Присутствіе солонцевъ и сопокъ изъ чистаго песка, слѣды береговыхъ размывовъ и нѣкоторые другіе признаки указываютъ на существованіе въ этой впадинѣ водоема, отъ котораго нынѣ осталось только соленое озеро Шабарту-норъ.

Благодаря обилію солончаковыхъ растеній и злака дэрису, впадина Кысь служитъ привольнымъ пастбищемъ для верблюдовъ, которыхъ мы видѣли въ ней болѣе 100 штукъ и всѣ они были необыкновенно жирны. Верблюдовъ пасъ старикъ съ нѣсколькими мальчиками. Пастухи жили въ ветхой юртѣ близъ источника и проводили время въ одиночествѣ среди этой пустыны: ни въ самой впадинѣ, ни въ ея безводныхъ окрестностяхъ не видно было ниодной юрты. Монголы имѣютъ обыкновеніе соединять на лѣто верблюдовъ многихъ владѣльцевъ въ большіе табуны и отсылать ихъ на удобное, непремѣнно солонцеватое пастбище, нанимая сообща пастуховъ. Этимъ послѣднимъ, взамѣнъ платы, часто поступаетъ шерсть линяющихъ верблюдовъ. Около юрты старика лежали цѣлыя груды прекрасной верблюжей шерсти. По небрежности монголовъ, у нихъ пропадаетъ много этой цѣнной шерсти. Линяющіе верблюды, бродя по кустамъ безъ присмотра, оставляютъ на нихъ большія пряди ея. Мы для своихъ потребностей въ дорогѣ нерѣдко собирали съ кустовъ и съ земли сразу по нѣскольку фунтовъ лучшей верблюжьей шерсти, которой въ иныхъ мѣстахъ валялось такъ много, что одинъ человѣкъ въ теченіи дня навѣрно собралъ бы фунтовъ 30.

Пустыня къ востоку отъ впадины Кысь становится волнистою и не столь безплодною, какъ западная часть ея, но источниковъ и колодцевъ въ ней нѣтъ. Пришлось ночевать въ безводной мѣстности, такъ какъ до воды нужно было сдѣлать 40 верстъ. Такія длинныя безводныя станціи мы раздѣляли большею частью на два перехода: запасались водой для людей и, пройдя приблизительно половину станціи, останавливались, гдѣ кормъ былъ получше, на ночлегъ, а на слѣдующій день дѣлали другой переходъ. Лошади осенью легко обходятся сутки безъ воды, а о верблюдахъ и говорить нечего: въ прохладное время ихъ можно поить разъ въ трое сутокъ, а при нуждѣ и рѣже.

Ю. Алтай мы потеряли изъ вида еще наканунѣ, подходя къ уроч. Кысь. На пути отъ этого урочища мы уже не видѣли его. Пустыня Кысынинъ-тала, по мѣрѣ движенія къ востоку, становилась все болѣе и болѣе волнистою: мы приближались къ хребту Бичигинъ-нуру,—весьма длинному и высокому отрогу Ю. Алтая, простирающемуся въ сѣверо-западномъ направленіи почти до протока Татхэ-тэменъ изъ оз. Харà-норъ въ р. Дзапхынъ. Не доходя до подножія хребта, остановились на дневку на ручьѣ Хойту-голъ, протекающемъ въ широкой долинѣ, окаймленной холмами и плоскими высотами. Въ ночь съ 20-го на 21-е сентября вода въ этомъ ручьѣ, лежащемъ подъ 47° с. ш., но на высотѣ 5,320 фут. надъ моремъ, промерзла до дна и только передъ вечеромъ подъ толщею льда показалась маленькая струйка ея. Для людей пришлось растапливать ледъ въ юртѣ у огня, а лошади и верблюды оставались сутки безъ воды. Это обстоятельство нѣсколько встревожило насъ: мы стали опасаться, что съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ ручьи и мелкія рѣчки на пути могутъ промерзнуть и намъ, при безснѣжіи, придется, быть можетъ, растапливать ледъ не только для людей, но и для животныхъ. Наши опасенія оказались, однако, напрасными.

Послѣ дневки мы направились вверхъ по ручью Хойту-голъ и верстахъ въ 8 отъ стоянки миновали ставку князя Са-дзасака—мѣстнаго хошуннаго владѣтеля (удѣльнаго князя). Ставка раскинута невдалекѣ отъ того-же ручья и состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ домиковъ и большой кумирни. Въ ней соверша-

лось въ это время богослуженіе: громкіе, пронзительные звуки трубъ вылетали изъ храма и отдавались рѣзкимъ эхомъ въ сосѣднихъ холмахъ. Въ двухъ верстахъ выше ставки находится болотистая лощина съ источниками, дающими начало ручью Хойтуголъ. Къ югу эта лощина переходитъ въ широкую степную долину, заключающуюся между хребтомъ Бичигинъ-нуру и его слабою сѣверо-западною отраслью. Перейдя ее, мы вступили въ поперечную долину хребта и по отлогому склону поднялись на него. Отъ высшей точки перевала дорога спускается тоже постепенно, но очень немного на высокую равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами хребта. На этой равнинѣ мы расположились поблизости колодезя Тарбаганъ-худукъ на ночлегъ. Тутъ стояло много монголовъ, сбѣжавшихся къ намъ со всѣхъ сторонъ. Они помогли развьючить верблюдовъ, поставить юрты и собрали аргалъ на топливо.

Передъ вечеромъ съ ближайшихъ высотъ мы, по обыкновенію, осматривали окрестности для пополненія маршрутной съемки. На югѣ горы хребта закрывали горизонтъ, но за то на сѣверъ и сѣверо-востокъ мы могли визировать на весьма далекое разстояніе. Тамъ разстилалась необозримая волнистая земля, покрытая низкими насажденными кряжами, простирающимися съ юго-востока на сѣверо-западъ. На крайнемъ сѣверо-востокѣ горизонтъ замыкался довольно высокимъ и длиннымъ кряжемъ, называемымъ Дуру. Между кряжами этой волнистой земли залегаютъ широкія долины, покрытыя кое-гдѣ холмами. Горы же самаго хребта Бичигинъ-нуру къ юго-востоку отъ нагорной равнины называются Ширинъ-уланъ, къ сѣверо-западу Намый-нуру и далѣе Дукдулунъ. Въ послѣднемъ направленіи хребетъ понижается и оканчивается, какъ выше сказано, недалеко отъ протока изъ оз. Харà-норъ въ р. Дзапхынъ.

Ночь на высокой нагорной равнинѣ была очень холодная, да и утромъ мы порядочно прозябли. Съ плоскогорья дорога направляется по холмамъ и пересѣкаетъ ручей. На берегу его стояла одинокая юрта старика-ламы, прославившагося набожною жизнью, къ которому окрестные монголы приходятъ за благословеніемъ. Мои спутники заѣзжали къ этому отшельнику и онъ угощалъ ихъ чаемъ. Когда они сидѣли у ламы, къ нему являлся монголъ за

благословеніемъ. Войдя въ юрту и приблизившись къ пустыннику, онъ палъ предъ нимъ на землю. Лама взялъ ящикъ, наполненный свертками молитвъ, и коснулся имъ головы поклонника. Тотъ поднялся и подалъ ему большой кусокъ масла, за которое лама поблагодарилъ его и пригласилъ выпить чаю.

Спускъ съ хребта Бичигинъ-нуру, подобно подъему, отлогій и идетъ по глубокому ущелью, ограниченному большею частью высокими скалами. По этому ущелью направляется сухое русло временнаго потока. Перевалъ, по которому мы пересѣкли хребетъ, называется Бичигинъ-даба и составляетъ съ осью хребта острый уголъ, такъ что намъ пришлось пройти по горамъ слишкомъ 25 верстъ, между тѣмъ какъ ширина самаго кряжа въ этомъ мѣстѣ не болѣе 15 верстъ.

Горы хребта Бичигинъ-нуру въ посѣщенномъ нами пространствѣ состоятъ главнымъ образомъ изъ мелкозернистаго гранита. На западномъ склонѣ хребта обнаруживаются еще мѣстами гранитъ, сіенитъ, кварцъ, изъ яшмы и известнякъ.

Съ хребта мы спустились на обширную степную равнину. Холодъ, отъ котораго только часомъ раньше пришлось порядочно зябнуть, на большой высотѣ, былъ совершенно не чувствителенъ на равнинѣ. На югѣ эта степная равнина замыкается тѣмъ-же хребтомъ, называемымъ юго-восточнѣе перевала Модоту-ула (лѣсистыя горы), такъ какъ сѣверный склонъ его покрытъ лиственницей. На сѣверѣ видны были низкіе кряжи волнистой земли, которую наканунѣ мы обозрѣвали съ высоты, а на сѣверо-востокѣ воздымалась отдѣльно довольно высокая горная группа Чжиргаланту. Верстахъ въ 8-ми отъ подножія хребта мы остановились на ночлегъ въ безводной степи, на уроч. Тыскынъ-холой, покрытомъ довольно хорошимъ кипцемъ. Чрезъ это урочище проходитъ дорога изъ Улясутая въ Баркуль, пересѣкающая хребетъ Модоту-ула, потомъ невысокій западный его отрогъ, къ югу отъ котораго находится соленое озеро Могой-норъ.

Весь слѣдующій день шли по каменистой степи. По сторонамъ дороги паслись большія стада цзэреновъ, не подпускавшихъ однако къ себѣ ближе 200—300 саженъ. Наши казаки пытались объѣзжать ихъ кругами, но и этотъ маневръ не удался. Монголы охотятся за цзэренами партіями въ нѣсколько человѣкъ. Завидѣвъ

стадо, охотники раздѣляются на двѣ части: стрѣлковъ и загонщиковъ. Стрѣлки спѣшиваются и, сдавъ своихъ коней загонщикамъ, залегаютъ скрытно съ ружьями въ разныхъ мѣстахъ, а загонщики объѣзжаютъ стадо и стараются нагнать его потихоньку на застрѣльщиковъ. Такія облавы—наиболѣе распространенный между монголами способъ охоты на цзэреновъ,—посредствомъ котораго истребляется немало этихъ антилопъ. Но гораздо больше ихъ погибаетъ отъ волковъ, которыхъ въ Монголіи множество. Волки, какъ разсказывали намъ монголы, иногда устраиваютъ тоже нѣчто въ родѣ облавъ на цзэреновъ, скрываясь въ засадахъ въ то время, когда часть ихъ бросается на стадо и гонитъ на засѣвшихъ. Въ степяхъ, гдѣ водится много антилопъ, нерѣдко можно встрѣтить остатки этихъ животныхъ, съѣденныхъ волками. Въ одномъ мѣстѣ намъ попались только на половину объѣденные волками трупы цзэреновъ. Наши монголы не побрезговали этими объѣдками и съѣли ихъ на первомъ же ночлегѣ.

Въ 20 верстахъ отъ уроч. Тыскынъ-холой дорога пересѣкаетъ маленькую рѣчку Удзынь-тэлліинъ-голъ, лѣвый притокъ р. Дзапхына. Она получаетъ начало въ болотистой котловинѣ изъ родниковъ и течетъ на сѣверо-востокъ въ солонцеватой долинѣ, покрытой дэрису. На лѣвомъ ея берегу, поблизости горной группы Чжиргаланту, стоитъ небольшая кумирня, Чойранъ-дацанъ, а къ югу простирается ровная, каменистая степь до самаго хребта. На этой степи разсѣяны кое-гдѣ темные, конусообразные и куполообразные гольцы, высотою приблизительно отъ 30 до 50 футовъ.

Не доходя 20 верстъ до р. Дзапхына, мы ночевали на уроч. Цаганъ-эргэ, покрытомъ обширными зарослями дэрису. Горный хребетъ, замыкающій степь на югѣ, представляетъ продолженіе хребта Модоту-ула. Въ 25 верстахъ къ юго-западу отъ названнаго урочища въ немъ заключается весьма высокій массивъ Хайсу-хаирханъ, на вершинахъ котораго, по показанію мѣстныхъ монголовъ, держатся все лѣто снѣжныя пятна, но лѣса на немъ нѣтъ. Верстахъ въ 25 къ юго-востоку отъ этого массива въ томъ же хребтѣ находится другой массивъ Хасакту-хаирханъ, уступающій по высотѣ первому. Отъ него отдѣляется на сѣверъ плоская вѣтвь, достигающая береговъ Дзапхына.

Къ югу отъ горъ Модоту-ула и Хайсы-хаирханъ простирается обширная пустынная долина, представляющая юго-восточное продолженіе пересѣченной нами на пути отъ ручья Баинъ-булукъ къ хребту Бичигинъ-нуру пустыни Кысынъ-тала. Съ полуденной стороны она замыкается кряжемъ Дарибень-нуру Ю. Алтая, тѣмъ самымъ, который былъ потерянъ нами изъ вида въ первый-же день пути по упомянутой пустынѣ. Отъ этого хребта, верстахъ въ 60 къ юго-востоку отъ массива Хайсы-хаирханъ, называемаго въ томъ мѣстѣ Тайширъ-ула, отдѣляется весьма длинный и высокій сѣверо-западный отрогъ, заключающій въ себѣ горные массивы Хасакту-хаирханъ и Хайсы-хаирханъ, а потомъ простирающійся далѣе на сѣверо-западъ подъ названіями Модоту-ула и Бичигинъ-нуру. Южнѣе кряжа Дарибень-нуру тянется въ юго-восточномъ-же направленіи другой хребетъ системы, Цаганъ-нуру, отдѣляющійся, какъ выше было замѣчено, отъ снѣжной горы Мунку-цасату-богдо и потерянный нами изъ вида одновременно съ Дарибень-нуру въ первый день пути отъ ручья Баинъ-булукъ по пустынѣ. Хребетъ Цаганъ-нуру верстахъ въ 120 отъ горы Мунку-цасату-богдо расчленяется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ сѣверному хребту системы Дарибень-нуру, а другая къ южному Алтаинъ-нуру, носящему въ томъ мѣстѣ названіе Шаргаинъ-барунъ, далѣе къ юго-востоку Бурханъ-ула, а еще далѣе Ирдынъ-ула. Всѣ эти хребты Ю. Алтая переплетаются между собою отрогами, замыкающими вмѣстѣ съ ними высокія нагорныя котловины съ лежащими въ нихъ солеными озерами. Такимъ образомъ горная система Ю. Алтая въ разсматриваемой зонѣ, между 45° и 47° широты, отличается значительнымъ разчлененіемъ, большой шириной и присутствіемъ въ ней обширныхъ горныхъ котловинъ. Нашъ спутникъ, бійскій купецъ Антроповъ, ѣздившій изъ Улясутая по Баркульской дорогѣ, которую мы пересѣкли на уроч. Тыскинъ-холой, сообщалъ, что переваливъ черезъ хребетъ Модоту-ула, онъ спустился въ долину, потомъ пересѣкъ небольшой западный отрогъ этого хребта и вышелъ къ соленому озеру Могой-норъ. Южнѣе озера разстилается широкая пустынная равнина, окаймленная съ полуденной стороны хребтомъ (Дарибень-нуру), а съ сѣвера горами Модоту-ула и восточнымъ

продолженіемъ ихъ. На западъ долина простиралась на всемъ видимомъ пространствѣ, но къ востоку окрайные хребты сближались, хотя предѣла равнины и въ этомъ направленіи нельзя было замѣтить. Антроповъ доходилъ только до средины этой равнины, гдѣ находится колодезь Хуренгинъ, отстоящій почти въ равномъ разстояніи (въ 30 вер.) отъ хребтовъ Модоту-ула и Дарибень-нуру.

Съ уроч. Цаганъ-эргэ мы направились по пустынной каменистой равнинѣ, на которой пересѣкли невысокій отдѣльный кряжъ. Съ полудня поднялась сильная снѣжная буря и мы съ трудомъ сдѣлали станцію въ 20 верстъ, остановясь на р. Дзапхынѣ—дневать. Ниже мѣста нашей первой стоянки на этой рѣкѣ, она принимаетъ сѣверо-западное направленіе, а выше на пространствѣ около 100 верстъ течетъ почти прямо съ востока на западъ. На другой день мы ловили своимъ маленькимъ неводкомъ рыбу въ Дзапхынѣ, но по случаю дурной погоды, ловъ былъ неудаченъ. Тутъ снова намъ пришлось выслушивать жалобы стоявшихъ поблизости монголовъ на волковъ, которые не задолго до нашего прибытія задушили у нихъ нѣсколько лошадей. Близь мѣста стоянки лежало два лошадинные трупа и мы поджидали волковъ, но они непоказывались. За то пролетало множество коршуновъ, которыми пополнилась наша коллекція птицъ.

Отъ перваго ночлежнаго пункта на Дзапхынѣ мы прошли вверхъ по этой рѣкѣ около 100 верстъ и не видѣли на этомъ пространствѣ ни одного притока. Въ 10 верстахъ къ востоку отъ мѣста стоянки рѣка, стѣсняемая съ юга подошедшею къ ней вѣтвью массива Хасакту-хаирханъ и невысокимъ кряжемъ съ сѣвера, стремится верстъ пять въ ущельѣ. Дорога же направляется по лѣвому ея берегу и по глубокой тѣснинѣ Уланъ-сайра пересѣкаетъ помянутую вѣтвь невдалекѣ отъ рѣки, а потомъ переходитъ на правый берегъ Дзапхына, текущаго выше ущелья въ довольно широкой долинѣ. Мѣстность къ сѣверу и югу отъ этой долины представляетъ плоскогорье, опускающееся къ ней то пологими, то крутыми склонами. Оно покрыто низкими насажденными кряжами, имѣетъ твердую, хрящеватую почву и одѣто скудною растительностью.

Дзапхынъ при ширинѣ отъ 12 до 20 саженей течетъ большею

частью въ отлогихъ берегахъ. Глубина его только въ немногихъ мѣстахъ достигаетъ 6—7 футовъ, а въ остальныхъ онъ мелокъ и имѣетъ каменистое дно. Въ рѣкѣ живетъ много харіусовъ и ускучей. Послѣдніе держатся въ тихихъ плесахъ и заливахъ, тогда какъ харіусы пребываютъ на быстринѣ и преимущественно около камней.

Долина средняго Дзапхына богата пастбищами, на которыхъ во время нашего пребыванія стояло много монголовъ, расположившихся на зимнія стойбища. Едва успѣвали мы прибыть на ночлежное мѣсто, какъ они сбѣгались къ намъ со всѣхъ сторонъ и почти никогда не оставались свободными зрителями, а помогали развьючивать верблюдовъ, ставить юрты и собирали аргалъ на топливо. Въ особенности привлекла ихъ рыбная ловля неводкомъ, который мы иногда закидывали въ рѣкѣ, еще не покрывшейся льдомъ. Монголы, не исключая женщинъ и дѣтей, толпами собирались на тоню и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ неводка, а когда онъ появлялся на берегу съ трепетавшею въ мѣшкѣ рыбою,—толпа испускала единодушные возгласы изумленія. Надобно замѣтить, что монголы ни рыбы, ни птицъ не ѣдятъ, а потому и не имѣютъ понятія ни о снарядахъ для рыбной ловли, ни о способахъ ея. Птицы и рыбы считаются монголами несъѣдомыми. Намъ говорили, что они покупаютъ иногда пойманныхъ китайцами и русскими рыбъ живьемъ и потомъ бросаютъ ихъ обратно въ воду. Но странно, что при такомъ участіи къ рыбамъ монголы не только не препятствовали ловить ихъ, но даже не высказывали никакого неудовольствія за это.

Верстахъ въ 18 выше перваго ущелья, по которому проникаетъ Дзапхынъ, находится второе, покрытое тополемъ и таломъ. Оно имѣетъ около двухъ верстъ длины и образуется скалами лѣваго берега долины, къ которому въ этомъ мѣстѣ подходитъ рѣка и отдѣльными скалистыми высотами на правомъ берегу самой рѣки, между тѣмъ какъ долина ея имѣетъ около 8 верстъ ширины.

28-го сентября мы прибыли къ монастырю гэгэна (бого-человѣка) Нарбаньчжи на той-же р. Дзапхынѣ. Онъ расположенъ на подгорной площади, окруженной со всѣхъ сторонъ, исключая южной, невысокими горами. Обитель состоитъ изъ храма и десят-

ка глиняныхъ домиковъ, обнесенныхъ довольно высокою кирпичною оградою. Въ ней считается около 40 монаховъ. Самъ гэгэнъ имѣлъ въ то время отъ роду 25 лѣтъ. Къ нему постоянно приходятъ поклонники за благословеніемъ. Войдя въ жилище святителя, они падаютъ предъ нимъ на землю. Въ это время гэгэнъ касается головы преклонившагося цилиндромъ или ящикомъ, наполненнымъ молитвами, ниспосылая ему такимъ образомъ благодать. Поклонники являются всегда съ дарами, безъ которыхъ приближенные ламы не допускаютъ ихъ къ святителю. Одинъ изъ нашихъ казаковъ бурятъ и буддистъ ходилъ на поклоненіе гэгэну и получилъ отъ него благословеніе, заплативъ предварительно ламамъ нѣсколько кусочковъ серебра. Мнѣ самому хотѣлось очень видѣть святителя, но ламы бывшіе у насъ въ гостяхъ, предупреждали, что лицезрѣть его можно не иначе, какъ, воздавъ ему, подобно всѣмъ поклонникамъ, должную почесть, т. е. пасть предъ нимъ ницъ, отчего, конечно, я долженъ былъ отказаться. Гэгэнъ предпринимаетъ изрѣдка поѣздки по сосѣднимъ странамъ Монголіи. Онъ ѣздитъ въ закрытой повозкѣ въ сопровожденіи большой свиты ламъ. Года за два до нашего посѣщенія монастыря онъ предпринималъ путешествіе въ землю дурбётовъ и собралъ, какъ говорили, обильную дань.

У монастыря Нарбаньчжи мы простояли почти двое сутокъ. Въ этомъ пунктѣ ожидалъ насъ г. Антроновъ, пріѣхавшій изъ Улясутая съ тѣмъ, чтобы принять отъ прикащика слѣдовавшій съ нами изъ Кобдо караванъ бійскихъ купцовъ съ маральими рогами и вести его въ Куку-хото. Онъ уполномоченъ былъ купцами продать эти рога и на вырученныя за нихъ деньги купить кирпичнаго и байховаго чаю. Сверхъ того, довѣрители поручили г. Антропову собрать подробныя торговыя свѣдѣнія въ этомъ городѣ.

ГЛАВА III.

ОТЪ МОНАСТЫРЯ НАРБАНЬЧЖИ ДО КОЛОДЦА ХОЛТЪ ВЪ ПУСТЫНѢ ГОБИ.

Отъ монастыря Нарбаньчжи мы прошли еще почти двѣ станціи вверхъ по долинѣ р. Дзапхына, которая верстахъ въ 5 отъ него съуживается, но вскорѣ снова расширяется на 5—8 верстъ и удерживаетъ такую ширину на пространствѣ около 20 верстъ. Эта мѣстность, называемая Цакилдакъ, по обширности и тучности своихъ пастбищъ, представляетъ наилучшую часть пройденной нами долины средняго Дзапхына. Далѣе къ верховьямъ долина переходитъ въ тѣснину и Дзапхынъ принимаетъ характеръ горной рѣчки. Эта неглубокая тѣснина съ обрывистыми берегами покрыта мѣстами тополемъ и тальникомъ, въ ней встрѣчаются также небольшіе, но очень хорошіе луга. Защищенная своимъ извилистымъ направленіемъ отъ бурь, она весьма удобна для зимнихъ стойбищъ, слѣды которыхъ мы часто встрѣчали въ ней.

Окрестная страна отличается такимъ же характеромъ, какъ и ниже по теченію Дзапхына: она представляетъ плоскогорье, ниспадающее къ долинѣ этой рѣки то пологими, то крутыми склонами и покрытое низкими, насажденными кряжами. Верстахъ въ 30 къ югу отъ Дзапхына тянется сѣверный хребетъ Алтая подъ названіемъ Тайширъ-ула. Начиная отъ массива Хасакту-хаирханъ онъ постепенно понижается въ юго-восточномъ направленіи и на меридіанѣ урочища Цакилдакъ представляетъ весьма углубленную и длинную сѣдловину, но потомъ снова возвышается и достигаетъ почти снѣжной линіи верстахъ въ 150 отъ помянутаго массива къ юго-востоку. Но лѣсовъ на этомъ хребтѣ уже нѣтъ.

Къ сѣверо-востоку отъ нашего пути виденъ былъ довольно высокій хребетъ Буянту-ула, простирающійся съ сѣверо-востока на юго-западъ и прорѣзаемый р. Дзапхыномъ. Этотъ хребетъ принадлежитъ къ системѣ Хангая и отдѣляется отъ ея высокихъ

горъ на верхнемъ Дзапхынѣ, или Буянту, какъ называется верхнее теченіе его. Вообще страна къ сѣверо-востоку отъ уроч. Цакилдакъ переходитъ постепенно въ дикую горную землю, представляющую начало обширной системы Хангая.

Пройдя около 5-ти верстъ по ущелью Дзапхына, мы оставили эту рѣку, текущую выше съ сѣверо-востока на юго-западъ и приняли восточное направленіе. По выходѣ изъ тѣснины дорога пересѣкаетъ южную оконечность весьма пологой гряды, отдѣляемой хребтомъ Тайширъ-ула на сѣверъ, къ Дзапхыну, поворачивающему въ этомъ мѣстѣ круто къ западу, а потомъ спускается на обширную равнину Голоинъ-тала. Эта равнина, раскинувшаяся верстъ на 65 съ сѣвера на югъ до хребта Тайширъ-ула и слишкомъ на 20 съ запада на востокъ, представляетъ малоплодородную степь съ твердымъ, хрящеватымъ грунтомъ, покрытую тощимъ кипцомъ и колючими кустарниками. Въ нѣкоторыхъ плоскихъ углубленіяхъ встрѣчались, впрочемъ, и порядочныя пастбища, но ни источниковъ, ни колодцевъ въ этой степи нѣтъ, а потому монголы кочуютъ на ней только зимою, когда бываетъ снѣгъ.

Взявъ съ собою воды для людей изъ Дзапхына, мы ночевали среди равнины Голоинъ-тала. На ней лежало множество бараньихъ скелетовъ, еще не успѣвшихъ разложиться. Монголы жаловались, что въ предшествующую зиму, по причинѣ глубокаго снѣга, у нихъ былъ большой падежъ на скотъ, въ особенности на барановъ. Многіе богатые, говорили они, вслѣдствіе этого падежа стали бѣдными. Дѣйствительно, для монголовъ, не заготовляющихъ на зиму нисколько сѣна, глубокоснѣжная зима—настоящее народное бѣдствіе, пожалуй, не лучше чумы, язвы и т. п. эпазоотій. Хотя въ южной Монголіи сѣнокосныя мѣста очень рѣдки, но за то во многихъ хорошо орошенныхъ долинахъ Хангая мы встрѣчали луга, вполнѣ удобные для сѣнокоса. А между тѣмъ и тамъ монголы сѣтовали на падежи отъ зимней безкормицы. Въ сѣверо-восточной части Монголіи, сопредѣльной съ Забайкальскою областью, пограничные монголы переняли частью отъ русскихъ, частью отъ бурятъ сѣнокошеніе, покупаютъ наши косы и заготовляютъ порядочные запасы сѣна, но въ остальной Монголіи, исключая окрестностей гг. Урги, Улясутая и Кобдо, не знаютъ его.

Изъ пустынной равнины Голойнъ-тала мы вступили въ невысокую горную страну, образуемую крайними южными отпрысками системы Хангай. Эти горы состоятъ изъ весьма плоскихъ и невысокихъ отроговъ хребта, принадлежащаго къ названной системѣ и простирающагося съ сѣверо-запада къ юго-востоку, почти параллельно дорогѣ, по которой мы шли. На сѣверо-западѣ онъ сочленяется съ помянутымъ хребтомъ Буянту-ула, прорѣзаемымъ Дзапхыномъ, а на юго-востокъ идетъ весьма далеко, нося послѣдовательно названія: Баинъ-цаганъ, Тыкши-буинъ-хаирханъ, Баргунъ, Цаганъ-чолунэй-обо, Шибетъ и Магна. Изъ южныхъ вѣтвей этого хребта только одна наиболѣе длинная, называемая Дурбульджинъ-боро-нуру, сочленяется съ Ю. Алтаемъ, да и то слабо, посредствомъ низкаго и пологаго поднятія, покрытаго незначительными холмами. Такимъ образомъ между горными системами Хангая и Ю. Алтая въ этомъ мѣстѣ не существуетъ прочной орографической связи, а далѣе къ юго-востоку онѣ раздѣлены широкою пустынною равниною.

Ю. Алтай, не отличающійся въ этой мѣстности большой высотой, тянется верстахъ въ 50 отъ дороги сначала подъ прежнимъ названіемъ, Тайширъ-ула, далѣе къ юго-востоку называется Богдо-хаирханъ и отдѣляетъ на ю.-в. ю. вѣтвь Кичигинъ-нуру. Къ югу отъ него, на меридіанѣ уроч. Дэлгэръ-булукъ при нашей дорогѣ, лежитъ въ широкой долинѣ соленое озеро Борбонъ-дабасу, имѣющее около 25 верстъ въ окружности. Вода въ немъ находится только по рединѣ, а близь береговъ лежитъ голая самосадочная соль, за которою ѣздятъ на это озеро монголы изъ всей окрестной страны. Не доходя до колодца Дурбульджинъ-худукъ, мы пересѣкли торную дорогу на озеро Борбонъ-дабасу, ведущую съ сѣверо-востока. Южнѣе этого озера тянется главный, южный хребетъ Алтая, подъ названіемъ Ирдынъ-ула, представляющій юго-восточное продолженіе горъ Бурханъ-ула. Ирдынъ-ула отдѣляетъ къ сѣверо-востоку невысокій отрогъ Тумуръ-хобынъ-удзуръ, не достигающій, однако, видѣннаго нами сѣвернаго хребта системы. Большое соленое озеро Борбонъ-дабасу лежитъ въ междугорной долинѣ, образуемой сѣвернымъ и южнымъ хребтами Алтая и покрытой низкими горками. Страна же къ югу отъ хребта Ирдынъ-

ула, по разсказамъ монголовъ, представляетъ поблизости этого хребта такую-же неровную степь, какъ и близъ сѣвернаго подножія кряжа Тайширъ-ула. На той степи воздымаются мѣстами отдѣльныя небольшія высоты, а въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ хребта Ирдынъ-ула возвышается одиноко довольно высокая горная группа Номъ-тологой. Южнѣе ея степь переходитъ въ каменистую пустыню, среди которой встрѣчаются кое-гдѣ низкіе хребты, увалы и отдѣльныя высоты. Населеніе группируется преимущественно въ Ю. Алтаѣ и близъ сѣвернаго подножія его, а на югъ, въ глубь Гоби, укочевываетъ только зимою, но и то лишь на три, на четыре дня пути отъ южнаго хребта Ирдынъ-ула, такъ какъ дальше на югѣ пустыня безплодна и крайне бѣдна водою.

Слѣдуя по южной окраинѣ горной страны Хангая, мы переваливали послѣдовательно съ одной плоской вѣтви на другую. Эти вѣтви отдѣляются, какъ выше сказано, отъ хребта, простирающагося подъ разными названіями съ сѣверо-запада на юго-востокъ, почти параллельно нашему пути. Крутыхъ спусковъ и подъемовъ въ этихъ горахъ нигдѣ по дорогѣ не встрѣчалось, но небольшія плоскія котловины весьма обыкновенны въ нихъ. Онѣ представляютъ характеристическую особенность рельефа южной части системы Хангая. По показаніямъ монголовъ, въ описываемой странѣ встрѣчаются нерѣдко источники, есть даже небольшія озера, частью прѣсныя, частью соленыя. Одно изъ соленыхъ озеръ, Гашунь-норъ, мы встрѣтили около колодца Дурбульджинъ-худукъ. Оно имѣетъ около полуверсты въ окружности и лежитъ въ углубленіи, окруженномъ гранитными высотами.

5-го октября мы спустились въ широкую долину съ прѣснымъ озеромъ Ульдзуйту-норъ, около версты въ окружности. Оно лежитъ среди болотистой, кочковатой мѣстности и питается водами многихъ ключей, бьющихъ близъ его береговъ. Озеро очень глубоко и выпускаетъ изъ себя маленькую рѣчку Ульдзуйту-голъ, образующую на пути въ той же долинѣ нѣсколько озерковъ, а потомъ изсякающую по выходѣ на сосѣднюю южную равнину. Ульдзуйту-норъ было покрыто только около береговъ льдомъ, а на срединѣ еще не замерзло и тамъ плавали стада запоздалыхъ утокъ.

Переночевавъ на озерѣ, мы продолжали путь по невысокой-

горной странѣ, сходной съ пройденною. Къ сѣверу отъ дороги тянулся помянутый хребетъ Хангая, носящій тутъ мѣстное названіе Магна. Онъ по прежнему высылаетъ на югъ плоскія и широкія отросли, которыя мы послѣдовательно пересѣкали. Къ востоку отъ меридіана озера Ульдзуйту-норъ эти плоскія вѣтви Хангая уже не достигаютъ Ю. Алтая: между ними и сѣвернымъ подножіемъ послѣдняго растилается, начиная отсюда, обширная пустынная равнина, простирающаяся на юго-востокъ вплоть до самой Гоби. Сѣверный же хребетъ Ю. Алтая носящій въ этомъ мѣстѣ названіе Баинъ-цаганъ, уклоняется къ югу-востоку-югу и сочленяется, по свидѣтельству монголовъ, съ южнымъ хребтомъ, продолженіемъ Ирдынъ-улы, посредствомъ отроговъ. Но Тянь-шань, тянущійся весьма далеко на востокъ, почти до меридіана озера Согокъ-норъ, нигдѣ не сочленяется съ системою Ю. Алтая, оканчиваясь въ пустынѣ постепенно холмами.

На пути отъ озера Ульдзуйту-норъ мы встрѣтили двѣ маленькія кумирни Дархаинъ-сумэ и Тургуинъ-тайчжинъ-куре, стоящія близъ дороги въ разстояніи верстъ 8-ми одна отъ другой, и вышли на рѣчку Цаганъ-голъ, текущую съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ узкой долинѣ этой рѣчки, ограниченной довольно крутыми, но невысокими берегами, мы дневали поблизости монгольскихъ пашень, орошенныхъ канавами изъ рѣчки. Это были единственныя пашни, видѣнныя нами на всемъ пути по Халхѣ. Но по разспроснымъ свѣдѣніямъ пашни встрѣчаются еще кое-гдѣ въ невысокихъ мѣстахъ по рѣчнымъ долинамъ этой горной страны.

Въ 22-хъ верстахъ отъ рѣчки Цаганъ-голъ мы встрѣтили значительную р. Байдарикъ, текущую въ довольно широкой долинѣ съ хорошими пастбищами. Байдарикъ имѣетъ отъ 15 до 20 саженей ширины, быстрое теченіе и каменистое дно. Глубина значительна только въ омутахъ, а въ остальныхъ мѣстахъ рѣка мелка. Байдарикъ получаетъ начало изъ главнаго кряжа системы Хангая, въ разстояніи двухъ дней пути къ сѣверу отъ почтовой Калганско-улясутайской дороги, въ высокихъ и лѣсистыхъ горахъ Кукудаба. Въ верховьяхъ образуетъ небольшое озеро и течетъ на югъ шесть станцій, т. е. около 170 верстъ. Съ правой стороны Байдарикъ принимаетъ въ себя верстахъ въ 80 ниже истока рѣчку

Изакъ, вытекающую изъ главнаго-же хребта Хангая и образующую въ верховьяхъ тоже малое горное озеро Куку-норъ. Верстахъ въ 9-ти выше устья въ Байдарикъ впадаетъ помянутая рѣчка Цаганъ-голъ, на берегу которой мы дневали. Она вытекаетъ изъ сосѣднихъ, близкихъ къ нашему пути, высокихъ горъ. Съ лѣвой стороны въ Байдарикъ изливается большая рѣчка Ута, получающая начало въ горахъ главнаго кряжа Ульдзуйту-ула.

Байдарикъ несетъ свои воды въ большое соленое озеро Цаганъ-норъ, лежащее близь подошвы Ю. Алтая, въ пустынной долинѣ. Это озеро имѣетъ около 50 верстъ въ окружности. Рыбы въ немъ, по причинѣ большой солености воды, вовсе нѣтъ, тогда какъ въ Байдарикѣ живутъ харіусы и водятся, по всей вѣроятности, еще и ускучи.

На лѣвомъ берегу Байдарика, близь дороги, находятся развалины. Мѣстные монголы говорили намъ, что тутъ стоялъ въ прежнее время городъ Улясутай. Городъ былъ обнесенъ глиняной стѣной прямоугольнаго начертанія, около 200 саж. длины и 100 саж. ширины. Внутри стѣны остались слѣды узкихъ улицъ, небольшихъ домовъ съ малыми двориками, воротъ и городскихъ площадокъ. Недостатокъ времени не позволилъ намъ осмотрѣть эти развалины и попытаться сдѣлать раскопки въ нихъ.

Къ востоку отъ р. Байдарика горная страна, по которой мы шли, замѣтно возвышается. Въ цѣломъ она представляетъ плоскогоріе, покрытое почти повсемѣстно пологими отраслями, тянущимися съ сѣвера на югъ. Ю. Алтай скрывался отъ насъ изъ вида только по временамъ, когда его заслоняли высоты къ югу отъ дороги. Долина между нимъ и южною оконечностью горной страны Хангая имѣетъ тутъ около 40 верстъ ширины. Съ горъ она представлялась намъ углубленной землей, лежащей по крайней мѣрѣ на 1000 футовъ ниже той горной страны, по которой пролегалъ нашъ путь. Эта пустынная долина, судя по показаніямъ монголовъ и отчасти по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, представляетъ ничто иное, какъ западный, клинообразный рукавъ Гоби, съ которою она сливается далѣе на юго-востокѣ. Подобно Гоби, она одинаково съ нею приподнята надъ уровнемъ моря и отличается почти такимъ же пустыннымъ характеромъ.

Только поблизости окрайнихъ ея горъ, да по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ, текущихъ съ Хангая и орошающихъ ее своими низовьями, измѣняется къ лучшему мертвое однообразіе этой пустынной долины.

Къ сѣверу отъ дороги мы продолжали видѣть, по прежнему, горный хребетъ, тянувшійся, казалось, непрерывно отъ помянутаго кряжа Буянту-ула на верхнемъ Дзапхынѣ. Если это не былъ преспективный обманъ, явленіе котораго на столько близкомъ разстояніи трудно допустить, то нужно полагать, что горная система Хангая опускается къ югу небольшою террасою. За хребтомъ показывались изрѣдка горныя вершины, свидѣтельствовавшія, согласно съ показаніями монголовъ, о непрерывности горной страны къ сѣверу отъ нашего пути до главнаго хребта Хангая, тянущагося почти параллельно Калганско-улясутайской почтовой дороги, отъ которой гребень его отстоитъ отъ 40 до 60-ти верстъ. На пониженіе горной страны Хонгая къ югу указываютъ несомнѣнно рѣки, текущія съ главнаго ея хребта на югъ. Мы пересѣкли Байдарикъ, да четыре рѣки оставались впереди. Эти послѣднія получаютъ начало также въ главномъ хребтѣ системы, текутъ съ сѣвера на югъ, прорывая себѣ путь чрезъ видѣнный нами къ сѣверу отъ дороги хребетъ, и несутъ свои воды въ большія озера долины между Хангаемъ и Алтаемъ. Но мы не слыхали отъ монголовъ о существованіи на этихъ рѣкахъ водопадовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пробиваются чрезъ помянутый хребетъ. Быстрины же и пороги на нихъ дѣйствительно встрѣчаются вѣ этихъ мѣстахъ.

Кромѣ рѣкъ съ ихъ притоками, несущихъ свои воды далеко на югъ, въ долину большихъ озеръ, въ описываемой горной странѣ есть маленькія внутреннія рѣчки и ручьи, образующія небольшія прѣсныя и соленыя замкнутыя озера, разсѣянныя кое-гдѣ по ней, въ особенности на сѣверѣ, поблизости главнаго кряжа [1]).

[1]) На нашемъ пути по этой горной странѣ встрѣчаются слѣдующіе источники: Шину-усу—въ 16 вер. къ востоку отъ равнины Голоинъ-тала; Долгэрэ-булукъ—въ 20 вер. къ ю.-в. отъ предыдущаго; Буянту-голъ—въ 24 вер. къ ю.-в. отъ озера Ульдзуйту, въ 5 вер. отъ этого озера къ востоку—Нарасъ-булукъ, а въ 16-ти—Цзамыйнъ-булукъ; Хутулинъ-булукъ—въ 22 вер. къ вост. отъ кол. Кошонъ-чолунъ-худукъ и Сангипъ-далай—на уроч. Хара-нидунэй-шанъ.

Въ 80-ти верстахъ отъ Байдарика мы пересѣкли другую значительную рѣку страны,—Нарынъ-голъ, мало уступающую, по массѣ воды, первой. Она протекаетъ въ широкой, большею частью солонцеватой долинѣ съ хорошими пастбищами. Нарынъ-голъ получаетъ начало, подъ названіемъ Ологой, въ главномъ хребтѣ Хангая изъ горъ Чжиргаланту-ула и течетъ на югъ въ прѣсное озеро Чжиргаланту-норъ, лежащее на сѣверной окраинѣ долины между Алтаемъ и Хангаемъ и имѣющее около 30 верстъ въ окружности. На берегахъ его, представляющихъ весьма хорошія пастбища, во время нашего пребыванія въ окрестностяхъ этого озера, стояло много монголовъ. Нарынъ-голъ, кромѣ ручьевъ, не принимаетъ значительныхъ притоковъ и короче Байдарика.

Долина между Алтаемъ и Хангаемъ на меридіанѣ озера Чжиргаланту-норъ простирается по прежнему верстъ на 40 въ ширину. Алтай-же въ этомъ мѣстѣ состоитъ не изъ одинокаго, какъ прежде, хребта, но изъ двухъ хребтовъ. Изъ нихъ сѣверный, наиболѣе высокій, мы ясно видѣли, а южный различали только по вершинамъ. Сѣверный хребетъ изгибается по плоской дугѣ, обращенной выпуклостью къ сѣверо-востоку; южный же тянется прямо съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Въ сѣверномъ кряжѣ почти на меридіанѣ озера Чжиргаланту находится весьма высокая гора Ихы-Богдо, поднимающаяся, по всей вѣроятности, не менѣе 13,000 футовъ надъ моремъ. Она имѣетъ продолговатую форму, сходную съ треугольною шляпою. Сѣверный ея склонъ очень крутъ, такъ что снѣгъ на немъ близь вершины держится только въ выемкахъ, но на самой верхушкѣ удлиненное снѣжное пятно, по словамъ монголовъ, не стаиваетъ никогда.

Цѣпь Ю. Алтая, тянущаяся къ югу отъ озера Чжиргаланту, представляетъ продолженіе вышеупомянутыхъ хребтовъ сѣвернаго—Баинъ-цаганъ и южнаго—Ирдынъ-ула, раздѣленныхъ западнѣе широкою долиною, заключающую соленое озеро Борбонъ-дабасу, а потомъ верстахъ въ 50-ти къ юго-западу отъ озера Цаганъ-норъ, какъ показывали монголы, сближающихся другъ съ другомъ и простирающихся такимъ образомъ въ близкомъ сосѣдствѣ почти прямо на востокъ верстъ 60. Далѣе цѣпь переходитъ въ одинокій хребетъ, тянущійся еще весьма далеко на юго-востокъ.

Южнѣе этой цѣпи, высокихъ горъ нѣтъ: тамъ залегаетъ обширная пустыня, покрытая кое-гдѣ низкими кряжами и отдѣльными высотами.

Въ 48 верстахъ къ востоку отъ Нарынъ-гола протекаетъ небольшая рѣчка Туинъ-голъ, получающая начало въ горахъ Убугунъ-чжиргаланту главнаго кряжа Хангая и впадающая въ соленое озеро Орокъ-норъ долины между Алтаемъ и Хангаемъ. Показанія монголовъ о формѣ и размѣрѣ этого озера были разнорѣчивы. Во всякомъ случаѣ оно должно быть меньше озера Цаганъ-норъ, принимающаго Байдарикъ, такъ какъ питается незначительною рѣчкою. Туинъ-голъ принимаетъ слѣва рѣчку Шаргальчжидъ, получающую начало въ горахъ Эльбихэ главнаго хребта Хангая и течетъ вблизости дороги въ плоской, широкой долинѣ[1]). Длина Туинъ-гола простирается на шесть дней пути, т. е. приблизительно до 170 верстъ.

Страна къ востоку отъ р. Туинъ-голъ становится еще выше: проходя по ней почти въ западно-восточномъ направленіи, мы приближались постепенно къ главному хребту Хангая, тянущемуся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Относительная высота горъ въ этой части страны также больше, чѣмъ въ западной, а рѣки текутъ въ глубокихъ, обрывистыхъ долинахъ.

Пройдя слишкомъ 40 верстъ отъ Туинъ-гола, мы спустились въ глубокую долину р. Таца-голъ, или Тацеинъ-голъ. Эта рѣка беретъ начало въ главномъ хребтѣ системы изъ горъ Дуланъ-хара, принимаетъ слѣва р. Шаргаинъ-голъ и течетъ на югъ въ соленое озеро Буинъ-цаганъ-норъ, лежащее въ той же долинѣ, гдѣ находятся и прочія помянутыя озера. Буинъ-цаганъ-норъ имѣетъ около 35 верстъ въ окружности. Долина Таца-голъ окаймлена съ востока и запада крутыми горными склонами и весьма богата лугами, мѣстами болотистыми и кочковатыми, но пастбища были въ то время сильно потравлены скотомъ стоявшихъ въ долинѣ

[1]) На правомъ берегу Туинъ-гола, близь дороги, находятся развалины большаго дома съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ высокою глиняною оградою. Этотъ домъ, по свидѣтельству мѣстныхъ монголовъ, принадлежалъ китайскому купцу, который имѣлъ въ немъ лавку и торговалъ съ окрестными монголами. Нынѣ отъ него уцѣлѣла одна ограда.

многихъ монгольскихъ улусовъ. Рѣка, подобно предыдущимъ, уже покрылась прочнымъ льдомъ, препятствовавшимъ намъ ловить рыбу. Во всѣхъ этихъ рѣкахъ живутъ харіусы и водятся, должно быть, также ускучи, но къ сожалѣнію мы не могли добыть ни одного экземпляра рыбъ изъ подъ толстаго льда. На быстринахъ, правда, оставались кое-гдѣ полыньи, но до нихъ очень трудно было добраться и еще труднѣе ловить. Переправы черезъ эти рѣки по гладкому льду также затрудняли нѣсколько движеніе: предварительно лёдъ нужно было посыпать землей, чтобы верблюды не скользили, такъ какъ на чистомъ льду они держаться не могутъ.

Изъ долины Тацеинъ-гола мы поднялись въ горы и, пройдя по нимъ около 15 верстъ, спустились тоже въ глубокую долину лѣваго притока названной рѣки,—Шаргаинъ-гола[1]). Эта рѣка мало уступаетъ по массѣ воды Тацеинъ-голу, но долина ея не представляетъ такихъ удобныхъ пастбищъ. Изъ этой долины мы опять поднялись въ горы, съ которыхъ ясно былъ видѣнъ Ю. Алтай, отстоявшій отъ дороги верстахъ въ 70-ти на югѣ. Цѣпь состоитъ въ этомъ мѣстѣ изъ одного весьма высокаго хребта, въ которомъ заключается гора Цасату-Богдо,—высочайшая изъ вершинъ Ю. Алтая. Она имѣетъ видъ трапеціи съ закругленнымъ вверху меньшимъ основаніемъ и покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, спускающимся отъ вершины приблизительно футовъ на 500 по вертикальному направленію. Поэтому абсолютная высота Цасату-Богдо должна быть около 14,000 фут. Эта снѣжная гора лежитъ почти на меридіанѣ озера Буинъ-цаганъ-норъ, верстахъ въ 140 къ юго-востоку отъ горы Ихы-Богдо въ той же цѣпи. Мы видѣли ее только однажды, съ горъ лѣваго берега р. Шаргаинъ, потомъ она скрылась отъ насъ совсѣмъ. Ранѣе же мы не могли видѣть этой горы, потому что Ю. Алтай на пространствѣ трехъ станцій былъ закрытъ отъ насъ сосѣдними горами. Отъ монголовъ, спрошенныхъ нами объ этой горѣ, мы получили подтвержденіе, что вершина ея постоянно покрыта снѣгомъ,—а самая гора считается священною.

Не смотря на весьма значительную высоту Ю. Алтая въ об-

[1]) Шаргаинъ-голъ впадаетъ въ Таца-голъ слѣва верстахъ въ 20 ниже пересѣченія этой послѣдней рѣки съ нашимъ путемъ.

ластяхъ Ихы-Богдо и Цасату-Богдо, лѣсовъ на этихъ горахъ, по показанію монголовъ, нѣтъ, а встрѣчаются только кустарники, да одинокіе тополи и талъ по берегамъ источниковъ въ ущельяхъ. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что въ главномъ хребтѣ Хангая и его сѣверо-восточныхъ отрогахъ, отстоящемъ отъ Ю. Алтая въ этомъ мѣстѣ не далѣе 150 верстъ, растутъ значительные лѣса лиственницы. Отсутствіе лѣсовъ въ этой части Ю. Алтая и далѣе къ юго-востоку, впрочемъ, весьма естественно: онъ лежитъ южнѣе и тянется неширокимъ поясомъ по жаркой и сухой пустынѣ, тогда какъ Хангай широко раскинулся во всѣ стороны, образуя обширную горную страну, воспринимающую и задерживающую въ себѣ по этой причинѣ несравненно болѣе атмосферныхъ осадковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія значительныя рѣки, получающія начало въ Хангаѣ и расходящіяся оттуда по радіальнымъ направленіямъ, преимущественно на сѣверо-востокъ, югъ и юго-западъ. Изъ Южнаго же Алтая на означенномъ пространствѣ, по показанію монголовъ, не вытекаетъ ни одной значительной рѣки, какъ съ сѣвернаго, такъ и южнаго склона цѣпи, а только нѣсколько маловодныхъ рѣчекъ, изсякающихъ вскорѣ по выходѣ изъ горъ на сосѣднія пустынныя равнины.

Присутствіе Ю. Алтая все таки значительно оживляетъ здѣшнюю пустынную страну. По разсказамъ монголовъ, источники въ этихъ горахъ встрѣчаются нерѣдко, растительность какъ въ самыхъ горахъ, такъ и у подножій ихъ несравненно лучше, чѣмъ на сопредѣльныхъ равнинахъ. Въ лѣтнее время монголы всей окрестной страны кочуютъ въ этихъ горахъ, спускаясь съ нихъ осенью. Зимою Ю. Алтай покрывается снѣгомъ и иногда столь глубокимъ, что переходъ чрезъ него бываетъ затруднителенъ. Во время нашего путешествія вдоль Ю. Алтая въ октябрѣ и въ первой половинѣ ноября большая часть его была покрыта снѣгомъ и онъ рѣзко выдѣлялся своей бѣлизной на темно-сѣромъ фонѣ сосѣднихъ равнинъ, еще не одѣтыхъ снѣжнымъ покровомъ.

Въ горахъ къ востоку отъ р. Шаргаинъ-голъ мы пересѣкли нѣсколько плоскихъ котловинъ съ солончаками. Къ сѣверу отъ дороги тянулся, повидимому, все тотъ же непрерывный хребетъ, простирающійся отъ горъ Буянту-уда и носящій въ этомъ мѣстѣ

названіе Баинъ-ула, а далѣе къ востоку Ашхата. На югѣ же отъ нашего пути горная страна какъ-бы замыкалась высокимъ, рѣзко очерченнымъ хребтомъ Бурханъ-ула, простирающимся въ восточно-западномъ направленіи. Гребень этого хребта господствуетъ немного надъ высокой горной землей, по которой мы шли, а на югѣ между нимъ и Алтаемъ залегаетъ обширная долина большихъ озеръ, имѣющая и въ этомъ мѣстѣ около 40 верстъ ширины.

Южные широкіе и плоскіе отроги Хангая на пространствѣ отъ равнины Голоинъ-тала до рѣчки Цаганъ-голъ слагаются изъ гранита и сіенита. Гребни наиболѣе приподнятыхъ кряжей состоятъ изъ весьма плотной породы темно-бураго цвѣта[1]), а на пологихъ горныхъ склонахъ часто встрѣчаются массивные отторженцы упомянутыхъ кристаллическихъ породъ. Мѣстами они образуютъ непрерывныя стлани, или мельницы. Далѣе между рр. Цаганъ-голъ и Байдарикъ горы становятся нѣсколько выше и преобладающею породою въ нихъ является фельзитовый порфиръ. Къ подчиненнымъ же породамъ принадлежатъ: сіенитовый гранитъ, гранититъ, плагіоклазовый порфиритъ, кварцитъ и серпентинъ. Послѣднія три образуютъ преимущественно гребни хребтовъ этой горной мѣстности, тогда какъ остальныя обнаруживаются лишь на склонахъ. На правомъ берегу р. Нарынъ-голъ развитъ глинистый сланецъ съ кварцевыми жилами, которыя достигаютъ значительной мощности. Кварцъ въ этой мѣстности выдается изрѣдка среди сланцевыхъ массъ столбчато, въ видѣ обелисковъ, но небольшихъ размѣровъ. Въ участкѣ между рр. Нарынъ и Таца преобладаютъ сѣрый гнейсъ и гранитъ, а къ подчиненнымъ породамъ относятся: фельзитовый туфъ, ортоклазовый порфиритъ и кварцитъ. Наконецъ, между рр. Шаргаинъ-голъ (лѣв. притокъ р. Таца) и Горидою горы состоятъ изъ слюдянаго сланца и фельзитоваго туфа.

Въ восточной части горной страны, по которой мы шли, лежалъ уже довольно глубокій, вершка въ три снѣгъ и нѣсколько дней сряду дулъ весьма холодный встрѣчный вѣтеръ съ востока. Но въ пустынной долинѣ между Алтаемъ и Хангаемъ, лежащей гораздо ниже, снѣга еще не видно было нигдѣ. Въ 18-ти верстахъ къ востоку отъ рѣки Шаргаинъ-гола мы вышли на почтовую Кал-

[1]) Эта порода еще не опредѣлена.

ганско-улясутайскую дорогу и остановились на большей высотѣ, слишкомъ въ 6,000 фут., на ночлегъ. Атмосфера въ Монголіи на такихъ высотахъ необыкновенно прозрачна: вечеромъ въ тотъ день можно было простымъ глазомъ довольно отчетливо наблюдать неосвѣщенный край луны, еще не находившійся въ первой четверти, а въ небольшую трубу, увеличивающую около 20 разъ, безъ большой погрѣшности замѣчать соприкосновеніе этого края съ натянутыми въ ея фокусѣ нитями.

Послѣднія двѣ станціи отъ уроч. Харà-нидунэй-шантъ до почтовой дороги мы шли по тропѣ. Проводникъ повелъ насъ южнѣе дороги, на которой перевалы были покрыты глубокимъ снѣгомъ и потому вывелъ на почтовую дорогу позже, чѣмъ слѣдовало. По выходѣ на Калганско-улясутайскій почтовый трактъ мы узнали отъ мѣстныхъ монголовъ о существованіи другой, болѣе удобной дороги въ Куку-хото, направляющейся по долинѣ большихъ озеръ близъ сѣвернаго подножія Алтая. Нашъ проводникъ той дороги не зналъ и вывелъ насъ на почтовую дорогу, съ которой есть два свертка въ Куку-хото: отъ станцій Харà-нидунъ и Онгіинъ. При этомъ оказалось, что пунктъ на почтовой дорогѣ, куда мы вышли, поставленъ на картахъ почти на цѣлый градусъ сѣвернѣе, чѣмъ слѣдовало. На южную же дорогу, пролегающую по долинѣ большихъ озеръ, было три свертка съ нашего пути: съ урочища Цакилдакъ на Дзапхынъ, съ источника Тургынъ-булукъ, въ холмахъ близъ восточной окраины равнины Голоинъ-тала и внизъ по рѣчкѣ Цаганъ-голъ. Эта дорога короче нашей, пролегаетъ по равнинѣ и не бѣднѣе подножнымъ кормомъ и водой. Но къ сожалѣнію всё это мы узнали слишкомъ поздно, описавъ значительную дугу на сѣверъ, по горамъ. Не желая, однако, продолжать путь по одной изъ сѣверныхъ дорогъ, отдѣляющихся въ Куку-хото отъ почтоваго тракта, мы порѣшили пройти по этому тракту до ближайшаго пикета Гориды и, собравъ тамъ справки о южной дорогѣ, повернуть на нее круто съ этого пикета.

Утромъ по почтовой дорогѣ мимо нашего лагеря проѣхало около 100 китайскихъ солдатъ. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ заѣхало къ намъ. Солдаты эти возвращались со службы изъ Улясутая въ Пекинъ и ѣхали верхами на почтовыхъ лошадяхъ, а багажъ ихъ

шелъ на почтовыхъ же верблюдахъ, отправляемыхъ съ пикетовъ ранѣе выступленія самихъ солдатъ. Они ѣхали скоро, дѣлая по три, по четыре станціи ежедневно и, какъ видно, не жалѣли монгольскихъ лошадей и верблюдовъ, погоняя усердно тѣхъ и другихъ.

Навьючивъ своихъ верблюдовъ и мы послѣдовали по той-же дорогѣ за солдатами. Мѣстность стала сильно склоняться къ востоку, такъ что пройдя не болѣе 20 верстъ, мы спустились слишкомъ на 1000 футовъ и вышли на широкую, мѣстами болотистую долину р. Горида-голъ, или Горидуинъ-голъ. На лѣвомъ ея берегу расположенъ почтовый пикетъ юртъ изъ 15. Монголы, содержавшіе этотъ пикетъ, жили тутъ съ женами и дѣтьми. Кормъ поблизости пикета былъ совершенно вытравленъ, а потому мы спустились внизъ по рѣчкѣ версты на двѣ и остановились въ широкой ея долинѣ дневать.

Почтовое сообщеніе въ Монголіи устроено только для правительственныхъ надобностей, а частныя лица имъ не пользуются. Расходы, вызываемые содержаніемъ почтовыхъ пикетовъ, падаютъ на мѣстное населеніе. Каждый хошунъ (удѣльное княжество) обязанъ содержать извѣстное число пикетовъ. Но повинность эту нельзя признать вполнѣ натуральною: всякій хошунъ нанимаетъ на свои общественныя суммы нѣсколькихъ монголовъ съ верблюдами и лошадьми, которые и содержатъ причитающіеся на долю этого хошуна почтовые пикеты, получая среднимъ числомъ по 20 ланъ (около 50 руб.) на юрту ежегодно и положенное количество барановъ. Почтовые пикеты по Калганско-улясутайскому тракту между станціями Саиръ-усу и Хара-нидунъ содержатъ мѣстные монголы, образующіе такъ называемое *харчинское вѣдомство*. За то они избавлены отъ прочихъ повинностей и получаютъ еще небольшое вспомоществованіе отъ своихъ хошуновъ.

На каждомъ пикетѣ содержится положенное количество почтовыхъ лошадей и верблюдовъ, а также хорошая юрта для проѣзжающихъ чиновниковъ, но экипажей никакихъ нѣтъ. Почтовые пикеты не всегда остаются на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, а повременамъ передвигаются немного въ стороны отъ назначенныхъ мѣстъ по мѣрѣ вытравленія пастбищъ, но располагаются всегда поблизости дороги.

Всѣ проѣзжающіе по казенной надобности пользуются безплатно верблюдами и лошадьми на пикетахъ, а также опредѣленнымъ числомъ барановъ для пищи, соотвѣтственно своимъ чинамъ или должностямъ. Это число далеко превосходитъ дѣйствительную потребность, а потому многіе изъ проѣзжающихъ чиновниковъ продаютъ излишнихъ барановъ монголамъ, содержащимъ станціи, получая взамѣнъ ихъ серебро. Нѣкоторые изъ важныхъ чиновниковъ собираютъ такимъ образомъ значительныя суммы, получая съ каждаго пикета по нѣскольку десятковъ ланъ. Встрѣчаются, конечно, между ними и добросовѣстные, не берущіе лишняго. Про одного, напримѣръ, разсказывали, что онъ не только самъ не бралъ лишнихъ барановъ, но строго воспрещалъ пользоваться ими и чиновникамъ своей свиты.

Почтовыя дороги въ Монголіи соединяютъ Кобдо съ Улясутаемъ и Улясутай съ Калганомъ. Со станціи Саиръ-усу Калгано-Улясутайскаго тракта отдѣляется вѣтвь въ Ургу, а оттуда до Маймайчена, что близь Кяхты. Кромѣ того, существуетъ нѣсколько второстепенныхъ почтовыхъ дорогъ, на которыхъ содержится гораздо меньше лошадей и верблюдовъ, а именно: 1) между Ургою и Улясутаемъ по прямому направленію чрезъ уроч. Дуланъ, оз. Угэй-норъ, Дайри, Тэлліинъ-голъ и Тэрхей-норъ; 2) изъ г. Кобдо чрезъ Хонуръ-уленъ, Эльдеге и Белеу до перевала Хакъ на границѣ; 3) изъ того же города чрезъ Чингиль, Чакуртай и г. Булунъ-тохой въ Чугучакъ съ вѣтвью отъ Чингиля въ г. Гученъ, и 4) изъ Улясутая чрезъ уроч. Борхо, оз. Могой-нуръ и оз. Тунъ-куль въ г. Баркуль.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почтовыхъ дорогъ не существуетъ, проѣзжающія по казенной надобности лица и казенные транспорты слѣдуютъ на перемѣнныхъ верблюдахъ и лошадяхъ, смѣняемыхъ въ попутныхъ улусахъ, для чего высылаются впередъ загонщики, собирающіе заблаговременно потребное количество тѣхъ и другихъ животныхъ. На пути въ Куку-хото намъ неоднократно приходилось быть свидѣтелями такой процедуры сбора верблюдовъ для казенныхъ транспортовъ, шедшихъ изъ этого города въ Кобдо и въ Улясутай.

Караваны частныхъ лицъ избѣгаютъ почтовыхъ дорогъ, на ко-

торыхъ подножный кормъ поблизости источниковъ вытравляется почтовыми животными. Кромѣ того, по существующему правилу, въ случаѣ недостатка или усталости почтовыхъ верблюдовъ и лошадей, забираютъ для казенной надобности первыхъ попавшихся, возвращая ихъ хозяевамъ только по миновании надобности.

На другой день по прибытіи на р. Горидуинъ-голъ мы расспрашивали мѣстныхъ монголовъ о дорогѣ въ Куку-хото. Оказалось, что многіе изъ нихъ бывали нѣсколько разъ въ этомъ городѣ и знали всѣ дороги, ведущія туда изъ Западной Монголіи. О дорогахъ отдѣляющихся на станціяхъ Хара-надунъ (20 верстъ къ В. отъ пикета Гориды) и Онгіинъ (120 верстъ къ В. отъ пикета Гориды) въ Куку-хото, они сообщили намъ, что обѣ онѣ кружны и въ Гоби бѣдны водою и кормомъ. Южная же дорога, пролегающая въ долинѣ большихъ озеръ, близь сѣвернаго подножія Алтая, короче и во всѣхъ отношеніяхъ вообще удобнѣе сѣверныхъ дорогъ. Отъ пикета Гориды считается до этой дороги по прямому направленію на югъ два дня пути, а до Куку-хото здѣшніе монголы на хорошихъ верблюдахъ съ легкими вьюками доходятъ въ 18—20 дней.

Мы ни въ какомъ случаѣ не желали идти въ Куку-хото по какой либо изъ сѣверныхъ дорогъ, отстоящихъ близко одна отъ другой, такъ какъ по одной изъ нихъ прошелъ осенью 1872 года англійскій путешественникъ Эляйясъ. Поэтому и просили монголовъ указать нашему проводнику примѣты, по которымъ онъ могъ-бы вывесть насъ на южную дорогу, такъ какъ соединительнаго пути между нею и пикетомъ нѣтъ, а только тропа, мѣстами незамѣтная, съ которой проводникъ легко могъ сбиться.

Покончивъ съ дорогой, мы расспрашивали монголовъ объ окрестной странѣ. По ихъ показанію, рѣка Горидуинъ-голъ получаетъ начало въ главномъ кряжѣ Хангая, въ разстояніи одного дня пути къ сѣверо-западу отъ пикета Гориды. Верстахъ въ 10-ти ниже этого пикета она принимаетъ слѣва рѣчку Шабарту-голъ, вытекающую изъ сосѣднихъ горъ на сѣверо-востокѣ, по сліяніи съ которою получаетъ названіе Аргуинъ-гола и течетъ на югъ-западъ-югъ въ прѣсное озеро Цыгэинъ-норъ,—крайнее восточное изъ числа большихъ озеръ долины между Алтаемъ и Хангаемъ. Оно

имѣетъ около 30 верстъ въ окружности и отстоитъ отъ пикета Гориды на югъ въ 56-ти верстахъ [1]).

Съ р. Горидуинъ-гола мы направились сначала по почтовой Калганско-улясутайской дорогѣ, пересѣкли рѣчку Шабарту-голъ— лѣвый притокъ Гориды, разбивающуюся въ солонцеватой долинѣ на рукава, миновали весьма глубокое прѣсное озеро Гунъ-норъ, лажащее въ котловинѣ, а потомъ слѣдовали по тропѣ на юго-востокъ. Первыя 10 верстъ шли по равнинѣ, затѣмъ, повернувъ почти прямо на югъ, вступили въ холмистую землю, образуемую крайними отпрысками Хангая. Эта мѣстность лежитъ значительно ниже горной страны между рѣками Таца-голъ и Горидуинъ-голъ, представляя преддверіе пустыни Гоби. Между холмами встрѣчались глубокія лощины, покрытыя хорошимъ кипцомъ, но ни источниковъ, ни колодцевъ не было, такъ что намъ пришлось въ этотъ день пройти до ближайшаго колодца,—Цзарахатъ-цагай,—42 версты. Кормъ около него былъ потравленъ скотомъ стоявшихъ поблизости монголовъ и наши лошади голодали всю ночь.

На слѣдующій день первую половину станціи шли по холмистой же мѣстности со многими небольшими котловинами, въ одной изъ которыхъ встрѣтили соленое озерко Хучжирту-норъ, а потомъ спустились въ обширную впадину, имѣющую отъ 5 до 8 верстъ ширины и простирающуюся верстъ на 35 съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Отсюда началась пустыня Гоби: страна понижается и становится болѣе открытою, хотя и не представляетъ совершенной равнины; появляются впадины, большею частью плоскія съ солончаками, изрѣдка съ небольшими солеными озерами или несомнѣнными признаками существовавшихъ въ нихъ прежде озеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ источники и бѣднѣетъ флора.

Съ сѣверо-востока и юго-запада помянутая впадина окаймлена низкими пустынными кряжами Шаргаинъ-хошуту и Харà-нуру, изъ которыхъ первый опускается къ ней пологимъ склономъ, а

---

[1]) Всего слѣдовательно въ долинѣ пять озеръ, изъ которыхъ два Чжиргаланту и Цыгэинъ-норъ прѣсныя, а остальныя соленыя. Всѣ онѣ нанесены на маршрутъ по распроснымъ свѣдѣніямъ, такъ какъ лежатъ далеко въ сторонѣ отъ дороги и потому какъ въ положеніи ихъ, такъ и въ величинѣ могутъ быть значительныя неточности.

второй крутымъ. Дно этой обширной углубленной земли, состоящее почти сплошь изъ солончаковъ, покрыто во многихъ мѣстахъ караганою, злакомъ дэрису и песчаными сопками. На немъ встрѣчались также солончаковыя площади съ гладкою, лоснящеюся отъ солянаго налета, поверхностью. Онѣ занимаютъ наиболѣе углубленныя мѣста дна и представляютъ, по всей вѣроятности, остатки одного обширнаго водохранилища, наполнявшаго нѣкогда всю эту котловину.

Ю. Алтай мы потеряли изъ вида еще не доходя до почтовой дороги и онъ скрывался отъ насъ въ теченіи первыхъ четырехъ дней пути отъ пикета Гориды на юго-востокъ. Высокій же кряжъ Бурханъ, тянущійся съ запада на востокъ, и служащій, какъ было упомянуто, южною окраиною горной страны между рр. Таца-голъ и Горида-голъ,—исчезъ отъ нашихъ взоровъ при спускѣ съ горъ въ долину р. Горидуинъ-гола. Но мы усматривали его еще въ первый день пути отъ пикета Гориды, пока шли по открытой мѣстности. Спустившись же въ углубленіе на рубежѣ пустыни, потеряли изъ вида даже близкія окрестности, скрываемыя окраиными хребтами этой впадины. Близъ колодца Адунъ-чолу, на которомъ мы ночевали, я поднимался на гребень южнаго хребта Хара-нуру для обозрѣнія окрестностей, но и оттуда не видно было ни Алтая, ни кряжа Бурханъ-ула. Вокругъ на всемъ видимомъ пространствѣ простиралась волнообразная равнина, покрытая кое-гдѣ низкими, насажденными кряжами, увалами и отдѣльными высотами. Всѣ эти поднятія на сѣверѣ возвышались нѣсколько больше надъ равнинами, чѣмъ въ остальныхъ странахъ горизонта.

Пройдя около 35 верстъ въ углубленіи, окаймленномъ въ юго-восточной части уже не хребтами, а пологими увалами, мы поднялись на плоскогоріе, на которомъ пересѣкли весьма пологую гряду, и спустились въ другую впадину, протянувшуюся верстъ на 40 съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Она имѣетъ отъ 2 до 4-хъ верстъ ширины и отличается такимъ же характеромъ, какъ и предыдущая, т. е. присутствіемъ множества солончаковъ, покрытыхъ мѣстами зарослями дэрису, съ признаками высохшихъ озеръ и песчанныхъ сопокъ. Въ юго-восточной части впадина съуживается до двухъ верстъ и богата солончаковыми растеніями. Тутъ по ней

разсѣяны были кое-гдѣ монгольскіе улусы около колодцевъ и пас-лось много жирныхъ верблюдовъ. Воды въ ней достаточно, но она несовсѣмъ пріятна на вкусъ и при томъ солоновата. Невдалекѣ отъ своей юго-восточной оконечности впадина поворачиваетъ почти прямо на востокъ. Мы пересѣкли её поперегъ и поднялись на увалъ, на которомъ въ углубленіи встрѣтили небольшое солё-ное озерко и направились почти прямо на востокъ, сбившись съ тропы. Тутъ намъ попались навстрѣчу монголы, указавшіе намъ путь къ югу на колодезь. Отъ нихъ мы узнали, что мѣстность къ востоку отъ углубленія совершенно безводна на пространствѣ трехъ дней пути и кормъ въ ней очень плохъ даже для верблюдовъ, а для лошадей совсѣмъ корма нѣтъ. Чтобы пройти по этой пустынѣ на сѣверо-востокъ до почтовой дороги, нужно запасаться водою для людей непремѣнно на два дня и движеніе по ней возможно только на верблюдахъ.

По совѣту монголовъ, мы повернули круто на югъ и, пройдя версты двѣ по увалу, снова спустились въ ту же впадину, укло-няющуюся въ этомъ мѣстѣ, какъ замѣчено, почти прямо на во-стокъ и съуживающуюся до двухъ верстъ. На днѣ ея, около об-ширныхъ зарослей дэрису, у колодца Холтъ, мы остановились на дневку. Воды было много, но колодезь давно не прочищался и пить её было невозможно. Пришлось довольствоваться снѣговой водой, розыскивая небольшія снѣжныя кучи между песчаными сопками.

Поблизости колодца Холтъ стояло нѣсколько монгольскихъ улу-совъ и у насъ перебывало много монголовъ, которыхъ мы распра-шивали о южной дорогѣ въ Куху-хото и объ окрестной странѣ. Эта дорога, выходящая изъ долины большихъ озеръ, отстоитъ отъ колодца Холтъ въ прямомъ направленіи на югъ не далѣе 25 верстъ. Она дѣйствительно короче и во всѣхъ отношеніяхъ лучше сѣвер-ныхъ дорогъ, отдѣляющихся съ почтоваго тракта. Южнѣе ея вдоль сѣвернаго подножія Алтая идетъ другая дорога въ Куку-хото, отходящая отъ первой въ долинѣ между Хангаемъ и Алтаемъ и потомъ соединяющаяся съ ней опять далѣе на юго-востокѣ.

Ю. Алтай мы увидѣли теперь снова, подходя къ колодцу Холтъ. Онъ отстоитъ отъ этого колодца около 65 верстъ и тянется оди-

нокимъ хребтомъ, носящимъ въ этомъ мѣстѣ названіе Арца-Богдо. Хребетъ возвышается приблизительно около 3,500 футовъ надъ сосѣднею равниною и не имѣетъ высокихъ, выдающихся вершинъ. Арца-Богдо, по свидѣтельству монголовъ, представляетъ непрерывное продолженіе массивныхъ горъ Алтая, что къ югу отъ долины большихъ озеръ. Общее названіе всему этому длинному поднятію монголы повсемѣстно даютъ Алтай. Лѣса на хребтѣ Арца-Богдо совсѣмъ нѣтъ, такъ что, по выраженію монголовъ, не изъ чего сдѣлать даже остовъ юрты. Но источники въ немъ не рѣдки, въ особенности на сѣверномъ склонѣ, и растительность въ лѣтнее время мѣстами очень хороша. Чрезъ хребетъ есть перевалъ, по которому переходятъ его караваны, направляющіеся изъ Букухото въ г. Баркуль.

Окрестная страна представляетъ совершенную пустыню. На западѣ пустыня сливается непосредственно съ пустынною же долиною большихъ озеръ, которая, какъ выше было замѣчено, представляетъ западное, клинообразное продолженіе Гоби. Описываемую часть этой обширной пустыни, подобно другимъ ея мѣстностямъ, нельзя признать совершенной равниной: поверхность ея волнообразна и покрыта кое-гдѣ низкими насажденными кряжами, плоскими увалами и отдѣльными высотами. Въ ней очень часто встрѣчаются впадины съ ихъ неразлучными спутниками солончаками и песчаными сопками, поросшими саксауломъ или хармыкомъ, но большихъ песковъ въ этой части Гоби нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ впадинахъ находятся соленыя озера, которыхъ довольно много въ пустынѣ. Источники же очень рѣдки въ Гоби и встрѣчаются въ ущельяхъ и долинахъ наиболѣе высокихъ ея горъ, а на равнинахъ лишь въ обширныхъ и глубокихъ впадинахъ, но какъ тѣ, такъ и другіе необильны водой. Многіе изъ гобійскихъ источниковъ содержатъ солоноватую воду, а нѣкоторые даже совершенно соленую. Въ числѣ этихъ источниковъ есть періодическіе, текущіе только нѣкоторое время послѣ дождей или таянія снѣга, а потомъ изсякающіе.

Здѣшніе монголы подтвердили намъ показанія, полученныя на пикетѣ Горида о существованіи прѣснаго озера Цыгэинъ-норъ, принимающаго рѣку Аргуинъ-голъ, а также сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о странѣ къ югу отъ хребта Арца-богдо. По ихъ опи-

санію, та страна представляетъ такую же пустыню, какъ и по сѣверную сторону хребта съ тою разницею, что южная пустыня еще безплоднѣе сѣверной и бѣднѣе ея водою, но лежитъ ниже и зима въ ней бываетъ теплѣе. Поверхность ея, подобно сѣверной Гоби, неровная и покрыта изрѣдка кряжами и отдѣльными высотами, хотя высокихъ горъ тамъ нѣтъ. Большихъ песковъ въ пустынѣ прямо къ югу отъ хребта Арца-Богдо тоже нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ разстояніи 4—5 дней пути отъ хребта, а существуютъ ли они далѣе на югъ,—спрошенные монголы не знали достовѣрно. Но къ юго-востоку отъ этихъ горъ, по ихъ показанію, въ 15—20 дняхъ пути, начинаются обширные пески, поросшіе саксауломъ, въ которыхъ нѣтъ ни дорогъ, ни колодцевъ.

Населеніе по южную сторону хребта Арца-Богдо рѣдкое и кочуетъ преимущественно у подножія его, а глубь пустыни, по причинѣ ея безплодія и отсутствія колодцевъ,—безлюдна. Отъ хребта на югъ тамошніе монголы укочевываютъ только зимой, но не далѣе 3—4 дней пути. Источниковъ на южномъ склонѣ хребта Арца-Богдо меньше, чѣмъ на сѣверномъ. Солончаковъ въ южной пустынѣ также много, какъ и въ сѣверной.

На горахъ Арца-Богдо живутъ дикіе бараны и козлы, водящіеся на Алтаѣ едва-ли не повсемѣстно, исключая развѣ крайней, юго-восточной его части, а въ пескахъ далекой юго-восточной пустыни, по показанію монголовъ, пасутся будто-бы дикіе верблюды, о существованіи которыхъ имъ, впрочемъ, извѣстно только по слухамъ.

ГЛАВА IV.

ЗАМѢТКИ О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАСЕЛЕНІЯ МОНГОЛІИ, ОБРАЗѢ ЖИЗНИ И БЫТѢ ОБИТАТЕЛЕЙ ЭТОЙ СТРАНЫ, ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ УСТРОЙСТВѢ И АДМИНИСТРАТИВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

Въ настоящей главѣ считаю не лишнимъ коснуться населенія посѣщенной нами страны, хотя этотъ бѣглый очеркъ далеко не можетъ претендовать на ту полноту и основательность, которыми отличаются спеціальныя этнографическія изслѣдованія.

Населеніе Монголіи, разсматриваемой въ ея физическихъ границахъ [1]), по племенному составу можно считать однороднымъ, такъ какъ оно почти всё принадлежитъ къ монгольской расѣ [2]). Но по языку и отчасти по различію внутренняго быта это населеніе распадается на нѣсколько народностей. Изъ нихъ самую многочисленную представляютъ обитатели центральной и сѣверо-восточной частей страны, составляющихъ такъ называемую Халху. Всѣ халхасцы говорятъ однимъ и тѣмъ же чистымъ монгольскимъ языкомъ и исповѣдываютъ, подобно прочимъ монгольскимъ народностямъ, буддизмъ. Затѣмъ слѣдуютъ монголы юго-восточной, сосѣдней Внутреннему Китаю части страны (суниты, цахары, уротъ и тумытъ), отличающійся нѣсколько отъ халхасцевъ языкомъ, пра-

[1]) Подъ Монголіей въ физико-географическомъ отношеніи мы разумѣемъ весьма высокую землю, ограниченную на сѣверѣ горами Русскаго Алтая, Саяна съ его юго-восточнымъ продолженіемъ и Гентэйскими горами; на востокѣ хреб. Большимъ Хинганомъ, на юго-востокѣ Иншанемъ, а на югѣ и западѣ Ю.Алтаемъ.

[2]) Кромѣ котоновъ, живущихъ въ числѣ 100 юртъ на западномъ берегу оз. Киргизъ-норъ, принадлежащихъ къ тюрскому племени и описанныхъ впервые г. Потанинымъ. Потанинъ. „Очерки Сѣверо-Западной Монголіи“ вып. II, стр. 15—18. Сѣверо-восточный уголъ Монголіи, между р. Урсуномъ и озерами Буиръ и Далай съ одной стороны и хребтомъ Большимъ Хинганомъ съ другой, населяютъ баргу — буряты монгольскаго племени и солоны тунгузскаго.

вами, обычаями, отчасти даже образомъ жизни и не входящіе въ административный строй Халхи. Наконецъ сѣверо-западная часть Монголіи занята слѣдующими народностями: урянхаями, дурбётами, олётами, торгоутами и цзахачинами.

Урянхаи подраздѣляются на двѣ весьма различныя группы: одна занимаетъ бассейнъ верхняго Енисея, переходя немного даже на югъ отъ хребта Танну-ола, а другая—высокую горную область въ Ю. Алтаѣ. Эта область тянется неширокою, но длинною полосою по Ю. Алтаю отъ горъ Канасъ и Табынъ-Богдо на государственной границѣ до средняго Булгуна, простираясь на сѣверо-востокъ до рр. Ойгора, Суока и средней Кобдо, на востокъ до горъ Теректы, на западъ до истоковъ Кобдо, оз. Талъ-норъ, а на юго-востокъ до верховьемъ Булгуна. Урянхаи, населяющіе область верхняго Енисея[1]), по языку рѣзко отличаются отъ прочихъ монгольскихъ народностей: они говорятъ нарѣчіемъ тюркскаго языка, весьма сходнымъ съ нарѣчіемъ нашихъ алтайскихъ теленгутовъ, кочующихъ по р. Чуѣ. Въ этомъ нарѣчіи, однако, много чистыхъ и искаженныхъ монгольскихъ словъ[2]). Алтайскіе же урянхаи говорятъ монгольскимъ нарѣчіемъ и отличаются, кромѣ того, отъ Енисейскихъ бытомъ и религіей: Алтайскіе урянхаи—буддисты, а Енисейскіе большею частью язычники и только занимающіе южную часть своей страны, сопредѣльную Халхѣ, начинаютъ мало по малу принимать буддизмѣ. По внѣшнимъ признакамъ, обѣ группы урянхаевъ принадлежатъ къ монгольской расѣ[3]).

[1]) Эти урянхаи извѣстны у нашихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, подъ названіемъ сойётовъ.

[2]) Замѣтимъ кстати, что и въ чистомъ монгольскомъ языкѣ халхасцевъ очень много тюркскихъ словъ, большею частью искаженныхъ, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующихъ о прежнемъ общеніи монголовъ съ народами тюркскаго племени.

[3]) Къ сѣверо-западу отъ Алтайскихъ урянхаевъ по рѣчкамъ: Джикъ-пелень, Комъ, Сомъ и Канасъ, текущимъ съ западнаго склона Ю. Алтая, и около оз. Канасъ, живетъ народъ *кокчулутуны*. По внѣшнимъ признакамъ, они принадлежатъ къ монгольской расѣ, но говорятъ нарѣчіемъ тюркскимъ, сходнымъ съ нарѣчіемъ нашихъ алтайскихъ теленгутовъ. Почти всѣ кокчулутуны знаютъ и киргизское нарѣчіе, но монгольскаго языка не понимаютъ. Они кочуютъ весьма разсѣянно по высокой горной странѣ. Жилища ихъ состоятъ большею частью изъ коническихъ шалашей, покрытыхъ войлокомъ, а юрты встрѣчаются только

Дурбёты занимаютъ землю, границы которой приблизительно очерчиваются такъ: на сѣверо-западѣ государственная отъ перевала Уланъ-даба до перевала Юстыдъ. Отъ послѣдняго граница дурбётской земли чрезъ оз. Урю-норъ направляется къ устью р. Теса, оттуда поворачиваетъ на югъ и пролегаетъ по западнымъ берегамъ соединенныхъ озеръ Киргизъ-норъ и Айрикъ-норъ, потомъ вверхъ по р. Дзапхыну до устья протоки Татхэ-тэмэнъ въ эту рѣку изъ оз. Хара́-норъ,—отъ котораго она идетъ на сѣверозападъ чрезъ горы Анхалэ къ р. Кобдо; далѣе вверхъ по ней до устья Суока, затѣмъ по Суоку и Ойгору до пер. Уланъ-даба черезъ пограничный хребетъ Сайлюгэмъ. Дурбёты говорятъ нарѣчіемъ монгольскаго языка, которое, по отзыву халхасцевъ, для послѣднихъ далеко не такъ удобопонятно, какъ нарѣчія прочихъ монгольскихъ народностей, населяющихъ Сѣверо-Западную Монголію. Нравами, обычаями и вообще бытомъ дурбёты также рѣзче этихъ народностей отличаются отъ холхасцевъ.

Торгоуты кочуютъ на р. Булгунѣ, его притокахъ и на верхней Урунгу, на которой часть ихъ имѣетъ зимнія стойбища. На югъ кочевья торгоутовъ простираются до горъ Байтыкъ-Богдо. Ихъ монгольское нарѣчіе весьма близко къ языку халхасцевъ.

Цзахачине живутъ въ Ю. Алтаѣ къ востоку отъ торгоутовъ. Земля ихъ на сѣверѣ простирается до хребта Цзунъ-хаирханъ, на сѣверо-востокѣ до конца долины Дзерге, на востокѣ до рѣчки Борджонъ-голъ, впадающей въ Цицикъ-норъ, на югѣ до горъ Байтыкъ-Богдо, а на западѣ примыкаетъ къ области, занимаемой торгоутами. Нарѣчіе ихъ, подобно торгоутскому, мало разнится отъ чистаго монгольскаго языка халхасцевъ.

Монголы олётъ живутъ въ участкѣ, ограниченномъ на сѣверо-

у зажиточныхъ. Скотъ кокчулутуновъ состоитъ почти исключительно изъ козъ, да и тѣхъ они содержатъ немного. Главное занятіе этого народа звѣроловство. Лѣто кокчулутуны проводятъ въ своей землѣ, въ которую въ іюнѣ и іюлѣ прикочевываютъ киргизы, пользующіеся ихъ пастбищами и дающіе имъ за то на прокатъ лошадей, на которыхъ кокчулутуны перекочевываютъ и ѣздятъ на охоту. Осенью часть этихъ звѣролововъ переселяется на зиму въ горные лѣса, сосѣдніе рѣчкамъ: Акъ-Кабѣ, Джаманъ-Кабѣ и Нарынъ-Кабѣ для промысла и возвращается оттуда въ свою страну весною.

востокѣ нижнею Кобдо, на востокѣ хребтомъ Цзунъ-хаирханъ, на югѣ горами Баръ-чигыръ и на западѣ горами Теректы. Они, подобно торгоутамъ и цзахачинамъ, говорятъ монгольскимъ нарѣчіемъ, удобопонятномъ для халхасцевъ. Вообще нарѣчія Алтайскихъ урянхаевъ, олётъ, торгоутовъ и цзахачинъ, по отзыву нашихъ купцовъ, торгующихъ въ Сѣверо-Западной Монголіи, очень мало разнятся между собой и при томъ близки къ языку халхасцевъ, что подтверждаютъ и сами халхасцы[1]).

Наши этнографическія замѣтки касаются почти исключительно халхасцевъ, среди которыхъ мы преимущественно вращались во время пребыванія въ Монголіи.

О нравственныхъ качествахъ монголовъ можно сказать, что они добродушны, привѣтливы и честны. Характеръ у нихъ вспыльчивый, но злопамятность и месть не свойственны ихъ прямодушной натурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ монголы упрямы, хотя и поддаются легко обаянію лести. Словоохотливость также присуща имъ: на предложенный вопросъ, кромѣ прямагo отвѣта, готовы сообщить еще много лишняго. Скорая рѣчь монгола непрерывно льётся изъ его устъ, при чемъ нерѣдко высказывается много посторонняго, къ дѣлу не идущаго. Какъ и всѣ вообще кочевники, монголы лѣнивы и безпечны, но небезусловно. Монголъ предается праздности только во время досуга, котораго, правда, у него много; но за то въ рабочее время, напр. при слѣдованіи съ караваномъ, онъ способенъ трудиться неустанно въ теченіи долгаго времени. Безпечность монголовъ также достойна замѣчанія: нашему пресловутому „авось“ въ монгольскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ болѣе сильное „цугэръ“, отражающееся весьма невыгодно на ихъ благосостояніи.

Замѣчательно также въ нынѣшнихъ монголахъ отсутствіе хищническихъ наклонностей, выражающихся, обыкновенио, въ набѣгахъ и грабежахъ, столь обыкновенныхъ у многихъ другихъ кочевыхъ народовъ, какъ наприм. у арабовъ, туареговъ, туркменъ и отчасти даже у нашихъ киргизовъ. Въ Монголіи баранта (захватъ

[1]) Г. Потанинъ упоминаетъ еще о двухъ мелкихъ народностяхъ З. Монголіи Баитахъ и Минггытъ, о которыхъ мы свѣдѣній не имѣемъ. Потанинъ. Очерки С. З. Монголіи. Вып. II, стр. 28, 33, 34, 39 и 40.

скота) существуетъ только у Енисейскихъ и Алтайскихъ урянхаевъ, а въ остальныхъ мѣстахъ не только грабежи, но даже обыкновенныя кражи очень рѣдки, исключая городовъ съ ихъ окрестностями, да юго-восточной, сосѣдней Внутреннему Китаю, части Монголіи, въ которой нравы туземцевъ далеко не такъ патріархальны, какъ внутри страны.

Монголы, какъ извѣстно, ведутъ кочевую жизнь. Ихъ подвижныя поселенія, состоящія изъ нѣсколькихъ войлочныхъ юртъ,— называются *улусами*. На всемъ длинномъ пути по Монголіи (около 5000 верстъ) мы нигдѣ не встрѣчали большихъ улусовъ: величина ихъ колеблется отъ 5 до 8 юртъ и рѣдко отъ 8 до 12. Между тѣмъ какъ киргизскія подвижныя поселенія (аулы) достигаютъ 50 и болѣе юртъ. Малолюдность монгольскихъ улусовъ объясняется отчасти недостаткомъ обширныхъ, привольныхъ пастбищъ, отчасти родственными отношеніями, лежащими въ основѣ общежитія монголовъ, поселенія которыхъ составляются преимущественно изъ юртъ близкихъ родныхъ.

Привыкнувъ кочевать разсѣянно, монголы и на тучныхъ пастбищахъ, встрѣчающихся изрѣдка въ ихъ странѣ и способныхъ питать многочисленныя стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительныя группы (изъ 4—8 юртъ), отстоящія иногда въ полуверстѣ одна отъ другой. Исключеніемъ служатъ развѣ только княжескія ставки и большіе монастыри, около которыхъ встрѣчаются болѣе многолюдные улусы.

Другая особенность кочеваго образа жизни монголовъ, сравнительно съ киргизами, заключается въ существованіи у нихъ зимнихъ перекочевокъ. Киргизы, какъ извѣстно, проводятъ зиму на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, перекочевывая въ это время года только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, какъ наприм. отъ гололедицы или глубокаго снѣга. На своихъ постоянныхъ зимнихъ стойбищахъ большинство киргизъ устраиваетъ неподвижныя помѣщенія для себя (избы, мазанки, землянки) и скота (загоны, навѣсы). Монголы же перекочевываютъ по временамъ съ мѣста на мѣсто и зимою, хотя и рѣже, чѣмъ лѣтомъ, а потому и неподвижныхъ жилищъ на это время года ни для себя, ни для скота не устраиваютъ. Скотъ у нихъ круглый годъ остается подъ открытымъ

небомъ, безъ всякаго крова. Только для барановъ и козъ дѣлаютъ иногда на продолжительныхъ зимнихъ стоянкахъ круглыя ограды изъ камней, высотою фута въ три, въ которыя загоняютъ этихъ животныхъ на ночь.

Причина, побуждающая монголовъ къ зимнимъ перекочевкамъ, заключается въ бѣдности Монголіи тучными пастбищами, на которыхъ стада могли-бы свободно питаться въ теченіи всей зимы. Въ это время года монголы укочевываютъ нерѣдко въ безводныя мѣстности, на которыхъ въ лѣтнее время пасти скотъ, конечно, совершенно невозможно, а потому эти пастбища и остаются невытравленными до наступленія глубокой осени или зимы. Перекочевавъ съ наступленіемъ холодовъ въ такія безводныя степи, покрытыя нетронутымъ подножнымъ кормомъ (большею частью кипцемъ), монголы поселяются въ нихъ иногда на продолжительное время, гоняя скотъ на водопой къ ближайшимъ источникамъ или колодцамъ,—крупный черезъ два дня, а барановъ и козъ черезъ день или ежедневно. Если выпадетъ снѣгъ, то они располагаются на безводныхъ пастбищахъ еще свободнѣе, укочевывая иногда далеко отъ воды на хорошіе корма. Въ этихъ случаяхъ и люди, и животныя довольствуются вмѣсто воды снѣгомъ, который рѣдко остается чистымъ, а обыкновенно вскорѣ по выпаденіи смѣшивается вѣтрами съ пескомъ и дресвой.

Жилище монгола состоитъ изъ войлочной юрты (гэръ), отличающейся отъ киргизской главнымъ образомъ формою верхней половины. У киргизскихъ юртъ она сферическая, а у монгольскихъ коническая, что, очевидно, зависитъ отъ формы деревяннаго остова, обтягиваемаго войлочнымъ покровомъ. Перекладины, поддерживающія куполъ киргизской юрты, выпуклыя, тогда какъ у монголовъ онѣ прямыя. Другое существенное отличіе монгольской юрты отъ киргизской заключается въ устройствѣ дверей: монгольская юрта имѣетъ деревянныя, створчатыя двери, которыми она обращается на югъ; у киргизской же юрты дверное отверстіе закрывается просто войлокомъ, спускающимся въ родѣ шторы сверху. Наружныхъ украшеній, подобно киргизскимъ юртамъ, у которыхъ войлокъ въ средней части часто покрывается цвѣтнымъ узоромъ,—монгольское жилище не имѣетъ. Кровомъ бѣднѣйшимъ

монголамъ служатъ небольшіе коническіе шалаши, покрытые старымъ, дырявымъ и прокопченымъ войлокомъ.

Во время путешествій съ караванами или на богомолье монголы помѣщаются на ночлегахъ въ палаткахъ (майханъ) изъ синей бумажной ткани (дабы), подбиваемой иногда внутри болѣе грубою и рѣдкою бумажною же тканью (далимбою). Устройство и постановка монгольской палатки очень просты. Остовъ ея состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ кольевъ отъ 6 до 9 фут. высоты, утверждаемыхъ въ разстояніи 7—11 фут. другъ отъ друга и снабженныхъ на верхнихъ концахъ желѣзными ушками, сквозь которыя продѣвается третій колъ, служащій гребнемъ, или конькомъ остова. На этотъ остовъ натягивается палатка, полы которой прикрѣпляются посредствомъ веревочныхъ петель внизу къ желѣзнымъ колышкамъ, вбиваемымъ въ землю. По наружному виду, монгольская палатка напоминаетъ нѣсколько крутую шестигранную кровлю. Остріемъ или носомъ она для устойчивости обращается въ навѣтренную сторону, а противоположная сторона, состоящая изъ двухъ полъ, заключаетъ между ними отверзтіе, служащее дверью.

Посреди монгольской юрты цѣлый день горитъ огонь. Топливо, состоящее почти всегда изъ аргала (сухаго скотскаго помета), накладывается въ бездонную цилиндрическую рѣшетку, служащую таганомъ. Таганъ состоитъ изъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8 до 12 вершк. въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою параллельно четырмя желѣзными пажилинами съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ покоится сферическій котелъ. Въ такой рѣшеткѣ, имѣющей отъ 9 до 12 вершк. высоты, аргалъ при свободномъ притокѣ воздуха съ боковъ, горитъ лучше, чѣмъ въ обыкновенной кучѣ и при томъ она служитъ таганомъ.

Для топлива монголы предпочитаютъ аргалъ дровамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ подъ рукою, такъ какъ аргалъ, по ихъ объясненію, не испускаетъ искръ, которыя, падая на разбросанное въ юртахъ платье, могли-бы незамѣтно прожигать его. Поэтому они употребляютъ древесное топливо только за недостаткомъ аргала или сыростью его, если оно находится поблизости стойбищъ.

Въ послѣднее время въ Западной Монголіи стали мало по малу

появляться желѣзныя печи для нагрѣванія юртъ зимою. Этимъ нововведеніемъ монголы обязаны нашимъ бійскимъ купцамъ, торгующимъ въ Кобдо и Улясутаѣ, которые, для согрѣванія своихъ холодныхъ квартиръ въ названныхъ городахъ, привезли изъ Бійска желѣзныя печи. Онѣ понравились нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ, заказавшимъ нашимъ купцамъ доставить такія же печи и для нихъ. По ввезеннымъ бійскими купцами образцамъ, желѣзныя печи въ Кобдо и Улясутаѣ стали приготовлять тамошніе кузнецы-китайцы на продажу сначала горожанамъ, а потомъ и окрестнымъ монголамъ. Листовое желѣзо для этихъ печей покупается у нашихъ купцовъ и онѣ цѣнятся отъ 10 до 12 ланъ (25—30 рублей), а потому доступны только зажиточнымъ монголамъ.

У передней стѣны монгольской юрты стоитъ шкафикъ съ небольшимъ ящикомъ на верху, на которомъ помѣщаются кумиры и изображенія ихъ на бумагѣ или на тканяхъ на подобіе иконъ, а предъ ними металлическія чашечки, наполненныя хлѣбными зернами, масломъ или жиромъ и иными приношеніями. По обѣ стороны жертвенника размѣщаются сундуки съ домашнимъ имуществомъ и шкафы съ мелкой посудой, а поблизости дверей на право и на лѣво: ведра, кувшины, баклаги, сумы, сѣдла, арканы и уздечки. Тутъ же можно встрѣтить иногда и новорожденныхъ телятъ, ягнятъ или козлятъ, помѣщающихся въ очищенномъ для нихъ тѣсномъ уголкѣ. Затѣмъ, все остальное пространство юрты на право и на лѣво отъ очага занято деревянными складными кроватями, устланными войлоками.

Внутренняя поверхность юрты переполнена копотью, которая вмѣстѣ съ пылью образуетъ на куполѣ и перекладинахъ цѣлыя пряди, спускающіяся въ видѣ бахрамы. Неопрятность жилища вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ домашней утвари, приготовленіемъ пищи и чистоплотностью самихъ обитателей его. Для вытиранія внутренности котловъ, чашъ и корытъ, изъ которыхъ ѣдятъ люди, монголы вмѣсто тряпки очень часто употребляютъ сухой аргалъ, а внутренность мелкой посуды послѣ ѣды вылизываютъ языкомъ. Однимъ и тѣмъ же уполовникомъ или щипцами подкладываютъ аргалъ въ очагъ и вслѣдъ затѣмъ мѣшаютъ ими-

же кушанье въ котлѣ или вынимаютъ изъ него сварившееся мясо. Верхняя одежда монголовъ, о которую они имѣютъ обыкновеніе вытирать руки, постоянно покрыта тонкимъ слоемъ грязнаго жира, а бѣлье они носятъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ пора замѣнить его новымъ, но если новаго нѣтъ, то ходятъ въ одной верхней одеждѣ, хотя бы то было зимой. Тѣла своего монголы никогда не моютъ, а только лицо и руки, да и то не всѣ ежедневно. Зимою вмѣсто воды часто трутъ ихъ снѣгомъ.

Но за то такая непривлекательная, по нашимъ понятіямъ, внѣшность монгола со всею домашнею обстановкою съ избыткомъ искупается, мнѣ кажется, его внутреннею чистотою. Сидя въ грязномъ и убогомъ монгольскомъ жилищѣ, въ обществѣ его простодушныхъ обитателей, какъ-то невольно миришся съ ихъ неопрятностью и подавляешь въ себѣ чувство брезгливости.

Подобно другимъ кочевымъ народамъ, монголы свято соблюдаютъ обычай гостепріимства: ни одинъ путникъ, посѣтившій юрту монгола, не выйдетъ изъ нея безъ того, чтобы хозяева не пригласили его чего-нибудь поѣсть или выпить. При такомъ широкомъ гостепріимствѣ туземецъ, отправляющійся куда-нибудь изъ роднаго улуса налегкѣ, обыкновенно, не беретъ съ собой ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ въ каждой попутной юртѣ встрѣтитъ радушный пріемъ и будетъ желаннымъ гостемъ.

Обыденная жизнь монголовъ однообразна и бѣдна развлеченіями: въ монгольскихъ улусахъ рѣдко слышатся пѣсни, еще рѣже бываютъ игры. Путешественнику по Монголіи гораздо чаще приходится наблюдать различныя религіозныя отправленія и гаданія, весьма распространенныя у монголовъ. Народныя пѣсни уступаютъ мѣсто церковнымъ пѣснопѣніямъ, столь чтимымъ монголами, въ особенности ламами, которые и въ пути, сидя на верблюдѣ и покачиваясь равномѣрно, бормочатъ по нѣскольку часовъ подрядъ свою шестисловную мистическую молитву: „ом-ма-ни-пад-ме-хумъ".

Съ восходомъ солнца женщины доятъ скотъ и потомъ отправляютъ его большею частью съ подростками мальчиками, а иногда и съ дѣвушками на пастбище, куда пастухи или пастушки слѣдуютъ всегда верхомъ на лошадяхъ. Затѣмъ женщины готовятъ

кушанье и занимаются шитьемъ. Вообще на монголкахъ лежатъ многія домашнія работы: приготовленіе кушанья, собираніе молока, дѣланіе сыра, масла, уходъ за новорожденными мелкими животными, шитье платья и пр. Онѣ трудятся гораздо больше мужчинъ и эти нескончаемыя хлопоты по хозяйству поддерживаютъ въ нихъ постоянство энергіи, въ противоположность мужчинамъ, лѣнивая жизнь которыхъ измѣняется только періодически. За то монгольскія женщины пользуются значительной долей самостоятельности: онѣ не безотвѣтныя рабыни своихъ мужей, а полноправныя хозяйки.

Мужчины большую часть дня, если нѣтъ спѣшной работы, проводятъ въ праздности, сидя у очага и покуривая трубки или отправляются въ гости въ сосѣдній улусъ и непремѣнно всегда верхомъ, хотя бы до этого улуса было нѣсколько сотъ шаговъ. Разъѣзды по гостямъ бываютъ въ особенности часты лѣтомъ, когда у монголовъ приготовляется кумысъ и гонится водка. Въ это время можно встрѣтить партіи подгулявшихъ монголовъ, путешествующихъ изъ улуса въ улусъ, но въ чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ ихъ, однако, нельзя укорять. На праздникахъ при монастыряхъ устраиваются скачки, стрѣльба изъ луковъ и борьба, привлекающія туземцевъ цѣлыми тысячами. Охотники осенью и зимою нерѣдко соединяются въ партіи и устраиваютъ облавы на антилопъ, а весною, лѣтомъ и осенью охотятся въ одиночку на сурковъ.

Въ періодъ караваннаго движенія (съ августа по апрѣль) однообразная жизнь монголовъ, кочующихъ поблизости большихъ дорогъ, значительно оживляется: проходящіе ежедневно караваны доставляютъ имъ развлеченіе. Завидѣвъ караванъ, монголы тотчасъ садятся на лошадей и подскакавъ къ нему, привѣтствуютъ путешественниковъ; затѣмъ начинаются нескончаемые разспросы. Увлекшись разговоромъ, нѣкоторые изъ любопытныхъ уѣзжаютъ съ караванами очень далеко отъ своихъ улусовъ. Случается также нерѣдко, что монголъ, ѣдущій въ гости или за дѣломъ и встрѣтившійся съ караваномъ, поворачиваетъ назадъ и сопутствуетъ ему нѣсколько верстъ единственно изъ желанія побесѣдовать съ проѣзжающими. Но ошибочно-бы было такую страсть къ общенію

считать характеристической чертой монгольскихъ нравовъ: ее слѣдуетъ, мнѣ кажется, приписать вполнѣ естественному влеченію къ разнообразію отъ той монотонной жизни, которую ведутъ монголы въ своихъ малыхъ и уединенныхъ улусахъ.

Китайскіе и русскіе торговцы, посѣщающіе монгольскіе улусы, точно также оживляютъ повременамъ однообразную жизнь монголовъ, собирающихся къ нимъ во время остановокъ съ окрестныхъ стойбищъ. Китайскіе торговцы иногда по-долгу остаются на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ и у нихъ за это время перебываетъ множество монголовъ.

По вечерамъ монголки опять доятъ скотъ, оставляя коровъ, барановъ и козъ на ночь около юртъ подъ защитою собакъ, иначе волки, которыхъ въ Монголіи множество, не преминутъ воспользоваться оплошностью владѣльцевъ и навѣрно задушатъ нѣсколько штукъ. Въ эти часы, когда скотъ пригоняется къ улусамъ, окрестности ихъ оглашаются мычаніемъ коровъ и блеяніемъ барановъ. Потомъ все умолкаетъ и въ ночномъ сумракѣ только огоньки, просвѣчивающіе чрезъ верхнія, дымовыя отверзтія юртъ, обозначаютъ собою присутствіе человѣческихъ жилищъ.

Нижняя одежда мужчинъ состоитъ изъ короткой съ косымъ воротомъ рубахи, сшитой изъ синей, голубой или сѣрой бумажной ткани (дабы), съ небольшими разрѣзами по бокамъ у подола и изъ той же матеріи шараваръ. Зимою монголы носятъ овчинные или теплые стеганые шаравары изъ дабы. Верхнюю одежду составляетъ широкій халатъ изъ синей, коричневой, а у ламъ изъ желтой или малиновой дабы. Воротникъ, борты, подолъ и обшлага рукавовъ халата обшиваются у зажиточныхъ плисомъ. Халатъ застегивается на круглыя металлическія пуговицы, пришитыя на правомъ боку. На подолѣ халата съ обоихъ боковъ часто дѣлаются разрѣзы для удобнаго помѣщенія въ сѣдлѣ. Халатъ опоясывается бумажнымъ цвѣтнымъ поясомъ, на которомъ висятъ всегда ножны съ ножемъ и огниво на ремешкахъ или цѣпочкахъ, а сзади за поясомъ втыкается трубка. Кармановъ у халата не дѣлаютъ, а мелкія вещи, носимыя при себѣ, напр. табакерку, кисеты съ табакомъ и т. п., монголы кладутъ за пазуху или за голенища, куда помѣщаютъ иногда трубки и кошельки съ серебромъ. Въ

зимнее время монголы носятъ нагольные тулупы или халаты на бараньемъ мѣху, а въ путешествіяхъ при сильныхъ холодахъ и вѣтрахъ надѣваютъ еще поверхъ ихъ козьи дохи.

Женщины носятъ узкіе халаты съ длинными рукавами и утолщеніями на плечахъ. Халатъ застегивается на круглыя металлическія пуговицы, нашиваемыя по прямой линіи отъ подбородка внизъ. Поверхъ халата монголки надѣваютъ короткія безрукавки. Волосы монгольскія женщины разбиваютъ на двѣ пряди, смазываютъ ихъ клеемъ и спускаютъ въ видѣ двухъ плоскихъ, лентообразныхъ локоновъ на грудь, сжимая эти локоны металическими стяжками, или щемилками. Локоны украшаются бляхами, кораллами и лентами, а на голову монголки надѣваютъ маленькую ермолку съ тремя лопастями на краяхъ и отверзтіемъ на верху. Монголки носятъ массивныя, большею частью треугольныя серги, съ различными привѣсками, браслеты и кольца, а на шеѣ кораллы и бусы.

Мужчины и женщины обуваются въ просторные кожаные сапоги, похожіе на китайскіе, безъ каблуковъ, съ широкими, но короткими голенищами и толстыми войлочными подошвами, прошитыми ремешкомъ или дратвою. Зимою на ноги надѣваютъ предварительно войлочные чулки, выдающіеся изъ голенищъ.

Головной уборъ у мужчинъ и женщинъ одинаковъ: коническая шапка съ круглымъ мягкимъ шишакомъ на верхушкѣ и широкими, загнутыми кверху полями, отороченными снаружи мѣхомъ (лисьимъ, волчьимъ, рысьимъ) или плисомъ (у лѣтнихъ шапокъ). Зимою, въ сильную стужу, монголы отворачиваютъ ихъ, защищая себѣ лобъ, уши и затылокъ[1]). Сзади спускаются съ шапки двѣ малиновыя или пунцовыя ленты, длиною вершковъ въ 10. Лѣтомъ, въ жары, монголы, вмѣсто шапокъ, часто повязываютъ голову платкомъ, узломъ на затылокъ.

[1]) Монголы, какъ извѣстно, брѣютъ переднюю часть головы и носятъ косы, исключая ламъ, которые брѣютъ всю голову. Простые монголы (харá) брѣютъ бороду и оставляютъ усы, а ламы ни бороды, ни усовъ не носятъ.

Скотоводство составляетъ, какъ извѣстно, главное, основное занятіе обитателей Монголіи. Кромѣ рогатаго скота, въ этой странѣ пасутся огромныя стада барановъ, множество лошадей и верблюдовъ; водятся также въ небольшомъ количествѣ и козы.

Монгольскій рогатый скотъ—довольно крупной породы. Кромѣ обыкновеннаго рогатаго скота въ Монголіи водятся еще *сарлоки* (Bos grunniens. Lin). Это потомки дикаго быка,—яка,—живущаго нынѣ на свободѣ въ пустыняхъ Тибета. Отъ скрещиванія сарлоковъ съ обыкновеннымъ рогатымъ скотомъ произошли помѣси хайныки и хайлыки, но потомки этихъ помѣсей недолговѣчны.

По наружному виду, сарлоки очень похожи на дикаго яка и развѣ немного уступаютъ ему въ величинѣ. Они живутъ преимущественно въ высокихъ, горныхъ мѣстностяхъ Монголіи: въ Алтаѣ, Хангаѣ и Гентэйскихъ горахъ, но въ Гоби намъ нигдѣ не приходилось видѣть ихъ. Самки сарлоковъ даютъ густое и очень вкусное молоко, но мясо этихъ животныхъ, по увѣренію пробовавшихъ, грубо и не такъ вкусно, какъ обыкновеннаго рогатаго скота. Акклиматизація сарлоковъ у насъ въ Алтаѣ, Тарбагатаѣ или Тянь-шанѣ была-бы, по всей вѣроятности, возможна и принесла бы немало пользы, такъ какъ отъ нихъ, кромѣ мяса, кожъ и молока, получаются еще цѣнный волосъ и шерсть.

Монгольскія лошади мелки и некрасивы. Короткое туловище съ плоскимъ тазомъ, слегка выпуклый лобъ, длинный, пышный хвостъ и большія уши,—составляютъ отличительные ихъ наружные признаки. Онѣ пугливы, а взятыя прямо изъ табуна, малоѣзженныя,—дики; но всѣ вообще очень выносливы и крайне неприхотливы на пищу, довольствуясь въ пустынѣ такими жесткими растеніями, которыхъ наши лошади въ ротъ не возьмутъ. Наружностью и ростомъ монгольскія лошади уступаютъ киргизскимъ. Впрочемъ, въ Восточной Монголіи, поблизости Большаго Хингана, водятся, как намъ говорили, болѣе крупныя лошади, которыхъ самимъ не приходилось видѣть.

Нечего и говорить, что всѣ монголы отличные наѣздники; даже монголки смѣло могутъ соперничать въ верховой ѣздѣ съ лучшими европейскими берейторами, разумѣется, не красотою посадки и знаніемъ манежныхъ тонкостей, а умѣніемъ справляться съ ре-

тивымъ конемъ и способностью къ продолжительнымъ, неустаннымъ переѣздамъ. Сѣдла у монголовъ глубокія съ весьма широкими и высокими передними луками. Съ ленчика по обѣ стороны спускаются кожаныя лопасти съ узорами, оттиснутыми или набитыми красками. Массивныя стремена съ широкими подножками поднимаются такъ высоко, что всадникъ сидитъ на лошади съ согнутыми чуть не подъ прямымъ угломъ ногами.

Тяжести монголы перевозятъ преимущественно вьючнымъ способомъ на верблюдахъ, а телѣги употребляются для этого рѣже, да и то почти исключительно въ восточной, наиболѣе ровной половинѣ Монголіи. Монгольскія телѣги—это первобытныя двуколки съ угловатыми колесами. Спицы и втулка колеса замѣняются крестовиною, вставленною въ ободъ. Въ замкѣ крестовины продѣлано четыреугольное отверзтіе для укрѣпленія оси, вертящейся, подобно вагоннымъ осямъ, вмѣстѣ съ колесами. Въ телѣги съ тяжестями запрягаютъ всегда быковъ, а лошади вовсе не знаютъ упряжи. На нихъ, однако, возятъ иногда чиновниковъ въ китайскихъ телѣгахъ, привязывая къ оглоблямъ длинныя поперечины, концы которыхъ верховые монголы берутъ къ себѣ на сѣдла, прикрѣпляютъ и тянутъ такимъ образомъ экипажъ. Важные сановники ѣздятъ большею частью въ паланкинахъ, поддерживаемыхъ на вѣсу ѣдущими съ обѣихъ сторонъ четырьмя верховыми посредствомъ поперечинъ, прочно прикрѣпленныхъ къ двумъ продольнымъ шестамъ, соединеннымъ съ крышею паланкина.

Верблюды въ Монголіи такъ же, какъ и въ нашихъ киргизскихъ степяхъ, двугорбые, хорошо обучены и очень привычны къ продолжительнымъ движеніямъ подъ вьюками, въ особенности въ восточной половинѣ страны, гдѣ ежегодно въ теченіи осени и зимы многія тысячи ихъ заняты перевозкою чая изъ Калгана въ Кяхту.

Монгольскія вьючныя сѣдла для верблюдовъ (хоманы) очень удобны, равно какъ и самые способы вьючки и развьючки, позволяющіе выполнять ту и другую операцію быстро. Каждый изъ двухъ, приблизительно равныхъ по вѣсу грузовъ, предназначаемыхъ на одного верблюда, монголы оплетаютъ крестъ на-крестъ веревкою нѣсколько разъ, дѣлая изъ нея по двѣ петли на верху.

При вьючкѣ оба груза приподнимаются двумя рабочими и прикладываются къ бокамъ лежачаго (на животѣ съ подогнутыми подъ себя ногами) верблюда, при чемъ петли одного изъ грузовъ продѣваются чрезъ противоположныя имъ на другомъ грузѣ и потомъ чрезъ нихъ просовывается палочка, удерживающая грузы на сѣдлѣ. Для развьючки, когда верблюдъ будетъ уложенъ, стоитъ только выдернуть эту палочку и оба груза тотчасъ-же упадутъ на землю; но если не желаютъ ихъ потрясать, то поддерживаютъ при вынутіи палочки и опускаютъ постепенно. Благодаря такой простотѣ вьючки и развьючки верблюдовъ, при монгольскихъ караванахъ слѣдуетъ очень немного людей въ качествѣ погонщиковъ: на 10 верблюдовъ полагается достаточно по одному рабочему и они безъ затрудненія справляются въ пути.

Караванное движеніе въ Монголіи совершается главнымъ образомъ осенью и зимой (съ августа по апрѣль), а лѣтомъ и весной, по причинѣ жаровъ и слабости въ это время верблюдовъ, караваны ходятъ рѣдко,—только въ крайнихъ, нетерпящихъ отлагательства случаяхъ. Съ наступленіемъ же осени по всѣмъ караваннымъ трактамъ начинается усиленное движеніе, въ особенности по Калганско-ургинскому, по которому ежегодно перевозится болѣе милліона пудовъ одного только чаю. Величина каравановъ бываетъ, конечно, весьма различна. Намъ ниразу не приходилось встрѣчать въ Монголіи каравана болѣе, какъ въ 300 верблюдовъ, но въ Тибетъ на поклоненіе Далай-ламѣ ходятъ, говорятъ, очень большіе караваны—въ 500 и больше верблюдовъ или, по выраженію монголовъ, въ *нѣсколько огней*. Это значитъ, что люди, слѣдующіе въ такомъ большомъ караванѣ, не могутъ помѣщаться на станціяхъ въ одной палаткѣ (при одномъ огнѣ), а располагаются въ нѣсколькихъ.

На верблюда въ Монголіи грузятъ отъ 12 до 16 пудовъ. Нагруженный 12 пудами, хорошій верблюдъ свободно дѣлаетъ въ день 40 верстъ, если нѣтъ встрѣчнаго вѣтра, въ противномъ случаѣ менѣе. Съ тяжелыми-же вьюками въ 16 пудовъ караваны проходятъ ежедневно около 30 верстъ, но въ два пріема: съ восхода солнца идутъ до полудня, потомъ останавливаются часа на четыре, а вечеромъ дѣлаютъ вторую половину перехода. При слѣ-

дованіи съ легкими вьюками, не болѣе 12 пудовъ, и при томъ на свѣжихъ, жирныхъ верблюдахъ караваны движутся безостановочно 12 часовъ въ сутки отъ полудня до полуночи, а отъ полуночи до слѣдующаго полудня отдыхаютъ на ночлежномъ мѣстѣ[1]). Въ этомъ случаѣ дневные переходы простираются до 50 верстъ.

Разстоянія монголы опредѣляютъ числомъ дней пути, а потому желающему знать ихъ по точнѣе,—необходимо справляться о быстротѣ самаго движенія въ зависимости отъ рода и качества животныхъ, на которыхъ оно можетъ быть совершено въ извѣстное число дней. День пути большимъ ходомъ на хорошемъ, порожнемъ верблюдѣ и на короткомъ пространствѣ осенью и зимою можно принять въ 60 верстъ, на посредственномъ въ 50. Дневной переходъ на хорошей лошади въ непродолжительномъ путешествіи—около 70 верстъ, на посредственной—50. Въ Юго-Восточной Монголіи, сопредѣльной Внутреннему Китаю, монголы знаютъ китайскую *ли* (0,542 вер.) и могутъ опредѣлять разстоянія этою единицею, но въ остальныхъ странахъ не знакомы ни съ какими путевыми мѣрами.

Монголы прекрасно знаютъ верблюда и мастерски умѣютъ ухаживать за нимъ, если не полѣнятся. Осенью, выступая въ путь на жирныхъ верблюдахъ съ вьюками, они въ теченіи первыхъ трехъ или четырехъ дней *выстаиваютъ ихъ*, т. е. не даютъ имъ за все это время вовсе пить, не спуская даже на пастбище, если оно не у колодца, а на берегу ручья или рѣчки, изъ которой верблюды могутъ напиться. На твердой, каменистой почвѣ Монголіи верблюды, при продолжительномъ движеніи съ вьюками, часто протираютъ свои подошвы и начинаютъ хромать. Тогда монголы искусно подшиваютъ ихъ кожею. Для этой операціи верблюда кладутъ на бокъ и крѣпко спутываютъ ему ноги веревкою, при чемъ два, три человѣка держатъ его связаннаго. Рану предварительно очищаютъ отъ грязи, потомъ посыпаютъ ее какимъ то ра-

[1]) Промежутокъ между полуночью и полуднемъ предназначается на отдыхъ для того, чтобы утромъ до 11 часовъ, т. е. до начала вьючки, верблюды могли хорошо поѣсть. Ночью они съ трудомъ отыскиваютъ пищу, а потому рѣдко спускаются на пастбища. Днемъ же наѣдаются очень скоро, часа въ два, много въ три. Слѣдовательно каравану изъ верблюдовъ очень неудобно быть въ движеніи цѣлый день съ разсвѣта до сумерекъ.

стительнымъ порошкомъ и накладываютъ сверху лепестокъ мягкаго трута. Поверхъ его налагается повязка изъ кусочка размоченной верблюжьей кожи съ тремя узкими язычками, которые продѣваются чрезъ отверзтія, проколотыя толстой изогнутой иглой въ подошвѣ вокругъ раны. Иногда повязку, состоящую изъ кожаннаго кружка, прошиваютъ той же иглой посредствомъ бичевки или ремешка къ подошвѣ швомъ внутрь.

Зимою при слѣдованіи съ караванами по снѣгу монголы на ночлежныхъ пунктахъ очищаютъ отъ него для верблюдовъ площадку и укладываютъ ихъ на ночь на голой землѣ. Безъ этой предосторожности верблюды, лежа на снѣгу и растопляя его своею внутреннею теплотою, мокнутъ, зябнутъ и начинаютъ заболѣвать. Лѣтомъ же избѣгаютъ класть ихъ на ночь въ сырыхъ мѣстахъ, отчего они также подвергаются болѣзни. Нѣкоторые монголы, возвращаясь съ тяжестями изъ Внутренняго Китая, даютъ своимъ верблюдамъ въ пути понемногу купленнаго тамъ чесноку для возбужденія, какъ они объясняли намъ, аппетита у этихъ животныхъ, охотнѣе ѣдящихъ послѣ того сухую зимнюю ветошь. Случалось также наблюдать, что они поили своихъ верблюдовъ въ походѣ бараньимъ бульономъ, остававшимся отъ людей.

Монгольскіе бараны мельче нашихъ киргизскихъ, но за то мясо ихъ мягче и вкуснѣе. Цвѣтъ шерсти у монгольскихъ барановъ повсемѣстно одинаковъ: бѣлый съ большими черными пятнами на головѣ и черными же ушами. Курдюкъ монгольскихъ барановъ значительно меньше, чѣмъ киргизскихъ, у которыхъ онъ достигаетъ 20 фунтовъ, тогда какъ у монгольскихъ онъ не имѣетъ и половины того. У послѣднихъ жиръ равномѣрнѣе распредѣляется по поверхности туши, скопляясь въ небольшомъ, сравнительно, количествѣ въ курдюкѣ. Шерсть у монгольскихъ барановъ довольно мягкая и изъ овчинъ выходятъ хорошіе мѣха.

Козы въ Монголіи содержатся въ весьма небольшомъ, сравнительно съ баранами, количествѣ. Козьи шкуры монголы употребляютъ на дохи, но онѣ не прочны.

Состояніе монгола, какъ и другихъ кочевниковъ, опредѣляется числомъ головъ скота. Отъ всѣхъ безъ исключенія породъ его въ Монголіи собирается молоко: тамъ, кромѣ коровъ, доятъ верблю-

дицъ, кобылицъ, овецъ и козъ. Изъ коровьяго и овечьяго молока приготовляютъ масло, различные роды сыра и творогъ; изъ кобыльяго молока дѣлаютъ кумысъ. Верблюжье и козье молоко идетъ также въ разныхъ видахъ въ пищу; а изъ коровьяго молока гонятъ еще и водку.

Скотъ колютъ больше всего осенью, съ наступленіемъ холодовъ, пока онъ жиренъ. Зимою же рѣже, такъ какъ съ первыми морозами онъ начинаетъ худѣть и утрачиваетъ жиръ, столь цѣнимый монголами. Еще рѣже колютъ его весной и лѣтомъ, довольствуясь въ эти времена года преимущественно чаемъ съ приправами и молочной пищей. Монголы, подобно киргизамъ, кромѣ бычачьяго, бараньяго и козьяго мяса, ѣдятъ лошадиное и верблюжье, а бѣдные не брезгаютъ даже падалью.

Земледѣліемъ халхасцы занимаются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Пройдя по Халхѣ около 3800 верстъ, мы только въ одномъ мѣстѣ (на рѣчкѣ Цаганъ-голъ, правомъ притокѣ Байдарика), видѣли небольшія пашенки. Но по разспроснымъ свѣдѣніямъ оказывается, что онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Халхи, встрѣчаются чаще. Вообще земледѣліе въ Монголіи, по недостатку влаги на равнинахъ и большой абсолютной высотѣ многихъ плодородныхъ и обильно орошенныхъ горныхъ долинъ, можетъ существовать лишь спорадически, мѣстами. Сплошныя же обширныя пространства, годныя для посѣвовъ, въ ней едва-ли найдутся, исключая юго-восточнаго угла, сосѣдняго Внутреннему Китаю и Южной Манчжуріи. Въ той странѣ монголы, живя въ перемежку и по сосѣдству съ китайцами, на благопріятной для земледѣлія почвѣ, занимаются имъ несравненно болѣе, чѣмъ халхасцы, но все-таки и юго-восточныхъ монголовъ нельзя назвать народомъ вполнѣ земледѣльческимъ.

У монгольскихъ народностей, населяющихъ Сѣверо-Западную Монголію, а именно у дурбётовъ, торгоутовъ и цзахачинъ, земледѣліе болѣе развито, чѣмъ у халхасцевъ, въ особенности у дурбётовъ, страна которыхъ славится имъ и въ урожайные годы доставляетъ хлѣбъ въ Кобдо, Улясутай и въ ближайшія мѣстности Халхи. Урянхаи верхняго Енисея также занимаются хлѣбопашествомъ, а у Алтайскихъ урянхаевъ его не существуетъ.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ Монголіи воздѣлываются: пшеница, ячмень, просо и овесъ. Всѣ эти роды хлѣба заимствованы монголами, по всей вѣроятности, изъ Внутренняго Китая; по крайней мѣрѣ пшеница совершенно сходна съ китайскою. Въ высокихъ мѣстностяхъ Внутренней Монголіи сѣютъ преимущественно ячмень, такъ какъ пшеница и просо тамъ родятся очень плохо. Въ Юго-Восточной же Монголіи пшеница составляетъ главный родъ хлѣба, но сѣютъ еще просо, ячмень и немного овса. Землю въ Халхѣ пашутъ сохою объ одномъ сошникѣ, влекомою парою быковъ въ дышлѣ, а въ Юго-Восточной Монголіи китайскимъ плугомъ. Пашни орошаютъ арыками (ирригаціонными канавами), а потому монгольскія поля располагаются въ долинахъ рѣкъ или по берегамъ ручьевъ на благопріятной, конечно, почвѣ. Въ Юго-Восточной Монголіи намъ случалось, впрочемъ, встрѣчать поля безъ искусственнаго орошенія. Нужно полагать, что тамъ дожди бываютъ чаще и обильнѣе, чѣмъ въ Центральной Монголіи. Въ Халхѣ созрѣвшій хлѣбъ вырываютъ съ корнемъ или срѣзаютъ большимъ кривымъ ножемъ и обмолачиваютъ палками или же гоняютъ по разостланному хлѣбу лошадей. Зерно толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, а то просто между камнями. Въ Юго-Восточной Монголіи для сниманія, молотьбы и дробленія зеренъ употребляютъ китайскія орудія.

Монголы занимаются отчасти и охотою. Больше всего они охотятся на сурковъ, мясо которыхъ ѣдятъ, а шкуры продаютъ нашимъ купцамъ. Сурковъ караулятъ у норъ съ ружьями или съ собаками, ловятъ ихъ также и въ капканы, настораживаемые у норъ, а глубокою осенью, когда эти грызуны подвергнутся зимней спячкѣ, но грунтъ еще не успѣетъ промерзнуть глубоко, отрываютъ ихъ изъ логовищъ сонными иногда по нѣскольку штукъ сразу. Въ нѣкоторыхъ горныхъ долинахъ, орошаемыхъ рѣчками, на берегахъ которыхъ водятся сурки, монголы выводятъ изъ этихъ рѣчекъ арыки и раздробляя ихъ на малыя вѣтви, пускаютъ воду въ сурковыя норы. Наплывъ ея заставляетъ звѣрковъ покидать свои логовища, у выходовъ которыхъ монголы караулятъ ихъ съ палками или травятъ собаками.

Послѣ сурковъ наиболѣе преслѣдуются монголами цзэрены, ко-

торыхъ водится очень много на равнинахъ Монголіи. Въ горныхъ же, лѣсистыхъ мѣстностяхъ Хангая и Гентэя они охотятся за маралами и косулями, въ особенности за первыми, такъ какъ молодые маральи рога составляютъ цѣнную добычу, не говоря уже о мясѣ и шкурѣ. Для охоты за всѣми этими животными монголы часто соединяются въ партіи и устраиваютъ на нихъ облавы. Охота на пернатую дичь и рыбная ловля неизвѣстны монголамъ, потому что ни птицъ, ни рыбъ они не ѣдятъ. Точно также они не знаютъ охоты съ беркутами (степными орлами) на небольшихъ звѣрей, столь любимой нашими киргизами.

Настоящіе звѣроловы встрѣчаются въ Монголіи только въ средѣ Алтайскихъ и Енисейскихъ урянхаевъ, земли которыхъ изобилуютъ звѣрями. Урянхаи бьютъ мараловъ, косуль, медвѣдей, соболей, куницъ, лисицъ, волковъ, рысей, сурковъ и бѣлокъ. Соболей, лисицъ и выдръ ловятъ больше капканами, покупаемыми у нашихъ купцовъ, а прочихъ звѣрей стрѣляютъ изъ ружей. Мараловъ и медвѣдей, за недостаткомъ свинца, бьютъ иногда круглыми гальками, покрытыми сверху слоемъ лиственичной смолы. Урянхаи умѣютъ сами дѣлать порохъ, покупая селитру и сѣру у нашихъ купцовъ, но весьма плохой.

Монголы въ лѣтнее время довольствуются преимущественно чаемъ съ приправами и молочными продуктами, а мясо ѣдятъ рѣдко, исключая развѣ сурочьяго. Впрочемъ и зимою мясная пища преобладаетъ надъ прочею только развѣ у богатыхъ, а бѣдняки при нуждѣ питаются даже падалью. Монголы варятъ мясо большею частью безъ всякихъ приправъ, лишь съ солью и едва вода, въ которой оно варится, успѣетъ вскипѣть, вынимаютъ его изъ котла и ѣдятъ полусырымъ. Бульонъ же или, точнѣе, горячую воду почти безъ навара, разливаютъ въ деревянныя чашки и пьютъ. Хлѣба монголы не пекутъ, а однѣ лепешки, да и то рѣдко. Муку и просо они поджариваютъ на маслѣ или салѣ и потомъ всыпаютъ въ чай. Общеупотребительный въ Монголіи кирпичный чай (зеленый) отличенъ отъ ввозимаго къ намъ (чернаго) кирпичнаго чая и бываетъ двухъ сортовъ, изъ которыхъ одинъ потребляется въ восточной половинѣ Монголіи, а другой въ западной. Кирпичи (около 4, 5 фун.) того и другаго сорта ходятъ въ соотвѣтствен-

нихъ имъ половинахъ Монголіи, какъ монета, и на нихъ въ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстностяхъ, можно купить у жителей все, что у нихъ имѣется для продажи, скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ на серебро. Таковъ въ Монголіи спросъ на этотъ продуктъ, который, безъ преувеличенія, можно назвать насущнымъ хлѣбомъ ея обитателей.

Для заварки монголы отдѣляютъ отъ кирпича потребный кусокъ и кромсать или толкутъ его въ деревянной ступкѣ, а потомъ опускаютъ въ котелъ съ горячей водой, добавляя туда молока, масла или жира и соли. За недостаткомъ ея кладутъ въ котелъ соленой земли съ солончаковъ, называемой *гучжиръ*. Такъ заваривается по монгольски чай, какъ напитокъ, но если желаютъ приготовить изъ него кушанье, то берутъ муки или пшена, и поджаривъ на салѣ или маслѣ, спускаютъ въ тотъ же котелъ. Потомъ всю эту смѣсь варятъ. Получается густая болтушка на вкусъ непривычнаго не только непріятная, но даже противная. Монголы же ѣдятъ ее съ большимъ удовольствіемъ и въ значительномъ количествѣ. Это самое употребительное ихъ кушанье.

Сурочье мясо большинство монголовъ ѣстъ охотно, хотя оно и имѣетъ непріятный запахъ. Сурка монголы жарятъ иногда оригинальнымъ способомъ: по снятіи шкуры и выдѣленіи внутренностей, въ полость животнаго кладутъ сильно нагрѣтые камни и тотчасъ же опускаютъ его въ неглубокую яму, засыпая сверху землей. Надъ ямой разводятъ быстро огонь и поддерживаютъ его до тѣхъ поръ, пока мясо не зажарится. Монголы очень любятъ баранью грудинку, зажаренную на вертелѣ, которая вырѣзается вмѣстѣ со шкурой, а также вареныя колбасы изъ толстыхъ бараньихъ кишекъ, начиненныя бараньею кровью. Имъ извѣстны и пельмени (мясные вареники, или колдуны), заимствованные, вѣроятно, отъ китайцевъ, но въ Халхѣ это кушанье готовятъ рѣдко.

Изъ молока монголы приготовляютъ много разнообразныхъ продуктовъ. Такъ, проквашенное въ тепломъ мѣстѣ коровье молоко употребляется въ пищу подъ названіемъ *тарака*, или *тарика*. Коровье же молоко, по броженіи въ кожаномъ мѣхѣ, превращается въ кислый, спиртуозный *айракъ*, или *арикъ*, изъ котораго гонятъ водку, а твердые, высушеные остатки, *арца*, развариваютъ въ водѣ

и ѣдятъ. Густыя подсушеныя сливки называются *урюмъ* и употребляются съ чаемъ. Затѣмъ монголы дѣлаютъ нѣсколько родовъ сыра, изъ которыхъ наиболѣе распространены *бислыкъ* и *хурутъ*. Бислыкъ приготовляется изъ кипяченаго молока съ примѣсью небольшаго количества айрака посредствомъ прессованія этой смѣси, а хурутъ изъ творогу, который прессуется и долго подсушивается. Кромѣ перечисленныхъ продуктовъ, монголы приготовляютъ хорошее масло (тосо), содержимое въ очищенныхъ бараньихъ желудкахъ, въ которыхъ возятъ его и на продажу[1]), а изъ кобыльяго молока дѣлаютъ кумысъ.

Посуда у монголовъ большею частью китайскаго издѣлія и только небольшое количество металлической (котловъ, ковшей и ведеръ) пріобрѣтается отъ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи. Для варки пищи служитъ плоскій чугунный котелъ, сферической формы, устанавливаемый на таганъ, а для разливанія жидкостей, выниманія мяса и проч. уполовники и ковши. Послѣдніе бываютъ весьма большихъ размѣровъ и часто употребляются монголами для варки пищи во время путешествій съ караванами. Воду возятъ и держатъ въ высокихъ деревянныхъ боченкахъ (домбахъ), эллиптической (въ поперечномъ разрѣзѣ) формы (для удобнѣйшаго помѣщенія на вьючномъ сѣдлѣ), съ ушками на бокахъ, сквозь которыя продѣвается веревка для привѣшиванія боченковъ на сѣдлѣ. Изъ деревянной посуды у монголовъ имѣются еще: высокія и узкія ведерки усѣченно-конической формы, большія чаши и чашечки, изъ которыхъ пьютъ чай, кумысъ, бульонъ и проч.; корытца и ступки для толченія чая. Кожанные мѣшки (тузлуки) служатъ для содержанія молока и приготовляемыхъ изъ него жидкихъ продуктовъ. Каменная посуда состоитъ изъ китайскихъ фаянсовыхъ чашечекъ, у богатыхъ можно встрѣтить и фарфоровыя чашки. Ложки монголамъ неизвѣстны: жидкія кушанья они пьютъ изъ чашекъ, а прочія ѣдятъ прямо руками. У нихъ сохранился еще обычай снимать съ умершихъ родственниковъ черепа и выдѣлывать изъ нихъ въ знакъ воспоминанія чаши, кромки которыхъ украшаются серебряными ободками, но эти вещи нынѣ рѣдко встрѣчаются.

---

[1]) Масло изъ Халхи сбывается въ Восточную Сибирь, но во Внутренній Китай, сколько намъ извѣстно, оно не вывозится.

Табакъ во всеобщемъ употребленіи: большинство монголовъ куритъ и нюхаетъ. При встрѣчахъ послѣ взаимныхъ привѣтствій, монголы подчуютъ другъ друга трубками или нюхательнымъ табакомъ, слѣзая съ лошадей и усаживаясь одинъ противъ другаго на корточки. Табакъ, трубки, кисеты и табакерки монголы покупаютъ у китайцевъ. Монгольскія трубки ничѣмъ, кажется, не разнятся отъ китайскихъ: это маленькія (съ наперстокъ), но толстостѣнныя трубочки съ раскрашенными весьма мелкимъ узоромъ чубуками, которые оканчиваются каменными мундштучками. Табакерки имѣютъ форму маленькой плоской фляжки и дѣлаются изъ кварца, яшмы, халцедона, нефрита и серебра. Каменныя табакерки, приготовляемыя изъ одного куска, замѣчательно искусно выдалбливаются чрезъ узенькое горлышко. Табакерка закупоривается пробочкой, ко внутреннему концу которой прикрѣплена миніатюрная ложечка для добыванія табаку.

Ремесла очень мало знакомы монголамъ: большую часть предметовъ промышленности обработывающей они покупаютъ у китайцевъ. Мѣстные ремесленники дѣлаютъ, однако, хорошія огнивы и ножи, а также нѣкоторыя серебряныя вещи, какъ-то: серьги, браслеты, кольца и бляхи. Кромѣ того, монголы дубятъ очень хорошо овчины, но кожъ, исключая посредственной сыромяти, почти вовсе не умѣютъ выдѣлывать. Войлоки монголы дѣлаютъ большею частью сами, но покупаютъ немного и у китайцевъ, приготовляющихъ ихъ изъ шерсти монгольскихъ же животныхъ и сбываютъ монголамъ немало поддѣльныхъ войлоковъ изъ шерстяныхъ отрепьевъ, покрытыхъ снаружи слоями хорошо прокатанной шерсти. Деревянныя части юрты, подобно войлокамъ, монголы частью дѣлаютъ сами, частью покупаютъ у китайцевъ. Изъ Куку-хото ежегодно вывозится множество рѣшетокъ для юртъ и деревянныхъ домовъ, въ Ургѣ и въ Улясутаѣ также приготовляются тамошними ремесленниками-китайцами деревянныя части для юртъ. Гобійскіе монголы не только остовы для юртъ, но даже корыта, изъ которыхъ поятъ скотъ у колодцевъ, привозятъ изъ Внутренняго Китая. Веревки для юртъ и проч. надобностей монголы вьютъ сами изъ чистой верблюжьей шерсти или изъ бараньей съ конскимъ волосомъ.

Ни тканей, ни ковровъ монголы сами не дѣлаютъ, хотя у нихъ и есть для того матеріалы: прекрасная верблюжья шерсть и довольно мягкая баранья, которую они не умѣютъ даже стричь. Вообще въ ремеслахъ монголы сдѣлали весьма незначительные успѣхи, не смотря на продолжительное общеніе съ такимъ промышленнымъ народомъ, какъ китайцы, отъ которыхъ они заимствовали очень немного полезнаго.

Экономическое положеніе населенія Монголіи далеко нельзя признать удовлетворительнымъ. По свидѣтельству нашихъ купцовъ, издавна торгующихъ въ Монголіи, прежде оно было несравненно лучше. Сильные падежи и цѣлый рядъ суровыхъ, снѣжныхъ зимъ въ послѣднее десятилѣтіе, погубившіе множество скота,— отозвались крайне неблагопріятно на народномъ благосостояніи. Но эти явленія случайныя, а существуютъ и постоянныя причины незавиднаго экономическаго положенія монгольскаго народа. Онѣ заключаются въ противозаконныхъ поборахъ мѣстныхъ властей при всякомъ удобномъ случаѣ[1]), разорительныхъ для простаго народа и въ недобросовѣстной эксплуатаціи монголовъ китайскими торговыми компаніями, дѣйствующими сообща съ продажной мѣстной администраціей. Нѣкоторыя изъ этихъ компаній содержатъ какъ бы на откупѣ узаконенные сборы съ монголовъ: онѣ вносятъ за нихъ деньги (серебро), за что получаютъ право собирать съ туземцевъ скотъ по оцѣнкѣ, дѣлаемой мѣстной администраціей, съ которой онѣ дѣлятся барышами. Понятно, что подобная оцѣнка, производимая пристрастными чиновниками, убыточна для монголовъ и приноситъ огромные барыши компаніямъ.

Китайскому правительству монголы, какъ извѣстно, никакихъ податей не платятъ. Съ нихъ взымается только налогъ (по числу скота) на содержаніе мѣстной администраціи. Сверхъ того, монго-

[1]) Такъ, въ январѣ 1873 года сынъ умершаго въ то время Мергенъ-Вана (одного изъ хошунныхъ владѣтелей аймака Тушету-хана), вступивъ по смерти отца въ управленіе хошуномъ, собралъ съ монголовъ этого хошуна около 5000 ланъ (12,500 р.) на поѣздку въ Пекинъ для представленія Богдо-Хану.

лы обязаны: 1) отбывать почтовую гоньбу по всѣмъ большимъ трактамъ Монголіи, содержа на станціяхъ положенное количество юртъ, верблюдовъ и лошадей для проѣзжающихъ по казенной надобности, а также доставлять имъ безплатно указанное количество барановъ для пищи; 2) содержать пограничные караулы, на которые по-очередно назначаются монголы изъ разныхъ мѣстностей и пребываютъ на этихъ караулахъ отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ, и 3) выставлять въ военное время съ каждой тысячи человѣкъ мужескаго пола по 80 всадниковъ отъ 18 до 60 лѣтъ.

Монголія, будучи составною частью Китайской имперіи, имѣетъ однако собственную администрацію (изъ монголовъ), исключая высшей (смѣшанной) и сохранила прежнюю удѣльную систему, существовавшую въ ней еще до подчиненія Китаю. Удѣлами, или хошунами, управляютъ наслѣдственно монгольскія князья, утверждаемые въ правахъ владѣнія ими Богдо-Ханомъ. Но власть удѣльныхъ князей ограничена законами, на основаніи которыхъ они и управляютъ своими хошунами[1]). Слѣдовательно монгольскія удѣльныя княжества нельзя представлять тираніями, тѣмъ болѣе, что въ Монголіи существуетъ высшій административный наздоръ за удѣльными князьями, установленный китайскимъ правительствомъ.

Хошуны соединяются въ *аймаки,* представляющіе собою ничто иное, какъ группы удѣльныхъ княжествъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ собственный сеймъ. Удѣлы Центральной и Сѣверо-Восточной Монголіи, въ числѣ 86, образуютъ четыре аймака: Цеценъ-хана, Тушету-хана, Сайнъ-ноина и Цзасакту-хана,—составляющихъ такъ называемую *Халху.* Халхасскіе аймаки именуются по названіямъ хановъ, владѣющихъ въ этихъ аймакахъ наравнѣ съ прочими князьями удѣлами, но не пользующихся никакими особыми сравнительно съ ними преимуществами, кромѣ высшаго княжескаго титула, присвоеннаго имъ, ради высокаго ихъ происхожденія. Сеймъ въ каждомъ аймакѣ долженъ собираться ежегодно. Онъ составляется изъ всѣхъ хошунныхъ владѣтелей, выбирающихъ изъ своей среды предсѣдателя. Мѣста для собранія сеймовъ опредѣлены разъ навсегда. Такъ, сеймъ аймака Цеценъ-хана собирается

[1]) Китайскимъ правительствомъ издано особое Уложеніе объ управленіи Монголіей, въ которомъ заключаются эти законы.

въ мѣстности Керулюнъ-бархонъ, Тушету-хана у горы Ханъ-улы (близь г. Урги), Сайнъ-ноина на р. Цецерликъ и Цзасакту-хана на оз. Бидулія-норъ. На сеймахъ обсуждаются вопросы, касающіеся распредѣленія налоговъ и натуральныхъ повинностей, разрѣшаются спорныя дѣла между хошунами и удовлетворяются претензіи потерпѣвшихъ. Сеймы сопровождаются различными увеселеніями: скачками на призы, стрѣльбой изъ луковъ, единоборствомъ и т. п. Но весьма сомнительно, чтобы дѣятельность этихъ собраній могла благотворно отражаться на народномъ благосостояніи при темныхъ поборахъ, продажности и другихъ преступныхъ дѣйствіяхъ тѣхъ же хошунныхъ владѣтелей.

Халхасскіе хошуны соединяются слѣдующимъ образомъ въ аймаки:

1) Аймакъ Цеценъ-хана занимаетъ сѣверо-восточную часть Монголіи и состоитъ изъ 23 хошуновъ. На сѣверѣ онъ примыкаетъ къ Забайкальской области на пространствѣ между Менцзинскимъ и Абагайтуевскимъ пограничными караулами. Отъ послѣдняго граница аймака направляется къ юго-востоку черезъ вершины р. Хуй-голъ и оз. Талба къ гребню хребта Большаго Хингана. Понему она идетъ на юго-западъ до истоковъ рѣчки Умуй, отъ которыхъ поворачиваетъ къ оз. Борольчжиту и далѣе къ степной рѣчкѣ Дзулга, затѣмъ пересѣкаетъ Дарханъ-цайдамскую дорогу (съ озера Дарханъ-цайдамъ въ г. Долонъ-норъ) между станціями Судету и Кодо, поворачиваетъ къ сѣверо-западу и проходитъ между станціями Хологуръ и Дурбанъ-Дэрету на Аргалинской дорогѣ, а на Калганско-ургинской караванной чрезъ ст. Куку-дэрису. Верстахъ въ 100 западнѣе этого урочища граница поворачиваетъ на сѣверъ и чрезъ уроч. Баинъ-хара и хребетъ Алтанъ-улугуй въ Гентэйскихъ горахъ выходитъ на государственную границу противъ Менцзинскаго караула.

Резиденція Цеценъ-хана находится на среднемъ Керулюнѣ въ мѣстности Хара-хайларъ.

2) Аймакъ Тушету-хана содержитъ 20 хошуновъ. На востокѣ онъ примыкаетъ къ аймаку Цеценъ-хана, юго-восточная его граница проходитъ близь станцій: Харатуинъ-сучжи

на Аргалинской дорогѣ, Кайласутай на караванной и Сучжи на Калганско-улясутайской почтовой. Отъ послѣдней чрезъ уроч. Чара-хадынъ она направляется къ оконечности Ю. Алтая; далѣе на юго-западѣ пересѣкаетъ тибетскую дорогу на уроч. Сучжинъ-хара-тологой и пройдя въ западномъ направленіи около 140 верстъ, поворачиваетъ на сѣверъ, къ оз. Уланъ-норъ. Потомъ идетъ вверхъ по р. Онгіинъ, съ которой сворачиваетъ на ст. Хадату Калганско-улясутайской дороги и направляется на сѣверъ, къ р. Орхону около монастыря Эрдени-цзе. Отъ него западная граница аймака Тушету-хана идетъ внизъ по Орхону, который оставляетъ верстахъ въ 80 ниже оз. Угэй и черезъ горы Бугунъ-шара и Хантай выходитъ къ перевалу Боготу-даба на государственной границѣ.

Ставка Тушету-хана на р. Орхонѣ, верстахъ въ 30 ниже устья р. Толы.

3) Аймакъ Сайнъ-ноина состоитъ изъ 24 хошуновъ и граничитъ на востокѣ съ аймакомъ Тушету-хана, на югѣ песчанаго Гоби. Западная его граница пересѣкаетъ Ю. Алтай близъ меридіана оз. Орокъ. Повернувъ отъ этого озера на западъ, она направляется чрезъ нижній Байдарикъ и выходитъ на р. Дзапхынъ немного выше ур. Цакилдакъ. Далѣе идетъ внизъ по этой рѣкѣ до устья р. Улясутай, а потомъ вверхъ по послѣдней до устья ея праваго притока Иро, откуда чрезъ вершины другаго притока Цзагистэй къ вершинамъ Эдера; затѣмъ внизъ по Эдеру до устья рѣчки Ангирты, отъ котораго черезъ горы Буланай и Баинъ-цзюрке выходитъ на р. Эгинъ-голъ противъ горъ Халцзанъ-бургутай и слѣдуетъ внизъ по этой рѣкѣ до встрѣчи съ западною границею Аймака Тушету-хана.

Ставка Сайнъ-ноина въ монастырѣ Эрдени-цзе, на верхнемъ Орхонѣ.

4) Аймакъ Цзасакту-хана имѣетъ 19 хошуновъ. На востокѣ и сѣверо-востокѣ примыкаетъ къ аймаку Сайнъ-ноина, на югъ простирается до горъ Аргаланты и Хаптыкъ. Западная граница направляется отъ горъ Хаптыкъ черезъ перевалъ Борджинъ въ хребтѣ Алтаинъ-нуру и ур. Изаилгынъ на вовосточной оконечности дол. Дзерге къ ур. Аргаланты на р. Дзапхынѣ. Потомъ внизъ по этой рѣкѣ и по западнымъ берегамъ соединенныхъ озеръ Айрикъ и Киргизъ. Оттуда она черезъ хребетъ Ханъ-хухэй идетъ къ устью рѣчки Цаганъ-усу

(лѣвый притокъ р. Теса), отъ котораго чрезъ устье рѣчки Чирикъ (правый притокъ Теса) и верховья рѣчки Шаргынъ (правый притокъ р. Тэльгиръ-морина) выходитъ на р. Эгинъ-голъ у горы Манхынъ-ула, и спускается внизъ по ней до встрѣчи съ границею аймака Сайнъ-ноина.

Ставка Цзасакту-хана находится у сѣвернаго подножія хребта Тайширъ-ула, верстахъ въ 45 къ югу отъ монастыря Нарбаньчжи[1]).

Высшее административное управленіе Халхой и внѣшнія пограничныя дѣла сосредоточены въ рукахъ сановниковъ, назначаемыхъ китайскимъ правительствомъ, изъ которыхъ два (монголъ и манчжуръ), имѣющіе титулъ амбаней, завѣдываютъ аймаками Цеценъ-хана и Тушету-хана, а аймаками Сайнъ-ноина, Цзасакту-хана и Енисейскими урянхаями управляетъ улясутайскій Цзяньцзюнь, имѣющій двухъ помощниковъ (монгола и манчжура), которымъ присвоенъ титулъ хебей-амбаня. Кромѣ того, улясутайскій Цзянь-цзюнь завѣдываетъ всѣми монгольскими и китайскими войсками въ Халхѣ и дѣлами по призыву монголовъ халхасскихъ аймаковъ на службу, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Распоряженія его по призыву, перемѣщенію войскъ и т. п. обязаны исполнять ургинскіе и кобдинскій амбани, независимые отъ Цзянь-цзюня въ гражданскомъ управленіи.

Въ составъ Халхи не входятъ аймаки Юго-Восточной Монголіи, а именно: Сунитовъ, Цахаръ, Уротъ и Тумытъ.

Аймакъ Сунитовъ занимаетъ большую часть Монгольской Гоби. На сѣверо-западѣ примыкаетъ къ аймакамъ Цеценъ-

[1]) Указанныя границы аймаковъ, нанесенныя на прилагаемую къ настоящему описанію карту Монголіи, можно считать лишь приблизительными. Въ китайской географіи Монголіи (описаніе монгольскихъ кочевьевъ) не только границы аймаковъ, но и хошуновъ описаны весьма подробно, но къ сожалѣнію большую часть упоминаемыхъ въ этомъ сочиненіи мѣстностей, къ которымъ пріурочены границы, невозможно отыскать даже на большой китайской картѣ Монголіи. Для настоящаго описанія границъ я пользовался при обязательномъ содѣйствіи секретаря ургинскаго консульства, г. Успенскаго, этою картою, извлеченіями изъ помянутаго сочиненія въ словесныхъ переводахъ гг. Успенскаго и Падерина, а также описаніемъ г. Потанина сѣверной и южной границы аймака Цзасакту-хана. (Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. II-й, стр. 20—25) и наконецъ распросными свѣдѣніями во время путешествія по Халхѣ.

хана и Тушету-хана, на востокѣ къ хребту большому Хингану на пространствѣ отъ верховьевъ рѣчки Умуй до верховьевъ р. Цаганъ-мурень. Отъ послѣднихъ юго-восточная граница этого аймака идетъ къ степному кряжу Куйтунъ-шилинъ, далѣе пересѣкаетъ Дарханъ-цайдамскую дорогу между станціями Халусутай и Куэнъ-норъ, а караванную на хребтѣ Минганъ и выходитъ на ст. Шара-хада почтовой Калганско-улясутайской дороги. Оттуда поворачиваетъ на западъ и чрезъ верховья рѣчки Хошотынъ примыкаетъ къ аймаку Тушету-хапа.

Аймакъ Сунитовъ состоитъ изъ двухъ хошуновъ цзунъ-Суниты (т. е. восточные Суниты) и барунъ-Суниты (западные). Границею между ними служитъ черта, идущая отъ верховьевъ степной рѣчки Куйтунъ чрезъ станціи: Кулъ-худукъ на Аргалинской дорогѣ, Минганъ на караванной и Шара-мурень на почтовой.

Аймакъ Цахаръ занимаетъ юго-восточный уголъ Монголіи между хребтами Большимъ Хинганомъ и Иншанемъ (по гребню котораго проходитъ сѣверная граница Чжилійской провинціи Внутренняго Китая) и граничитъ на востокѣ хребтомъ Хинганомъ (съ Манчжуріей), на югѣ хр. Иншанемъ (съ Чжилійской провинціей), на западѣ съ аймакомъ Уротовъ, отъ котораго отдѣляется чертой, идущей отъ хр. Иншаня по его сѣверному отрогу, Сума-хада, на ст. Шара-хада почтовой дороги. На сѣверо-западѣ аймакъ Цахаровъ примыкаетъ къ аймаку сунитовъ.

Аймакъ Уротъ тянется длинною полосою съ востока на западъ отъ земли Цахаръ до предѣловъ Алашаня. На востокѣ граничитъ съ аймакомъ Цахаръ, на сѣверѣ съ аймакомъ Сунитъ, на сѣверо-западѣ съ аймакомъ Тушету-хана, на югозападѣ примыкаетъ къ княжеству Алашань[1]), съ которымъ граничитъ чертой, идущей отъ р. Хуанъ-хё черезъ юго-западную оконечность хребта Хара-наринъ-ула и пересѣкающей тибетскую дорогу немного сѣвернѣе кумирни Баянъ-тухумъ. На юго-востокѣ аймакъ Уротъ примыкаетъ къ аймаку Тумытъ (граница проходитъ близь оз. Уланъ-норъ).

Аймакъ Тумытъ примыкаетъ на сѣверо-западѣ къ аймаку Уротъ, а на юго-востокѣ къ провинціи Шанси Внутренняго

[1]) Княжество Алашань, лежащее къ западу отъ р. Хуанъ-хё и населенное народомъ монгольскаго племени, управляется своими князьями наслѣдственно.

Китая, съ которою граничитъ хребтомъ Иншанемъ и его отрогомъ Муни-ула, на югѣ къ р. Хуанъ-хэ.

Хошунами аймаковъ Юго-Восточной Монголіи управляютъ, подобно халхаскимъ, монгольскіе князья наслѣдственно, утверждаемые въ правахъ владѣнія ими Богдо-ханомъ. Высшее же административное управленіе аймаками сунитовъ и цахаръ сосредоточено въ рукахъ двухъ амбаней (монгола и манчжура), пребывающихъ въ г. Калганѣ. Аймаками уротъ и тумытовъ управляютъ также два амбаня (монголъ и манчжуръ), имѣющіе резиденцію въ г. Куку-хото.

Управленіе Кобдинскимъ округомъ ввѣрено амбаню (изъ манчжуръ), назначаемому китайскимъ правительствомъ. Въ составъ этого округа входятъ хошуны: дурбётъ, мынгитъ, олётъ, Алтайскихъ урянхаевъ, торгоутовъ Ю. Алтая, цзахачинъ и земля киргизовъ-киреевцевъ, населяющихъ сѣверо-западный уголъ Чжунгаріи. Аймаками управляютъ князья наслѣдственно, а киргизами старѣйшины.

Въ Халхѣ существуетъ еще такъ называемое *Шабинское вѣдомство.* Оно состоитъ изъ монголовъ, въ числѣ около 20,000 душъ, подаренныхъ въ разное время удѣльными князьями ургинскому хутухтѣ и представляющихъ нынѣ его данниковъ. Эти монголы кочуютъ въ разныхъ халхаскихъ хошунахъ на земляхъ, предоставленныхъ имъ во временное пользованіе, но собственной земли не имѣютъ. Къ Шабинскому вѣдомству принадлежатъ также монголы-дархаты, населяющіе горную страну, къ юго-западу отъ оз. Косогола. Монголы Шабинскаго вѣдомства управляются шанцзабой-ламой,—завѣдывающимъ гражданскими дѣлами святителя, и платятъ въ казну хутухты небольшой налогъ со скота. Они избавлены отъ всякихъ повинностей и пользуются, сравнительно съ прочими монголами, большею степенью благосостоянія. Въ административномъ отношеніи шабинцы независимы отъ тѣхъ удѣльныхъ князей, въ хошунахъ которыхъ кочуютъ, и подраздѣляются на роды (отоки), управляемые *даргами*, которые утверждаются въ своихъ должностяхъ шанцзабой-ламой.

Въ заключеніе лишь остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніи монголовъ къ китайцамъ. По собственнымъ наблюденіямъ и общему отзыву лицъ, долго проживавшихъ въ Монголіи,

масса монгольскаго народа относится весьма недружелюбно къ своимъ поработителямъ, ропщетъ, хотя и негласно, на темные поборы и притѣсненія правителей, которымъ мирволитъ китайское правительство; наконецъ выражаетъ явно неудовольствіе на китайскія торговыя компаніи въ Монголіи, эксплуатирующія безжалостно туземное населеніе. Непріязнь монгольскаго народа къ китайцамъ сдерживается, однако, той предусмотрительной политикой, которая доставила правительству Богдохана прочное владычество надъ Монголіей. Эта политика, какъ извѣстно, издавна заключалась въ покровительствѣ вліятельнымъ классамъ монгольскаго народа—князьямъ и духовенству. Китайское правительство постоянно задобривало удѣльныхъ князей, не скупилось на жалованье имъ, щедрые подарки, почести при дворѣ и привлекало ихъ къ трону даже родственными узами посредствомъ браковъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ съ принцессами царствующей династіи. Тоже самое можно сказать и о духовенствѣ, т. е. собственно о вліятельныхъ представителяхъ его и хутухтахъ (святителяхъ). Китайцы съумѣли привлечь на свою сторону и этотъ классъ своими искательствами. Даже въ наши дни ургинскіе амбани въ торжественные праздники обязаны являться на поклоненіе тамошнему святителю.

Теперь монголы стали далеко не тѣми, какими были въ началѣ китайскаго владычества надъ ними, и не возбуждаютъ серьёзнаго опасенія правительства Богдохана. Обладаніе Монголіей не доставляетъ никакихъ выгодъ собственно китайской казнѣ, а вѣрнѣе приноситъ ей изрядный дефицитъ, но китайцы не могутъ не дорожить ею по причинѣ той важной экономической зависимости, которая существуетъ между этой страной и густонаселеннымъ Внутреннимъ Китаемъ. Объ этой зависимости мнѣ представится случай поговорить въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА V.

ОТЪ КОЛОДЦА ХОЛТЪ ДО Г. КУКУ-ХОТО.

Съ колодца Холтъ мы, по указанію монголовъ, направились почти прямо къ югу по обширной, слегка волнистой равнинѣ, на которой встрѣчались плоскія котловины съ солончаками. Въ концѣ перехода равнина стала едва замѣтно возвышаться по направленію къ юго-востоку и поверхность ея приняла еще болѣе волнообразный видъ. Къ вечеру мы вышли наконецъ на широкую, торную дорогу въ Куку-хото, по которой монголы совѣтовали намъ идти въ этотъ городъ. Колодца поблизости не было, пришлось ночевать безъ воды, довольствуясь снѣгомъ, сметеннымъ кое-гдѣ вѣтромъ въ небольшіе сугробы.

Весь слѣдующій день шли по волнообразной равнинѣ, поросшей кустами низенькой караганы и прекраснымъ кипцемъ, какого мы не встрѣчали уже нигдѣ болѣе въ пустынѣ. На востокѣ видны были отдѣльныя горы Дэлгэръ-Хангай,—короткій, но весьма высокій кряжъ, тянущійся съ запада на востокъ и господствующій надъ сосѣдними равнинами. На югѣ, верстахъ въ 60 отъ дороги, простирался Ю. Алтай подъ названіемъ Арца-Богдо, возвышающійся не болѣе 3,000 фут. надъ сопредѣльными сѣверными равнинами. На ночлегъ въ этотъ день мы остановились въ глубокой и обширной впадинѣ Тугурикъ съ хорошимъ колодцемъ. На днѣ ея были замѣтны признаки наполнявшаго ее нѣкогда озера: солончаки съ ровною, блестящею отъ налета поверхностью, занимающіе наиболѣе углубленную ея часть, береговые откосы и песчаныя сопки; наконецъ песчаникъ, обнажающійся въ одной изъ разсѣлинъ дна и черты размыва.

Въ окрестностяхъ впадины Тугурикъ стояло много монголовъ, стада которыхъ откармливались на тучныхъ пастбищахъ кипца,

покрывавшаго соседнюю волнообразную равнину. Но колодцевъ на ней не было, а потому они гоняли поить скотъ на уроч. Тугурикъ. На этомъ урочищѣ мы простояли безъ малаго двое сутокъ, потому что на слѣдующій день по прибытіи поднялся съ утра такой сильный и пронзительный вѣтеръ съ сѣверо-востока, что невозможно было показаться изъ юрты. Монголы, свыкшіеся съ холодными вѣтрами своей родины, и тѣ жались въ этотъ день отъ стужи, неохотно покидая свои жилища.

Изъ котловины Тугурикъ мы поднялись на плато, а съ него спустились въ обширную, но плоскую впадину, покрытую кустами караганы, и пройдя по ней около 10 верстъ, достигли подножія низкой цѣпи горъ, протянувшейся съ юго-запада къ сѣверо-востоку подъ названіями: Цахаръ, Огоморъ и Ахаръ. Переваливъ черезъ крайній, сѣверо-западный ея хребетъ, мы спустились въ весьма глубокую междугорную котловину съ солончаками, песчаными буграми и множествомъ солянокъ. Въ этой впадинѣ слѣды бывшаго горнаго озера сохранились еще явственнѣе, чѣмъ въ котловинѣ Тугурикъ. Дно ея лежитъ по крайней мѣрѣ на 100 фут. ниже подошвъ окаймляющихъ ее съ юго-востока и сѣверо-запада обнаженныхъ, пустынныхъ хребтовъ. Въ котловинѣ два хорошихъ колодца Сухай и Кэтэ. Изъ послѣдняго мы взяли воды, потому что корма для лошадей около него совсѣмъ не было, и поднялись на предгоріе хребта, окаймляющаго котловину съ юго-востока. Но и тамъ кормъ былъ такъ плохъ, что наши бѣдныя лошади голодали всю ночь.

На слѣдующій день мы перешли черезъ юго-восточный хребетъ помянутой низкой цѣпи и спустились на волнистую равнину. Дорога на этой станціи пересѣкаетъ нѣсколько пологихъ грядъ, а къ югу отъ нея виднѣнъ невысокій кряжъ Дуланъ-хара̀, протянувшійся по пустынѣ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Подъ вечеръ мы спустились въ обширную котловину, окаймленную на востокѣ и югѣ невысокими, пустынными горами Хоръ-мусу, а съ прочихъ сторонъ незначительными высотами. Кряжъ Хоръ-мусу, тянущійся съ запада на востокъ, отдѣляетъ на сѣверъ незначительную вѣтвь, ограничивающую помянутую котловину съ востока. У западнаго ея подножія находится колодезь Хошанъ-худукъ, но корма для

лошадей около него вовсе не было. Поэтому, напоивъ нашихъ животныхъ и взявъ воды для людей, мы перешли черезъ сѣверный отрогъ Хоръ-мусу и остановились у восточной его подошвы на дневку. Горы весьма пустынны, флора ихъ крайне бѣдна; только въ одной лощинѣ близь восточнаго подножія этого отрога мы нашли небольшое пастбище тощаго кипца. Для верблюдовъ, довольствующихся, какъ извѣстно, многими, даже колючими кустарниками, недостатка въ кормѣ не встрѣчалось. За то каравану, состоящему изъ верблюдовъ и лошадей, трудно выбрать для остановки мѣсто, на которомъ кормъ былъ-бы одинаково хорошъ для тѣхъ и другихъ животныхъ. Часто встрѣчаются мѣста, подобныя котловинѣ въ горахъ Огоморъ, съ отличнымъ кормомъ для верблюдовъ и крайне плохимъ для лошадей. Послѣднимъ приходится отдавать предпочтеніе при выборѣ мѣстъ для стоянокъ, такъ какъ верблюды вездѣ найдутъ себѣ достаточно пищи.

Отъ уроч. Хоръ-мусу мы шли по волнообразной равнинѣ, которая по мѣрѣ движенія къ юго-востоку становилась болѣе и болѣе открытою. Пустынный кряжъ Хоръ-мусу тянется къ югу отъ дороги и скоро оканчивается. Въ 27 верстахъ отъ названнаго урочища пересѣкли значительную рѣчку Онги-голъ, или Онгіинъ-голъ, текущую среди пустыни. Она имѣетъ около 6-ти саженей ширины и мѣстами порядочную глубину. Долина ея, простирающаяся до 2-хъ верстъ въ ширину, окаймлена довольно высокими берегами и представляетъ хорошія пастбища. Въ ней много луговыхъ пространствъ, зарослей злака дэрису и кустарниковъ. Онгіинъ-голъ получаетъ начало въ юго-восточной оконечности Хангая, изъ горъ Ацзарга, и впадаетъ въ соленое озеро Уланъ-норъ, лежащее близь подошвы Ю. Алтая. Это озеро имѣетъ около 35 верстъ въ окружности. Мы перешли рѣчку Онгіинъ-голъ по льду верстахъ въ 40 выше ея устья. Длина Онгіинъ-гола должна быть слишкомъ 200 верстъ и большая часть теченія этой рѣчки принадлежитъ пустынѣ, которую она оживляетъ. Къ сѣверу отъ мѣста переправы, верстахъ въ 40, воздымается, на лѣвомъ берегу Онгіинъ-гола отдѣльный, насажденный кряжъ Дэлгэръ-Хангай, о которомъ упомянуто выше. Онъ тянется въ восточно-западномъ направленіи верстъ на 50 и, по свидѣтельству монголовъ, даетъ

начало нѣсколькихъ ручьямъ, впадающимъ въ Онгіинъ-голъ слѣва. Вѣроятно этимъ послѣднимъ и обязана названная рѣчка поддержаніемъ своего теченія на такомъ значительномъ пространствѣ по жаркой и сухой пустынѣ.

Изъ широкой, плодородной долины Онгіинъ-гола мы поднялись на пустынную, каменистую равнину. Послѣ полудня поднялся сильный снѣжный буранъ, мы сбились съ дороги, но встрѣтили монгола, который вскорѣ и вывелъ насъ на удобное ночлежное мѣсто, къ озеру Шара-холусу. На берегу этого озера, лежащаго въ котловинѣ, былъ очень хорошій кормъ для лошадей, родники и прекрасное топливо,—саксаулъ. Въ самомъ же озерѣ, имѣющемъ около 3-хъ верстъ въ окружности, вода соленая. Въ немъ ежегодно въ лѣтнее время около береговъ осаждается соль, но лѣтомъ въ 1878 г., по причинѣ нерѣдко перепадавшихъ дождей, осадка не было. По свидѣтельству монголовъ, небольшія соленыя озера въ окрестной странѣ встрѣчаются нерѣдко, но обширныхъ озеръ, исключая Уланъ-нора, нѣтъ; солончаковъ же въ ней множество. Они находятся во всѣхъ глубокихъ впадинахъ пустыни и перемежаются съ небольшими песчаными пространствами, покрывающими спорадически большинство этихъ впадинъ.

Переночевавъ на озерѣ, мы пошли по тропѣ, указанной монголами, но вскорѣ поднялась сильная снѣжная мятель, мы потеряли тропу и начали блуждать. Буря продолжала свирѣпствовать, идти далѣе было невозможно, а потому, достигнувъ первыхъ холмовъ, мы остановились подъ защитою ихъ на ночлегъ. Къ вечеру мятель утихла и мы могли осмотрѣться. Въ этотъ день, пройдя не болѣе 17-ти верстъ, мы пересѣкли нѣсколько впадинъ съ песчаными пространствами, покрытыми невысокимъ саксауломъ, которымъ нагрузили всѣхъ свободныхъ верблюдовъ. Наиболѣе углубленныя мѣста этихъ котловинъ заняты солончаками съ ровными, глянцовитыми поверхностями,—покрытыми налетомъ. Подъ вечеръ, съ холмовъ, поблизости нашего лагеря, мы стали осматривать окрестности: на югѣ ясно былъ виденъ Алтай, отстоявшій отъ насъ не далѣе 35 верстъ. Тутъ онъ отдѣляетъ отъ себя на сѣверо-востокъ невысокую, пустынную вѣтвь, Харасайранъ-нуру, черезъ которую намъ предстояло перейти. Относительная высота

Ю. Алтая въ этомъ мѣстѣ, какъ намъ казалось, больше Арца-Богдо, т. е. сосѣдней западной части того же хребта. Окрестная же мѣстность представляетъ весьма пустынную равнину, среди которой поднимаются кое-гдѣ незначительные извѣстковые холмы.

Утромъ мы шли сначала около 5 верстъ по волнистой мѣстности, а потомъ по равнинѣ, надъ которою западный склонъ вѣтви Ю. Алтая Харасайранъ-нуру поднимается очень круто, какъ-бы стѣною. На этой пустынной равнинѣ паслось нѣсколько штукъ одичалыхъ лошадей, не подпускавшихъ къ себѣ ближе полуверсты. Казакамъ удалось, однако, поймать жеребенка, котораго мы подарили монголу, показавшему дорогу.

Перевалъ черезъ хребетъ Харасайранъ-нуру, не смотря на крутой сѣверо-западный склонъ самаго хребта, имѣетъ пологій, но длинный подъемъ съ этой стороны по ущелью, среди котораго извивается широкое сухое русло временнаго потока. Гребень этого хребта, возвышающійся по крайней мѣрѣ футовъ на 1,000 надъ сопредѣльной сѣверо-западной пустыней, приподнятъ очень немного надъ противоположной ей волнистой страной къ юго-востоку отъ него. Слѣдовательно хребетъ Харасайранъ-нуру служитъ окрайною болѣе высокой, но менѣе пустынной, волнистой земли, простирающейся отъ него къ юго-востоку. Западный склонъ хребта и ядро состоятъ изъ красноватаго известняка прорваннаго порфиритомъ, а на восточномъ склонѣ развитъ глинистый сланецъ, приподнятый тѣмъ же порфиритомъ. Флора его крайне бѣдна: кормъ не только для лошадей но и для верблюдовъ былъ очень плохъ. На восточномъ склонѣ, у подошвы котораго мы стояли, горы имѣютъ темно-зеленый, печальный видъ, и на нихъ мѣстами нѣтъ ни былинки.

Страна къ юго-востоку отъ окрайнаго хребта Харасайранъ-нуру представляетъ высокое, волнистое плоскогорье, уже не столь пустынное, сравнительно съ пройденнымъ участкомъ Гоби отъ колодца Холтъ до этого хребта. Въ первый же день нашего путешествія по этому волнистому плоскогорью мы верстахъ въ 20 отъ помянутаго хребта остановились дневать въ плоской впадинѣ Сучжи. Лошади, голодавшія почти двое сутокъ, съ жадностью хватали густой и довольно высокій кипецъ, покрывавшій дно этой впа-

дины. Тутъ только мы выбрались на торную дорогу въ Куку-хото, съ которой сбились два дня тому назадъ, свернувъ на озеро Шара-холусу. Поблизости горъ Харасайранъ-нуру ее часто заноситъ пескомъ и гравіемъ до такой степени, что она становится неразличимою.

Далѣе путь нашъ пролегалъ по тому же волнистому плоскогорью. Изъ плоской котловины Сучжи мы поднялись немного по отлогому склону ущелья на поперечную невысокую гряду. Въ ущельѣ встрѣтили сухое русло временнаго потока, по берегамъ котораго растутъ ильмы въ видѣ аллей, изгибающихся соотвѣтственно извилинамъ самого русла. Это единственныя деревья пустыни, на которыхъ путешественникъ невольно останавливаетъ свои взоры, утомленные ея однообразіемъ. За грядою невдалекѣ слѣдовала новая, тоже невысокая гряда и т. д. переваливали мы съ гряды на гряду. Между грядами лежатъ небольшія долины, или точнѣе плоскія, замкнутыя котловины, поросшія изряднымъ кипцемъ, тогда какъ на самыхъ грядахъ, большею частью скалистыхъ, растительность очень бѣдна. Въ одной изъ котловинъ, близъ колодца Боро-тологой, мы опять должны были остановиться на дневку, такъ какъ исхудалыя лошади нуждались въ отдыхѣ. Колодцевъ на этомъ волнистомъ плоскогорьѣ достаточно, но многіе изъ нихъ въ то время сильно промерзли, такъ что воду приходилось добывать съ большимъ трудомъ. Глубина ихъ невелика, футовъ 16 среднимъ числомъ, и большая часть стѣнокъ выложена камнями. У однихъ поставлены деревянныя корыта для скота, у другихъ сдѣланы корытообразныя углубленія, выложенныя внутри камнемъ съ глиною.

8-го ноября мы достигли невысокаго, но длиннаго хребта Бага-Шанхай, простирающагося съ юго-запада къ сѣверо-востоку. Страна къ юго-востоку отъ этого хребта называется Шанхай-Гоби и въ ней преобладаетъ уже форма равнины. Хотя невысокія, скалистыя гряды не перестаютъ бороздить ее по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, но за то между ними залегаютъ обширныя долины, придающія Шанхай-Гоби по преимуществу равнинный характеръ. Зимою здѣсь случаются нерѣдко сильныя снѣжныя мятели. Передъ нашимъ приходомъ въ Шанхай-Гоби выпалъ

порядочный снѣгъ, но вскорѣ улетучился отъ сухаго вѣтра. Юго-западная часть Шанхай-Гоби называется Бургастэй-тала и представляетъ обширную долину. Въ Шанхай-Гоби кормъ для лошадей сталъ встрѣчаться чаще, но такъ какъ снѣга не было, то приходилось останавливаться у колодцевъ, вокругъ которыхъ пастбища, обыкновенно, вытравлены проходящими караванами. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ сохранились небольшіе снѣжные сугробы, мы останавливались на ночлеги вдали отъ колодцевъ, если около снѣга былъ хорошій подножный кормъ.

На юго-востокѣ долина Бургастэй-тала, имѣющая около 45 верстъ ширины, замыкается хребтомъ Ихы-Шанхай, простирающимся также съ юго-запада на сѣверо-востокъ, но превосходящимъ немного по высотѣ предыдущій—Бага-Шанхай. Въ горахъ Ихы-Шанхай мы расположились на дневку у колодца Цзада.

Во время дневки мы расспрашивали многихъ изъ мѣстныхъ монголовъ объ окрестной странѣ и въ особенности о длинномъ Ю. Алтаѣ, который нѣсколько дней тому назадъ потеряли изъ вида. Въ послѣдній разъ мы обозрѣвали этотъ хребетъ съ высотъ близь юго-восточнаго склона горъ Харасайранъ-нуру. Онъ простирался по прежнему въ юго-восточномъ направленіи на всемъ видимомъ съ тѣхъ высотъ пространствѣ, приблизительно верстъ на 80, а отъ мѣста нашего наблюденія отстоялъ въ 40 верстахъ. Далѣе съ дороги мы уже не видѣли совсѣмъ Ю. Алтая, нанося его на маршрутъ по расспроснымъ свѣдѣніямъ. По свидѣтельству мѣстныхъ монголовъ, этотъ хребетъ проходитъ верстахъ въ 70 къ Ю.-З. отъ колодца Боро-тологой на нашемъ пути и носитъ тамъ названіе Гурбанъ-сайханъ (три славныхъ, или могучихъ) отъ высокой группы изъ трехъ вершинъ, не достигающей снѣжной линіи, но рѣзко выдѣляющейся по своей высотѣ изъ остальной слитной массы его горъ. Потомъ, понижаясь постепенно въ юго-восточномъ направленіи, Ю. Алтай получаетъ названіе Хурху, отдѣляетъ отъ себя на югъ-востокъ-югъ незначительную отрасль Хату и тянется на юго-востокъ до сѣверо-западной окраины весьма пустынной равнины Голыбъ-Гоби, гдѣ и оканчивается высотами Бага-Богдо, приблизительно въ 200 верстахъ къ сѣверо-западу отъ великой луки р. Хуанъ-хэ.

Невысокіе хребты Бага-Шанхай и Ихы-Шанхай, подобно окрайному хребту Харасайрань-нуру, представляють собою слабые отроги Ю. Алтая. Они простираются съ юго-запада къ северо-востоку, бороздя въ этомъ направленіи плоскогорье. Съ северо-восточной стороны оно, повидимому, замыкается невысокимъ хребтомъ, тянущимся, какъ намъ казалось, непрерывно отъ горъ Харасайранъ-нуру на протяженіи около 230 верстъ и въ разстояніи отъ 20 до 45 верстъ отъ нашей дороги. Наибольшой высоты этотъ хребетъ достигаетъ въ мѣстѣ своего сочлененія съ кряжемъ Бага-Шанхай и называется тамъ Тайлагэинъ-хара. По природѣ описываемое плоскогорье отличается нѣсколько отъ пройденнаго участка Гоби на пространствѣ между колодцемъ Холтъ и окрайнымъ хребтомъ Харасайранъ-нуру. Средняя абсолютная высота его превосходитъ, по нашимъ наблюденіямъ, футовъ на 1000 абсолютную высоту означеннаго участка Гоби. Солончаки, столь обыкновенные въ Гоби, встрѣчались очень рѣдко на этомъ плоскогорьѣ, а соленыхъ озеръ мы не видѣли на немъ ни одного, да и во всей окрестной странѣ, по свидѣтельству монголовъ, ихъ нѣтъ. Точно также не встрѣчается на этомъ плоскогорьѣ и песчаныхъ пространствъ, попадающихся изрѣдка въ Гоби.

О странѣ къ сѣверу отъ нашего пути монголы сообщали, что она отличается болѣе пустыннымъ характеромъ, чѣмъ плоскогорье, по которому мы шли. Гоби тамъ не представляетъ совершенной равнины, будучи во многихъ мѣстахъ покрыта невысокими, скалистыми хребтами. Въ ней часто встрѣчаются углубленія съ солончаками и иногда небольшими солеными озерами. Въ нѣкоторыхъ впадинахъ есть и песчаныя пространства, но обширныхъ песковъ нѣтъ. Источники очень рѣдки, да и колодцевъ въ той странѣ меньше, при томъ во многихъ изъ нихъ вода солоноватая. Древесной растительности, кромѣ ильмъ, встрѣчающихся изрѣдка по сухимъ русламъ, да саксаула, караганы и хармыка, нѣтъ никакой.

Страна къ югу отъ горъ Гурбанъ-сайханъ, по описанію монголовъ, представляетъ совершенную пустыню, безлюдную и по преимуществу песчаную. Отъ южнаго подножія простирается сначала безплодная, каменистая равнина, имѣющая отъ двухъ до четырехъ дней пути ширины, а южнѣе ея залегаютъ обширные пески, по-

росшіе высокимъ цзакомъ (саксауломъ). Близь южнаго подножія Алтая идетъ дорога въ Куку-хото, нынѣ почти оставленная, потому что многіе колодцы занесло пескомъ. Въ одномъ мѣстѣ по той дорогѣ на протяженіи четырехъ дней пути нѣтъ вовсе воды, корма для лошадей тоже, а потому по ней можно ходить только на верблюдахъ, да и то осенью или зимой. Далѣе монголы о странѣ къ югу отъ хребта Алтая показывали, что она лежитъ значительно ниже плоскогорья къ сѣверу отъ него, на которомъ мы находились, и что зима въ той странѣ гораздо теплѣе. Саксаулъ, встрѣчающійся по сѣверную сторону Алтая въ видѣ невысокаго кустарника, въ пескахъ по южную сторону хребта, по увѣренію монголовъ, достигаетъ высоты небольшаго деревца.

Пониженіе восточной и западной части пустыни, простирающейся къ югу отъ Алтая, относительно высокой земли, лежащей къ сѣверу отъ него, доказано несомнѣнно высотами, опредѣленными въ тѣхъ странахъ путешественниками. Основываясь на этихъ высотахъ и на вышеприведенныхъ показаніяхъ монголовъ о пониженіи средней части той пустыни, можно съ большею вѣроятностью полагать, что Ю. Алтай служитъ полуденною окраиною высокой Монголіи, отдѣляя ее отъ нижележащей пустынной земли, раскинувшейся на необъятномъ пространствѣ на югъ отъ этой длинной цѣпи горъ. Эту-то обширную, сравнительно низкую и по преимуществу песчаную пустыню слѣдуетъ, кажется, считать настоящею, Великою Гоби. Отъ Монгольской Гоби, протянувшейся въ видѣ эллипса съ запада на востокъ съ ея узкимъ рукавомъ между Хангаемъ и Алтаемъ, Южная, или Великая Гоби, отличается гораздо болѣе обширнымъ пространствомъ, нѣсколько меньшей абсолютной высотой и присутствіемъ въ ней огромныхъ песчаныхъ пространствъ, которыхъ Монгольская, или Сѣверная Гоби, не имѣетъ. Площадь, занимаемая Южною Гоби, дѣйствительно весьма обширна: на сѣверѣ эта пустыня простирается до Ю. Алтая, на югѣ достигаетъ береговъ р. Эцзинъ-гола, впадающей въ озеро Согокъ; на востокъ распространяется до р. Хуанъ-хё, переходя даже за эту рѣку, въ страну Ордосъ. На западѣ Великая Гоби раздѣляется на два рукава, простирающіеся весьма далеко въ этомъ направленіи. Одинъ изъ нихъ тянется сначала неширокою полосою

между восточнымъ Тянь-шанемъ и Ю. Алтаемъ, подъ названіемъ Номинъ—мингынъ-Гоби, потомъ далѣе къ западу расширяется, образуя обширную пустыню между Сауромъ, р. Урунгу на сѣверѣ и Тянь-шанемъ на югѣ, покрытую въ южной части длинною лентою зыбучихъ песковъ. На сѣверо-западѣ этотъ рукавъ Великой Гоби посредствомъ узкаго, пустыннаго перешейка между горами Уркашаръ и Барлукъ, соединяется съ равниною р. Эмиля и озера Алакуля, составляющей, по замѣчанію нашихъ путешественниковъ, одно геологическое цѣлое съ пустынною равниною оз. Балхаша. Другой рукавъ Великой Гоби, занимающій болѣе обширное пространство, отдѣляется отъ нея южнѣе и тянется сначала тоже неширокою полосою между г.г. Хами и Анси-чжоу, далѣе между хребтами Карукъ-тагомъ и Алтынъ-тагомъ, потомъ, подобно первому, значительно расширяется и достигаетъ на юго-западѣ г.г. Керіи и Хотана, на западѣ доходитъ почти до Кашгара, а на сѣверъ простирается до подошвы Тянь-шаня. Большая часть этого рукава покрыта зыбучими, непроходимыми песками. Абсолютная же высота обоихъ поименованныхъ рукавовъ нѣсколько меньше высоты Монгольской Гоби[1]).

---

[1]) Средняя абсолютная высота Монголіи (т. е. высокой земли, ограниченной на сѣверѣ Алтайскими, Саянскими и Гентэйскими горами, на востокѣ Большимъ Хинганомъ, на юго-востокѣ Иншанемъ, на югѣ и западѣ Ю. Алтаемъ) по всѣмъ извѣстнымъ до настоящаго времени высотамъ отдѣльныхъ точекъ, въ числѣ около 400, опредѣленныхъ путешественниками: Фуссомъ, Фритше, Элліясомъ, Пржевальскимъ, Ломоносовымъ, Масинымъ, Потанинымъ и Рафаиловымъ, Падеринымъ и мною, довольно равномѣрно разсѣяннымъ по странѣ,—простирается до 4,630 англ. футовъ. Средняя абсолютная высота Монгольской Гоби изъ 60-ти наблюденій въ различныхъ ея мѣстахъ—3,750 фут. Средняя абсолютная высота (12 точ. наблюд.) восточной части Великой Гоби—3,870 фут.; ея рукава (14 точ. наблюд.) между Ю. Алтаемъ, р. Урунгу, хр. Сауромъ и. Тянь-шанемъ—2,720 фут.; а другаго ея рукава (6 точ. наблюд.) между Тянь-шанемъ и Алтынъ-тагомъ—2,760 фут. Средняя же абсолютная высота всей вообще Великой Гоби (32 точ. наблюд.)—3,160 фут. Желающіе повѣрить эти выводы, могутъ найти высоты упомянутыхъ странъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

V. Fuss. Geographische, magnetische und Hypsometrische Bestimmungen e. c. t. Mèmoires de l'Academie Jmp. des. Sciences. de St. Petersbourg. Serie VI. T. III. 1835.

Ney Elias. Narrative of a Journey through Western Mongolia. The

Отъ монголовъ мы слышали разсказъ о путешествіи чрезъ Великую Гоби одного ламы изъ Тибета въ Центральную Монголію. Этотъ лама, возвращаясь изъ Хлассы, куда ходилъ на поклоненіе Далай-ламѣ, въ Монголію въ началѣ зимы, вмѣсто обычной дороги чрезъ Алашань, направился прямымъ путемъ по Великой Гоби, восточнѣе озера Согокъ. Ламу сопровождало нѣсколько монголовъ съ небольшимъ караваномъ, состоявшимъ исключительно изъ верблюдовъ. Путешественники, вступивъ въ пустыню, вскорѣ встрѣтили глубокіе пески, въ которыхъ и блуждали около двухъ мѣсяцевъ, сбившись съ дороги и не находя колодцевъ. По счастію, въ пескахъ лежалъ кое-гдѣ снѣгъ, но приходилось, однако, по нѣскольку дней оставаться безъ воды. Пески покрыты высокимъ дзакомъ (саксауломъ) и совершенно безлюдны. Послѣ утомительнаго и опаснаго странствованія поперегъ Великой Гоби, путешественники вышли къ горамъ Арца-Богдо и раскаявались въ своей рѣшимости слѣдовать изъ Тибета по этому ужасному пути.

От колодца Цзала мы шли около 15 верстъ горами, пересѣкая плоскій и широкій хребетъ Ихы-Шанхай, при выходѣ изъ него миновали кумирню Илэгэинъ-хуралъ и снова очутились на обширной равнинѣ, покрытой кое-гдѣ небольшими отдѣльными высотами. Страна представляетъ малоплодородную степь и въ ней по прежнему преобладаетъ форма равнины. Растительность, состоящая по преимуществу изъ кипца, бѣдна и только въ лощинахъ, поблизости горъ, можно встрѣтить порядочныя пастбища. Верстахъ въ 40 къ юго-востоку отъ хребта Ихы-Шанхай мы пе-

---

journal of the Royal geographical society. Vol XLIII. 1879.

N. Fritsche. The climate of eastern Asia. Shanghai. 1878.

— Geoyraphische, magnetische und hypsometrische Beobachtungen. Repertorium. für Mefeorologie. herausgeg. v. d. Kaiserliechen Academie g. Wissenschaften. T. IV. № 3. 1874.

Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ. Т. II, стр. 110—115.

Потанинъ. Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. Вып. I, стр. 334—386.

Извѣст. Импер. Рус. Геогр. Общ. вып. 1-й и 2-й, 1879.

Записки З.-Сибирск. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общества. Кн. I, 1879 г. и кн. II, 1880.

Записки Импер. Русск. Геогр. Общества т. V. 1875.

Humboldt. Asie Centrale. 1843.

растѣкая новый, также широкій и плоскій хребетъ Дзамыйнъ-Шобуктай, простирающійся, подобно прежнимъ, съ юго-запада на сѣверо-востокъ. При входѣ въ горы отъ дороги, по которой мы шли, отдѣляется другая тоже торная дорога. Она проходитъ южнѣе нашей дороги близъ сѣвернаго подножія горъ Гурбанъ-сайханъ и Арца-Богдо и ведетъ также въ Куку-хото. Эта дорога, называемая Кэрмэйнъ-изамъ представляетъ южную вѣтвь нашей, отдѣляясь отъ нея въ долинѣ большихъ озеръ между Хангаемъ и Алтаемъ, близъ озера Орокъ. По ней гоняютъ изъ Сѣверо-Западной Монголіи въ Куку хото преимущественно барановъ. Во время нашей стоянки въ горахъ Цзамыйнъ-Шобуктай пригнано было съ этой дороги на нашу стадо барановъ головъ въ 500 изъ окрестностей г. Ихы-Богдо въ Ю. Алтаѣ. Проводники его—монголы разсказывали, что въ теченіи 40 дневнаго путешествія съ баранами по этой дорогѣ они не встрѣчали недостатка ни въ кормѣ, ни въ водѣ, дѣлая ежедневно около 20—25 верстъ.

Дорога по которой мы шли въ Куку-хото, принадлежитъ къ числу наиболѣе оживленныхъ караванныхъ путей Монголіи. Со вступленіемъ на нее въ окрестностяхъ колодца Холтъ въ Гоби, намъ стали почти ежедневно встрѣчаться караваны. Бывали дни, когда попадалось навстрѣчу по три, по четыре каравана. Большая часть ихъ шла изъ Куку-хото съ разнымъ товаромъ въ С.-З. Монголію и отчасти въ Чжунгарію. Погонщиками были монголы, а старшины торговыхъ каравановъ—исключительно китайцы. При встрѣчѣ мы обыкновенно завязывали съ ними разговоръ о томъ куда идутъ и съ чѣмъ. По этимъ разсказамъ, еще на пути въ Куку-хото, могли составить себѣ нѣкоторое понятіе о значеніи для Монголіи этого замѣчательнаго города. Попалось намъ также на встрѣчу нѣсколько казенныхъ транспортовъ, слѣдовавшихъ съ провіантомъ и разными вещами для солдатъ въ Кобдо и въ Улясутай. Караваны, идущіе изъ Куку-хото въ Чжунгарію, сворачиваютъ съ нашего пути не доходя до уроч. Тугурикъ въ Гоби на лѣво, переваливаютъ горы Арца-Богдо и потомъ идутъ вдоль южной подошвы Алтая почти до меридіана оз. Борбонъ-дабасу; затѣмъ поворачиваютъ на юго-западъ черезъ горы Ачжи-Богдо и перейдя узкій рукавъ Южной Гоби (Номинъ-мингынъ-Гоби), выходятъ въ Баркуль.

На нашей дорогѣ мы часто встрѣчали бѣдныхъ монголовъ, не имѣющихъ скота и живущихъ осень и зиму преимущественно на счетъ проходящихъ каравановъ. Они собираютъ аргалъ для топлива караванамъ и прочищаютъ колодцы, за что получаютъ небольшое вознагражденіе въ видѣ остатковъ отъ обѣда, кусочковъ кирпичнаго чая и т. п. Жилищами имъ служатъ жалкія юрты, а чаще небольшіе шалаши, покрытые войлокомъ. Лѣтомъ, когда караванное движеніе прекращается, они питаются подаяніями въ сосѣднихъ улусахъ, въ которыхъ иногда побираются осенью и зимою, если караваны проходятъ не часто. Нѣкоторые богатые и щедрые монголы, слѣдуя съ караванами, кормятъ этихъ бѣдняковъ во время остановокъ и раздаютъ имъ кусочки кирпичнаго чая.

За горами Цзамыйнъ-Шобуктай мы пересѣкли долину, а потомъ короткій и низкій отрогъ этого хребта—Гувелатъ. Переваливъ черезъ него, мы опять спустились въ долину и шли по ней верстъ 15 до подошвы гряды Обо, протянувшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Тутъ у колодца Мунку-обонэй-худукъ мы остановились дневать. Поблизости колодца находится обширная плоская впадина съ солончаками и песчаными буграми, поросшая мѣстами злакомъ дэрису. Такія солончаковыя впадины къ юго-востоку отъ хребта Харасайранъ-нуру стали встрѣчаться, лишь на пути отъ горъ Ихы-Шанхай, да и то очень рѣдко. Достойно замѣчанія то, что въ нихъ очень часто заключаются небольшія песчаныя сопки, или точнѣе, груды чистаго песка. Эта особенность присуща почти всѣмъ гобійскимъ плоскимъ котловинамъ вмѣстѣ съ солончаками и признаками существовавшихъ въ нихъ нѣкогда озеръ.

Переваливъ черезъ гряду Обо, достигающую наибольшей высоты близъ дороги, мы спустились на широкую долину, замкнутую на югѣ уваломъ съ малыми, насажденными горками, а на сѣверо-востокѣ сливающуюся съ сосѣднею необозримою равниною, предѣла которой нельзя было видѣть съ высокой вершины цѣпи Обо, откуда мы осматривали окрестности. Около 25-ти верстъ шли мы по долинѣ, потомъ вступили въ весьма низкую гранитную гряду Ханынъ-нуру, съ массою отторженцевъ, представляющихъ картину полнаго разрушенія горъ. Съ этой гряды, отдѣляющейся отъ

плоскаго, но широкаго гранитнаго же хребта Голыбъ, мы спустились въ горную котловину этого послѣдняго, а потомъ перешли въ узкое, извилистое ущелье, въ которомъ встрѣтили большое сухое русло потока, называемое Урту-голъ. Въ немъ кое гдѣ встрѣчались, однако, ямы съ водой, промерзшія до дна, а по берегамъ растутъ ильмы. Окрестныя горы Голыбъ, состоящія изъ сѣраго грубаго гранита съ выходами кварца, невысоки и покрыты весьма скудною растительностью. Мы остановились на ночлегъ въ этихъ пустынныхъ горахъ, въ ущельѣ потока Урту-голъ, гдѣ росъ тощій дэрису. Хребетъ тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ и имѣетъ болѣе 30 верстъ ширины, но высота его незначительна. Подобно отрогу своему Ханынъ-нуру, онъ содержитъ массу отторженцевъ, громоздящихся по склонамъ его невысокихъ и пологихъ горъ, въ щеляхъ и долинахъ.

На слѣдующій день мы прошли около 15 верстъ горами Голыбъ по узкому ущелью потока Урту-голъ, имѣющему значительное паденіе къ востоку. По выходѣ изъ горъ предъ нами предстала необозримая равнина, по которой на пространствѣ верстъ 20-ти къ востоку отъ хребта Голыбъ извивалось сухое русло потока Урту-голъ, обозначенное ильмами, тянувшимися аллеей по его берегамъ. Впереди на востокѣ видны были въ дали горы, а на сѣверъ и югъ равнина простиралась на всемъ обозрѣваемомъ пространствѣ. На западной ея окраинѣ, у колодца Цаганъ-хомаръ, мы переночевали и на другой день рано утромъ выступили въ путь по этой голой, безжизненной пустынѣ. Еще съ утра дулъ порядочный вѣтеръ, потомъ сталъ всё болѣе и болѣе крѣпнать и около полудня превратился въ сильную бурю. Мелкая галька, покрывающая пустыню, пришла въ движеніе и производила шумъ, похожій на шуршаніе льда при вскрытіи рѣкъ. Гравій же подымался такъ высоко, что хваталъ насъ на лошадяхъ. Верблюды и лошади постоянно отпятывались въ навѣтренную сторону. Мы должны были спѣшиться и крѣпко удѣпясь за повода, едва держались на ногахъ. Отъ пыли, носившейся въ воздухѣ, дневной свѣтъ померкъ до того, что стало темно, какъ въ сумерки. Вѣтеръ дулъ съ юго-запада-юга и не постоянно съ одинаковою силою, а порывами. Идти какъ людямъ, такъ и животнымъ было

крайне тяжело, а остановиться на безводной равнинѣ для пережиданія бури мы не рѣшались и продолжали потихоньку подвигаться впередъ. Около четырехъ часовъ по полудни начали по временамъ различать горы, которыя наканунѣ видѣли верстъ за 35. Вѣтеръ еще болѣе усилился, мы стали поспѣшать и черезъ часъ достигли горъ, за которыми и укрылись отъ него. Едва успѣли поставить юрты, какъ буря перешла въ настоящій ураганъ и на равнинѣ, несмотря на 5 часовъ дня, настала тьма, но мы были вполнѣ обезпечены отъ него, помѣстившись въ ущельѣ невысокихъ горъ. Эта гряда горъ называется Нойохонъ (тихія),— названіе для нея характеристичное,—какъ дѣйствительно тихому пристанищу отъ бурь, отъ которыхъ въ ней, вѣроятно, нерѣдко приходится укрываться караванамъ, пересѣкающимъ эту печальную пустыню.

Поблизости, у колодца Хоборъ, стояли монголы, которыхъ вечеромъ мы расспрашивали объ окрестной странѣ. По ихъ показаніямъ, пройденная равнина называется Голыбъ-Гоби и тянется весьма далеко на сѣверъ и юго-западъ. Горъ на ней нѣтъ, а только плоскіе увалы съ низкими холмами. Она богата солончаками, имѣетъ твердую, каменистую почву, а въ юго-западной части переходитъ въ песчаную пустыню. Южный Алтай не пересѣкаетъ этой равнины, оканчиваясь на западной ея окраинѣ небольшими высотами Бага-Богдо въ трехъ дняхъ пути къ юго-западу отъ горъ Нойохонъ, а въ пяти дняхъ отъ этихъ горъ на югъ находится рѣка Хуанъ-хе и на этомъ пространствѣ встрѣчаются мѣстами невысокія горы, но они не связуются съ горами къ западу отъ равнины Голыбъ-Гоби. Такимъ образомъ, по ихъ показаніямъ, эта пустынная равнина представляетъ ворота изъ высокой Монгольской Гоби въ нестоль высокую и по преимуществу песчаную Гоби Алашанскую, которая, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, составляетъ восточную часть Великой, или Южной Гоби.

Страна къ востоку отъ горъ Голыбъ въ геогностическомъ отношеніи многимъ разнится отъ пройденнаго нами пространства до этихъ горъ. На пути отъ окрайняго хребта Харасайранъ-нуру до пустыни Голыбъ-Гоби мы встрѣчали въ горахъ по преимуществу фельзитовый порфиръ и фельзитъ, представляющіе преобладающія

ихъ породы, и жильный кварцъ, а въ горахъ Голыбъ крупно-зернистый сѣрый гранитъ тоже съ кварцевыми жилами. На равнинѣ же Голыбъ-Гоби близь поверхности залегаетъ мергель, а ниже его известковый шпатъ и обыкновенный известнякъ. При томъ въ западной части равнины, близь колодца Цаганъ-хомаръ, пласты двухъ послѣднихъ породъ, на сколько можно было оцѣнить простымъ глазомъ, находятся почти въ горизонтѣ, примыкая къ граниту гряды Голыбъ, а въ восточной окраинѣ онѣ прорваны и приподняты фельзитовымъ порфиромъ, изъ котораго слагаются главнымъ образомъ поднятія къ востоку отъ этой равнины, чередуясь изрѣдка съ холмами глинистаго сланца. Поэтому весьма вѣроятно, что относительная древность горъ къ западу и къ востоку отъ пустыни Голыбъ-Гоби неодинакова и орографической связи между ними, судя по показаніямъ монголовъ, не должно существовать.

Отъ колодца Хоборъ, близь котораго мы стояли, съ нашей дороги отходитъ вѣтвь въ г. Бо-тоу (по монгольски Буту). Окрестные монголы ѣздятъ туда за мукою и крупою. До Бо-тоу считается 6 дней пути большимъ ходомъ. Не смотря на пустынный характеръ страны, въ окрестностяхъ горъ Номохонъ мы видѣли множество прекрасныхъ, жирныхъ верблюдовъ, которымъ, по словамъ монголовъ, привольно живется въ этой пустынѣ, благодаря обилію солончаковыхъ растеній, покрывающихъ ея многочисленныя котловины.

Отъ горъ Номохонъ мы шли сначала по холмистой мѣстности, потомъ вступили въ долину, среди которой извивается широкое сухое русло потока съ ильмовыми деревьями по берегамъ. Поблизости этого русла, называемаго Сухай-голъ, мы ночевали безъ воды. Мѣстность весьма пустынна: корма для лошадей не оказалось вовсе, такъ что имъ буквально нечего было щипнуть. Окрестныя невысокія горы, окрашенныя въ темный цвѣтъ имѣютъ печальный видъ; безлюдныя долины, не оживленныя ни присутствіемъ человѣка, ни животныхъ,—мертвы. Въ этихъ долинахъ и у подножій горъ залегаетъ мергель, подъ нимъ, какъ и на равнинѣ Голыбъ-Гоби, известковый шпатъ и обыкновенный известнякъ, но самыя горы состоятъ изъ фельзита, прорвавшаго коренныя породы, а отчасти изъ глинистаго сланца.

Далѣе мы шли по пустынной горной долинѣ съ крайне бѣдною растительностью. Въ двухъ мѣстахъ, правда, встрѣтились заросли злака дэрису, но онъ такъ былъ объѣденъ верблюдами проходящихъ каравановъ, что оставались только короткіе и жесткія стебли. Растительность горъ тоже очень бѣдна, а между тѣмъ наши исхудалыя отъ безкормицы лошади отказывались служить. Поэтому мы стали искать корма по сторонамъ дороги, въ горахъ, и въ одномъ мѣстѣ дѣйствительно нашли долинку, покрытую тощимъ кипцемъ. Поблизости ея оказался и колодезь, Ноинъ-худукъ, съ хорошей водой. Въ этой долинкѣ мы остановились на дневку.

Отъ колодца Ноинъ-худукъ дорога пролегала по холмистой мѣстности, образуемой отрогами двухъ хребтовъ, между которыми мы прежде шли пустынною долиною къ этому колодцу. Потомъ мы пересѣкли небольшую долину и снова вступили въ холмистую мѣстность слабыхъ отраслей невысокаго хребта, подходящаго къ дорогѣ съ юго-запада и сочленяющагося съ восточной оконечностью сѣвернаго кряжа помянутой долины. Перейдя холмы, мы спустились на широкую долину и слѣдовали по ней около 20 верстъ до колодца Сайнъ-худукъ. На пути встрѣтили большой китайскій караванъ, шедшій съ разнымъ товаромъ изъ Куку-хото въ г. Урумчи. Старшина каравана сообщилъ, что вышелъ изъ города 12 дней тому назадъ, но по причинѣ сильныхъ встрѣчныхъ вѣтровъ, проходилъ ежедневно не болѣе 20 верстъ. Въ Урумчи-же разсчитывалъ попасть не ранѣе трехъ мѣсяцевъ со дня выступленія изъ Куку-хото. Китайцы везли множество чая и разныхъ бумажныхъ тканей, посуды и мелочей. У нихъ былъ взятъ съ собою для такого далекаго путешествія большой запасъ муки, квашенки, сита и корытца для печенія въ дорогѣ лепешекъ.

Отъ колодца Сайнъ-худукъ страна становится болѣе открытою: невысокіе скалистые хребты уступаютъ мѣсто мягкимъ, пологимъ грядамъ, и она мало по малу переходитъ въ волнообразную равнину, среди которой, однако, изрѣдка встрѣчаются довольно высокія, но пологія гряды. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется къ лучшему и природа страны: почва, покрытая тонкимъ растительнымъ слоемъ, производитъ какой-то злакъ, составляющій прекрасную кормовую траву. Сорванный вѣтрами и сметенный въ валы, въ

родѣ скошенной травы, онъ представлялъ готовое сѣно, отъ котораго наши исхудалыя лошади стали быстро поправляться. Появились и стада цзэреновъ, такъ давно нами невидѣнныхъ. Словомъ страна представляла рѣзкую противоположность съ пустыней Гоби, которую мы слѣдовательно оставили за собою, достигнувъ колодца Сайнъ-худукъ.

По выходѣ изъ Гоби мы слѣдовали по открытой, волнообразной странѣ, переваливая съ одной плоской гряды на другую. Между грядами часто встрѣчались большія плоскія котловины съ зарослями дэрису и тучными пастбищами, покрытыми помянутымъ злакомъ. Въ водѣ тоже недостатка не было: во многихъ лощинахъ встрѣчались колодцы, а въ 70-ти верстахъ къ юго-востоку отъ колодца Сайнъ-худукъ мы пересѣкли первую на всемъ длинномъ пути отъ Онгіинъ-гола рѣчку, Урту-голъ, текущую съ юга на сѣверъ и на берегу ея увидѣли первую же одинокую китайскую фанзу (домъ). За рѣчкой перевалили черезъ гряду и спустились въ обширную лощину Цаганъ-дэрису, замкнутую со всѣхъ сторонъ кромѣ сѣверо-восточной. Въ ней находится нѣсколько родниковъ, изъ которыхъ образуются небольшіе ручьи; луга и обширныя заросли дэрису, а на юго-западной окраинѣ, близь увала, стоитъ большая кумирня. Въ этой мѣстности мы дневали.

Орографія страны къ юго-востоку отъ равнины Голыбъ-Гоби, пройденной нами въ одномъ лишь направленіи, не можетъ быть выяснена въ подробностяхъ. Мы въ состояніи замѣтить только, что хребты этой невысокой горной страны простираются преимущественно съ запада на востокъ, постепенно понижаясь въ этомъ направленіи и переплетаясь между собой посредствомъ отроговъ. Верстахъ въ 75 отъ равнины Голыбъ-Гоби къ юго-востоку горная страна переходитъ въ волнообразную равнину съ пологими грядами, тянущимися также большею частью съ запада на востокъ. Но гряды эти состоятъ изъ песчаника съ кварцевыми жилами и рѣдко гдѣ обнажены, тогда какъ хребты горной страны къ юго-востоку отъ Голыбъ-Гоби слагаются преимущественно изъ фельзита.

Изъ обширной лощины Цаганъ-дэрису мы поднялись на увалъ и шли по волнообразной мѣстности. Къ югу отъ дороги тянется тутъ сначала въ восточно-западномъ направленіи высокій хребетъ,

уклоняющійся потомъ на юго-востокъ, почти параллельно дорогѣ. Приблизившись къ нему, мы шли около 70-ти верстъ близь сѣвернаго его подножія, пересѣкая незначительные сѣверо-восточные отроги этого хребта и небольшія рѣчки, текущія съ нею въ ту же сторону: Цаганъ-голъ, Уланъ-булукъ и Харà-бухукъ-голъ, а также сухія русла многихъ временныхъ потоковъ, направляющіяся на сѣверо-востокъ съ того же хребта. По сѣверную сторону его волнистая земля представляла почти сплошь тучныя пастбища. Травы, смётенной вѣтрами въ валы, мѣстами было такъ много, что цѣлое стадо могло насытиться не трогаясь съ мѣста. Табуны цзэреновъ повсемѣстно встрѣчались на этихъ привольныхъ пастбищахъ.

Верстахъ въ 80 отъ уроч. Цаганъ-дэрису мы перевалили черезъ сѣверо-восточную, довольно высокую вѣтвь помянутаго хребта, уклонившагося на югъ-востокъ-югъ. Она состоитъ изъ сѣраго средне-зернистаго гранита, а на восточномъ склонѣ найдены обнаженія грубаго бѣлаго известняка. Спустившись съ отрога, мы вышли къ рѣчкѣ Батхалынъ, получающей начало на его восточномъ склонѣ и остановились на берегу близь большой кумирни того же названія. Эта кумирня или, правильнѣе, монастырь, представляетъ нѣчто въ родѣ маленькаго городка: кромѣ нѣсколькихъ храмовъ, въ монастырѣ находится много маленькихъ домиковъ для монаховъ, расположенныхъ правильными кварталами и обнесенныхъ оградою. Въ этомъ монастирѣ есть училище для приготовленія ламъ и нѣсколько китайскихъ лавочекъ, въ которыхъ продается все нужное для монголовъ.

Мѣстность къ юго-востоку отъ монастыря Батхалынъ отличается такимъ же характеромъ, какъ и на пространствѣ отъ колодца Сайнъ-худукъ до впадины Цаганъ-дэрису. Она представляетъ волнистую землю, покрытую плоскими грядами, между которыми часто встрѣчаются замкнутыя плоскія же котловины. Въ горахъ замѣтны обнаженія песчаника съ кварцевыми жилами, а почва покрыта тонкимъ растительнымъ слоемъ. Верстахъ въ 40 къ юго-востоку отъ монастыря мы встрѣтили первыя китайскія поселенія, состоящія изъ маленькихъ деревень, разбросанныхъ по берегамъ пересыхающей рѣчки Доботу-голъ. Отсюда начинается

культурная полоса Монголіи, заселяемая постепенно пришельцами изъ Внутренняго Китая. Впрочемъ страну эту нельзя считать вполнѣ земледѣльческою: въ ней, кромѣ осѣдлаго китайскаго населенія, кочуютъ кое-гдѣ, на свободныхъ земляхъ монголы, часть которыхъ занимается хлѣбопашествомъ и живетъ въ домахъ. Здѣшніе монголы отличаются отъ своихъ родичей Внутренней Монголіи не столь патріархальными нравами и отчасти языкомъ, въ который вошло много китайскихъ словъ и даже фразъ. Но совершенно окитаившихся монголовъ намъ не приходилось видѣть.

Въ этой полосѣ Монголіи со смѣшаннымъ населеніемъ случаются, какъ намъ разсказывали, грабежи, совершаемые бродягами изъ Внутренняго Китая. Разбои чаще бываютъ лѣтомъ, когда бродяги находятъ себѣ пріютъ внѣ селеній. Монголы предупреждали насъ неоднократно быть осторожнѣе въ этой мѣстности. Нѣсколько человѣкъ ихъ, гнавшихъ въ Куку-хото на продажу быковъ и барановъ, изъ опасенія присоединилось къ намъ еще у монастыря Батхалынъ и мы охотно приняли ихъ подъ свое покровительство.

Около соленаго озера Уланъ-норъ, лежащаго близъ дороги, мы встрѣтили юрты китайскихъ купцовъ изъ Куку-хото, перекупающихъ у монголовъ скотъ и разное сырье. Ни одинъ монгольскій караванъ, слѣдующій въ Куку-хото, не минуетъ ихъ лагеря безъ того, чтобы эти спекуляторы не полюбопытствовали узнать съ чѣмъ онъ идетъ и не попытались перекупить предназначаемое для продажи въ городѣ.

Отъ озера Уланъ-норъ, на которое выходитъ дорога въ Куку-хото, отдѣляющаяся со станціи Онгіинъ-голъ Калганско-улясутайскаго почтоваго тракта, мы шли верстъ 10 по равнинѣ, мѣстами кочковатой и поросшей злакомъ дэрису, пересѣкли орошающую ее маленькую рѣчку, а потомъ поднялись на невысокую гряду, тянущуюся въ восточно-западномъ направленіи. Съ утра дулъ сильный вѣтеръ, а послѣ полудня поднялась такая снѣжная мятель, что въ 10 шагахъ нельзя было различать верблюда. На наше счастье тотчасъ же за переваломъ черезъ помянутую гряду попался домикъ, принадлежащій китайцу. Возлѣ него стояло нѣсколько монгольскихъ юртъ. Мы попросили пріюта и монголъ дво-

рянинъ (тайчжи), замѣнявшій отсутствовавшаго хозяина дома,—отдалъ его въ наше распоряженіе. Развьючивъ верблюдовъ и разсѣдлавъ лошадей, мы помѣстили ихъ въ оградѣ за вѣтромъ, а сами расположились въ домикѣ, затопили очагъ и отогрѣли окоченѣвшіе члены, благодаря судьбу за ниспосланіе намъ пріюта въ такую ужасную мятель. Тотъ же монголъ продалъ намъ за умѣренную плату кормъ для лошадей и верблюдовъ, заготовленный хозяиномъ дома, такъ какъ ни тѣхъ ни другихъ, по случаю сильной мятели, спустить на пастбище было невозможно. Тутъ въ первый разъ намъ пришлось покупать кормъ для нашихъ животныхъ, состоявшій изъ зеленой овсяной соломы, которую не только верблюды, но и лошади поѣдаютъ съ жадностью.

Мятель свирѣпствовала цѣлый день и только съ наступленіемъ сумерекъ стала стихать. Вечеромъ небо прояснилось и настала морозъ.

До Куку-хото намъ оставалось пройти отсюда около 75 верстъ. На пути лежалъ еще небольшой городокъ Куку-эргэ, въ который мы должны были придти на слѣдующій день къ вечеру.

Утромъ мы шли сначала по степной, волнистой мѣстности, потомъ показались китайскія деревни, встрѣчавшіяся все чаще и чаще по мѣрѣ движенія къ юго-востоку. Вскорѣ мы увидѣли впереди окрайный хребетъ Иншань, вздымающійся рѣзко очерченнымъ, высокимъ валомъ. Онъ, какъ извѣстно, простирается съ запада на востокъ и служитъ физическою границею высокой Монголіи на юго-востокѣ. Монголы называютъ эту часть хребта Онгіинъ-ула, а китайцы Та-чинъ-са. На сѣверо-западъ и на сѣверъ Иншань отдѣляетъ въ этой мѣстности лишь незначительные отроги, бороздящіе монгольское плоскогорье и придающіе ему волнистый рельефъ.

Въ сумерки мы достигли небольшаго, но весьма оживленнаго китайскаго городка Куку-эргэ, въ которомъ монголы, избѣгая труднаго горнаго пути черезъ Иншань въ Куку-хото, часто продаютъ китайцамъ скотъ и сырьё, покупая отъ здѣшнихъ купцовъ все нужное. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, находчивые китайскіе купцы изъ Куку-хото построили въ этомъ городкѣ дома съ лавками, въ которыхъ имѣется все необходимое для монголовъ. На базарѣ мы видѣли множество тагановъ, котловъ и всякой по-

суды, выставленной на площади, какъ бы на показъ прибывающимъ монголамъ. Окрестные поселяне—китайцы также продаютъ и покупаютъ кое-что въ этомъ городкѣ.

По прибытіи въ Куку-эргэ мы остановились въ домѣ богатаго мѣстнаго купца-скотопромышленника. Намъ отвели большую, довольно чистую комнату, среди которой помѣщалась жаровня, согрѣваемая каменнымъ углемъ. Прибравъ наши вещи, мы усѣлись на канѣ пить чай. Въ это время къ намъ въ комнату стала собираться публика, чтобы посмотрѣть на интересныхъ иностранцевъ. Любопытныхъ было столько, что они не могли сразу помѣститься въ комнатѣ и пробивались къ намъ по-очередно: уходили одни,—на мѣсто ихъ прибывали другіе. Такъ продолжалось часа три, если не болѣе. Одинъ изъ посѣтителей, подойдя къ намъ, поздоровался по русски. Полагая, что онъ знаетъ нашъ родной языкъ, мы обратились къ нему съ вопросами, но китаецъ, какъ оказалось, зналъ только нѣсколько нашихъ словъ и фразъ, которымъ научился въ бытность на Амурѣ. Вооружившись терпѣніемъ,—самымъ лучшимъ, по моему, средствомъ въ такихъ случаяхъ,—мы преспокойно отсиживались на канѣ, болтая кое о чемъ съ нашими посѣтителями, оставившими насъ только около 9 часовъ вечера. Но справедливость требуетъ сказать, что они вели себя очень чинно: никто изъ нихъ не позволилъ себѣ сдѣлать намъ какую-либо непріятность.

Когда публика оставила насъ въ покоѣ, въ нашу комнату собрались молодые прикащики хозяина, который въ то время былъ въ отсутствіи, и долго осаждали насъ различными вопросами, касавшимися образа жизни, нравовъ и обычаевъ русскихъ. Потомъ мы перешли ко взаимному обученію языкамъ: молодые китайцы, указывая на различныя вещи, бывшія въ комнатѣ, спрашивали какъ онѣ называются по русски, а намъ въ свою очередь называли ихъ по китайски. При этомъ оказалось, что мы безъ затрудненія могли довольно правильно произносить большинство китайскихъ названій, отчасти намъ знакомыхъ, тогда какъ наши учители никакъ не могли сладить съ произношеніемъ русскихъ словъ: наприм. вмѣсто свѣчка и печка у нихъ выходило свѣ-чи-ка и пе-чи-ка,—сколько мы не повторяли имъ.

От Куку-эргэ до Куку-хото считается только 90 ли, т. е. около 48 верст. Но так как наши верблюды и лошади были сильно изнурены, а между тѣм дорога через хребет Иншань очень затруднительна, то с помощью прикащиков нашего хозяина мы наняли в Куку-эргэ за умѣренную плату двѣ большія китайскія телѣги до Куку-хото под вещи.

Еще прежде на пути мы неоднократно слышали от возвращавшихся из Куку-хото монголов, что в этом городѣ проживает будто бы нѣсколько человѣк русских. Теперь тоже самое подтвердили в Куку-эргэ и прикащики нашего хозяина. Я этому не вѣрил, оставаясь при прежнем убѣжденіи, что они принимают за русских, каких-нибудь других иностранцев, поселившихся в Куку-хото. Так в дѣйствительности и оказалось послѣ. Но однако с европейцами, к какой бы національности они ни принадлежали,—нам все-таки пріятно было встрѣтиться в большом, чуждом городѣ. Поэтому я написал в тот же вечер записку и послал ее вперед с нарочным в Куку-хото, прося проживающих там иностранцев не отказать нам в пріютѣ у себя.

На другой день утром нас подняли за долго до разсвѣта: нанятые извощики прибыли с телѣгами, запряженными четверками и торопили в путь, говоря что иначе мы не успѣем к вечеру доѣхать до Куку-хото. Уложив наш багаж на телѣги, с которым помѣстилась часть людей, мы сѣли на лошадей и отправились из Куку-эргэ еще до свѣта. Кортэж наш походил на процессію: для освѣщенія неровной дороги извощики повѣсили на телѣги фонари, при трепетном мерцаніи которых мы открыли шествіе в знаменитый город.

На разсвѣтѣ мы въѣхали в широкое ущелье хребта Иншагія, через который пролегает дорога, и поднявшись немного в горы, спускались потом постепенно около 15 верст. Дорога все время идет ущельем, в котором часто встрѣчались постоялые дворы; мѣстами они группируются вмѣстѣ в видѣ небольших поселеній, вытянутых в одну линію, хотя в сущности каждый отдѣльный дом представляет постоялый двор. На окрестных горах также видны были кое-гдѣ селенія и небольшія березовыя рощи,

среди которыхъ торчали изрѣдка одинокія, кудрявыя сосны. Эти горы, оживленныя лепящимися на ихъ склонахъ и уступахъ селеніями, березовыми рощами и красивыми кумирнями, живописно рисующимися на горныхъ площадкахъ, представляютъ мѣстами ландшафты, достойные кисти талантливаго пейзажиста.

Съ 10-ти часовъ утра намъ часто стали встрѣчаться китайскія телѣги, шедшія съ разнымъ товаромъ изъ Куку-хото въ Куку-эргэ и китайцы-поселяне ближайшихъ мѣстностей земледѣльческой полосы Монголіи, возвращавшіеся изъ этого города. Къ полудню движеніе по ущелью усилилось до такой степени, что телѣги тянулись уже длинными вереницами на каждой верстѣ. Наши возницы въ полдень остановились въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ кормить лошадей и пока тѣ ѣли, заказали себѣ лапши съ соленой зеленью и, пообѣдавъ наскоро, отправились далѣе.

Постоялые дворы по дорогѣ стали встрѣчаться еще чаще, а по сторонамъ на горныхъ уступахъ видно было много селеній, раскинувшихся въ живописномъ безпорядкѣ на высотахъ. Проѣхавъ около 18-ти верстъ ущельемъ, мы достигли подъема на главный перевалъ Онгіинъ-даба. Сначала версты три мы поднимались по отлогому склону, потомъ начался короткій, но очень крутой подъёмъ. По этому послѣднему тяжелыя повозки восходятъ съ большимъ трудомъ, да и то не иначе, какъ со многими отдыхами для лошадей, при чемъ погонщики, по остановкѣ на отдыхъ, тотчасъ же подкладываютъ подъ колеса камни для того, чтобы тяжелыя телѣги не могли скатываться назадъ и увлекать съ собою лошадей по крутому склону. Большія затрудненія бываютъ тутъ также при встрѣчахъ: дорога такъ узка, что встрѣчнымъ повозкамъ невозможно разъѣхаться, исключая нѣкоторыхъ мѣстъ, нарочно раздѣланныхъ пошире для разъѣзда.

Съ вершины главнаго перевала открылась величественная панорама на юго-востокѣ: вдали были видны горы, а между ними и Иншанемъ растилалась широкая равнина, испещренная множествомъ селеній съ рощами, кладбищами и кумирнями. Среди этого пестраго фона рѣзко выдѣлялась, огромная, сѣроватая площадь г. Куку-хото, который мы въ первый разъ привѣтствовали оттуда съ высоты.

От высшей точки перевала Онгінъ-даба идетъ сначала очень крутой спускъ, извивающійся версты на двѣ зигзагами, а потомъ пологій, но весьма замѣтный склонъ до самой подошвы хребта, на протяженіи около 12 верстъ. Путешественникъ, перейдя однажды хребетъ Иншань въ этомъ направленіи, легко убѣдится, что гребень его возвышается несравненно меньше надъ сосѣднимъ волнистымъ плоскогорьемъ Монголіи, чѣмъ надъ южною равниною г. Куку-хото. По южную сторону перевала горы Иншаня менѣе живописны, чѣмъ по сѣверную. Взору повсюду представляются на обширномъ пространствѣ угрюмыя, красноватыя массы, постепенно понижающіяся къ югу, къ подошвѣ хребта. Селеній въ горахъ много, но они большею частью закрыты отъ дороги высотами. Постоялые же дворы по южную сторону встрѣчаются чаще прежняго, а поблизости выхода изъ горъ они тянутся длинными, почти непрерывными линіями. Движеніе по ущелью, которымъ идетъ дорога, тутъ таково, какъ на оживленной городской улицѣ: повозки, верблюды и пѣшеходы встрѣчаются на каждомъ шагу; около постоялыхъ дворовъ вездѣ толпится народъ, одни пріѣзжаютъ, другіе отъѣзжаютъ, третьи кормятъ лошадей и обѣдаютъ. Въ этомъ ущельѣ мы въ первый разъ встрѣтили китайскихъ носильщиковъ тяжестей съ коромыслами на плечахъ. Къ обоимъ концамъ этихъ коромыслъ подвѣшены четыреугольныя доски, какъ у нашихъ базарныхъ вѣсовъ, только меньшихъ размѣровъ, на которыхъ покоятся переносимые грузы.

Верстахъ въ 12-ти отъ вершины перевала окончились горы и мы очутились на равнинѣ. Но какая противоположность между ней и сосѣдней Монголіей! Тутъ на каждой верстѣ встрѣчалось по двѣ, по три деревни, кумирни, кладбища съ рощами и обелисками; нигдѣ не видно ни клочка свободной земли: все спахано или застроено, по сторонамъ дороги вездѣ селенія, а на дорогахъ толпы людей и вереницы подводъ. Въ одномъ мѣстѣ мы проѣхали версты 4 почти непрерывными селеніями, миновали нѣсколько очень красивыхъ кумирень и на пространствѣ 10-ти верстъ отъ подошвы хребта до города, кромѣ многихъ деревень, встрѣтили два многолюдныя мѣстечка. Но не смотря, однако, на оживленіе, общій видъ страны зимою не привлекателенъ: всѣ поля вспаханы еще съ

осени и эти сѣрыя монотонныя полосы земли, лишенной остатковъ растительнаго покрова, какъ-то непривѣтливо рисуются передъ глазами путешественника.

Послѣ долгаго блужданія по извилистой дорогѣ этой густозаселенной равнины, мы только въ сумерки достигли городскихъ воротъ, у которыхъ ожидалъ насъ верховый китаецъ, посланный европейцами передать, что они съ радостью ожидаютъ насъ у себя. Отъ воротъ мы около часу ѣхали по многолюднымъ, но узкимъ улицамъ города, останавливаясь нѣсколько разъ для разъѣздовъ со встрѣчными повозками, прежде чѣмъ добрались до дома, занимаемаго европейцами, гдѣ были радушно приняты агентомъ англійской торговой компаніи, бельгійцемъ г. Сплснгеромъ, и членами духовной католической миссіи въ Куку-хото.

ГЛАВА VI.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ Г. КУКУ-ХОТО И ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ НЕГО ВЪ Г. КАЛГАНЪ.

Городъ Куку-хото, или Гуй-хуа-ченъ[1]) находится въ сѣверной части провинціи Шаньси Внутренняго Китая, но внѣ Великой стѣны (внѣшней, или объемлющей), проходящей верстахъ въ 80 отъ него къ юго-востоку, по гребню сѣвернаго кряжа цѣпи Тай-хань. Городъ расположенъ на равнинѣ по обоимъ берегамъ маленькой рѣчки и, подобно всѣмъ китайскимъ городамъ, обнесенъ стѣной. Наибольшая длина его, по свидѣтельству г. Спленгера, около 10 километровъ (9,4 версты), а наибольшая ширина около 8 километровъ (7,5 версты). На краю города находится обширная цитадель квадратнаго начертанія около 1-го километра въ сторонѣ. Въ ней живутъ солдаты гарнизона, помѣщаются присутственныя мѣста, начальники и чиновники. Жителей въ Гуй-хуа-ченѣ считается не менѣе 200,000, не включая въ то число солдатъ значительнаго гарнизона. Въ этомъ городѣ находится множество лавокъ, товарныхъ складовъ и постоялыхъ дворовъ для пріѣзжихъ монголовъ. Въ немъ существуетъ также нѣсколько базаровъ, на которыхъ продается исключительно скотъ. Для каждаго рода скота есть свой базаръ: на одномъ продаются верблюды, на другомъ лошади, на третьемъ быки и на четвертомъ бараны.

Гуй-хуа-ченъ ведетъ обширную торговлю со всѣмъ почти Внѣшнимъ Китаемъ, а по размѣрамъ своихъ торговыхъ оборотовъ съ Монголіей не имѣетъ себѣ соперниковъ во всей имперіи. Къ нему въ торговомъ отношеніи тяготѣетъ не только вся почти Мон-

---

[1]) Куку-хото собственно монгольское названіе этого города и въ переводѣ значитъ: „синій городъ". У китайцевъ же онъ извѣстенъ подъ названіемъ Гуй-хуа-чена.

голія, но и Чжунгарія, Китайскій Туркестанъ, а отчасти Куку-норъ и Тибетъ. Караваны изъ Гуй-хуа-чена ходятъ съ товарами во всѣ концы Монголіи, больше всего въ Ургу, Улясутай и Кобдо, а также во многіе города Чжунгаріи, какъ наприм. въ Баркуль, Хами, Гученъ, Манасъ, Урумчи и въ Турфанъ; посѣщаютъ даже такіе отдаленные пункты, какъ Кашгаръ, Хотанъ, Керія и Хласса. Этотъ замѣчательный городъ служитъ главнымъ рынкомъ, на которомъ совершается обмѣнъ произведеній внутреннихъ, промышленныхъ провинцій Китая на скотъ и различное сырье Монголіи и отчасти прочихъ внѣшнихъ областей Имперіи. Изъ Монголіи въ Гуй-хуа-ченъ осенью и въ началѣ зимы пригоняется, какъ самими монголами, такъ равно и торгующими въ ней китайцами множество скота, въ особенности барановъ, потомъ лошадей, верблюдовъ и быковъ и привозится огромное количество продуктовъ скотоводства, а именно: овчинъ, сырыхъ конскихъ и бычачьихъ кожъ, шерсти и волоса. Взамѣнъ этого изъ Куку-хото въ Монголію вывозятся: ткани, кирпичный чай, металлическія издѣлія, обувь, деревянная и каменная посуда, табакъ, деревянныя части юртъ, шкафы, сундуки, множество различныхъ мелочей, а также муки и крупы. Скотъ и продукты отъ него, доставляемые въ Гуй-хуа-ченъ, идутъ далѣе во Внутренній Китай, исключая нѣкоторой части для мѣстной потребности, а оттуда доставляются въ этотъ городъ ткани, кирпичный чай и прочія произведенія промышленныхъ провинцій, предназначаемыя для Монголіи и для прочихъ областей Внѣшняго Китая. Кирпичный чай привозится изъ провинцій Хубей и Хунань, а ткани доставляются преимущественно изъ Пекина и изъ Тяньцзина, откуда привозятся даже англійскія и американскія бумажныя матеріи (шертингъ и дрилингъ), сбываемыя гуйхуаченскими купцами на равнѣ со своими въ Монголіи. Тяжести изъ внутреннихъ провинцій доставляются въ Гуй-хуа-ченъ преимущественно на подводахъ, но перевозятся частью и вьючнымъ способомъ на верблюдахъ, мулахъ и ослахъ. Вереницы этихъ животныхъ, тянущіяся медленно съ вьюками по густозаселенной и прекрасно воздѣланной странѣ, какъ то странно видѣть непривычному.

Ежегодно съ наступленіемъ осени въ Гуй-хуа-ченъ начинаютъ прибывать изъ Монголіи и изъ другихъ странъ караваны съ

сырьёмъ, а оттуда возвращаются съ разнымъ товаромъ. Караваны приходятъ и отходятъ днемъ и ночью въ теченіи цѣлой осени и зимы. Къ веснѣ движеніе уменьшается, а съ наступленіемъ теплаго времени почти вовсе прекращается. Одновременно съ первыми караванами пригоняются и гурты скота изъ Монголіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается усиленный подвозъ въ Гуй-хуа-ченъ товаровъ изъ внутреннихъ провинцій, продолжающійся всю осень и зиму, такъ какъ въ это время, съ окончаніемъ полевыхъ работъ,— возчиковъ бываетъ больше и транспортировка кладей обходится дешевле.

Въ Гуй-хуа-ченѣ ежегодно въ теченіи ноября бываетъ торгъ маральими рогами, за которыми туда съѣзжаются къ этому времени изъ разныхъ мѣстъ Внутренняго Китая гуртовые ихъ покупатели. Торгъ маральими рогоми въ этомъ городѣ установился давно и нигдѣ, исключая Кантона, продавцамъ, пріобрѣтавшимъ ихъ по мелочамъ изъ первыхъ рукъ, нельзя сбыть этотъ товаръ такъ выгодно, какъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Маральи рога доставляются въ этотъ городъ китайцами (а въ послѣдніе годы и русскими) изъ Кяхты, Улясутая, Кобдо, Чжунгаріи и отчасти изъ Манчжуріи.

Кромѣ обширной торговли съ Монголіей, Гуй-хуа-ченъ занимаетъ изрядное мѣсто въ ряду другихъ большихъ городовъ С. Китая и въ промышленномъ отношеніи. Въ немъ существуетъ множество небольшихъ фабричныхъ заведеній для производства разныхъ предметовъ обработывающей промышленности, потребныхъ для монголовъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ красильни, на которыхъ окрашиваются въ разные цвѣта бумажныя ткани, отправляемыя въ Монголію. Большая часть этихъ тканей даже англійскихъ и американскихъ привозится въ Гуй-хуа-ченъ неокрашенною, съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ получить то количество разноцвѣтныхъ тканей, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности въ нихъ. Гуйхуаченскіе красильщики, давно привыкшіе ко вкусамъ монголовъ, берутъ отъ купцовъ бѣлыя ткани и окрашиваютъ ихъ въ различные цвѣта, смотря по надобности. Затѣмъ слѣдуютъ заведенія для приготовленія готовой обуви для монголовъ. Юфть для нея идетъ преимущественно русская, вымѣниваемая китайцами въ Кяхтѣ на чай и доставляемая ими оттуда въ Гуй-хуа-ченъ.

Изъ русскаго плиса, пріобрѣтаемаго тоже въ Кяхтѣ, въ Гуй-хуа-ченѣ дѣлаютъ сапоги для китайцевъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ того, есть много скорняжныхъ заведеній, занимающихся преимущественно выдѣлкою привозимыхъ изъ Монголіи овчинъ, которыя, по обработкѣ, развозятся въ сѣверныя провинціи Внутренняго Китая, гдѣ жители зимою носятъ шубы или короткіе полушубки и овчинные шаравары. Нельзя не упомянуть также о множествѣ деревянныхъ частей (рѣшетокъ круговъ и палокъ) для монгольскихъ юртъ, приготовляемыхъ въ Гуй-хуа-ченѣ, а также деревянной посудѣ и нѣкоторыхъ желѣзныхъ издѣліяхъ, какъ наприм. таганахъ и щипцахъ, производимыхъ въ этомъ городѣ для монголовъ. Къ юго-западу отъ Гуй-хуа-чена, близъ р. Хуанъ-хё есть, говорятъ, чугунно-плавильный заводъ, на которомъ льютъ котлы для Монголіи.

На базарахъ Гуй-хуа-чена во время нашего пребыванія можно было найти множество всякихъ жизненныхъ припасовъ. Продавались, напримѣръ, фазаны, сѣрыя куропатки, цзэрены, привезенные изъ Монголіи, рыба изъ р. Хуанъ-хё, всевозможныя овощи, виноградъ и очень вкусные плоды сы-цзы. Цѣны на жизненные продукты (по переводѣ на нашъ вѣсъ и деньги по курсу) въ то время были слѣдующія:

	рубли	коп.
Пудъ лучшей пшеничной муки	1	96
„ проса	—	99
„ риса	2	18
„ ячменной муки	—	77
„ овса	—	59
„ картофеля	—	23
„ капусты	—	34
„ рѣдьки	—	34
„ моркови	—	17
„ мяса бычачьяго	2	80
„ баранины	3	68
„ свинины	6	72
„ рыбы	15	69
Курица	—	50

	рубли	коп.
10 яицъ	—	11
Фунтъ свѣчей	—	40
„ винограда	—	20

Скотъ же, пригнанный изъ Монголіи, продавался по слѣдующимъ среднимъ цѣнамъ:

	рубли	коп.
Верблюдъ	80	—
Лошадь	30	—
Быкъ	25	—
Баранъ	5	—

Въ Гуй-хуа-ченѣ съ 1872 года существуетъ католическая миссія, состоящая изъ трехъ миссіонеровъ. Она расположена въ собственномъ помѣщеніи изъ нѣсколькихъ китайскихъ зданій, обнесенныхъ оградою. Въ одномъ изъ нихъ устроена церковь. Въ городѣ считается около 300 человѣкъ христіанъ. Въ день праздника Рождества Христова 1878 года (по новому стилю) въ церкви была месса, на которую собрались почти всѣ христіане города, а вечеромъ того же дня нѣсколько человѣкъ изъ христіанъ устроили въ саду миссіи фейерверкъ, которымъ мы любовались вмѣстѣ съ миссіонерами. Миссіонеры часто ѣздятъ проповѣдывать въ окрестную страну, но одинъ изъ нихъ поочередно остается въ Гуй-хуа-ченѣ. По временамъ они предпринимаютъ и далекія путешествія для проповѣди. Такъ, незадолго до нашего отъѣзда изъ города двое миссіонеровъ отправились въ Лань-чжоу-фу, главный городъ провинціи Гань-су, до котораго отъ Гуй-хуа-чена два мѣсяца пути. Въ окрестной странѣ миссіонеры считаютъ до 7500 своихъ неофитовъ. Есть нѣсколько селеній, состоящихъ исключительно изъ христіанъ. Въ горахъ Та-чинъ-са къ сѣверу отъ Гуй-хуа-чена находится большое христіанское селеніе; на берегахъ Хуанъ-хё, верстахъ въ 80 къ юго-западу отъ города, тоже есть нѣсколько христіанскихъ деревень. Но между монголами, живущими къ сѣверу отъ Иншаня, проповѣдь, по словамъ миссіонеровъ, не имѣетъ успѣха. Да и китайцы крестятся, какъ нужно думать, преимущественно изъ-за выгодъ. Обладая значительными денежными средствами, миссія заботится о матеріальныхъ нуждахъ

состоящихъ подъ ея покровительствомъ христіанъ, пріобрѣтая для нихъ на собственныя деньги даже земельные участки.

Пребываніе европейцевъ въ Гуй-хуа-ченѣ не совсѣмъ удобно: на улицахъ преслѣдуютъ толпы зѣвакъ, а подчасъ и мальчишки, надоѣдающіе своими выходками. Миссіонеры, впрочемъ, расхаживаютъ свободно, потому что знаютъ прекрасно языкъ, да и китайцы уже привыкли къ нимъ, хотя и не перестаютъ удивляться ихъ бородамъ и шапкамъ. Мы однако не можемъ пожаловаться на дурное обращеніе китайцевъ: въ продолженіи всего пребыванія во Внутреннемъ Китаѣ намъ ни разу не пришлось испытать какую-либо непріятность отъ нихъ ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, въ которыхъ мы во время путешествія останавливались ежедневно два раза: въ полдень обѣдать и вечеромъ на ночлегъ. Толпы любопытныхъ, разумѣется, собирались къ намъ во время этихъ остановокъ, но никто не сдѣлалъ намъ ни малѣйшей непріятности.

Въ домѣ нашего гостепріимнаго хозяина въ Гуй-хуа-ченѣ, г. Спленгера, расположенномъ рядомъ съ католической миссіей, мы пользовались полнымъ удобствомъ, отдыхая послѣ труднаго путешествія чрезъ Монголію. Г. Спленгеръ, родомъ бельгіецъ, живетъ въ этомъ городѣ уже 6 лѣтъ, имѣетъ собственный большой домъ и занимается покупкою верблюжьей шерсти не только въ Гуй-хуа-ченѣ, куда она привозится изъ Монголіи, но и въ ближайшихъ мѣстностяхъ этой послѣдней, въ которыхъ онъ содержитъ агентовъ, скупающихъ ее изъ первыхъ рукъ. Большую часть шерсти онъ пріобрѣтаетъ на англійскія бумажныя ткани (шертингъ и дрилингъ), высылаемыя ему изъ Тяньцзина, и потомъ отправляетъ ее въ г. Калганъ, гдѣ его компаніонъ, г. Грейзель, прессуетъ эту шерсть и препровождаетъ вмѣстѣ съ закупленною самимъ въ Тяньцзинъ, откуда она идетъ уже моремъ въ Лондонъ. Г. Спленгеръ, съ своимъ компаніономъ, состоятъ агентами одной богатой англійской торговой компаніи въ Китаѣ и пользуются отъ нея большимъ кредитомъ. Этотъ почтенный негоціантъ много содѣйствовалъ продажѣ маральихъ роговъ, привезенныхъ въ томъ году вмѣстѣ съ нами довѣреннымъ бійскихъ купцовъ, г. Антроповымъ. Безъ его обязательнаго содѣйствія этому довѣренному, не бывавшему никогда въ Гуй-хуа-ченѣ и не знавшему ни китайскаго

языка, ни условій сбыта роговъ, не продать бы ихъ такъ выгодно. Съ своей стороны мы также много обязаны г. Спленгеру за сообщеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній и содѣйствіе къ благополучному переѣзду нашей экспедиціи изъ Гуй-хуа-чена въ г. Калганъ.

Первоначальный планъ нашей экспедиціи состоялъ въ томъ, чтобы, перезимовавъ въ Гуй-хуа-ченѣ, направиться весною обратно въ Кобдо по другой дорогѣ, пролегающей близь южнаго подножія Алтая. Но по недостатку наличныхъ денежныхъ средствъ, я долженъ былъ измѣнить путь, по которому сначала предполагалось возвращеніе экспедиціи, именно отправиться на зимнюю стоянку въ г. Калганъ, а оттуда раннею весною перейти въ Ургу. Въ этомъ городѣ предположено было снарядиться для обратнаго путешествія по прямой дорогѣ чрезъ г. Улясутай и долину р. Кунгуя къ границѣ.

Нанявъ въ Гуй-хуа-ченѣ два большихъ фургона и двѣ крытыя повозки, мы, 17-го декабря 1878 года, выступили въ Калганъ въ сообществѣ г. Спленгера, имѣвшаго надобность побывать въ этомъ городѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Съ своей стороны мы очень рады были такому спутнику, который, зная прекрасно языкъ и китайскіе порядки, могъ быть нашимъ руководителемъ въ пути.

За городской стѣной намъ представилась та же картина, какъ и прежде, когда мы подъѣзжали къ городу: деревни съ рощами, кладбища, кумирни, сѣрыя, вспаханныя поля, толпы людей, вереницы телѣгъ и проч. свидѣтельства необыкновенной плотности населенія долины и кипучей его дѣятельности. Путь нашъ на этотъ разъ лежалъ на сѣверо-востокъ къ хребту Иншаню. Дорога идетъ зигзагами между полей и ломается мѣстами до такой степени, что солнце появляется то справа, то слѣва, то спереди. Въ иныхъ мѣстахъ между двумя смежными селеніями, отстоящими по прямому направленію въ полуверстѣ, по дорогѣ ѣдешь версты двѣ. Нигдѣ не видно даже нѣсколькихъ саженей свободной земли. Пашни имѣютъ квадратную или прямоугольную форму и обнесены по краямъ земляными валиками. Дороги же такъ узки, что встрѣчныя повозки могутъ разъѣзжаться только мѣстами. Чтобы выиграть больше мѣста для посѣвовъ, онѣ проложены, гдѣ возможно, въ оврагахъ и руслахъ ручьевъ, уклоняясь иногда далеко въ сторону отъ прямаго направленія.

Верстахъ въ 12-ти отъ города мы съ трудомъ переѣхали по льду небольшую рѣчку. Ледъ былъ не надеженъ и одинъ изъ нашихъ фургоновъ провалился, но, къ счастію, вода была мелка. На быстрыхъ мѣстахъ рѣчки оставались большія полыньи и на нихъ плавали зимующія утки. День былъ тихій, солнечный и теплый, но въ горахъ Иншаня и къ сѣверу отъ нихъ, на монгольскомъ плято, шелъ густой снѣгъ и свирѣпствовала, должно быть, мятель, которую мы различали по наклоннымъ бѣлымъ полосамъ, спускавшимся въ той сторонѣ по небосклону. Вообще зима въ долинѣ, на которой стоитъ г. Гуй-хуа-чень, несравненно мягче, чѣмъ на сосѣднемъ плоскогорьѣ Монголіи, возвышающемся надъ нею около 2,000 футовъ. Въ апрѣлѣ на этой равнинѣ бываетъ уже полная весна, тогда какъ на монгольскомъ плято, отстоящемъ отъ нея только въ 50 верстахъ за хребтомъ, въ этомъ мѣсяцѣ нерѣдко случаются сильные бураны и стоятъ по цѣлымъ недѣлямъ холода. Снѣгъ въ долинѣ Гуй-хуа-чена выпадаетъ очень рѣдко, да и то, обыкновенно, весьма тонкимъ слоемъ, растаивающимъ въ первый солнечный день. Но рѣки замерзаютъ зимою мѣсяца на четыре. Хуанъ-хе (желтая рѣка), протекающая верстахъ въ 80 къ юго-западу отъ Гуй-хуа-чена, во время нашего пребыванія тамъ, была покрыта льдомъ, по которому свободно проходили тяжело нагруженныя повозки.

Въ первый день мы проѣхали не болѣе 25 верстъ отъ города и остановились ночевать въ деревнѣ Пей-талъ, на постояломъ дворѣ. Намъ отвели отдѣльную комнату, истопили канъ и приготовили ужинъ. Постоялые дворы на большихъ дорогахъ есть въ каждой деревнѣ, а въ многолюдныхъ селеніяхъ нѣкоторые изъ нихъ устроены на подобіе гостинницъ. Въ этихъ послѣднихъ имѣются отдѣльныя комнаты для помѣщенія состоятельныхъ проѣзжающихъ, какъ наприм. купцовъ, чиновниковъ и т. п., а обозные извощики и вообще простой народъ располагается въ общей, всегда очень большой комнатѣ, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ и кухней гостинницѣ. Въ послѣдней два, три повара заняты постоянно приготовленіемъ кушанья для проѣзжающихъ, среди клубовъ пара и кухоннаго смрада. Любопытно побывать въ этихъ кухняхъ, чтобы ознакомиться съ экономичнымъ расходованіемъ въ нихъ топлива.

Въ общей кирпичной кладкѣ вмазано нѣсколько котловъ различныхъ размѣровъ съ отдѣльными топками подъ каждымъ; въ той же кладкѣ, но ниже топокъ или съ боковъ, сдѣланы большія и глубокія печурки, или ниши, сообщающіяся съ топками каналами. Въ этихъ нишахъ помѣщаются мѣха, состоящіе изъ деревянныхъ ящиковъ, обтянутыхъ снаружи кожей и снабженныхъ клапанами. Будучи вдвигаемы и выдвигаемы изъ нишъ, которыя имъ служатъ гнѣздами, эти мѣха скользятъ въ нихъ съ легкимъ треніемъ и вгоняютъ воздухъ въ топку. При такомъ способѣ нагрѣванія котловъ соблюдается значительная экономія топлива, состоящаго изъ толстыхъ стеблей растенія гао-ляна, каменнаго угля, каменноугольной грязи, мелкаго кустарника или соломы.

По вечерамъ публика въ общихъ комнатахъ, или кухняхъ, занимается разговорами, игрою въ карты, въ кости или въ орлянку на чехи (монеты). Тутъ часто можно встрѣтить и курильщиковъ опіума, потягивающихъ, лежа на канѣ, свои трубочки. Около нихъ горятъ маленькія лампочки, на которыхъ они подогрѣваютъ предварительно опій, возя ихъ постоянно съ собою. Но ни ссоръ, ни дракъ, ни пьянства намъ не приходилось замѣчать въ этихъ общихъ помѣщеніяхъ, не смотря на многочисленность ихъ посѣтителей.

Содержатели постоялыхъ дворовъ въ деревняхъ, кромѣ прямыхъ выгодъ отъ своихъ заведеній, получаютъ еще косвенную статью дохода отъ нихъ,—именно пометъ, остающійся отъ животныхъ, хозяева которыхъ у нихъ останавливаются. Пометъ въ этой странѣ образцоваго земледѣлія цѣнится не дешево. Сборомъ его въ зимнее время занимаются всѣ поселяне-земледѣльцы. Съ ранняго утра поселянинъ, взявъ на руку корзиночку, отправляется на дорогу собирать пометъ. Въ числѣ собирателей можно встрѣтить маленькихъ, 6—7 лѣтнихъ мальчиковъ, помогающихъ своимъ родителямъ. Когда поселянинъ отправляется за чѣмъ-нибудь въ городъ или въ сосѣднюю деревню пѣшкомъ, то беретъ съ собой корзиночку и собираетъ на пути пометъ. Даже грязь съ городскихъ дворовъ покупается за деньги и вывозится на поля. Такова потребность въ удобреніи въ этой густонаселенной странѣ.

На другой день нашего путешествія изъ Гуй-хуа-чена мы до-

стигли широкой поперечной долины въ хребтѣ Иншань, носящемъ тутъ мѣстное названіе Маюнъ-са, оставивъ за собою густонаселенную Гуйхуаченскую долину. Эта равнина, имѣющая около 40 верстъ ширины, окаймлена съ сѣвера окрайнымъ хребтомъ Иншанемъ, а съ юга не столь высокими горами, тянущимися съ востока на западъ и представляющими крайній сѣверный кряжъ цѣпи Тайхань, проходящей южнѣе Иншаня тоже почти въ восточно-западномъ направленіи. На востокъ и на западъ Гуйхуаченская широкая долина простирается такъ далеко, что предѣловъ ея въ этихъ направленіяхъ мы не могли видѣть даже съ высшей точки перевала Онгіинъ-даба черезъ Иншань. Эта равнина довольно обильно орошена ручьями и рѣчками, текущими съ южнаго склона Иншаня, превосходно обработана и весьма густо заселена китайцами. Въ иныхъ мѣстахъ на одной квадратной верстѣ можно насчитать отъ 4 до 5 селеній.

Изъ Гуйхуаченской равнины мы вступили въ горы Иншаня, верстахъ въ 40 восточнѣе прежняго пути черезъ нихъ, и направились по широкой поперечной долинѣ, орошаемой значительной рѣчкой. Въ самой долинѣ и на уступахъ окрестныхъ горъ вездѣ разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ селенія, а вокругъ нихъ пестрѣютъ повсюду поля. Только кручи, да горныя вершины свободны отъ плуга земледѣльца, но за то на нихъ пасутся домашнія животныя, которыхъ мы встрѣчали на такихъ крутизнахъ, что казалось непонятнымъ какъ онѣ могутъ держаться тамъ. По долинѣ шло много обозовъ и поселянъ, слѣдовавшихъ въ Гуй-хуаченъ и обратно.

Въ полдень наши возницы, по обыкновенію, остановились обѣдать и кормить лошадей. Пользуясь остановкою, мы тоже въ это время пили чай и обѣдали въ присутствіи многочисленной толпы, собравшейся посмотрѣть на насъ. Въ этотъ день мы ночевали въ небольшой деревнѣ Халенша. Отдѣльной комнаты на постояломъ дворѣ не было и мы провели ночь въ общей ночлежной съ обозными извощиками и поселянами, которыхъ на этотъ разъ собралось такъ много, что въ огромной комнатѣ буквально негдѣ было повернуться. Хозяинъ заведенія, по просьбѣ г. Спленгера, отвелъ намъ маленькій уголокъ на канѣ, гдѣ мы и помѣстились кое-какъ

на ночь. Обозы и проѣзжающіе ѣдутъ только днемъ, а на ночь всегда останавливаются на постоялыхъ дворахъ. Поэтому на последнихъ бываетъ иногда большое скопленіе проѣзжихъ. Въ полдень китайцы имѣютъ обыкновеніе также всегда останавливаться для того, чтобы покормить животныхъ и пообѣдать самимъ, такъ что ѣдутъ только съ утра до полудня и потомъ съ 2-хъ часовъ по полудни до вечера.

Отъ деревни Халенша долина, по которой мы ѣхали почти прямо на сѣверъ, съуживается, но селенія въ ней по прежнему часты. На окрестныхъ горахъ замѣтны были кое-гдѣ небольшія березовыя рощи, а на пашняхъ встрѣчалось много фазановъ, которыхъ нашъ спутникъ, г. Спленгеръ, убилъ нѣсколько штукъ. Въ этой долинѣ мы видѣли много пещерныхъ жилищъ, устроенныхъ въ отвердѣломъ пескѣ и лёсѣ крутыхъ обрывовъ. Стѣны этихъ жилищъ, исключая лицевой, природныя, потолокъ тоже, но поддерживается балками и помостомъ. Въ нихъ обитаютъ бѣдные китайцы. Скота у здѣшнихъ поселянъ гораздо больше, чѣмъ въ Гуйхуаченской долинѣ, вѣроятно потому, что есть порядочные выгоны.

Поднимаясь постепенно по долинѣ, перешедшей наконецъ въ глубокое ущелье, мы достигли деревни Кулюпа, въ которой обѣдали въ пещерномъ жилищѣ и кормили лошадей. Затѣмъ, перейдя слабый перевалъ, очутились на высокой равнинѣ, покрытой низкими, но длинными отрогами Иншаня. Это была Монголія, въ которую мы вступили, пересѣкши снова Иншань по направленію съ юга на сѣверъ. Названный окрайный хребетъ имѣетъ тутъ пологій, но за то очень длинный склонъ къ югу, къ Гуйхуаченской равнинѣ. Гребень же его въ этомъ мѣстѣ гораздо меньше возвышается надъ высокимъ монгольскимъ плято, чѣмъ близъ городка Куку-эргэ.

Со вступленіемъ на монгольское высокое плоскогорье исчезли селенія. Тутъ только кое-гдѣ можно встрѣтить домики осѣдлыхъ монголовъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, да юрты и стада ихъ кочевыхъ собратій, виднѣющіяся изрѣдка по сторонамъ дороги. Въ этотъ день намъ пришлось ночевать въ бѣдномъ постояломъ дворѣ, въ общей комнатѣ, но извощиковъ было мало, такъ что мы

могли размѣститься свободно на одномъ изъ кановъ, предоставленныхъ намъ хозяиномъ-китайцемъ.

На слѣдующій день мы ѣхали по Монголіи, встрѣчая юрты, стада и владѣльцевъ ихъ монголовъ. Мѣстность слегка волниста, но на срединѣ станціи пересѣкли два невысокіе хребта—вилообразный сѣверо-западный отрогъ Иншаня. Въ долинѣ между ними, на ручьѣ, стоитъ постоялый дворъ, въ которомъ мы обѣдали и кормили лошадей. Въ окрестностяхъ замѣтно было нѣсколько малыхъ улусовъ кочевыхъ монголовъ. Переваливъ черезъ второй хребетъ, мы очутились на обширной, почти горизонтальной равнинѣ, по которой и продолжали путь. Ночевать пришлось на постояломъ дворѣ Пинты-чуэнъ, биткомъ набитомъ извощиками. Хозяинъ—китаецъ помѣстилъ насъ въ своей комнатѣ, но тамъ еще до нашего пріѣзда расположилось на ночлегъ нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми мы должны были ночевать на небольшомъ канѣ. Въ числѣ ихъ было два курильщика опіума, помѣстившихся около меня и въ теченіи почти двухъ часовъ курившихъ по очередно это зелье изъ одной трубочки.

Съ постоялаго двора Пинты-чуэнъ мы продолжали ѣхать по той же обширной равнинѣ, обильно поросшей злакомъ дэрису. На ней паслись мѣстами стада цзэреновъ и часто выскакивали по сторонамъ дороги зайцы. Г. Спленгеръ убилъ одного цзэрена, нѣсколько степныхъ курочекъ и пару зайцевъ. Улусы кочевыхъ монголовъ также встрѣчались изрѣдка, но осѣдлаго населенія нигдѣ. Вообще во всей полосѣ Юго-Восточной Монголіи, примыкающей къ сѣверному подножію Иншаня, верстъ въ 100 шириною, осѣдлое китайское населеніе разсѣяно спорадически, группируясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почвенныя и другія условія способствуютъ успѣхамъ земледѣлія, а на остальномъ пространствѣ кочуютъ монголы, часть которыхъ, какъ выше сказано, живетъ осѣдло. Путешественникъ, проѣзжая вдоль этой полосы въ восточно-западномъ направленіи, будетъ встрѣчать неоднократно контрасты въ образѣ жизни и дѣятельности ея обитателей. Одинъ день онъ проѣдетъ среди осѣдлаго китайскаго населенія, видя деревни, поля, людей, занятыхъ въ лѣтнее время пашнями, а осенью и зимою молотьбою хлѣба, удобреніемъ полей, молоніемъ муки на открытомъ воздухѣ жерно-

нами, приводимыми въ движеніе тѣми же людьми или ихъ животными; на другой день предъ нимъ откроется картина кочевой жизни: холмистая, невоздѣланная степь, на ней юрты, стада и владѣльцы ихъ монголы, сохранившіе и здѣсь, среди осѣдлаго населенія, отчасти свой примитивный образъ жизни, хотя и утратившіе въ значительной степени патріархальные нравы. Часть ихъ живетъ осѣдло въ глиняныхъ домахъ, выстроенныхъ по китайскому образцу, съ полной китайской обстановкой и занимается земледѣліемъ, содержа вмѣстѣ съ тѣмъ довольно много скота.

Такъ случилось и съ нами. Обширная степь, по которой мы ѣхали болѣе сутокъ, замыкается на востокѣ невысокимъ сѣверозападнымъ отрогомъ Иншаня. Переваливъ черезъ этотъ отрогъ, мы очутились въ земледѣльческомъ районѣ помянутой полосы со многими селеніями, разбросанными по широкой междугорной долинѣ. Въ большой деревнѣ Цаганъ-обо, имѣющей около 2000 жителей, мы ночевали на весьма хорошемъ постояломъ дворѣ. Прибывъ въ селеніе еще засвѣтло, мы осматривали постройки и сельско-хозяйственныя орудія китайцевъ.

Далѣе до самаго г. Калгана путь нашъ пролегалъ уже по земледѣльческой странѣ. Широкая долина, въ которой стоитъ деревня Цаганъ-обо окаймлена съ юга Иншанемъ, гребень котораго весьма мало возвышается надъ ней, а съ прочихъ сторонъ его невысокими отрогами. Въ долинѣ и по сторонамъ на горныхъ уступахъ и въ ущельяхъ видно было много деревень, а среди тщательно воздѣланныхъ полей встрѣчались мѣстами небольшіе участки свободной отъ посѣвовъ земли. Они покрыты хорошей травой и служатъ выгонами для скота, котораго мѣстные китайцы содержатъ гораздо больше, чѣмъ на Гуйхуаченской равнинѣ. Верстахъ въ 20-ти отъ деревни Цаганъ-обо находится небольшой городокъ Чанъ-кой, въ которомъ мы обѣдали и кормили лошадей. Въ немъ считается около 6000 жителей, а торговля, судя по множеству лавокъ, должна быть оживленная. Въ 15 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ этого городка, въ мѣстности Юлюнъ-чжанъ, есть станція католическихъ миссіонеровъ, называемая Эльши-санъ-хо, а въ 45 верстахъ въ томъ же направленіи другая станція, Шiинза, въ которой построена церковь и большой домъ. На этой станціи ка-

толическіе миссіонеры имѣютъ школу, въ которую принимаютъ на воспитаніе бѣдныхъ китайскихъ мальчиковъ.

Изъ г. Чанкоя мы ѣхали верстъ 10 по волнистому плоскогорью, замыкающему помянутую междугорную долину съ востока, а потомъ поднялись немного на Иншань, гребень котораго и тутъ очень мало возвышается надъ монгольскимъ плоскогорьемъ. За то намъ пришлось очень долго спускаться сначала по крутому и извилистому, а потомъ по отлогому спуску съ этого хребта. Мы пересѣкли Иншань въ третій разъ и, сойдя съ него въ широкую долину рѣки Си-янъ-хё, снова очутились во Внутреннемъ Китаѣ.

Окрайный хребетъ Иншань, посредствомъ котораго высокая Монголія опускается на юго-востокѣ къ нижележащей землѣ, простирается въ восточно-западномъ направленіи изъ Алашаня до предѣловъ Манчжуріи. На западѣ онъ, по словамъ г. Пржевальскаго[1]), начинается небольшими высотами Ханъ-ула, въ 200 верстахъ къ сѣверу отъ главнаго города Алашаньскаго княжества, Дынь-юань-ина и тянется сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ идетъ въ восточно-западномъ направленіи, удерживая его на всемъ пространствѣ. На востокѣ же Иншань доходитъ до предѣловъ Манчжуріи, сливаясь съ юго-западною оконечностью Большаго Хингана, отдѣляющаго, какъ извѣстно, эту страну отъ Монголіи.

Что хребетъ Иншань дѣйствительно окрайный—въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться несомнѣнно, пересѣкши его четыре раза въ различныхъ мѣстахъ. Гребень его вездѣ несравненно менѣе приподнятъ надъ сосѣдними сѣверными равнинами Монголіи, чѣмъ надъ южными второстепенными плоскогорьями Гуйхуаченскимъ и долиною р. Си-янъ-хё. При томъ гребень западнаго Иншаня, сосѣдняго Гуй-хуа-чену, или Та-чинъ-са, гораздо больше возвышается надъ монгольскимъ плоскогорьемъ, чѣмъ восточнаго. Сѣверныя вѣтви Иншаня, бороздящія сопредѣльныя равнины Монголіи, подобно главному кряжу, не отличаются значительною надъ ними высотою, тогда какъ южные его отроги высоко поднимаются надъ нижележащими равнинами. Таковъ короткій, въ родѣ контрфорса, но весьма высокій отрогъ Иншаня Муни-ула, отходящій къ западу отъ него къ великой лукѣ р. Хуанъ-хё. Другой менѣе

[1]) Пржевальскій. Монголія и страна тангутовъ. т. I, стр. 182.

высокій, но очень длинный отрогъ Иншань отдѣляетъ отъ себя верстахъ въ 15 къ юго-востоку отъ г. Чанкоя. Этотъ послѣдній тянется съ запада на востокъ, почти параллельно главному кряжу, замыкая собою долину р. Янъ-хё съ юга.

На горахъ Иншаня мы встрѣчали березовыя рощи съ немногими отдѣльными деревьями сосны. Къ сѣверо-востоку отъ Калгана лѣса становятся больше и близь границъ Манчжуріи переходятъ мѣстами въ густую тайгу. Въ лѣсахъ Иншаня повсемѣстно живутъ барсы и косули, много фазановъ, а близь границъ Манчжуріи водятся даже тигры. Послѣдніе въ лѣтнее время появляются иногда на окрестныхъ поляхъ, поѣдая скотъ и нападаютъ порою на людей. Кромѣ того, въ горахъ Иншаня есть лисицы, волки и каменныя куницы, а на сосѣднихъ равнинахъ Монголіи, не занятыхъ осѣдлымъ населеніемъ, живетъ, благодаря ихъ тучнымъ пастбищамъ, множество цзэреновъ и зайцевъ.

Къ югу отъ Иншаня растилаются обширныя равнины: Гуйхуаченская и долина р. Янъ-хё, раздѣленныя помянутымъ восточнымъ отрогомъ его. Обѣ эти равнины въ совокупности представляютъ террасу или ступень изъ китайской низменности въ высокую Монголію. Эта ступень, или второстепенное плоскогорье, съ насажденнымъ на немъ отрогомъ Иншаня, въ свою очередь опускается къ китайской низменности посредствомъ многохребетной цѣпи Тай-хань, главный хребетъ которой тянется почти параллельно Иншаню въ разстояніи отъ 100 до 150 верстъ къ югу отъ него. Подобно Иншаню, гребень главнаго кряжа цѣпи Тай-хань, по которому направляется Великая стѣна (внутренняя), возвышается гораздо больше надъ китайскою низменностью, чѣмъ надъ сѣверными второстепенными плоскогорьями: Гуйхуаченской равниной и долиной р. Янъ-хё. По свидѣтельству китайцевъ, перевалъ черезъ главный хребетъ цѣпи Тай-хань на прямомъ пути изъ Гуй-хуа-чена въ Пекинъ имѣетъ незначительный подъемъ съ сѣверо-запада и крутой спускъ къ юго-востоку, на китайскую низменность. Точно также хорошо извѣстный перевалъ Гуань-гоу черезъ тотъ же кряжъ по дорогѣ изъ Калгана въ Пекинъ представляетъ ничтожный подъемъ съ сѣвера и очень крутой спускъ къ югу. Оба окрайныя поднятія хребетъ Иншань и цѣпь Тай-хань

сочленяются на востокѣ, къ западу отъ г. Губэй-коу, что у воротъ Великой стѣны, образуя весьма широкую горную страну въ области верхняго теченія р. Бай-хё.

Въ Иншанѣ находятся богатые залежи каменнаго угля, представляющіе неистощимый запасъ топлива для всей окрестной страны. Въ цѣпи Тай-хань, по свидѣтельству гуйхуаченскихъ миссіонеровъ, есть также богатѣйшія каменноугольныя копи. Намъ не удалось, къ сожалѣнію, посѣтить иншаньскія каменноугольни, равно какъ и ознакомиться даже поверхностно съ геогностическимъ строеніемъ этого хребта.

Спустившись съ Иншаня въ долину р. Си-янъ-хё, или просто Янъ-хё, какъ называютъ ее мѣстные китайцы, мы встрѣтили въ ней весьма густое населеніе: деревни слѣдовали одна за другою; свободной земли, исключая песчаныхъ береговыхъ откосовъ, не видно было нигдѣ. Проѣхавъ по этой долинѣ верстъ 20 на востокъ, мы достигли Великой стѣны, въ ворота которой вступили въ небольшомъ городкѣ Чинъ-пинъ-ку, расположенномъ на правомъ берегу Янъ-хё. Эта внѣшняя, или объемлющая, стѣна тянется отъ р. Хуанъ-хё съ юго-запада на сѣверо-востокъ сначала верстъ 200 по горамъ цѣпи Тай-хань, потомъ по широкой долинѣ. Къ сѣверу отъ нея она пересѣкаетъ восточный отрогъ Иншаня, затѣмъ рѣку Янъ-хё при городѣ Чинъ-пинъ-ку; далѣе поднимается немного на Иншань и по южному склону его идетъ въ восточномъ направленіи до самаго Калгана. Знаменитое сооруженіе состоитъ изъ глиняной на кирпичномъ фундаментѣ стѣны, мѣстами повредившейся (около 25 футовъ высоты и 15 футовъ толщины), съ башнями въ разстояніи приблизительно 100 сажень. Смотря на эту стѣну, нельзя не подивиться массѣ труда, потраченнаго на ея возведеніе. Пресловутыя египетскія пирамиды должны, мнѣ кажется, представляться мизерными постройками сравнительно съ этимъ грандіознымъ сооруженіемъ.

Проѣхавъ небольшой городокъ Чинъ-пинъ-ку, окруженный съ трехъ сторонъ высокими стѣнами, а съ четвертой,—западной, примыкающій къ Великой стѣнѣ, мы стали переправляться по льду на лѣвый берегъ р. Янъ-хё. Одинъ изъ фургоновъ провалился, но толпа китайцевъ, шедшая вслѣдъ за нами изъ города, помогла

его вытащить и мы благополучно переѣхали на ту сторону рѣки. Внутри Великой стѣны плотность населенія еще болѣе: мѣстами на одной верстѣ насчитывали мы по три, по четыре деревни и въ числѣ ихъ попадало немало многолюдныхъ. Кромѣ деревень, въ долинѣ р. Янъ-хё существуетъ другой, замѣчательный по историческимъ воспоминаніямъ видъ поселеній: это древніе форты, представляющіе нынѣ маленькіе городки, въ родѣ кремлей квадратнаго начертанія, обнесенные весьма высокими и прочными стѣнами изъ жженаго кирпича съ бойницами на верху. Ворота, ведущія въ эти кремли, устроены такимъ образомъ, что въ крѣпость приходится въѣзжать корридоромъ, ломающимся два раза подъ прямымъ угломъ. Внутри строенія до того тѣсно сплочены, что какъ бы сливаются въ одно цѣлое, а улицы такъ узки, что двѣ встрѣчныя повозки съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Въ этихъ небольшихъ городкахъ съ весьма скученнымъ населеніемъ есть и базары съ лавками. Окруженные весьма высокими, футовъ въ 40, стѣнами, при незначительномъ внутреннемъ пространствѣ, кремли долины Янъ-хё мрачны и душны, точно открытыя сверху тюрьмы. Во время лѣтнихъ жаровъ воздухъ въ нихъ, должно быть, переполненъ міазмами до нельзя.

Въ эти форты, или кремли, укрывалось, какъ намъ объясняли, въ прежнія смутныя времена окрестное китайское населеніе при появленіи дикихъ монгольскихъ ордъ съ сѣвера. Хотя на хребтѣ Иншаня и существовала стѣна, построенная еще за 240 лѣтъ до Р. Х., но она не могла защищать пограничныхъ китайцевъ отъ нашествія монголовъ. Только съ башенъ ея, служившихъ обсерваціонными пунктами, подавались сигналы, предварявшіе объ опасности и жители стекались тогда въ кремли. Остатки этихъ башенъ сохранились и донынѣ на гребнѣ хребта.

Одинъ изъ гуйхуаченскихъ миссіонеровъ, много путешествовавшій по Внутреннему Китаю, сообщалъ мнѣ, что въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ провинціи Гань-су существуютъ форты, подобные кремлямъ долины р. Янъ-хё. Ему приходилось тамъ проѣзжать по обширнымъ, хорошо воздѣланнымъ мѣстностямъ, среди которыхъ лишь кое-гдѣ разбросаны небольшіе городки, обнесенные высокими и прочными стѣнами, а деревень въ этихъ

мѣстностяхъ встрѣчалось очень мало, да и тѣ возникли въ позднѣйшемъ, сравнительно съ фортами, времени. Весьма вѣроятно, что кремли пограничной части Гань-су имѣли въ старину такое же значеніе, какъ и древніе форты въ долинѣ Янъ-хё, т. е. служили убѣжищами осѣдлому населенію тѣхъ мѣстностей при нашествіяхъ сосѣднихъ воинственныхъ племенъ.

Въ первый же день путешествія отъ городка Чинъ-пинъ-ку мы, кромѣ множества деревень, проѣхали чрезъ 5 или 6 кремлей. Начиная отъ города по дорогѣ стоятъ вездѣ столбы [1]), состоящіе изъ глиняныхъ пирамидъ и соотвѣтствующіе нашимъ верстовымъ, но удаленные другъ отъ друга должно быть на четыре ли (около двухъ верстъ). Дорога же выбита ужасно и пролегаетъ мѣстами въ углубленіяхъ въ родѣ рвовъ, въ которыхъ встрѣчныя повозки могутъ разъѣзжаться только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Извощики, чтобы предупредить другъ друга о встрѣчѣ идутъ пѣшкомъ на верху, близъ краевъ обрывовъ, и завидя встрѣчныя повозки, кричатъ. За то постоялые дворы въ здѣшнихъ селеніяхъ гораздо лучше. Въ нихъ можно найти отдѣльныя, чистыя комнаты съ порядочной мебелью. Но всѣ онѣ холодныя: канъ не даетъ почти нисколько тепла китайскимъ жилищамъ, а печей въ нихъ нѣтъ, да еслибъ и были, то теплота быстро улетучивается въ окна, не имѣющія стеколъ, а заклеиваемыя бумагой. Потолокъ изъ рѣшетки, обклеенной съ внутренней стороны тканью и бумагою, также пропускаетъ немало тепла. Въ комнаты ставятъ жаровни, но на нихъ можно только отогрѣвать руки и готовить чай. Цѣны на постоялыхъ дворахъ съ насъ брали вездѣ очень умѣренныя. Мясо мы имѣли съ собою, а за ночлегъ и приготовленіе на 9 человѣкъ кушанья, при чемъ соль, крупа, капуста, морковь и проч. приправы были хозяйскія, мы платили отъ 450 до 500 чохъ, что по тогдашнему курсу составляло не болѣе рубля на наши кредитныя деньги. Казаки помѣщались въ общей ночлежной комнатѣ, а намъ отводили всегда отдѣльную и каждый разъ топили въ ней канъ.

Рѣка Янъ-хё, по лѣвому берегу которой мы ѣхали, получаетъ начало въ горахъ Иншаня, верстахъ въ 30-ти къ юго-западу отъ

[1]) Въ этомъ городѣ мы выѣхали на большую дорогу изъ Калгана въ Гуй-хуа-чэнь.

г. Чинъ-пинъ-ку, что у воротъ Великой стѣны, и течетъ сначала въ ущельѣ верстъ 20 на сѣверъ, потомъ въ долинѣ на востокъ и наконецъ на юго-востокъ. Янъ-хё имѣетъ отъ 15 до 25 саженъ ширины, но большею частью мелка и только лѣтомъ, послѣ проливныхъ дождей, выступаетъ изъ береговъ и производитъ иногда опустошенія. Въ прочее же время ее во многихъ мѣстахъ переѣзжаютъ въ бродъ и мостовъ черезъ нее мы не видали, равно какъ не пересѣкали и значительныхъ притоковъ слѣва, съ хребта. Изъ Янъ-хё выведено много арыковъ (оросительныхъ канавъ) на окрестныя поля, которыя китайцы начинаютъ поливать еще ранней весною, какъ только станетъ прибывать вода.

Долина Янъ-хё, имѣющая въ началѣ, въ верховьяхъ этой рѣки, около 10 верстъ ширины, къ востоку постепенно расширяется и въ 50-ти верстахъ восточнѣе г. Чинъ-пинъ-ку достигаетъ уже верстъ 40. Съ сѣвера она окаймлена хребтомъ Иншанемъ, по южному склону котораго тянется съ запада на востокъ въ Калганъ Великая стѣна, а съ юга высокимъ и длиннымъ отрогомъ этого хребта, отдѣляющимся отъ него, какъ было упомянуто, верстахъ въ 15-ти къ юго-востоку отъ городка Чанкоя. На востокѣ долина Янъ-хё замыкается южнымъ отрогомъ Иншаня, отдѣляющимся отъ этого хребта верстахъ въ 20-ти къ сѣверо-западу отъ Калгана. Этотъ отрогъ не доходитъ, однако, до хребта, ограничивающаго долину съ юга: между ними остаются ворота, чрезъ которыя стремится Янъ-хё, поворачивающая по выходѣ изъ нихъ на юго-востокъ и пробивающая себѣ путь чрезъ горы.

Не смотря на плотность населенія, въ долинѣ р. Янъ-хё водится много дичи, именно монгольскихъ зайцевъ (Lepus tolaï) и сѣрыхъ куропатокъ (Perdrix barbata). Китайцы очень мало охотятся. Ружья у нихъ большею частью фитильныя, а дробь чугунная. Куропатокъ и фазановъ мальчики ловятъ въ силки, а въ горахъ ставятъ капканы на лисицъ и куницъ. Волковъ здѣсь также много и лѣтомъ они, какъ намъ разсказывали, нерѣдко забѣгаютъ изъ горъ въ деревни и поѣдаютъ дѣтей, остающихся на улицахъ безъ надзора.

По мѣрѣ приближенія къ Калгану движеніе по дорогѣ усиливается болѣе и болѣе. Тутъ мы постоянно обгоняли большія по-

возки, слѣдовавшія въ городъ съ каменнымъ углемъ, которымъ весьма богата вся окрестная страна. Кромѣ угля, везли и каменноугольную грязь, которая представляетъ болѣе дешевое топливо, доступное для многихъ. Въ эту грязь китайцы кладутъ для чего-то глиняные шарики. Мнѣ не случалось видѣть процесса ея приготовленія, но горитъ она въ печахъ и жаровняхъ довольно хорошо. Уголь въ этой странѣ лосковый и смолистый, а антрацита не приходилось видѣть.

Не доѣзжая 25 верстъ до Калгана мы вступили въ горы, помянутаго южнаго отрога Иншаня, замыкающаго долину р. Янъ-хё съ востока. Дорога сначала идетъ нѣсколько верстъ тѣсниной, которая потомъ расширяется. Подъемъ на перевалъ съ западной стороны очень невеликъ, но спускъ къ востоку весьма длиненъ, хотя и отлогъ. Слѣдовательно обширная, замкнутая долина верхней Янъ-хё должна лежать выше равнины Калгана. Спустившись съ горъ, мы ѣхали верстъ около 12 до самаго Калгана по равнинѣ и прибыли въ этотъ городъ около полудня въ день Рождества Христова 1878 г. (по старому стилю), встрѣтивъ радушный пріемъ у проживающихъ въ немъ соотечественниковъ.

ГЛАВА VII.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ Г. КАЛГАНѢ.

Городъ Калганъ, или Чжанъ-цзя-коу[1]), находится на сѣверной окраинѣ Чжилійской провинціи и расположенъ у южнаго подножія окрайнаго хребта Иншаня, пересѣкаемаго въ этомъ мѣстѣ большею дорогою изъ Пекина въ Ургу. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: сѣверной, или Шабо, вытянувшейся длинною, но узкою полосою по ущелью помянутаго хребта, и южной, или Сябо, раскинувшейся по долинѣ, въ которую переходитъ это ущелье далѣе на югѣ. Съ сѣвера Калганъ ограниченъ Великой стѣной, проходящей по южному склону Иншаня, а съ восточной стороны города протекаетъ небольшая рѣчка Цинъ-хё, изливающаяся слѣва въ р. Янъ-хё, верстахъ въ 12-ти къ югу отъ него. Эта рѣчка, получающая начало въ горахъ Иншаня, протекаетъ въ глубокомъ ущельѣ, въ которое выходитъ много побочныхъ тѣснинъ, а потому послѣ проливныхъ дождей она разливается такъ сильно, что иногда производитъ опустошенія. Таково было наводненіе лѣтомъ 1877 года, причинившее много вреда городу и сосѣднимъ селеніямъ, расположеннымъ по ея берегамъ. Для предупрежденія наводненій по правому берегу рѣчки, въ городской чертѣ, сооруженъ каменный барьеръ, который однако не всегда задерживаетъ воду.

Въ Калганѣ считается около 80,000 жителей, изъ которыхъ главную массу составляютъ китайцы, затѣмъ слѣдуетъ небольшое число манчжуръ (чиновниковъ и солдатъ) и китайскихъ магоме-

[1]) Калганомъ этотъ городъ называютъ только русскіе, передѣлавъ монгольское „халга“, что означаетъ ворота, или заставу, а китайцы называютъ его Чжанъ-цзя-коу.

тан. Послѣдніе ни наружностью, ни языкомъ, ни одеждою не отличаются отъ китайцевъ, исключая исповѣдываемой ими религіи. Поклонниковъ пророка въ сѣверныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая насчитывается немало. Они живутъ отдѣльными селеніями и хотя пользуются полною религіозною свободою, но не совсѣмъ дружелюбно относятся къ китайцамъ. Магометане, подобно китайцамъ, весьма успѣшно занимаются земледѣліемъ, а въ зимнее время въ большихъ размѣрахъ и извозомъ. Перевозка чаевъ изъ Туньчжоу въ Калганъ производится преимущественно магометанами, они же содержатъ и русскую почту на пространствѣ отъ Калгана чрезъ Пекинъ до Тяньцзина.

Въ Калганѣ проживаютъ два протестантскихъ миссіонера изъ С.-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ, нѣмецъ, г. Грейзель, скупающій верблюжью шерсть, и три русскихъ агента по транспортировкѣ чаевъ, слѣдующихъ чрезъ сухопутную границу, отъ этого города до Урги. Наши соотечественники помѣстились въ сѣверномъ предмѣстьѣ города, называемомъ Ямбо-шань,—за Великой стѣной, отдѣляющей это предмѣстье отъ Шабо. Каждый изъ нихъ нанимаетъ отдѣльный домъ, состоящій изъ нѣсколькихъ жилыхъ строеній съ обширными дворами для помѣщенія привозимаго изъ Туньчжоу чая, который отправляется изъ Калгана, по мѣрѣ прибытія за нимъ верблюдовъ изъ Монголіи.

Калганъ ведетъ весьма оживленную торговлю съ Монголіей, преимущественно съ восточной ея частью. Послѣ Гуй-хуа-чена это второй городъ Внутренняго Китая по торговлѣ съ нею. Здѣсь также совершается обмѣнъ произведеній промышленныхъ провинцій Внутренняго Китая на скотъ и различное сырье Монголіи. Осенью и въ началѣ зимы въ Калганъ пригоняются, какъ самими монголами, такъ равно и торгующими въ Монголіи Китайцами табуны барановъ, а также лошади, верблюды и быки. Въ то же время и позднѣе, въ теченіи всей зимы, подвозятся различные продукты скотоводства. Скотъ и сырье доставляются въ этотъ городъ главнымъ образомъ изъ восточной части Монголіи, тяготѣющей въ торговомъ отношеніи къ Калгану. Кромѣ того, въ Калганъ монголы доставляютъ много самосадочной соли изъ соленыхъ озеръ Гоби, а изъ Урги досокъ и брусьевъ. Взамѣнъ поименованныхъ

предметовъ изъ Калгана въ Монголію вывозятся: ткани, кирпичный чай, табакъ, металлическія и другія издѣлія, необходимыя для домашняго обихода монголамъ.

Промышленность также довольно развита въ Калганѣ: въ немъ существуетъ много красиленъ, окрашивающихъ сбываемыя въ Монголію бумажныя ткани; приготовляется готовая обувь для монголовъ, а также сѣдла, удила, огнива, стремяна, ножи, остовы для юртъ и многія другія издѣлія для нихъ же.

Въ началѣ осени въ Калганъ начинаютъ прибывать изъ восточной половины Монголіи возчики съ вереницами верблюдовъ за чаемъ, который отвозятъ только до Урги, но рѣдко до самой Кяхты, такъ какъ этотъ рейсъ слишкомъ длиненъ. Изъ Калгана въ Ургу, кромѣ русскаго чая, т. е. покупаемаго нашими соотечественниками, проживающими въ Ханькоу и Фучжоу, на мѣстѣ въ сыромъ видѣ и обработываемаго на собственныхъ и арендуемыхъ фабрикахъ,—отправляется еще чай, заготовляемый самими китайцами и промѣниваемый ими въ Маймайченѣ на наши товары. Въ операціи найма у монголовъ русскими агентами верблюдовъ для перевозки чая принимаютъ дѣятельное участіе китайскіе купцы, служа непремѣнными посредниками между ними и возчиками. Съ этою цѣлью купцы содержатъ въ ближайшихъ по дорогѣ въ Монголію селеніяхъ прикащиковъ, старающихся наперерывъ другъ противъ друга затащить монголовъ, слѣдующихъ съ верблюдами въ Калганъ, на квартиры къ своимъ хозяевамъ, гдѣ этихъ монголовъ кормятъ, подчуютъ водкой, ухаживаютъ за ними и даютъ на все время пребыванія въ городѣ верховую лошадь. Верблюды же, пока монголы бражничаютъ, что иногда продолжается до 5-ти дней, остаются на дворахъ безъ корма.

Отдохнувъ съ дороги, монголъ въ сопровожденіи прикащика хозяина квартиры отправляется къ русскимъ коммисіонерамъ и подряжается на доставку извѣстнаго количества ящиковъ (мѣстъ) чая. Разсчетъ же съ коммисіонеромъ за доставку ведетъ хозяинъ дома, въ которомъ остановился монголъ, чрезъ своихъ прикащиковъ. Русскіе агенты выдаютъ провозную плату всегда чистымъ (96-й пробы) серебромъ, а китайскіе купцы, чрезъ посредство которыхъ производятся разсчеты, передаютъ ее монголамъ низко-

пробнымъ, да и то не всю сполна, стараясь навязать имъ въ счетъ этой платы сколь возможно больше товара изъ своихъ лавокъ и, разумѣется, съ хорошимъ барышемъ. При выдачѣ же остальной суммы серебромъ эти спекуляторы часто обвѣшиваютъ простодушныхъ монголовъ и кромѣ того сбываютъ имъ немало фальшиваго серебра. Въ костяномъ коромыслѣ вѣсковъ, напоминающихъ миніатюрный безмѣнъ, искусно просверливается во всю длину пустота и по введеніи въ нее нѣсколькихъ капель ртути, ловко задѣлывается снаружи. При взвѣшиваніи отпускаемаго серебра движеніемъ коромысла переводятъ ртуть въ его передній конецъ, а при пріемѣ въ противоположный, отчего вѣсъ груза въ первомъ случаѣ, очевидно, увеличивается, а во второмъ уменьшается противъ истиннаго.

Фабрикація фальшиваго серебра заключается въ оставленіи въ большихъ и малыхъ слиткахъ его пустотъ, наполняемыхъ чрезъ искусно задѣлываемые впослѣдствіи узкіе каналы оловомъ или свинцомъ, а также въ введеніи въ нихъ въ расплавленномъ состояніи тонкихъ желѣзныхъ пластинокъ, не обнаруживающихся на поверхности.

Не смотря на всѣ эти продѣлки, монголы не перестаютъ пользоваться услугами китайскихъ купцовъ въ своихъ сдѣлкахъ съ русскими коммисіонерами. Очень немногіе изъ нихъ ведутъ счеты непосредственно съ нашими агентами, хотя послѣдніе предлагаютъ всѣмъ монголамъ, приходящимъ съ верблюдами за чаемъ, даровыя у себя квартиры съ отопленіемъ на все время пребыванія въ Калганѣ.

Монголъ, подрядившійся на доставку чая изъ Калгана въ Ургу, заключаетъ съ русскимъ коммисіонеромъ формальное условіе, которымъ обязуется доставить взятый на свозъ чай въ цѣлости и въ установленный срокъ. За просрочку же полагается штрафъ съ каждаго ящика по-суточно около 30 коп., а для обезпеченія иска въ случаѣ неисправной доставки, часть провозной платы додается монголамъ уже въ Ургѣ, по доставкѣ чая на мѣсто. Срокъ для перевозки чая отъ Калгана до Урги (960 вер.) назначается, обыкновенно, 30-ти дневный, но просрочки случаются такъ часто, что коммисіонеры бываютъ вынуждены увеличи-

вать его до 40 дней, въ особенности когда верблюды лѣтомъ не могли хорошо откормиться.

Монголы, занимающіеся перевозкою чая изъ Калгана въ Ургу, въ благопріятные годы, когда травы въ степи хороши, совершаютъ въ теченіи осени и зимы два рейса съ чаемъ изъ Калгана въ Ургу. Въ первый разъ они являются въ Калганъ съ верблюдами въ сентябрѣ и доставивъ чай въ Ургу, расходятся оттуда большею частью по домамъ для поправки верблюдовъ, изъ числа которыхъ ненадежныхъ оставляютъ въ степи, замѣняя ихъ для вторага рейса свѣжими. Вторично монголы приходятъ въ Калганъ за чаемъ въ февралѣ, везутъ его нѣсколько тише, чѣмъ въ первый разъ, и нерѣдко мѣняютъ верблюдовъ, уходя за свѣжими въ свои улусы, а чай подъ надзоромъ погонщиковъ оставляютъ на дорогѣ. Окончивъ второй рейсъ, возчики расходятся по домамъ до слѣдующей осени.

При неудовлетворительномъ же состояніи подножнаго корма на пути между Калганомъ и Ургою на второй рейсъ находится мало охотниковъ и значительная часть чая остается въ Калганѣ до весны. Въ апрѣлѣ монголы привозятъ въ этотъ городъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками, самосадочную соль изъ Гоби, а на обратный путь нагружаются чаемъ, который и доставляютъ въ Ургу. Въ этомъ случаѣ русскіе коммисіонеры сдаютъ оставшійся чай не монголамъ, а мѣстнымъ купцамъ, занимающимся соляной торговлей, которые обязуются за извѣстную плату доставить его въ Ургу, нанимая уже отъ себя монголовъ, по пріемѣ отъ послѣднихъ соли, и конечно не безъ выгодъ. Доставка чая изъ Калгана въ Ургу на быкахъ обходится значительно дешевле вьючной перевозки на верблюдахъ, но за то крайне медленна. Транспорты дѣлаютъ ежедневно 15, много 20 верстъ и при томъ, за недостаткомъ корма для быковъ въ Гоби, на прямой караванной дорогѣ, слѣдуютъ по кружнымъ восточнымъ путямъ, употребляя на переѣздъ отъ Калгана до Урги около 2 и даже $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

Провозная плата за чай отъ Калгана до Урги на верблюдахъ въ зиму 1878—1879 гг. была: по 2 лана 2 цяна съ ящика байковаго чая и по 2 лана 8 цяновъ съ ящика кирпичнаго, что

по тогдашнему курсу составить среднимъ числомъ около 2 р. 40 к. съ пуда [1]). На быкахъ же весною 1879 г. доставка чая обходилась около 1 р. 90 к. съ пуда.

Въ теченіи осени, зимы и весны 1877 и 1878 гг. чрезъ Калганъ прослѣдовало въ Ургу около 876,000 пудовъ байховаго и кирпичнаго чая, заготовленнаго нашими русскими фабрикантами въ Ханькоу и Фучжоу [2]) и отправленнаго чрезъ сухопутную границу, да болѣе 200,000 пуд., закупленныхъ непосредственно самими китайцами для Маймачена, гдѣ большая часть этого чая промѣнивается ими на наши товары преимущественно на плисъ, сукна, юфть и мѣха, а остальная продается на деньги.

По замѣчанію нашихъ калганскихъ коммисіонеровъ, основательно знакомыхъ съ чайнымъ дѣломъ, спросъ на чай въ нашемъ отечествѣ съ каждымъ годомъ возрастаетъ въ большихъ размѣрахъ и не только на байховый, но и на кирпичный. Этотъ послѣдній въ прежніе годы ввозился почти исключительно въ Азіатскую Россію, а теперь отправляется въ большомъ количествѣ и въ Европейскую. Изъ него приготовляются самые дешевые сорты байховаго чая, раздѣляя кирпичи на пару и сдабривая потомъ полученный продуктъ дешевымъ байховымъ чаемъ.

---

[1]) Въ то время 1 ланъ (7,6 золотн.) чистаго серебра стоилъ 3 кредитныхъ рубля. Среднюю же стоимость лана чистаго серебра въ послѣдніе годы надо принимать въ 2,75 рубля. 1 цзянъ равенъ 0,1 лана. Ящикъ байховаго чая вѣситъ среднимъ числомъ 100 русскихъ фунт., а кирпичнаго 150 фунт. На одного верблюда всегда грузятся 4 ящика (мѣста) того или другаго сорта чая.

[2]) Русскіе чайные фабриканты, какъ извѣстно, занимаются этимъ дѣломъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ Внутренняго Китая, въ г.г. Ханькоу на р. Янъ-цзы-цзянѣ и портѣ Фучжоу. Въ первомъ нынѣ заготовляется ежегодно около 170,000 ящиковъ байховаго и около 100.000 ящиковъ кирпичнаго чая на сумму приблизительно въ 3.000,000 ланъ или въ 8.250,000 кред. рублей, а во второмъ до 24,000 ящиковъ байховаго и до 70,000 ящ. кирпичнаго чая на сумму въ 800,000 ланъ, т. е. на 2,200,000 кред. рублей. Слѣдовательно всего нашими фабрикантами въ Китаѣ заготовляется около 485,000 пуд. байховаго и 637,500 пуд. кирпичнаго чая на сумму 10.450,000 кред. руб. Большая часть этой суммы выплачивается китайцамъ мексиканскими долларами, покупаемыми на кредитныя деньги у англичанъ, а остальная русскими золотыми и серебряными (рублеваго достоинства) монетами, пріобрѣтаемыми на кредитные же билеты отъ золотопромышленниковъ.

Около $^1/_3$ байховаго чая, заготовляемаго нашими соотечественниками въ Ханькоу и Фучжоу, отправляется въ Россію моремъ чрезь Лондонъ, а передъ послѣдней Руско-Турецкой войной 1877—1878 гг. часть того же чая была доставляема изъ помянутыхъ городовъ моремъ же прямо въ Одессу на пароходахъ, принадлежащихъ „Русскому обществу пароходства и торговли". Но возникшая въ 1877 году война съ Портою прервала почти на два года морское сообщеніе названныхъ городовъ съ Одессою. Однако преимущества морской доставки чаевъ изъ Китая прямо въ Одессу, сравнительно съ сухопутной транспортировкой, на столько значительны, что нѣтъ основанія отрицать ея постепеннаго усиленія въ будущемъ. Въ настоящее время отъ Ханькоу до Лондона доставка первосборнаго чая, отправляемаго весною экстренно на легкихъ пароходахъ, обходится отъ 5 до 6 фунтовъ стерлинговъ съ тонны; въ срединѣ лѣта фрахтъ понижается до 4-хъ фунтовъ, а осенью до 3 и даже 2-хъ. Слѣдовательно средняя стоимость доставки одной тонны (62 пуда) чая будетъ около 4-хъ фунтовъ, что по нынѣшнимъ курсамъ составитъ почти 40 руб. кредитн. деньгами. Изъ Фучжоу до Лондона средній фрахтъ на перевозку чая простирается до 3,7 фунта за тонну, т. е. около 37 рублей. Перевозка же чая моремъ изъ Ханькоу и Фучжоу до Одессы на русскихъ пароходахъ обходится не дороже 5 и $5^1/_2$ фунтовъ съ тонны, а съ коммиссіей и страховыми издержками доставка пуда будетъ стоить никакъ не дороже 1 руб. 50 коп. на кредитныя деньги. Между тѣмъ, по разсчету нашихъ калганскихъ коммисіонеровъ, перевозка одного пуда чая изъ тѣхъ же городовъ чрезъ Тяньцзинъ, Калганъ, Ургу, Кяхту, Иркутскъ и Томскъ до Нижняго Новгорода обходится около 10 руб. на кредитныя же деньги.

Впрочемъ при существованіи у насъ двойной пошлины на байховые чаи, ввозимые чрезъ западную границу [1]), удешевленія чая едва-ли возможно ожидать, если даже весь чай, заготовляемый для Европейской Россіи нашими фабрикантами, будетъ перевозиться моремъ прямо въ Одессу, такъ какъ экономія отъ перевозки

[1]) Кирпичный чай обложенъ на западной границѣ воспретительной пошлиной, а потому и не доставляется чрезъ нее въ наше отечество.

пойдетъ на уплату таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ въ добавокъ еще золотомъ. Правда, наше государственное казначейство съ направленіемъ всѣхъ байховыхъ чаевъ русскаго заготовленія, предназначаемыхъ для Европейской Россіи, моремъ чрезъ Одессу пріобрѣтало-бы ежегодно около 2.000,000 рублей отъ двойныхъ пошлинъ, но за то населеніе Сибири по главному тракту отъ Кяхты чрезъ Иркутскъ и Красноярскъ до Томска, а отчасти и отъ Томска чрезъ Каинскъ, Ишимъ и Тюмень до Ирбити, равно какъ и пароходовладѣльцы Западной Сибири, лишились-бы почти на ту-же сумму заработковъ. На удешевленіе чая, да и то въ небольшихъ размѣрахъ, можно надѣяться только тогда, когда пошлины съ чаевъ собственно русскихъ фабрикантовъ въ Китаѣ, ввозимыхъ въ Одессу моремъ, будутъ сравнены съ ординарными пошлинами, взимаемыми въ Иркутскѣ съ чая, слѣдующаго чрезъ сухопутную границу. При этомъ условіи необходимо также, чтобы наибольшая часть груза перевозилась на собственныхъ нашихъ судахъ для избѣжанія зависимости отъ иностранныхъ судовладѣльцевъ, которые и въ настоящее время при удобныхъ случаяхъ стараются прижимать нашихъ фабрикантовъ въ Китаѣ.

Въ пользу морской доставки чаевъ изъ Ханькоу и Фучжоу въ Одессу много говоритъ самая скорость ея: паровыя суда изъ Лондона и Марсели совершаютъ рейсы въ порты Китая въ 45—55 дней. На сухопутную же доставку чая изъ названныхъ пунктовъ чрезъ Тяньцзинъ, Калганъ, Кяхту, Иркутскъ, Красноярскъ и Томскъ до Нижняго-Новгорода требуется не менѣе 6-ти мѣсяцевъ, а бываютъ случаи, когда чаи по этому пути странствуютъ болѣе года. Но за то въ случаѣ войны, какъ это было въ 1877—1878 гг., доставка чаевъ моремъ въ Одессу можетъ временно совершенно прекратиться. Во всякомъ случаѣ перевозка чая морскимъ путемъ въ Одессу, по мнѣнію калганскихъ агентовъ, должна усиливаться съ каждымъ годомъ, въ особенности если въ ней примутъ дѣятельное участіе суда добровольнаго флота.

Въ настоящее время для доставки чая даже въ Восточную Сибирь, столь близкую къ Китаю, удобнѣйшимъ путемъ признаютъ путь водный моремъ и р. Амуромъ. Какъ извѣстно, сдѣлана была даже попытка къ перевозкѣ чая этимъ путемъ. Въ

1873 году на пароходѣ „Николай", принадлежавшемъ Амурской компаніи, отправленъ былъ изъ Китая моремъ и Амуромъ чай въ В. Сибирь и хотя операція не увѣнчалась успѣхомъ, но не прекратила стремленій продолжать опыты перевозки чая этимъ путемъ.

Нынѣ въ г. Калганѣ наши коммисіонеры по транспортировкѣ чая вовсе не занимаются торговлею, но лѣтъ семь тому назадъ одинъ изъ нихъ сбывалъ мѣстнымъ китайцамъ въ небольшомъ количествѣ сукна, плисъ и юфть. Значительной торговли у русскихъ съ китайцами въ этомъ городѣ, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что калганскіе купцы, большею частью шансійцы, держатъ въ своихъ рукахъ и всю Кяхтинскую торговлю, имѣя полную возможность вымѣнивать въ Кяхтѣ очень выгодно нашъ товаръ на чай. Въ Тяньцзинѣ, въ Ханькоу и въ Фучжоу точно также въ настоящее время проживающіе въ этихъ городахъ русскіе купцы не ведутъ никакой торговли, занимаясь исключительно чайнымъ дѣломъ. Пробовали привозить туда сукна, плисъ и бумажныя ткани, но онѣ не могли конкуррировать съ англійскими, а потому очень туго сбывались. Китайцы, по словамъ купцовъ, нынѣ стали очень падки на дешевый товаръ, а дорогой, не смотря на его доброту, почти не имѣетъ сбыта. Англійскія же сукна и бумажныя ткани, не отличаясь добротою, привлекаютъ китайцевъ своею замѣчательною дешевизною. Наши мануфактуристы пытались было приготовлять бумажныя ткани для китайцевъ на манеръ англійскихъ, только лучшей доброты, но онѣ сбывались очень плохо, такъ какъ покупатели предпочитали болѣе дешевыя, хотя и не столь добротныя англійскія.

Для поддержанія нашей, сильно упавшей, вслѣдствіе иностранной конкурренціи, торговли съ Внутреннимъ Китаемъ и производящейся нынѣ, какъ извѣстно, чрезъ посредство шансійцевъ только въ Кяхтѣ, торговые обороты которой едва-ли превышаютъ 3.000,000 рублей, проэктируютъ весьма основательно вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ моремъ изъ Приморской области въ порты Китая. Во внутреннихъ, густонаселенныхъ и почти совершенно безлѣсныхъ провинціяхъ Китая существуетъ постоянный и огромный по своимъ размѣрамъ спросъ на дерево. Хотя строенія во Внут-

реннемъ Китаѣ возводятся изъ необожженаго кирпича, глины съ рубленною соломою, или камней, связанныхъ цементомъ, немногіе изъ обожженаго кирпича, но двери, косяки, стропила, брусья кановъ[1]), оконныя рамы, а также телѣги, коромысла, мебель, множество посуды, разныхъ земледѣльческихъ орудій и принадлежностей къ нимъ, приготовляются изъ дерева. Потребность въ немъ, при такомъ изумительномъ по своей многочисленности населеніи Внутренняго Китая, должна быть огромная. Поэтому неудивительно, что въ сѣверныя его провинціи доски и брусья доставляются за 1000 верстъ на верблюдахъ изъ Урги и продаются въ Гуй-хуа-ченѣ и въ Калганѣ иногда съ вѣса. Доставка одного пуда дерева изъ Урги до Калгана обходится не дешевле рубля, да и то только на обратныхъ верблюдахъ, а до Гуй-хуа-чена около 90 коп. По этимъ даннымъ можно составить нѣкоторое понятіе о дороговизнѣ лѣса въ сѣверныхъ провинціяхъ Чжилійской и Шаньси. Дѣйствительно, въ Калганѣ сосновый брусъ, длиною около 6 аршинъ, толщиною вершковъ въ 7, продается отъ 4-хъ до 5-ти ланъ, т. е. отъ 12 до 15 рублей. Такой же длины и ширины сосновая доска, толщиною вершка $1^1/_2$, стоитъ около 2 ланъ, т. е. 6 рублей. Подобная же почти цѣна на лѣсъ и въ Гуй-хуа-ченѣ.

Хотя въ Сѣверной Манчжуріи сохранились еще огромные лѣса, но они растутъ тамъ на высокихъ, трудно-доступныхъ горахъ, да притомъ въ этой странѣ нѣтъ сплавныхъ рѣкъ, обращенныхъ ко Внутреннему Китаю, исключая Ляо-хё, впадающей въ заливъ Ляотонгъ, но она, какъ извѣстно, протекаетъ по густозаселенной равнинѣ, на которой только изрѣдка встрѣчаются небольшія рощи. Въ хребтѣ Иншанѣ, верстахъ въ 100 къ востоку отъ Калгана, есть значительные лѣса, но въ малодоступныхъ горахъ, изъ которыхъ добыча дерева даже для окрестныхъ жителей сопряжена съ затрудненіями. Въ горныхъ провинціяхъ Южнаго Китая, Юнъ-нани и Гуй-чжеу, тоже существуютъ лѣса, но опять таки на горахъ и вдали отъ моря и судоходныхъ рѣкъ.

Въ Японіи лѣсами богаты ея сѣверные острова, въ особенности

[1]) Канъ,—широкая лежанка, складывается изъ кирпича, исключая наружнаго ребра, которое состоитъ изъ толстаго деревяннаго бруса.

Iезо-мацмай, но въ ней самой дерево потребляется въ огромныхъ размѣрахъ на постройки, сооружаемыя тамъ, по причинѣ частыхъ землетрясеній, исключительно изъ дерева.

Изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, именно изъ Калифорніи, богатой лѣсомъ, вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ во Внутренній Китай едва-ли возможенъ, какъ по дороговизнѣ доставки ихъ въ столь отдаленную страну, такъ и по трудности добыванія лѣса изъ Приморскихъ Альпъ этого штата.

Съ острововъ Тихаго и Индійскаго океановъ, а равно и изъ Сингапура въ Китай доставляются только цѣнныя породы дерева.

Такимъ образомъ наша приморская область со своими дремучими лѣсами, омываемая моремъ и прорѣзанная р. Амуромъ съ ея могучимъ притокомъ Уссури, могла-бы безспорно снабжать воднымъ путемъ столь близкій къ ней Внутренній Китай лѣсными матеріалами въ избыткѣ. Не трудно-бы было доставлять въ эту страну лѣсные матеріалы и изъ Амурской области, покрытой, какъ извѣстно, тоже дѣвственными лѣсами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ Россія, при правильной эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ своего крайняго Востока, будетъ извлекать изъ лѣсной торговли съ Китаемъ значительныя выгоды и перестанетъ, быть можетъ, покупать у китайцевъ чай почти на наличныя деньги. Въ настоящее время намъ приходится уплачивать имъ за этотъ продуктъ около 3.800,000 ланъ наличными деньгами, теряя при этомъ, по причинѣ низкой стоимости нашего кредитнаго рубля, до 1.500,000 р., на курсѣ; да сверхъ того расходовать въ Монголіи и Китаѣ на перевозку чая, слѣдующаго чрезъ сухопутную границу, съ мѣстъ производства до Кяхты около 3.800,000 кредит. руб., уплачиваемыхъ тоже почти сполна чистымъ серебромъ. Слѣдовательно интересы нашей торговли съ Внутреннимъ Китаемъ вызываютъ необходимость всесторонняго изученія вопроса о сбытѣ въ эту страну лѣса изъ помянутыхъ областей. Этотъ вопросъ, сколько намъ извѣстно, былъ давно уже возбужденъ нашими соотечественниками, проживающими въ Тяньцзинѣ, но въ печати намъ не приходилось читать ни одной замѣтки, трактующей о немъ. Не считая себя въ правѣ распространяться объ этомъ предметѣ, требующемъ спеціальнаго изученія, мы позволили себѣ кос-

нуться его единственно изъ желанія обратить вниманіе на столь важный вопросъ людей вполнѣ компетентныхъ.

Указываютъ также на возможность выгоднаго сбыта во Внутренній Китай морской капусты, потребляемой китайцами въ громадномъ количествѣ въ пищу. Нынѣ этотъ продуктъ доставляется въ Китай главнымъ образомъ изъ Японіи, но имъ весьма богато также море при берегахъ Южно-Уссурійскаго края, откуда морская капуста можетъ быть сбываема съ большимъ удобствомъ во Внутренній Китай. Конечно, это принадлежитъ будущему, когда тотъ край заселится трудолюбивыми колонистами и пріютитъ въ своихъ гаваняхъ хотя немногія наши коммерческія суда, необходимыя для поддержанія торговыхъ сношеній нашего крайняго Востока съ Китаемъ и Японіей.

Въ Калганѣ уже лѣтъ 15 тому назадъ, какъ существуетъ протестантская духовная миссія, состоящая нынѣ изъ двухъ миссіонеровъ С.-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Но число обращенныхъ ею китайцевъ почти ничтожно, такъ какъ протестантскіе миссіонеры поставляютъ себѣ въ обязанность соблюдать, чтобы желающіе принять христіанское ученіе,—дѣйствительно слѣдовали бы внутреннему убѣжденію, голосу совѣсти, но не корыстнымъ видамъ, а такихъ китайцевъ, нужно правду сказать, найдется очень немного. Дѣятельность миссіонеровъ ограничивается почти исключительно городомъ. По временамъ проповѣдники выходятъ на многолюдныя улицы или на городскія площади и ставъ на возвышеніе, обращаются къ собравшемуся народу съ проповѣдью, подкрѣпляемою чтеніемъ Св. Евангелія. Большинство окружающихъ слушаетъ эти поученія, повидимому, безъ вниманія и вскорѣ расходится, остаются только наиболѣе любопытные. По окончаніи проповѣди въ толпѣ бываютъ иногда по поводу ея сужденія и порою слышатся даже насмѣшки, хотя во время самаго поученія китайцы держатъ себя чинно: безпорядковъ на этихъ сборищахъ не случается и полиція, не присутствующая даже на нихъ, нисколько не препятствуетъ желающимъ собираться и слушать миссіонеровъ.

Протестантскіе миссіонеры помогаютъ, по мѣрѣ возможности и

бѣднымъ,—хотя средства миссіи весьма ограниченны, а супруги ихъ нерѣдко лечатъ больныхъ, преимущественно женщинъ, отлучаясь для этого иногда и въ сосѣднія деревни.

Верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ Калгана, въ селеніи Си-Ванцза, находится католическая миссія, а въ 40 верстахъ къ югу, въ большомъ городѣ Сюань-хуа-фу, по дорогѣ въ Пекинъ, другая съ епископомъ во главѣ. На станціи Си-Ванцза миссіонеры производятъ метеорологическія наблюденія. Они нерѣдко посѣщаютъ Калганъ и проповѣдуютъ, какъ въ немъ, такъ и въ окрестной странѣ. Число обращенныхъ ими китайцевъ несравненно больше, чѣмъ у протестантскихъ миссіонеровъ, съ которыми они живутъ не совсѣмъ дружелюбно, но дѣйствительно-ли большинство этихъ неофитовъ истинные христіане—судить трудно.

Равнины къ югу и западу отъ Калгана, внутри Великой стѣны, принадлежатъ къ весьма густозаселеннымъ мѣстностямъ. Даже всѣ значительныя ущелья Иншаня наполнены селеніями. Въ самыхъ горахъ, въ окрестностяхъ города, на каждой почти маленькой площадкѣ можно встрѣтить пашенку. Въ иныхъ мѣстахъ эти пашенки, въ нѣсколько квадратныхъ сажень, расположены на такихъ высотахъ, куда не можетъ достигнуть ни лошадь, ни оселъ, такъ что китайцы таскаютъ туда удобреніе и сѣмена на себѣ, пашутъ на себѣ же, а по снятіи хлѣба переносятъ его на своихъ плечахъ въ деревни. Привычка этихъ людей взбираться на неприступныя, повидимому, кручи достойна удивленія и не только мужчины, но и женщины на своихъ уродливыхъ ногахъ поднимаются по страшнымъ крутизнамъ.

Кромѣ хожденія на пашни, китайцы часто посѣщаютъ горныя выси для сбора мелкаго кустарника и толстыхъ стеблей нѣкоторыхъ травянистыхъ растеній на топливо. Хотя каменнаго угля очень много въ окрестной странѣ, но доставка его по дурнымъ, страшно выбитымъ дорогамъ затруднительна, а потому и цѣны на него довольно высоки,—такъ что каменный уголь доступенъ только для богатыхъ и зажиточныхъ. Топливомъ же для бѣдныхъ служатъ: каменно-угольная грязь, солома, гао-лянъ, кустарникъ и стебли нѣкоторыхъ травянистыхъ растеній. Въ горахъ около Кал-

гана часто приходилось видѣть тамъ и сямъ человѣческія фигуры то цѣпляющіяся на утесахъ, то осторожно пробирающіяся по розсыпямъ или занятыя срѣзаніемъ растеній. Смотря на этихъ людей, по истинѣ въ потѣ лица добывающихъ себѣ хлѣбъ, невольно приходишь къ заключенію, что при чрезмѣрной плотности населенія жизнь, по крайней мѣрѣ, простаго народа, поддерживается только тяжелымъ, неустаннымъ трудомъ и что прославленное китайское трудолюбіе есть результатъ усиленной борьбы за существованіе.

Почва посѣщенныхъ нами мѣстностей Сѣвернаго Китая не отличается, повидимому, природными богатствами[1]), но благодаря необыкновенному трудолюбію и многовѣковому опыту китайцевъ въ земледѣліи питаетъ многочисленное населеніе. Земледѣліе во Внутреннемъ Китаѣ дѣйствительно доведено до высокой степени совершенства. Намъ кажется, что много полезнаго для нашего отечества можно-бы было позаимствовать агрономамъ, посвятившимъ нѣсколько лѣтъ на изученіе китайскаго земледѣлія. Чтобы сказанное не показалось преувеличеннымъ, позволяю себѣ описать вкратцѣ способъ заготовленія сѣверными китайцами значительнаго количества корма для рабочаго скота съ ничтожнаго почти участка земли. Во Внутреннемъ Китаѣ, даже въ сѣверной его части, какъ извѣстно, нѣтъ свободной земли для выгоновъ, такъ что содержимыхъ, въ весьма незначительномъ впрочемъ числѣ, рабочихъ животныхъ (лошадей, муловъ и ословъ) приходится довольствовать круглый годъ продуктами земледѣлія. При крайней ограниченности земельныхъ участковъ здѣшнихъ поселянъ такое довольствіе скота, казалось-бы, могло представить непреодолимыя затрудненія. Китайцы, однако, съумѣли обойти ихъ и находить средства къ продовольствію своихъ, правда очень немногихъ рабочихъ животныхъ. Одно изъ нихъ заключается въ чисто искуственномъ произращеніи длинной овсяной соломы. Для этого поздно посѣянный овесъ усиленно поливаютъ, въ особенности, въ сухое время, отчего онъ поднимается очень высоко. Когда зерно совершенно нальется,

[1]) Чернозема мы собственно во Внутреннемъ Китаѣ на нашемъ пути нигдѣ не видѣли, почва большею частью состоитъ изъ лёса и суглинка. Въ Юго-Восточной же Монголіи во многихъ мѣстахъ встрѣчается тонкій слой его.

но хлѣбъ еще зеленъ, его снимаютъ, вяжутъ въ снопы и выставляютъ для просушки на ограды или плоскія крыши зданій. Такимъ образомъ получаютъ съ небольшаго участка земли множество соломы, по крайней мѣрѣ въ двое больше, чѣмъ у насъ. Эта солома, оставаясь зеленою и будучи изрублена, дается вмѣстѣ съ зерномъ или безъ него въ кормъ лошадямъ, муламъ и осламъ, которые пожираютъ ее съ жадностью, вѣроятно, потому, что въ ней остается много вкусныхъ и питательныхъ веществъ, улетучивающихся въ видѣ газовъ при вызрѣваніи. У насъ, какъ извѣстно, овсяной соломой кормятъ зимою только рогатый скотъ, да и то за недостаткомъ сѣна, а лошади ѣдятъ ее лишь въ крайности. Зеленая же китайская солома служитъ прекраснымъ кормомъ для лошадей, отъ котораго онѣ жирѣютъ и становятся способными къ тяжелымъ работамъ, въ чемъ мы неоднократно имѣли возможность убѣдиться лично.

Другое замѣчательное въ экономическомъ отношеніи растеніе, воздѣлываемое сѣверными китайцами,—это индійское просо, называемое въ Китаѣ гао-лянъ. По наружному виду, оно напоминаетъ нѣсколько тростникъ, но имѣетъ вверху круглую красноватую мятелку и достигаетъ 7—8 футовъ высоты. Толстые стебли гао-ляна идутъ на топливо и на нѣкоторыя подѣлки, изрубленныя и смѣшанныя съ зеленой овсяной соломой верхушки поступаютъ въ кормъ домашнимъ животнымъ, а изъ плодовъ его гонятъ водку и дѣлаютъ масло. Поля, засѣянныя гао-ляномъ, въ концѣ лѣта имѣютъ привлекательный видъ, напоминая плантаціи сахарнаго тростника.

Изъ прочихъ культурныхъ растеній въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ Сѣвернаго Китая воздѣлываются: рисъ, пшеница, обыкновенное просо, овесъ, ячмень, гречиха, горохъ и множество разныхъ овощей, въ особенности моркови и рѣдьки, а также бобы, огурцы, картофель, капуста, дыни и арбузы. Кромѣ китайской капусты, есть и наша, заимствованная, какъ говорятъ, сѣверными китайцами изъ Восточной Сибири. Любопытно было бы знать какимъ путемъ перешелъ въ Китай изъ Новаго Свѣта картофель, извѣстный китайцамъ, по ихъ увѣренію, съ незапамятныхъ временъ.

Китайцы довольствуются преимущественно растительною пищею

и не смотря на то, сильны, подвижны и общее состоянiе ихъ здоровья, въ особенности сельскихъ жителей, сколь можно было замѣтить, удовлетворительно. Зимою они питаются отварнымъ просомъ, лапшей съ соленой зеленью, рѣдькою, картофелемъ, а лѣтомъ къ этой пищѣ присоединяется еще разная зелень, до которой китайцы большiе охотники. Мясо же простой народъ ѣстъ очень рѣдко: большинство только въ первые дни новаго года, празднуемаго въ теченiи цѣлаго мѣсяца. Къ этому торжественному празднику каждый зажиточный поселянинъ старается выкормить на убой свинью, поросятъ, или домашнихъ птицъ: куръ, утокъ и гусей, а также купить немного мяса.

Сырую воду китайцы избѣгаютъ пить, а употребляютъ отварную или чай. Водку пьютъ многiе, даже женщины и дѣти, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Пьянства, можно сказать, почти вовсе не существуетъ въ Китаѣ, а если и встрѣчаются люди не чуждые этого порока, то они составляютъ рѣдкое исключенiе и преслѣдуются общественнымъ мнѣнiемъ. Въ теченiи цѣлой зимы 1878—1879 гг. намъ не случалось видѣть ни одного пьянаго въ Китаѣ, не смотря на частыя посѣщенiя рынковъ, театровъ и гостинницъ. Но за то другое зло—куренiе опiума распространяется съ каждымъ годомъ и между сѣверными китайцами, не говоря о южныхъ, среди которыхъ очень много курильщиковъ опiя. Эти злополучные, кромѣ разстройства организма и значительныхъ тратъ на покупку столь дорогаго вещества [1]), подвергаются, какъ говорятъ, еще различнымъ вымогательствамъ доносчиковъ. Куренiе опiума, какъ извѣстно, строго воспрещено закономъ, а потому шпiоны, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, угрожаютъ состоятельнымъ курильщикамъ доносами и вымогаютъ съ нихъ порядочныя взятки.

Табакъ китайцы курятъ всѣ, не исключая даже мальчиковъ 12—14 лѣтъ, которые по достиженiи этого возраста стараются изъ подражанiя взрослымъ обзавестись непремѣнно кисетомъ и трубкою, составляющею въ нѣкоторомъ родѣ ихъ ребяческую гордость.

Поселяне посѣщенныхъ нами мѣстностей Внутренняго Китая живутъ, повидимому, безбѣдно: дома у большинства хорошiе и

1) Хорошiй опiй цѣнится на вѣсъ чистаго серебра.

содержатся въ порядкѣ, пашни прекрасно обработаны и обнесены земляными, а въ иныхъ мѣстахъ каменными валиками; на дворахъ много разныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Весьма хорошая одежда поселянъ также свидѣтельствовала о ихъ благосостояніи, и нищіе очень рѣдко попадались въ деревняхъ.

Въ С. Китаѣ дома строятъ преимущественно изъ необожженаго кирпича, или глины съ рубленной соломой; рѣже изъ камней, связанныхъ цементомъ. Только немногія зданія, именно кумирни и театры, воздвигаются большею частью изъ обожженаго кирпича. Этотъ послѣдній отличается высокою доброкачественностью и приготовленіе его полезно-бы было изучить до мельчайшихъ подробностей. Большихъ домовъ въ Китаѣ не строятъ: всѣ они одноэтажные и ограниченныхъ размѣровъ. Богатые китайцы, имѣющіе надобность въ обширныхъ помѣщеніяхъ, ставятъ нѣсколько отдѣльныхъ домовъ на одномъ дворѣ, или на разныхъ, смежныхъ дворахъ.

Надворныя строенія, какъ-то: амбары, сараи, конюшни и пр., а равно и ограды возводятся изъ тѣхъ-же матеріаловъ, какъ и дома съ тою разницею, что камни, связанные цементомъ, чаще употребляются на надворныя постройки и ограды, чѣмъ на жилыя помѣщенія. Стойла и ясли въ конюшняхъ дѣлаютъ изъ глины съ рубленной соломой.

Крыши кроютъ тростникомъ или гао-ляномъ, обмазывая ихъ сверху глиной или же черепицею, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ ихъ иногда изъ плитокъ глинистаго сланца. Потолки состоятъ изъ тростниковыхъ или гаоляновыхъ рѣшетокъ, обтянутыхъ циновками и проклеенныхъ изнутри сначала грубою тканью, а поверхъ бумагою, а то просто одною бумагою. Полы встрѣчаются только у зажиточныхъ и настилаются изъ кирпича, тесанаго камня, или набиваются изъ глины, а у бѣдныхъ поломъ служитъ самый грунтъ. Деревянныхъ же половъ, по причинѣ дороговизны лѣса, не дѣлаютъ. Такимъ образомъ китайскія строенія безопасны отъ огня, а потому и пожары въ Китаѣ бываютъ очень рѣдки, чему, конечно, способствуетъ немало и осторожное обращеніе съ огнемъ.

Жилищами бѣдныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ наприм. въ горахъ Иншана, служатъ землянки, или пещеры, устраи-

ваемыя въ крутыхъ обрывахъ отвердѣлаго песка или лёса. Въ этихъ пещерныхъ жилищахъ три стѣны природныя, а четвертая,—лицевая, въ которой продѣлываются окна и дверь,—искусственная. Внутренность жилища штукатурится, въ стѣнахъ дѣлаются маленькія ниши, а потолокъ для безопасности поддерживается деревянными балками. Когда нѣсколько такихъ жилищъ, расположенныхъ рядомъ и неразличимыхъ издали, топится по утрамъ, то наблюдателю съ далекаго разстоянія дымъ представляется какъ-бы выходящимъ изъ земли. Подобнымъ зрѣлищемъ мы любовались въ длинномъ ущельѣ горъ Ма-юнь-са на пути изъ Гуй-хуа-чена въ Калганъ.

Дома съ надворными строеніями всегда обносятся оградами, а дворы часто дѣлятся перегородками на отдѣленія. Съ улицы во дворъ ведутъ однѣ или нѣсколько воротъ, дѣлаемыхъ у богатыхъ и знатныхъ китайцевъ изъ обожженаго кирпича съ большимъ двускатымъ навѣсомъ изъ черепицы. Ворота украшаются затѣйливыми цоколями, карнизами и другими аттрибутами изящной архитектуры.

Число комнатъ въ домахъ, конечно, бываетъ различно. Окна средней высоты, но очень широкія, продѣлываются только въ одной стѣнѣ, а не въ разныхъ, какъ у насъ и при томъ выходятъ непремѣнно на дворъ, но не на улицу. Дверь со двора въ комнату дѣлается преимущественно въ той же стѣнѣ, въ которой окна, и располагается между ними. Переплеты оконныхъ рамъ частые и тонкіе оклеиваются просвѣчивающей бумагой, сквозь которую ничего не видно на дворѣ, а тѣмъ болѣе со двора внутри комнаты. Стекла большая рѣдкость даже въ богатыхъ городскихъ домахъ, да и то вставляются преимущественно только въ верхніе квадратики рамъ. Китайцы не любятъ, чтобы во внутренность ихъ жилищъ проникали взоры любопытныхъ, а потому едва-ли введутъ въ свои окна прозрачныя стекла, не смотря на все неудобство бумаги, которую приходится часто мѣнять. Матовыя же стекла, вѣроятно, скорѣе придутся имъ по вкусу.

Въ каждой жилой комнатѣ есть непремѣнно *канъ*,—такъ называется кирпичная кладка въ родѣ лежанки, но во всю ширину комнаты, отъ $2^1/_2$ до 3 фут. высоты и отъ 7-ми до 12 фут. длины.

Она имѣетъ одну или двѣ маленькія топки съ колодцами. Поверхность кана покрывается циновками, поверхъ которыхъ постилаются войлоки. На ней китайцы спятъ, а днемъ сидятъ, пьютъ чай и обѣдаютъ на низенькихъ столикахъ въ родѣ табуретовъ. Но тепла собственно комнатѣ канъ даетъ ничтожное количество, да и то быстро улетучивается въ окна и чрезъ потолокъ. Поэтому зимой въ китайскихъ домахъ немного развѣ теплѣе, чѣмъ на дворѣ и китайцы у себя въ комнатахъ постоянно одѣты по зимнему. Они очень привычны къ холоду и въ зимнее время заботятся только о томъ, чтобы поверхность кана къ ночи была горяча или по крайней мѣрѣ тепла. Для согрѣванія рукъ, закуриванія трубокъ и приготовленія чая ставятъ зимою въ комнаты жаровни, топимыя каменнымъ углемъ или каменно-угольною грязью.

Стѣны комнатъ штукатурятся и въ домахъ зажиточныхъ бѣлятся или оклеиваются бѣлою бумагою, а у богатыхъ иногда обоями. Мебель китайцевъ состоитъ изъ столовъ, табуретовъ, шкафовъ и шифоньерокъ, покрываемыхъ у богатыхъ прочнымъ лакомъ. Въ домахъ зажиточныхъ китайцевъ можно найти вазы съ искусственными цвѣтами, устанавливаемыя на длинные, но узенькіе столы, столовыя зеркала въ черныхъ лакированныхъ рамахъ, картины на стѣнахъ, а у потолковъ красивыя клѣтки съ разными пѣвчими птицами, очень любимыми китайцами и каны, устланные краснымъ сукномъ, съ подушками. Но европейскія вещи рѣдко встрѣчаются даже въ большихъ городахъ сѣверныхъ провинцій, исключая тканей, въ числѣ которыхъ можно видѣть англійскій ситецъ на занавѣсяхъ, да пожалуй еще англійскихъ музыкальныхъ ящиковъ, зажигательныхъ спичекъ, часовъ и кое-какихъ мелочей. Въ стѣнахъ дѣлаются неглубокія ниши съ полками, закрываемыя занавѣсками и служащія шкафиками. Ширмы также нерѣдко встрѣчаются въ китайскихъ домахъ; или отгораживается между прочимъ уголъ въ комнатѣ или цѣлая треть ея для домашней каплицы съ жертвеннымъ столикомъ. У богатыхъ она помѣщается въ отдѣльной комнатѣ.

Въ селеніяхъ дома расположены кварталами, а не линіями, какъ у насъ въ великорусскихъ губерніяхъ. Только недостатокъ

свободнаго мѣста, напр. въ горныхъ ущельяхъ или на береговыхъ террасахъ, вынуждаетъ вытягивать дома въ одну или двѣ линіи. Улицы не очень грязны, потому что соръ и грязь съ нихъ собираются въ кучи и потомъ вывозятся на поля для удобренія. Окна въ деревняхъ, какъ и въ городскихъ домахъ, не выходятъ на улицу, а всегда обращены во дворъ. Во многихъ селеніяхъ на околицахъ встрѣчаются небольшія рощи, а въ нѣкоторыхъ и сады.

Въ каждомъ большомъ селеніи непремѣнно есть кумирня, а противъ нея въ разстояніи 20—30 сажень театръ, состоящій изъ сцены, обращенной къ кумирнѣ, съ небольшой при ней комнаткой. Кумирня и театръ, обыкновенно, лучшія зданія въ селеніи и строятся большею частью изъ обожженнаго кирпича, имѣютъ черепичатыя крыши и отличаются изяществомъ архитектуры. На углахъ многоярусныхъ навѣсовъ кумиренъ подвѣшиваются иногда колокольчики, издающіе гармоничный звонъ во время вѣтра. Въ промежуткахъ между кумирнями и театрами въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ мы видали маленькія, въ родѣ бесѣдокъ, очень красивыя колокольни.

Въ сельскихъ театрахъ повременамъ даются странствующими труппами представленія, до которыхъ китайцы, какъ извѣстно, страстные охотники. Въ нихъ же путешествующіе ученые разсказываютъ иногда нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Китая, выслушиваемые поселянами въ короткіе часы досуга.

Во время пребыванія въ Калганѣ намъ пришлось быть свидѣтелями празднованія китайцами своего новаго года,—единственнаго у нихъ годичнаго торжества, случившагося въ 1879 году въ началѣ нашего февраля. Еще недѣли за двѣ до праздника китайцы стали дѣятельно готовиться къ нему: движеніе въ городѣ усилилось и въ послѣдніе передъ новымъ годомъ дни походило на всеобщую суматоху: лавки буквально осаждались покупателями, какъ горожанами, такъ и сельскими жителями изъ окрестностей, спѣшившими закупить къ предстоящему празднику все нужное. Въ особенности много покупали въ эти дни свѣчей, картинъ, ракетъ и петардъ. Къ новому году каждый китаецъ старается непремѣнно сшить себѣ новое платье и сапоги. По обычаю, въ послѣдніе дни истекающаго года купцы заканчиваютъ счеты, должники

уплачивают заимодавцам и устанавливают новые курсы на чохи—единственныя монеты Китая изъ сплава чугуна съ висмутомъ, цѣнностью около $^1/_6$ нашей копѣйки.

Наканунѣ праздника на воротахъ дворовъ появились красныя бумажки съ iероглифами, выражавшими различныя пожеланiя. Такiе же листки красовались на протянутыхъ во дворахъ веревкахъ. Вечеромъ всѣ кумирни были освѣщены эффектно фонарями и въ нихъ часто заходили посѣтители полюбоваться иллюминацiей, но богослуженiя не было. Часа за два до полуночи взвились сигнальныя ракеты и по нимъ открыта была пушечная пальба изъ городской цитадели, продолжавшаяся съ небольшими перерывами далеко за полночь. Одновременно съ первыми выстрѣлами въ городѣ и въ окрестныхъ селенiяхъ начали пускать ракеты и сжигать бураки, мельницы и петарды. Фейерверкъ продолжался почти до разсвѣта.

Утромъ китайцы, одѣтые въ новое форменное платье, съ радостными лицами, двигались толпами по городу, дѣлая визиты. Омнибусы, наполненные пассажирами и извощики съ сѣдоками, тянулись непрерывными вереницами по главной улицѣ, чрезъ которую трудно было перейти. Многiе изъ знакомыхъ нашимъ соотечественникамъ китайцевъ дѣлали имъ въ этотъ день визиты, хотя у насъ тогда и не было никакого праздника. Фейерверкъ, поддерживавшiйся понемногу цѣлый день, къ вечеру усилился и прекратился не ранѣе полуночи.

Въ послѣдующiе дни китайцы продолжали свои визиты, но не съ такимъ уже рвенiемъ, посѣщали театры и званые обѣды со спектаклями, весьма обыкновенные въ Китаѣ въ эти дни. Днемъ и въ особенности вечеромъ пускалось множество ракетъ и петардъ. Въ одинъ изъ вечеровъ городъ, по обычаю, былъ ярко освѣщенъ разноцвѣтными фонарями, вывѣшенными въ большемъ числѣ на улицахъ и на дворахъ. Въ теченiи первыхъ трехъ дней праздника всѣ безъ исключенiя магазины и лавки были заперты, такъ что рѣшительно ничего нельзя было купить. Только на четвертый день стали открываться лавки съ съѣстными припасами, прочiя же чрезъ двѣ и даже три недѣли, а банкирскiя конторы и мѣняльныя лавки черезъ мѣсяцъ.

Всѣ первыя четыре недѣли новаго года прошли въ увеселе-

ніяхъ: театральныхъ зрѣлищахъ, обѣдахъ, визитахъ, представленіяхъ фокусниковъ, ученыхъ собакъ и обезьянъ. Кромѣ постояннаго городскаго театра, устроено было нѣсколько временныхъ. Эти балаганы ставятся всегда противъ храмовъ и состоятъ изъ открытой сцены съ комнатами для переодѣваній позади. Музыканты помѣщаются на самой сценѣ сбоку, а публика смотритъ игру стоя. Только немногіе богатые, да и то преимущественно женщины слѣдятъ за ней изъ экипажей, стоящихъ позади толпы. Зрители на представленія во временныхъ театрахъ допускаются безплатно, такъ какъ онѣ устраиваются по подпискѣ, при чемъ различныя части города чередуются между собой построеніемъ каждая у себя балагана и наймомъ труппы. Въ постоянный же городской театръ, имѣющій закрытое помѣщеніе, публика допускается съ платою и сидитъ на скамьяхъ. Въ этомъ театрѣ представленія сопровождаются иногда обѣдами съ повышеніемъ входной платы.

Піесы на китайскихъ театрахъ ставятъ по преимуществу историческія, представленіе которыхъ съ перерывами длится по нѣсколько дней. Костюмы принадлежатъ той эпохѣ, къ которой относится піеса и бываютъ нерѣдко роскошные. Смотря на нихъ, мы узнаемъ, что китайцы прежде (до Манчжурской династіи) носили бороды, имѣли длинные волосы, высокія шапки и одежду, совершенно отличную отъ нынѣшней, именно широкіе халаты съ длинными рукавами, обшитыми на концахъ у знатныхъ широкими блондами. Между актами длинныхъ историческихъ піесъ ставятъ иногда коротенькія піески изъ современной жизни, въ числѣ которыхъ немало фарсовъ чисто эротическаго свойства.

Историческія піесы по исполненію относятся къ оперѣ, но монотонное пѣніе китайцевъ фистулой не можетъ быть пріятно для слуха европейца, хотя и не лишено нѣкоторой доли привлекательности; европейцамъ скорѣе можетъ понравиться китайскій речитативъ. Самую же игру китайскихъ актеровъ, въ числѣ которыхъ немало даровитыхъ, можно-бы было признать натуральною, если-бы она не теряла много отъ неполноты сценической обстановки и подчасъ излишняго фиглярства артистовъ.

Піесы изъ современной жизни на разговорномъ языкѣ производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе и при хорошей игрѣ смотрятся

съ удовольствіемъ, въ особенности знающимъ языкъ или по крайней мѣрѣ знакомымъ съ содержаніемъ піесы.

Женщины не допускаются на сцену и женскія роли исполняются мужчинами. Отличавшихся актеровъ не вызываютъ и не апплодируютъ имъ, выражая иногда одобреніе негромкими восклицаніями.

Китайская музыка, оркестрованная изъ скрипокъ съ длинными грифами и ладами, флейтъ, барабановъ, треугольниковъ и тарелокъ, весьма монотонна и не гармонична. Музыканты играютъ на память, безъ нотъ, которыя едва-ли и нужны при такомъ однообразіи мотивовъ, но соблюдаютъ тактъ.

ГЛАВА VIII.

ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ КАЛГАНА ВЪ УРГУ И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ЭТОМЪ ПОСЛѢДНЕМЪ ГОРОДѢ.

Переѣздъ изъ Калгана въ Ургу намъ предстояло сдѣлать по прямой караванной дорогѣ, по которой ходитъ русская почта. Эта дорога пролегаетъ чрезъ станціи: Цаганъ-балгасу, Сучжи, Иренъ, Ихы-удэ, Уйцзынъ и Ибицыхъ. Она подробно и точно описана Тимковскимъ и о. Іакинѳомъ, проѣзжавшими по ней въ 1821 году, изъ которыхъ первый описалъ также весьма обстоятельно и восточную, или Аргалинскую дорогу между помянутыми городами, проѣхавъ по ней съ миссіей въ передній путь. Кромѣ того, Фуссъ въ 1831 году и Фритше въ 1877 году опредѣлили на караванной дорогѣ географическое положеніе нѣсколькихъ пунктовъ и измѣрили барометромъ высоты, а топографъ Шимковичъ произвелъ по ней маршрутную съемку. Фуссъ въ передній путь ѣхалъ по Аргалинской дорогѣ и опредѣлилъ на ней нѣсколько пунктовъ и высотъ. Кружная почтовая (китайская) дорога изъ Калгана въ Ургу чрезъ станцію Саиръ-усу была посѣщена въ 1868 и 1874 гг. Фритше, который опредѣлилъ на ней географическое положеніе нѣкоторыхъ станцій и измѣрилъ барометромъ высоты. Такимъ образомъ всѣ извѣстныя дороги изъ Калгана въ Ургу весьма обстоятельно изслѣдованы нашими прежними путешественниками по Монголіи, а потому мы могли добавить развѣ немногое къ ихъ трудамъ.

27-го февраля мы выступили изъ Калгана на 2-хъ телѣгахъ, запряженныхъ верблюдами и 7-ми вьючныхъ верблюдахъ, нанятыхъ у монгола. Дорога на протяженіи первыхъ 20 верстъ на-

правляется по глубокому ущелью хр. Иншаня, въ которомъ часто встрѣчаются постоялые китайскіе дворы для монголовъ, слѣдующихъ въ Калганъ. На окрестныхъ горныхъ уступахъ разбросаны китайскія селенія съ пестрѣющими по близости ихъ пашнями. Поднимаясь постепенно на окрайный хребетъ Иншань, мы въ 22-хъ верстахъ отъ Калгана, близь селенія Норъ-дянь, достигли короткаго, но очень крутаго подъема, называемаго *Синъ-ханъ-даба*, на гребень хребта. Верблюды съ тяжелыми вьюками и лошади съ возами восходятъ по этому подъему не иначе, какъ съ отдыхами. На перевалѣ около дороги стоитъ на площадкѣ небольшая, но очень красивая кумирня.

Взобравшись на гребень Иншаня, мы обернулись назадъ, чтобы бросить прощальный взглядъ на Китай, но долго не могли оторвать взоровъ отъ чудной картины, представившейся съ высоты на югѣ: внизу на обширномъ пространствѣ былъ видѣнъ тѣсный строй горъ хребта, постепенно понижавшихся по направленію къ Калгану, близь котораго воздымались, какъ-бы въ видѣ острова, высокія горныя массы; между горами видиѣлись глубокія долины съ разбросанными по нимъ селеніями; къ югу отъ хребта разстилалась равнина, а за нею синѣлся высокій и длинный отрогъ Иншаня, чрезъ который пролегаетъ дорога въ Пекинъ по ущелью р. Янъ-хё. На гребнѣ Иншаня сохранились кое-гдѣ слѣды древней Великой стѣны, состоящіе изъ развалинъ каменнаго вала и остатковъ его башенъ.

Спустившись весьма немного по пологому склону съ хребта, мы вышли на волнистое плоскогорье юго-восточной Монголіи, физическою границею которой, какъ сказано было раньше, служитъ окрайный хребетъ Иншань. На этой высокой землѣ температура воздуха во всѣ времена года несравненно ниже, чѣмъ въ Калганѣ, отстоящемъ отъ нея всего въ 25-ти верстахъ, что, очевидно, обусловливается ея значительной абсолютной высотой, превышающей высоту Калгана почти на 2,500 футовъ. На плоскогорьѣ по лощинамъ и оврагамъ лежали мѣстами снѣжные сугробы, тогда какъ въ Калганѣ въ теченіи января и февраля снѣгъ выпадалъ только два раза ночью, но не болѣе 2-хъ линій въ толщину и къ полудню стаивалъ. Лѣтомъ, когда въ Калганѣ и на равнинахъ къ

югу отъ него бываетъ невыносимый зной, по сѣверную сторону Иншаня, на монгольскомъ плято, жаръ далеко не такъ чувствителенъ.

Въ трехъ верстахъ отъ перевала мы свернули съ дороги и остановились на ночлегъ. Наши монголы, которыхъ съ хозяиномъ подрядчикомъ было трое, очутившись въ родной землѣ, замѣтно повеселѣли, что ясно выражалось на ихъ физіономіяхъ и въ самомъ разговорѣ. Вообще монголы не любятъ городовъ и посѣщаютъ ихъ только по необходимости. Вырвавшись изъ многолюднаго города, въ которомъ имъ все чуждо, непривычно, въ свою родную степь, они въ первое время чувствуютъ себя какъ-бы освободившимися изъ неволи.

Нашъ подрядчикъ, оказавшійся честнымъ, добродушнымъ человѣкомъ, былъ состоятельный лама, посѣщавшій неоднократно Забайкальскую область, въ которую ѣздилъ торговать съ бурятами китайскимъ товаромъ. Онъ привезъ въ Калганъ какой-то грузъ и большую часть провозной платы получилъ товаромъ, да прикупилъ еще на полученныя отъ насъ деньги за верблюдовъ. Товаръ состоялъ изъ кирпичнаго чая и бумажныхъ тканей, которыя онъ везъ вмѣстѣ съ нашимъ багажемъ домой для продажи въ своемъ хошунѣ. Нашъ лама выражалъ также желаніе заняться впослѣдствіи, когда накопитъ денегъ, торговлею баранами киргизской породы, высоко цѣнимыми, по его словамъ, въ Восточной Монголіи для племени. Этихъ крупныхъ барановъ, совершенно сходныхъ съ нашими киргизскими, китайскіе купцы изъ Кобдо пріобрѣтаютъ отъ киргизовъ, населяющихъ сѣверо-западный уголъ Чжунгаріи, и продаютъ ихъ частью въ Китай, частью въ Монголію на племя и всегда съ большимъ барышемъ. Лама собирался самъ поѣхать за ними въ Чжунгарію или, по крайней мѣрѣ, въ Кобдо и пригнать въ Восточную Монголію стадо этихъ барановъ.

Страна къ сѣверу отъ Иншаня, по дорогѣ въ Ургу, представляетъ весьма высокое плоскогорье, сходное съ волнистой землей въ окрестностяхъ городка Куку-эргэ, по которой мы шли въ 1878 году, приближаясь къ Гуй-хуа-чену. Оно покрыто пологими грядами, тянущимися съ запада на востокъ, суглинистая почва его одѣта тонкимъ растительнымъ слоемъ и производитъ тотъ же

злакъ, какой мы находили въ Юго-Восточной Монголіи, на пути въ Гуй-хуа-чень. На пространствѣ почти 100 верстъ къ сѣверу отъ окрайнаго хребта встрѣчаются кое-гдѣ китайскія деревни, постепенно рѣдѣющія по мѣрѣ удаленія отъ Иншаня. Земли удобной для земледѣлія здѣсь однако много, въ водѣ тоже недостатка нѣтъ, а потому весьма вѣроятно, что осѣдлое китайское населеніе будетъ постепенно все дальше и дальше подвигаться въ Монголію и современемъ займетъ всю юго-восточную, наиболѣе пригодную для земледѣлія, часть ея вплоть до Гоби. Выселеніе китайцевъ въ Монголію началось не очень давно: наши путешественники Тимковскій и о. Іакинѳъ, не упускавшіе изъ вида ничего замѣчательнаго, не упоминаютъ о китайскихъ селеніяхъ къ сѣверу отъ Иншаня, которыхъ въ то время (въ 1820—1821 г.), очевидно, еще не было.

Въ этой части Юго-Восточной Монголіи осѣдлое китайское населеніе живетъ въ перемежку съ монголами цахарами. Въ лѣтнее время тутъ также нерѣдко случаются грабежи, совершаемые китайскими бродягами. Разбойники нападаютъ безразлично на монголовъ и на китайцевъ. Больше всего достается отъ нихъ содержателямъ постоялыхъ дворовъ на дорогахъ, которые они осаждаютъ, вынуждая владѣльцевъ ихъ выплачивать себѣ контрибуцію.

Въ 60 верстахъ отъ Калгана, на станціи Балгасу, находятся развалины небольшаго города, описанныя нашими прежними путешественниками. Мы ночевали поблизости этого урочища, въ сосѣдствѣ небольшой китайской деревни, въ которой въ тотъ вечеръ странствующіе артисты давали театральное представленіе въ балаганѣ, освѣщенномъ разноцвѣтными фонарями.

Мѣстность къ сѣверо-западу отъ уроч. Цаганъ-балгасу становится еще болѣе волнистою, чѣмъ прежде, будучи пересѣчена невысокими хребтами въ восточно-западномъ направленіи. Изъ нихъ кряжъ Куйтунъ, отстоящій въ 150 верстахъ отъ Калгана, рѣзко выдѣляется по своей высотѣ отъ прочихъ и тянется далеко на востокъ и западъ. Верстахъ въ 30 къ сѣверо-западу отъ него дорога пересѣкаетъ широкое, плоское поднятіе, Минганъ, направляющееся также съ запада на востокъ. Абсолютная высота страны между Иншанемъ и этимъ поднятіемъ простирается приблизительно до 4800 футовъ. Въ ней нерѣдко встрѣчаются источники, есть

даже небольшія рѣчки, прѣсныя и соленыя озера. Нѣсколько озеръ мы видѣли поблизости дороги. Пастбища принадлежатъ къ лучшимъ въ Монголіи и встрѣчается много участковъ, удобныхъ для земледѣлія, но не занятыхъ еще осѣдлымъ населеніемъ. Къ сѣверу отъ земледѣльческой полосы этой страны, заселенной китайцами, и частью въ ней самой живутъ монголы-цахары, составляющіе отдѣльный аймакъ, который простирается на востокъ до Большаго Хингана, на западъ до сосѣдняго аймака Уротовъ. Цахары, живущіе въ южной половинѣ этой страны въ перемежку съ китайцами, занимаются земледѣліемъ, но не всѣ: часть ихъ продолжаетъ вести кочевую жизнь, а другая живетъ осѣдло въ домахъ, содержа однако довольно много скота. Къ сѣверу отъ земледѣльческой полосы цахары ведутъ по преимуществу кочевую жизнь, занимаясь въ то же время изрѣдка и хлѣбопашествомъ. Они говорятъ испорченнымъ монгольскимъ языкомъ, въ составъ котораго вошли не только слова, но и цѣлыя китайскія фразы; многіе изъ цахаръ знаютъ и китайскій языкъ. Цахары одѣваются по монгольски, но женщины ихъ имѣютъ особую, затѣйливую прическу, отличную отъ прически халхаскихъ женщинъ. Окитаившихся совершенно цахаровъ намъ самимъ не приходилось видѣть.

Въ аймакѣ цахаровъ пасутся табуны скота, принадлежащіе Богдо-хану, а потому цахары слывутъ у монголовъ царскими пастухами. Для наблюденія за стадами, кромѣ пастуховъ, получающихъ небольшое вознагражденіе приставлены еще чиновники изъ монголовъ, состоящіе на жалованьѣ. Цахары обязаны въ военное время выставлять конную милицію, которая принимала участіе въ войнѣ 1860 года между китайцами и англо-французами. Объ этой войнѣ у цахаровъ сохранились еще свѣжія воспоминанія. Не имѣя понятія о европейскихъ національностяхъ, они воображаютъ, что сражались въ то время вмѣстѣ съ китайскими войсками противъ русскихъ, пришедшихъ будто-бы изъ своей страны въ Китай моремъ. Разувѣрить ихъ въ этомъ трудно. Они сознаются только откровенно въ превосходствѣ мнимыхъ русскихъ войскъ, отъ которыхъ потерпѣли пораженіе.

Къ сѣверу отъ поднятія Минганъ страна начинаетъ постепенно понижаться къ сторонѣ Гоби и становится ровнѣе, а вмѣстѣ

съ тѣмъ рѣдѣютъ источники, бѣднѣетъ флора и степь незамѣтно переходитъ въ пустыню. Гоби имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около 500 верстъ ширины, (считая по дорогѣ), если принять за нее полосу отъ ст. Сучжи до ст. Уйцзынь на нашемъ пути. Южная половина Гоби ровнѣе сѣверной, но и первую нельзя признать совершенной равниной: въ ней нерѣдко встрѣчаются плоскія высоты и пологія гряды, простирающіяся въ восточно-западномъ направленіи; между грядами залегаютъ равнины съ плоскими котловинами, богатыми солончаками, а мѣстами въ этихъ котловинахъ встрѣчаются небольшія соленыя озера. Кромѣ того, въ лѣтнее время отъ дождей въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ впадинахъ съ глинистымъ дномъ образуются иногда временныя озера, или точнѣе, обширныя лужи, быстро высыхающія послѣ ливня. Къ этимъ кратковременнымъ водохранилищамъ направляются сухія русла потоковъ съ окрестныхъ высотъ, ясно различимыя во всѣ времена года. Наконецъ во многихъ изъ этихъ впадинъ сохранились слѣды наполнявшихъ ихъ прежде постоянныхъ озеръ, именно рѣзко очерченные берега древнихъ водохранилищъ, черты размыва, песчаныя сопки въ видѣ маленькихъ дюнъ; а также солончаки съ ровною, глянцовитою поверхностью, покрытою солянымъ налетомъ, занимающіе наиболѣе углубленныя мѣста котловинъ. Соляной налетъ становится тѣмъ толще, чѣмъ ближе лежитъ къ наиболѣе низкимъ мѣстамъ солончака, въ которыхъ нерѣдко переходитъ въ кору, что ясно свидѣтельствуетъ о постепенномъ сконцентрированіи соли въ существовавшихъ тутъ прежде озерахъ.

Источниковъ и прѣсныхъ озеръ мы не встрѣчали на нашемъ пути по этой части Гоби нигдѣ. Но колодцевъ по дорогѣ довольно, хотя многіе изъ нихъ содержатъ воду солоноватую и отдающую иногда сѣро-водородомъ. Глубина гобійскихъ колодцевъ простирается среднимъ числомъ до 15-ти футовъ. Что же касается источниковъ, то они и въ этой части Гоби, по показанію монголовъ, очень рѣдки и встрѣчаются исключительно въ горахъ и глубокихъ впадинахъ пустыни, необильны водою и въ сухое лѣто многіе изъ нихъ перестаютъ течь. На восточной же окраинѣ Гоби источниковъ больше, тамъ есть даже ручьи и прѣсныя озера; пастбища лучше и вообще та часть Гоби привольнѣе.

Песчаныя пространства на нашемъ пути встрѣчались только въ южной половинѣ, да и то незначительныхъ размѣровъ и самые пески неглубоки: высокихъ песчаныхъ бархановъ мы не видѣли нигдѣ. Къ востоку и западу отъ дороги, какъ говорили монголы, именно отъ участка ея между станціями Цзамыйнъ-худукъ и Кутулъ, песковъ больше. Однако обширныхъ песчаныхъ пространствъ, занимающихъ нѣсколько десятковъ квадратныхъ миль и состоящихъ изъ высокихъ песчаныхъ бугровъ, въ Монгольской Гоби нѣтъ. Кромѣ показаній монголовъ, мы находимъ подтвержденіе тому у путешественниковъ, пересѣкавшихъ эту пустыню въ разныхъ направленіяхъ: о. Іакинѳа, Тимковскаго, Ковалевскаго, Пржевальскаго, Элайяса, Фритше, и наконецъ въ словесномъ сообщеніи намъ бійскаго купца г. Антропова (нынѣ умершаго), искрестившаго ее по многимъ путямъ [1]). На этихъ основаніяхъ мы, при сравненіи въ V главѣ Высокой или Монгольской Гоби, съ Южною, или Великою, вправѣ были, кажется, признать въ числѣ особенностей первой изъ нихъ отсутствіе въ ней обширныхъ песчаныхъ пространствъ, которыми отличается Великая Гоби.

Сѣверная часть Гоби еще болѣе волнообразна, чѣмъ южная. Во многихъ мѣстахъ она покрыта низкими, насажденными кряжами, простирающимися, подобно кряжамъ южной половины, съ запада на востокъ и отдѣльными высотами. Обширныя равнины въ сѣверной половинѣ пустыни встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ южной; солончаковъ сравнительно меньше, равно какъ и небольшихъ песчаныхъ пространствъ. Грунтъ во всей Гоби по преимуществу хрящеватый съ мелкою галькою и только въ низкихъ мѣстахъ, въ плоскихъ котловинахъ, мягкій, солончаковый.

Монгольская Гоби послѣ озерныхъ котловинъ: Убса, Айрикъ-норъ, Киргизъ-норъ и сѣверо-восточной полосы Монголіи, примыкающей къ хребту Большему Хингану, представляетъ наиболѣе углубленную площадь этой высокой земли [2]). Такъ по крайней мѣрѣ

[1]) Въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ помѣщенъ маршрутъ покойнаго Антропова чрезъ Гоби изъ Урги въ Гуй-хуа-ченъ.

[2]) Поверхность озера Убса, по опредѣленію Гг. Потанина и Рафаилова, лежитъ на высотѣ 2370 ф. Поверхность Киргизъ-нора, по наблюденію Потанина, 3390 ф., а соединеннаго съ нимъ Айрикъ-нора, по моему опредѣленію, 3480 ф. Средняя абсолютная высота всей Монголіи, какъ было сказано, по наблюде-

слѣдуетъ полагать по имѣющимся гипсометрическимъ даннымъ. Самыя низкія мѣста въ Монгольской Гоби, найденныя путешественниками, пересѣкавшими ее въ различныхъ направленіяхъ, суть слѣдующія: Эляйясъ въ южной части на пути изъ Гуй-хуа-чена въ Улясутай нашелъ мѣсто въ 2,827 фут.; Фуссъ въ сѣверной части, на караванной дорогѣ между Ургою и Калганомъ, наблюдалъ высоту въ 2,935 фут., а на Аргалинской дорогѣ, что къ востоку отъ караванной, нашелъ точку въ 2,613 фут.; Фритше на почтовой дорогѣ изъ Калгана въ Ургу чрезъ станц. Саиръ-усу, въ центральной части пустыни, опредѣлилъ высоту въ 2,984 фут.; Пржевальскій, слѣдуя по Монгольской Гоби съ юга, изъ княжества Алашаньскаго въ Ургу, не спускался ниже 4,400 фут. Низшею точкою, опредѣленною мною въ этой пустынѣ на пути изъ г. Кобдо въ г. Гуй-хуа-ченъ, былъ колодезь Наинъ-худукъ, лежащій на высотѣ 3,330 фут. и отстоящій въ 50 вер. къ ю.-в. отъ равнины Голыбъ-Гоби, которая ниже его и подымается, вѣроятно, надъ моремъ не болѣе 3,000 фут. Наименьшую изъ извѣстныхъ по настоящее время высотъ въ этой пустынѣ, именно 1,990 фут., опредѣлилъ г. Мосинъ, на уроч. Эцзенъ-хошу, верстахъ въ 50-ти къ юго-востоку отъ станц. Ихы-удэ на караванной дорогѣ.

Что Монгольская Гоби была дномъ моря—это доказываютъ несомнѣнно ея осадочныя породы. Близь земной поверхности залегаютъ красноватые песчаники съ весьма тонкими прослойками, придающими имъ полосатость, и такой же окраски мергеля. Обѣ породы покрыты болѣе или менѣе толстыми слоями наноса, состоящаго изъ отвердѣлаго песка, глины, или песка съ хрящемъ, галькою и гравіемъ. Ниже песчаниковъ и мергелей обнаруживаются мѣстами пласты мелкозернистаго кристаллическаго известняка бѣлаго и сѣраго, въ другихъ—обыкновеннаго грубаго известняка. На сѣверной окраинѣ песчаники замѣщаются глинистымъ сланцомъ, подъ которымъ, однако, все-таки покоятся сѣрые известняки.

ніямъ Фусса, Фритше, Эляйяса, Пржевальскаго, Ломоносова, Мосина, Потанина и Рафаилова, Цадирина и моимъ,—4,630 ф., а Монгольской Гоби—3,750 ф. Сѣверо-восточная полоса Монголіи, примыкающая къ хребту Большему Хингану, на пространствѣ между рѣчками Хара-усу и Хайларъ, по гипсометрическимъ наблюденіямъ г. Фритше, подымается надъ моремъ на 2,430 футовъ.

Пласты поименованныхъ осадочныхъ породъ приподняты и прорваны гранитами, образующими невысокіе, насажденные кряжи пустыни и ея отдѣльныя высоты. Въ южной половинѣ преобладаютъ разности сѣраго гранита, средне-зернистаго и съ значительнымъ содержаніемъ роговой обманки, а въ сѣверной болѣе развитъ красный, крупнозернистый гранитъ. Въ центральной и въ особенности въ южной части встрѣчаются песчаниковыя пологія гряды, не имѣющія обнаженій гранита, но обязанныя своимъ существованіемъ, по всей вѣроятности, напору этой кристаллитической породы изъ нѣдръ. Кромѣ гранитовъ, осадочныя породы часто прорѣзаны бѣлымъ кварцемъ, жилы котораго въ нихъ встрѣчаются почти повсемѣстно. Кварцевый щебень и въ особенности галька устилаютъ мѣстами поверхности пустыни.

Окаменѣлостей въ помянутыхъ осадочныхъ породахъ нами не найдено, а потому и неизвѣстно къ какой системѣ ихъ слѣдуетъ отнести. Несомнѣнно лишь то, что теперешніе гранитовые кряжи и отдѣльныя высоты Монгольской Гоби—поднатія новыя, не существовавшія еще въ ту эпоху, когда её покрывало море, на днѣ котораго отложились ея песчаники, известняки и глинистые сланцы. Во многихъ обнаженіяхъ на склонахъ и у подошвъ гранитовыхъ поднятій открываются толщи помянутыхъ осадочныхъ породъ, покоящіяся въ наклонномъ положеніи на приподнявшихъ ихъ гранитовыхъ массахъ. Эти толщи, очевидно, представляютъ собою осадочные пласты, смѣщенные изъ горизонта тѣми самыми гранитовыми массами, на которыхъ теперь они лежатъ.

Въ Монгольской Гоби существуетъ и понынѣ много небольшихъ соленыхъ озёръ. Кромѣ того, въ ней, какъ выше было замѣчено, нерѣдко встрѣчаются котловины съ явственными признаками наполнявшихъ ихъ водоёмовъ. Слѣдовательно эта пустыня, по отступленіи изъ нея моря, была усѣяна множествомъ озеръ. Наконецъ, въ Монгольской Гоби встрѣчаются мѣстами весьма значительныя сухія русла, въ нѣсколько десятковъ верстъ длины, въ которыхъ нынѣ, по увѣренію монголовъ, никогда не замѣчается движенія воды, даже послѣ проливныхъ дождей или при таяніи снѣга весною. Нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами такихъ руслъ казались живыми подобіями весьма значительныхъ рѣчекъ, какъ

будто недавно оставившихъ свои ложа. Въ крутыхъ береговыхъ обрывахъ ихъ, мы наблюдали неоднократно горизонтальные пласты наносной земли съ тонкими прослойками, а на днѣ, кромѣ гальки, видѣли массивные кругляки. Истоки такихъ большихъ руслъ лежатъ всегда въ горахъ. Русла Урту-голъ, Сухай-голъ, упомянутыя въ V главѣ, и въ особенности Шара-хадынъ-голъ, что въ 23 верстахъ къ юго-востоку отъ кол. Ноинъ-худукъ, на пути въ Гуй-хуа-ченъ, принадлежатъ къ самымъ большимъ изъ числа встрѣтившихся намъ въ Гоби.

Всѣ эти свидѣтельства о прежнемъ обильномъ орошеніи Монгольской Гоби вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что страна подвержена осыханію, ближайшую причину котораго, казалось-бы, слѣдовало искать въ ея медленномъ, вѣковомъ поднятіи, уменьшеніи отъ того атмосфернаго давленія и усиленіи слѣдовательно испаренія съ ея поверхности водъ. Любопытно было-бы ознакомиться съ описаніями этой страны древнѣйшихъ китайскихъ путешественниковъ по ней для того, чтобы судить о физическихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ Гоби въ историческое время. Въ богатой китайской литературѣ, вѣроятно, найдутся путешествія по Монголіи, относящіяся къ первымъ вѣкамъ нашей эры, а можетъ быть и болѣе раннія.

Насажденные кряжи Гоби, состоящіе по преимуществу изъ гранитовъ, возвышаются не болѣе 400—500 футовъ надъ сосѣдними равнинами и тянутся больше съ запада на востокъ, бороздя страну своими отрогами. Соотвѣтственно протяженію осей этихъ кряжей и долины между ними залегающія вытягиваются по параллелямъ несравненно далѣе, чѣмъ въ меридіальныхъ направленіяхъ. Въ сѣверной части, кромѣ кряжей, отличающихся большей, сравнительно съ южными, относительной высотой, встрѣчаются и отдѣльныя высоты, воздымающіяся на равнинахъ въ видѣ куполовъ или пирамидъ изъ краснаго крупнозернистаго гранита. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ 700—800 фут. относительной высоты.

Растительность Гоби на высотахъ состоитъ преимущественно изъ кипца, а въ низкихъ мѣстахъ, въ котловинахъ съ солонцеватою почвою, преобладаютъ солянки и злакъ дэрису. Кормъ для

лошадей по караванной дорогѣ во время нашего путешествія былъ очень плохъ, тѣмъ болѣе, что пастбища близъ дороги постоянно вытравляются осенью и зимою верблюдами и лошадьми проходящихъ каравановъ. Впрочемъ состояніе подножнаго корма въ Гоби много зависитъ отъ обилія лѣтнихъ дождей: если лѣтомъ перепадали дожди, то чрезъ пустыню въ теченіи цѣлой зимы свободно можно проѣхать на протяжныхъ лошадяхъ, въ противномъ случаѣ, лошади не пройдутъ и необходимо ѣхать на верблюдахъ. Тяжести же осенью и зимою всегда перевозятъ на верблюдахъ.

Недостатокъ мягкихъ, луговыхъ травъ въ Гоби восполняется обиліемъ солончаковыхъ растеній, столь любимыхъ верблюдами и баранами. Гобійскіе верблюды считаются лучшими въ Монголіи: они рослы, сильны и необыкновенно выносливы. Бараны тоже весьма хорошо откармливаются въ Гоби. Такимъ образомъ эта пустыня, не смотря на свою однообразную флору и скудное орошеніе,—все-таки представляетъ нѣкоторыя удобства для кочевой жизни, благодаря обилію солончаковыхъ растеній, отсутствію комаровъ, оводовъ и проч. насѣкомыхъ, изнуряющихъ лѣтомъ скотъ, а также и безснѣжію своему зимою, имѣющему не маловажное значеніе для кочевниковъ.

Занимая наиболѣе углубленную полосу Монголіи, Гоби отличается, сравнительно съ сопредѣльными ей высокими землями не только сѣверными, но и южными,—болѣе мягкой зимою. Снѣгъ въ ней выпадаетъ рѣдко, въ небольшомъ количествѣ, и скоро разносится вѣтрами по оврагамъ и лощинамъ; но и тамъ онъ не лежитъ по долгу, улетучиваясь быстро въ атмосферу по причинѣ чрезмѣрной сухости воздуха и частыхъ вѣтровъ. Во время нашего путешествія чрезъ Гоби изъ Калгана въ Ургу съ 6-го по 20-е марта снѣга въ ней почти вовсе не было и мы съ трудомъ разыскивали его въ рытвинахъ для приготовленія себѣ пищи и чая, такъ какъ вода во многихъ колодцахъ была солоновата и имѣла непріятный запахъ. По вліянію своего климата на здоровье обитателей Гоби принадлежитъ, вѣроятно, къ числу самыхъ здоровыхъ странъ на земномъ шарѣ: болѣзненность въ ней весьма незначительна и люди тамъ нерѣдко доживаютъ до глубокой старости.

Животная жизнь въ Гоби зимою весьма однообразна. Царей

новъ во время нашего путешествія встрѣчалось очень мало, по причинѣ плохаго урожая въ предшествовавшее лѣто травы. Но въ урожайные на траву годы эти антилопы прикочевываютъ на зиму въ пустыню большими стадами изъ окрестныхъ высокихъ странъ, въ особенности если въ этихъ послѣднихъ выпадаетъ глубокій снѣгъ, затрудняющій пріисканіе пищи травояднымъ. Самая мягкость гобійской зимы должно быть также привлекаетъ цзэреновъ на это время года въ пустыню. Кромѣ антилопъ, въ Гоби на зиму прикочевываютъ иногда и стада джигэтаевъ изъ Сѣверо-Восточной Монголіи, въ которой ихъ очень много. Гонимые холодомъ и безкормицей изъ этой суровой страны, они переселяются на зимніе мѣсяцы въ восточную часть пустыни и возвращаются весною на сѣверъ. Въ лѣтнее же время крупныя млекопитающія могутъ только въ весьма ограниченномъ количествѣ пребывать въ Гоби, размѣщаясь поблизости ея немногихъ источниковъ.

Зимующихъ птицъ мы также очень мало встрѣчали въ Гоби. Монгольскіе жаворонки (Melanocorifa mongolica), клушицы (Fregilus graculus), пѣгія галки (Colaeus dauricus), степныя курочки (Sirrhaptes paradoxus) и черные вороны (Corvus orientalis)—вотъ почти всѣ птицы, которыхъ мы видѣли на пути.

Въ здѣшней Гоби кочуютъ монголы суниты, аймакъ которыхъ, состоящій изъ двухъ хошуновъ (цзунъ-суниты и барунъ-суниты), не входятъ въ составъ Халхи. Отъ халхасцевъ суниты разнятся нѣсколько языкомъ и обычаями. Близь дороги живутъ преимущественно бѣдняки, изъ которыхъ большинство не имѣетъ вовсе скота, и питается подаяніями проходящихъ каравановъ, заготовляя для нихъ аргалъ на топливо и прочищая колодцы. Нашъ добродушный подрядчикъ лама раздавалъ имъ почти на всякой станціи кусочки кирпичнаго чая, распиленнаго для этой цѣли еще въ Калганѣ и не рѣдко кормилъ ихъ остатками мяса; помогали этимъ бѣднякамъ и наши казаки, поившіе ихъ чаемъ и отдававшіе имъ остатки своего обѣда.

На пути изъ Калгана въ Ургу намъ почти ежедневно встрѣчались караваны и вереницы порожнихъ верблюдовъ, шедшіе въ Калганъ. Караваны слѣдовали съ разнымъ русскимъ товаромъ изъ Кяхты, а изъ Урги везли овчины, сырыя кожи, доски и брусья;

вереницы же порожнихъ верблюдовъ направлялись за чаемъ. Изъ Калгана въ Кяхту, кромѣ чая, доставляются еще шелковыя матеріи, преимущественно чи-чунь-ча и китайскій сакаръ-леденецъ для старообрядцевъ Забайкальской области, предпочитающихъ его русскому по той причинѣ, что онъ будто-бы постный. Иногда привозятъ въ Кяхту и мороженый виноградъ изъ Внутренняго Китая.

Изъ Урги отправляется въ Калганъ и въ Гуй-хуа-ченъ множество досокъ и брусьевъ. Намъ въ теченіи мѣсяца пути встрѣтилось по крайней мѣрѣ 20 каравановъ съ этими матеріалами. Приготовленіемъ досокъ и брусьевъ для Внутренняго Китая занимаются лѣсопромышленники-китайцы, проживающіе въ Ургѣ. Лѣсъ добывается изъ высокихъ Гентейскихъ горъ въ разстояніи отъ 80 до 150 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Урги и большею частью сплавляется весною въ этотъ городъ по р. Толѣ. Лѣтомъ его перепиливаютъ на доски и брусья, а осенью и зимою отправляютъ ихъ на обратныхъ верблюдахъ, пришедшихъ въ Ургу съ чаемъ, въ Калганъ и въ Гуй-хуа-ченъ. Хотя наемъ обратнаго верблюда обходится несравненно дешевле, чѣмъ нарочнаго, но все-таки за него отъ Урги до Калгана платится около 12 кредит. рублей, а какъ на каждаго изъ нихъ грузятъ не болѣе 12 пудовъ дерева, то слѣдовательно доставка одного пуда досокъ и брусьевъ изъ Урги до Калгана стоитъ не менѣе одного рубля на наши кредитныя деньги, а до Гуй-хуа-чена около 90 копѣекъ.

По караванной дорогѣ ходитъ между прочимъ и наша русская почта. Она направляется изъ Кяхты чрезъ Ургу, Калганъ и Пекинъ до Тяньцзина. На пространствѣ отъ Кяхты до Калгана ее содержатъ мѣстные монголы по найму отъ нашего правительства, а отъ Калгана до Тяньцзина также по найму китайскіе мусульмане. Легкая почта съ простой корреспонденціей отправляется изъ Кяхты чрезъ каждые 10 дней и прибываетъ въ Калганъ на 12 или 13 день. Тяжелая же почта съ денежной корреспонденціей и посылками отходитъ изъ Кяхты разъ въ мѣсяцъ и слѣдуетъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ до самаго Тяньцзина. Путь отъ Кяхты до Калгана она проходитъ въ 21—22 дня. Русскою почтою пользуются не только наши соотечественники, проживающіе въ Ургѣ,

Калганѣ, Пекинѣ и Таньцзинѣ, въ которыхъ имѣются почтовыя конторы, но и китайцы. Имъ дозволяется пересылать по ней простую корреспонденцію на общихъ основаніяхъ и китайцы пользуются этимъ правомъ, отправляя массу писемъ преимущественно изъ Калгана въ Маймайченъ и обратно, такъ какъ китайская почта существуетъ только для правительственныхъ надобностей, а частныя лица лишены права пересылать что-либо по ней.

Отъ станціи Иренъ у небольшаго соленаго озера мѣстность по направленію къ сѣверо-западу становится еще болѣе волнистою, а мѣстами даже гористою. Невысокіе кряжи, состоящіе преимущественно изъ краснаго гранита, прорвавшаго известняки и глинистые сланцы, встрѣчаются чаще, чѣмъ въ южной половинѣ. Обширныя же равнины напротивъ въ сѣверной части рѣдки. Въ ущельяхъ горъ, по берегамъ сухихъ руслъ временныхъ потоковъ, тутъ растутъ мѣстами ильмы, тянущіеся въ видѣ извилистыхъ аллей. Солончаковъ и соленыхъ озеръ въ сѣверной половинѣ Гоби, повидимому, меньше, а песчаныхъ пространствъ почти вовсе не встрѣчается. Вода въ колодцахъ сѣверной части нѣсколько лучше, чѣмъ въ южной, но глубина ихъ вездѣ одинакова.

На половинѣ дороги мы останавливались на двое сутокъ: нашъ подрядчикъ попросился съѣздить домой, верстъ за 50 къ востоку отъ дороги, для перемѣны нѣсколькихъ усталыхъ верблюдовъ. Черезъ двое сутокъ работники его привели свѣжихъ верблюдовъ и мы отправились далѣе. Погода почти во все время нашего переѣзда чрезъ Гоби стояла очень хорошая: дни были большею частью солнечные, тихіе и теплые,—настоящіе весенніе, а ночи необыкновенно звѣздныя. Въ эти прекрасныя ночи мы очень часто любовались восхожденіемъ первой величины звѣздъ, выступавшихъ изъ подъ горизонта ярко-блестящими точками. Звѣзды третьей величины ясно можно было различать близь самаго горизонта. 17-го марта мы увидѣли вѣстниковъ весны—журавлей. Они летѣли на сѣверъ, но тамъ должно быть еще царила зима, потому что птицы вскорѣ поворачивали назадъ, кружились по долгу на большой высотѣ, высматривая воду и не видя ее, отлетали обратно на югъ.

Близь станціи Уйцзынъ окончилась Гоби, не имѣющая и на сѣверѣ рѣзкой границы, а переходящая постепенно въ весьма

волнистую стѣнь. Насажденные кряжи стали еще выше и у подножій ихъ часто встрѣчались глинистые сланцы, прорванные краснымъ гранитомъ и обнаженія сырыхъ кристаллическихъ известняковъ. Въ иныхъ мѣстахъ кряжи, переплетаясь между собою посредствомъ отроговъ, придаютъ мѣстности горный характеръ; въ другихъ среди открытыхъ, волнообразныхъ равнинъ, воздымаются отдѣльныя высоты, состоящія изъ одинокихъ массивовъ или горныхъ группъ изъ краснаго гранита. Но источники все-таки встрѣчаются рѣдко.

По выходѣ изъ Гоби растительность съ каждой станціей къ Ургѣ становилась замѣтно лучше; по сторонамъ дороги паслись стада цзэреновъ; сурки уже проснулись отъ зимней спячки, но норки другихъ грызуновъ, пищухъ и сусликовъ были еще не откупорены своими обитателями. Въ каждой жилой норѣ торчала плотная затычка изъ травы. На одной изъ станцій мы видѣли монгола охотившагося за сурками съ собакою. Притаившись по близости сурочьей норы, у которой замѣтны были свѣжіе слѣды, онъ выжидалъ появленія изъ нея сурка и когда этотъ послѣдній отбѣгалъ на нѣсколько шаговъ отъ норы,—спускалъ на него собаку. 25-го марта на одной изъ весеннихъ лужъ замѣтили мы въ первый разъ утокъ.

Нашъ лама, остававшійся нѣсколько дней дома, догналъ насъ за три станціи до Урги. Съ нимъ прибыла его невѣстка съ 4-мя малолѣтними дѣтьми, которыхъ везла въ двухъ корзинкахъ, повѣшенныхъ по обѣ стороны верблюда, а сама ѣхала на томъ же верблюдѣ верхомъ. Въ каждой корзинкѣ были посажены по два ребенка, закутанные въ шубы и по два щенка, чтобы отъ нихъ дѣтямъ было теплѣе, какъ объяснила намъ монголка. Вмѣстѣ съ ламой пріѣхалъ его родственникъ молодой, очень красивый монголъ съ женой. Вся эта компанія послѣдовала съ нами въ Ургу на богомолье.

Верстахъ въ 60-ти отъ Урги мы стали различать на горизонтѣ высокія горы Ханъ-ула. Двѣ послѣднія станціи до города пришлось сдѣлать по снѣгу, лежавшему въ окрестностяхъ Урги еще толстымъ слоемъ. Абсолютная высота страны, возраставшая постепенно отъ Гоби, и приближеніе къ сѣверу давали себя чув-

ствовать: въ послѣдніе дни путешествія, погода стояла очень холодная съ пронзительнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ,—самымъ непріятнымъ въ Монголіи зимою. Кругомъ царила зима, съ которою мы напрасно простились еще въ Гоби, увидѣвъ вѣстниковъ весны. Въ 20-ти верстахъ не доѣзжая Урги, мы приблизились къ высокому, лѣсистому кряжу Ханъ-ула. Густые хвойные лѣса покрываютъ склоны и ущелья этого кряжа и производятъ отрадное впечатлѣніе на путешественниковъ, давно не видавшихъ древесной растительности. Подъѣзжая къ городу, мы встрѣтили на дорогѣ нѣсколько убогихъ постоялыхъ дворовъ для монголовъ, слѣдующихъ съ караванами, и переправившись по толстому льду черезъ р. Толу, вскорѣ прибыли въ китайскую часть Урги, называемую Маймайченомъ, а оттуда въ руское консульство, гдѣ были радушно приняты нашимъ консуломъ въ этомъ городѣ, Я. П. Шишмаревымъ. На переѣздъ изъ Калгана въ Ургу мы употребили ровно мѣсяцъ, дѣлая ежедневно среднимъ числомъ около 35 верстъ въ два пріема: половину утромъ, отъ восхода солнца до полудня, а другую съ 4-хъ часовъ по полудни до 10 вечера, да двое сутокъ простояли на половинѣ дороги. Разстояніе между Калганомъ и Ургою по прямому караванному тракту, которымъ мы слѣдовали, простирается приблизительно до 960 верстъ.

Урга [1]) состоитъ изъ двухъ городовъ: монгольскаго, называемаго Богдо-курень, или Да-курень, и китайскаго, или Маймайчена. Оба города отстоятъ верстъ на 5 одинъ отъ другаго, а въ промежуткѣ между ними находится руское консульство, расположенное отдѣльно на возвышенномъ мѣстѣ. Оно помѣщается въ деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ, облицеванномъ кирпичемъ, съ нѣсколькими флигелями и службами. Этотъ большой домъ, которому по величинѣ нѣтъ подобнаго во всей Монголіи, привлекаетъ немало любопытныхъ изъ числа посѣщающихъ Ургу монголовъ, которые, проходя мимо него, останавливаются и по долгу разсматриваютъ зданіе.

[1]) Ургой этотъ городъ называютъ только русскіе, а у монголовъ онъ извѣстенъ подъ названіями Да-курень, или Богдо-курень.

Урга расположена въ широкой долинѣ р. Толы, окаймленной съ сѣвера и юга горными хребтами. Южный кряжъ Ханъ-ула весьма высокъ и покрытъ густыми хвойными лѣсами: лиственницы, сосны, ели и пихты. Въ этихъ лѣсахъ живутъ во множествѣ медвѣди, маралы, косули и кабаны. Кряжъ Ханъ-ула считается священнымъ и охота въ его лѣсахъ строго воспрещена: у подножій горъ стоятъ юрты караульныхъ монголовъ, не пропускающихъ никого съ оружіемъ въ эти горы, но за грибами и ягодами не возбраняется ходить туда. На сѣверномъ склонѣ этого кряжа, въ одномъ открытомъ мѣстѣ, выложены камнями по повелѣнію Императора Канси гигантскія письмена, которыя можно прочитать издалека, такъ какъ онѣ расположены на крутомъ склонѣ.

По южной части долины протекаетъ рѣка Тола, имѣющая отъ 15 до 25 сажень ширины и мѣстами значительную глубину. Въ ней живетъ много рыбъ: тальменей, ленковъ (Brachymystax), харіусовъ, налимовъ, окуней и чебаковъ. Рѣка мѣстами раздѣляется на рукава и образуетъ острова, покрытые тальникомъ, а поблизости ея часто встрѣчаются старицы.

Съ сѣверной стороны долина р. Толы окаймлена предгоріемъ хребта Гунту, носящаго противъ города мѣстное названіе Сельбидаба. Это предгоріе, какъ и весь вообще южный склонъ названнаго хребта,—безлѣсно. Хребетъ Гунту представляетъ западный отрогъ весьма высокихъ и лѣсистыхъ Гэнтэйскихъ горъ, высшія точки которыхъ находятся верстахъ въ 150 къ сѣверо-востоку отъ Урги. Изъ этихъ горъ вытекаетъ Тола. Хребетъ же Ханъ-ула возникаетъ на лѣвомъ берегу Толы самостоятельно, соединяясь на востокѣ лишь невысокимъ поднятіемъ съ юго-западнымъ отрогомъ Гэнтэйскихъ горъ, тянущимся по лѣвому берегу р. Толы. Высшія точки Ханъ-улы находятся въ окрестностяхъ города, а далѣе къ юго-западу, онъ понижается и примыкаетъ къ горамъ, что у южнаго изгиба р. Толы.

Благодаря высокому положенію надъ уровнемъ моря (около 3,770 фут.), Урга пользуется весьма здоровымъ климатомъ. Лѣтомъ сильныхъ жаровъ тамъ почти не бываетъ, но зима холодная и продолжительная. Въ 1879 году въ теченіи всего апрѣля было очень холодно, а въ концѣ этого мѣсяца нѣсколько дней подрядъ сви-

рѣнствовали снѣжныя метели и только съ 1-го мая природа стала быстро оживать.

Въ китайскомъ городѣ, или Маймайченѣ, имѣющемъ около 10,000 жителей, населеніе состоитъ изъ торгующихъ китайцевъ, разныхъ китайскихъ ремесленниковъ и монголовъ, находящихся большею частью въ услуженіи у китайцевъ. Торговцы имѣютъ дома съ лавками и ведутъ обширную торговлю, какъ въ самомъ городѣ, такъ и внутри страны, посылая время отъ времени своихъ прикащиковъ съ товаромъ въ хошуны. Ремесленники тоже имѣютъ много домовъ. Изъ нихъ больше кузнецовъ, занимающихся приготовленіемъ для монголовъ тагановъ, щипцовъ, топоровъ и др. издѣлій; затѣмъ слѣдуютъ столяры и бочары, или бондыри, работающіе шкафики, сундуки, домбы и деревянныя части для юртъ; скорняки выдѣлываютъ овчины. Кромѣ того, нѣкоторые изъ здѣшнихъ китайцевъ занимаются огородничествомъ, шитьемъ обуви и шапокъ для монголовъ, приготовленіемъ сѣделъ и сбруи для нихъ, а также распилкою досокъ и брусьевъ, отправляемыхъ во Внутренній Китай. Дома въ Маймайченѣ маленькіе изъ необожженаго кирпича и глины, а ограды состоятъ большею частью изъ деревяннаго тына.

Въ монгольскомъ городѣ, или Богдо-куренѣ, считается около 12,000 жителей, въ томъ числѣ слишкомъ 5,000 ламъ, а остальные китайскіе купцы, ремесленники и простые монголы. Богдо-курень раздѣляется на двѣ части восточную и западную. Въ первой находится монастырь, въ которомъ пребываетъ хутухта, главные кумирни и ламскіе глиняные домики съ небольшими двориками, обнесенными тыномъ, на которыхъ часто встрѣчаются юрты. Улицы въ ламскомъ кварталѣ тѣсныя и грязныя. Въ западной части Богдо-куреня преобладаютъ китайскіе торговцы и ремесленники. Дома въ этой части города просторнѣе и лучше, дворы обнесены нерѣдко каменными оградами. Въ китайскихъ лавкахъ много всякаго товару для монголовъ; продаются и дорогія шелковыя матеріи. Въ этой части Богдо-куреня поселились и наши соотечественники, торговавшіе въ 1879 г. въ 9 ти лавкахъ. Собственныхъ домовъ они не имѣютъ, а нанимаютъ помѣщенія у китайцевъ, хотя и хлопотали съ давняго времени объ отводѣ имъ мѣстъ для постройки, согласно трактату. Два главныхъ рус-

скихъ торговыхъ дома занимались и чайнымъ коммиссіонерствомъ по транспортировкѣ чая изъ Урги до Кяхты.

Ургинскій хутухта, почитаемый, какъ извѣстно, монголами богочеловѣкомъ, живетъ въ монастырѣ, въ который доступъ европейцамъ воспрещенъ. Въ этомъ монастырѣ проживаютъ и приближенные къ нему ламы. На лѣто святитель переселяется на дачу, находящуюся верстахъ въ 4-хъ отъ Богдо-куреня, на берегу р. Толы. Нынѣшній хутухта еще мальчикъ лѣтъ 13 или 14. Онъ ведетъ совершенно замкнутую жизнь въ своемъ уединеніи и его можно видѣть только во время благословенія имъ народа. Въ Богдо-курень постоянно стекаются богомольцы и по мѣрѣ скопленія поклонниковъ назначается день для благословенія ихъ святителемъ. Въ указанный часъ они собираются на площадь передъ монастыремъ, въ которомъ онъ живетъ, и усаживаются на корточки противъ его воротъ параллельными шеренгами, обращенными лицомъ къ лицу въ разстояніи 8—10 шаговъ одна отъ другой. Поклонники сидятъ съ обнаженными головами, творя въ полголоса молитвы. Такъ проходитъ полчаса и болѣе. Наконецъ раздаются звуки духовной музыки, ворота монастыря растворяются и ламы выносятъ своего святителя къ народу въ открытомъ паланкинѣ съ балдахиномъ. Музыка умолкаетъ и процессія направляется между шеренгами поклонниковъ. Хотухта держитъ въ каждой рукѣ по длинному жезлу, обернутому желтой матеріей. Ко внѣшнимъ концамъ этихъ жезловъ подвѣшены небольшіе цилиндры, обтянутые той же матеріей, съ листками молитвъ внутри. Этими цилиндрами двое ламъ, шествующихъ по обѣ стороны паланкина хутухты, касаются обнаженныхъ головъ монголовъ, ниспосылая имъ такимъ образомъ благословеніе святителя. Хотухта на этой церемоніи бываетъ одѣтъ въ красный халатъ, на головѣ у него блестящая шапка съ небольшимъ шишакомъ. Онъ сидитъ въ своемъ паланкинѣ безмолвно, обращая по временамъ взоры на преклонившихся предъ нимъ монголовъ. Когда всѣ ряды будутъ обойдены, ламы при звукахъ музыки уносятъ святителя обратно въ монастырь.

Ургинскіе амбани и монгольскіе хошунные владѣтели получаютъ отъ хотухты благословеніе у него на дому. Это благосло-

веніе называется *большимъ*, а общее, на площади, *малымъ* благословеніемъ. За большое благословеніе амбани и князья дѣлаютъ значительные вклады въ сокровищницу святителя, въ 100, 200 и болѣе ланъ серебра. Простые монголы за малое благословеніе на площади тоже вносятъ въ казну хутухты посильную лепту по 1, по 2 и болѣе ланъ.

На окраинахъ Богдо-куреня устроены мѣстами бесѣдки съ большими цилиндрами, вертящимися на вертикальной оси и называемыми *курдэ*. Въ нихъ лежатъ молитвы и монголы вѣрятъ, что верченіе курдэ равносильно прочтенію всѣхъ хранящихся въ нихъ молитвъ, которыя, подобно устнымъ, будутъ услышаны. Поэтому ни одинъ набожный монголъ не проходитъ мимо бесѣдки съ курдэ, чтобы не зайти въ неё и не повертѣть нѣкоторое время цилиндръ съ молитвами. На пространствѣ между этими бесѣдками очень часто можно видѣть поклонниковъ, ползающихъ по землѣ. Распростершись на землю, они подаются немного впередъ на животѣ, потомъ встаютъ на то мѣсто, гдѣ приходилась голова, снова падаютъ ницъ и продолжаютъ подвигаться такимъ образомъ впередъ, пока не достигнутъ другой бесѣдки. Многіе изъ пилигримовъ совершаютъ такое путешествіе отъ курдэ до курдэ по нѣсколько разъ подрядъ, а нѣкоторые изъ нихъ даютъ даже обѣтъ проползти такимъ образомъ вокругъ всего священнаго города и совершаютъ ползкомъ путешествіе въ 4 версты.

Кромѣ монастыря, въ которомъ пребываетъ хутухта, въ ламской части Богдо-куреня есть нѣсколько храмовъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчателенъ храмъ будущаго обновителя міра, Майдари, съ колоссальной статуей этого божества, футовъ въ 40 высоты. Въ этой же части города находится училище для приготовленія ламъ.

Въ іюлѣ на праздникъ въ честь Майдари въ Ургу стекается больше 100,000 народа, изъ разныхъ мѣстностей Монголіи. На этомъ праздникѣ, кромѣ богослуженія и разныхъ религіозныхъ церемоній, устраиваются скачки, стрѣльба изъ луковъ и борьба. Въ обоихъ городахъ въ теченіи праздника производится оживленная торговля. Наши купцы въ это время также сбываютъ монголамъ много всякаго товара. Къ новому году, празднуемому монголами

по китайскому лѣтоисчисленію одновременно съ китайцами, тоже собирается въ Ургу масса народа. Празднованіе новаго года и у монголовъ продолжается цѣлый мѣсяцъ. Наши Забайкальскіе буряты нерѣдко посѣщаютъ Ургу, въ особенности на праздникахъ и дѣлаютъ немало вкладовъ въ казну хутухты. Кромѣ того, состоящіе при святителѣ ламы повременамъ совершаютъ поѣздки въ Забайкальскую область къ бурятамъ и собираютъ тамъ на имя хутухты пожертвованія.

Верстахъ въ 2-хъ къ сѣверо-востоку отъ Богдо-куреня, на предгоріи хребта Гунту, находится монгольское кладбище или, точнѣе, мѣсто, куда сносятъ человѣческіе трупы. У монголовъ тѣла умершихъ не всегда погребаютъ: покойника нерѣдко выносятъ на войлокѣ и кладутъ въ степи прямо на землю головою въ ту сторону, куда укажетъ лама. Хищные звѣри и птицы, почуявъ добычу, не заставляютъ долго ждать себя и вскорѣ отъ трупа остается одинъ лишъ скелетъ. На Ургинскомъ кладбищѣ человѣческіе трупы поѣдаются полудикими собаками, живущими въ окрестныхъ горахъ. Эти собаки въ голодное для нихъ время бываютъ очень опасны и ходить въ ту мѣстность безъ оружія не слѣдуетъ. Случалось, что онѣ цѣлой стаей бросались на зашедшихъ туда людей и растерзывали ихъ. Антропологи могутъ собрать на этомъ кладбищѣ прекрасную коллекцію монгольскихъ череповъ.

Земледѣліемъ въ долинѣ р. Толы, въ окрестностяхъ Урги, занимаются мало. Значительная высота мѣстности, вѣроятно, служитъ тому причиною: весна начинается поздно, въ концѣ апрѣля или даже въ первыхъ числахъ мая, а въ началѣ августа бываютъ уже утренники, вредящіе посѣвамъ; въ сентябрѣ же случается по ночамъ морозы, покрывающіе землю инеемъ. Огородные овощи, впрочемъ, родятся довольно хорошо и около обоихъ городовъ есть много огородовъ. Гораздо успѣшнѣе занимаются земледѣліемъ китайцы, поселившіеся на пути между Ургою и Кяхтою, въ долинахъ рѣкъ Хара-голъ и Баинъ-голъ, лежащихъ ниже надъ уровнемъ моря. Они привозятъ хлѣбъ на продажу въ Ургу, а иногда и въ Кяхту, въ которую доставляютъ въ иные годы даже огородные овощи.

ГЛАВА IX.

ОТЪ УРГИ ДО УЛЯСУТАЯ.

Во второй половинѣ апрѣля мы начали готовиться къ возвращенію въ З. Сибирь изъ Урги чрезъ Улясутай и долину рѣки Кунгуя, по пути, еще неописанному никѣмъ изъ путешественниковъ. Нужно было покупать верблюдовъ и лошадей, которые въ Ургѣ, точно такъ же, какъ и бараны, стоютъ гораздо дороже, чѣмъ въ З. Монголіи. За хорошаго верблюда тамъ надо заплатить не менѣе 35 ланъ, за лошадь отъ 10 до 12, а за барана 2 и $2^1/_2$. Мы купили на выборъ у содержателя русской почты, богатаго монгола, по имени Норбо-церена, 10 верблюдовъ по 40 ланъ за каждаго и 10 лошадей по 10 ланъ, пріобрѣли двѣ палатки—одну монгольскую, другую тибетскую, оказавшуюся непрактичною и нѣкоторыя походныя вещи. Кромѣ того, запаслись на весь путь мукой, крупой, сухарями и взяли еще съ собой ящикъ монгольскаго кирпичнаго чаю, на который въ Монголіи удобнѣе покупать все необходимое въ пути. Приготовленія были окончены къ 20-му апрѣля, но по случаю холодовъ пришлось отложить выступленіе. Только въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца вскрылась Тола и появились перелетныя птицы, а 1-го мая показалась и зелень.

2-го мая мы выступили изъ Урги и направились на западъ, по долинѣ Толы. Верстахъ въ 4-хъ отъ Богдо-куреня поперегъ этой долины тянется невысокій земляной валъ со рвомъ впереди, возведенный во время дунганскаго возстанія для огражденія города отъ инсургентовъ, намѣревавшихся разграбить его. Нападеніе однако не состоялось, благодаря присутствію русскаго отряда, высланнаго въ то время въ Ургу изъ Троицкосавска для обезпеченія нашего консульства и купцовъ.

Долина Толы къ западу отъ Урги имѣетъ отъ 5 до 10 верстъ ширины и поблизости рѣки изрѣзана многими протоками, представляющими, вѣроятно, старыя русла ея рукавовъ, на которые она и теперь мѣстами разбивается въ этой долинѣ. Въ ней встрѣчаются также небольшія озерки, то замкнутыя, то сообщающіяся съ рѣкой протоками.

Въ первый день нашего путешествія изъ Урги мы остановились на ночлегъ въ долинѣ Толы, верстахъ въ 25 отъ города, на уроч. Сангинъ. Долина въ этой мѣстности прорѣзана многими протоками, берега которыхъ покрыты небольшими, рѣдкими рощами тополя, и весьма богата лугами. На Толѣ, протокахъ и озеркахъ долины повсюду было множество плавающихъ и болотныхъ птицъ, привѣтствовавшихъ наступившую весну разнообразными криками, которые не умолкали всю ночь. Съ этого урочища Тола поворачиваетъ на юго-западъ въ узкой долинѣ, описывая большую луку къ югу. Хорда этой луки, по которой намъ предстояло идти, имѣетъ 100 верстъ, а стрѣлка около 60-ти.

На слѣдующій день, оставивъ долину Толы, мы вступили въ невысокія горы, служащія восточною окраиною плоскогорья Долонъ-худугэй-кундуй и, пройдя по нимъ верстъ 12, спустились на это плоскогорье. На сѣверѣ оно окаймлено хребтомъ Салинъ-даба,—отрогомъ горъ Сельби-даба, что къ сѣверу отъ Урги, а на югѣ хребтомъ Дзегиль,—тянущимся съ востока на западъ почти параллельно первому и связанному съ нимъ невысокими горами, черезъ которыя мы переваливали на это плоскогорье изъ долины Толы. На южномъ хребтѣ Дзегиль видны были небольшія рощи лиственницы, покрывающія сѣверныя склоны его горъ, но только въ восточной части, а далѣе къ западу хребетъ совершенно безлѣсенъ. На сѣверномъ же хребтѣ Салинъ-даба лѣсовъ не видно было вовсе, по крайней мѣрѣ на склонѣ, обращенномъ къ плоскогорью. Оба окрайные хребта отдѣляютъ отъ себя плоскіе отроги, придающіе плоскогорью Долонъ-худугэй-кундуй волнообразную поверхность. Это плоскогорье бѣдно водою: родниковъ на немъ нѣтъ, а колодцевъ мало, да и тѣ необильны водою. Растительность, отличающаяся вполнѣ степнымъ характеромъ, весьма однообразна.

Мы ночевали въ восточной части плоскогорья у колодца съ весьма посредственной водой, которой мы добавокъ было мало, и на слѣдующій день прошли всего 12 верстъ до другаго колодца на уроч. Дуланъ, такъ какъ далѣе мѣстность на пространствѣ 57 верстъ безводна. Въ 5 верстахъ къ югу отъ колодца, на горахъ хребта Дзегиль, мы въ послѣдній разъ видѣли небольшіе перелѣски лиственницы.

Съ урочища Дуланъ дорога направляется по тому же плоскогорью Долонъ-худугэй-кундуй, пересѣченному въ западной части весьма незначительнымъ поднятіемъ; на пути отъ него нерѣдко встрѣчались обширныя плоскія впадины съ солончаками. Ночевать пришлось безъ воды на уроч. Аргалэй. Въ этой мѣстности плоскогорье, стѣсняемое хребтомъ Дзегиль и отрогами сѣвернаго хребта Салинъ-даба становится уже и переходитъ въ степную, каменистую долину. Проходя на другой день по этой долинѣ, мы видѣли на ней множество сурковъ. Звѣрки тамъ и самъ выскакивали изъ своихъ норъ, садились на заднія лапы и пристально посматривали на нашъ караванъ, а по приближеніи его испускали протяжные звуки, похожіе на хрюканье и быстро скрывались въ свои логовища. Долина вывела насъ въ сосѣднюю обширную долину Цаганъ-цыгэинъ-тала около 30 верстъ длины и верстъ въ 15 ширины. Эта междугорная долина ограничена съ сѣвера хребтомъ Уланъ-хада, продолженіемъ горъ Салинъ-даба, и его мощнымъ отрогомъ Цобу, а съ юга хребтомъ Дзегиль съ его длинною вѣтвью Агуитъ. Почва долины поблизости окрайныхъ горъ твердая, каменистая, а посрединѣ солонцеватая, покрытая мѣстами злакомъ дэрису. На ночлегъ мы расположились у солоноватаго озера Цаганъ-норъ этой долины, имѣющаго около 300 саженъ длины и до 70 ширины. На восточномъ его берегу есть родникъ съ хорошей водой. Озеро буквально кишѣло утками и голѣнастыми. Стаи журавлей (Grus virgo) постоянно прилетали къ нему и, побродивъ у береговъ, уносились опять въ долину, на которой стада этихъ птицъ виднѣлись повсюду.

Съ озера Цаганъ-норъ мы продолжали идти на западъ по долинѣ Цаганъ-цыгэинъ-тала, которая въ этомъ мѣстѣ съуживается и верстахъ въ 8-ми отъ него переходитъ въ болотистое простран-

ство, усѣянное малыми озерками, извѣстными подъ собирательнымъ названіемъ Цыгэинъ-норъ. Вода въ нихъ прѣсная, но въ концѣ лѣта, когда эти мелкія озерки обращаются въ небольшія лужи, она становится негодною для пищи. Плавающихъ и болотныхъ птицъ на этихъ озеркахъ въ то время было великое множество.

Долина Цаганъ-цыгэинъ-тала, съуживающаяся въ западной части до 4-хъ верстъ, упирается въ широкую долину р. Толы, возвращающейся въ этомъ мѣстѣ, по описаніи своей луки,—на сѣверъ. На правомъ берегу этой рѣки мы остановились на дневку. Тола имѣетъ въ томъ мѣстѣ отъ 15 до 20 саженей ширины, течетъ быстро и часто дѣлится на рукава, образуя острова. Глубина значительна только въ омутахъ, а въ остальныхъ мѣстахъ рѣка неглубока. Въ долинѣ Толы много малыхъ озеръ, частью замкнутыхъ, частью сообщающихся съ рѣкою протоками. Кромѣ того, низкія мѣста долины были покрыты водою отъ весенняго разлива и представляли значительныя водныя пространства, а наиболѣе возвышенныя заняты солончаками, поросшими большею частью злакомъ дэрису. Древесной растительности, исключая кустарниковъ, въ этой части долины Толы нѣтъ. Верстахъ въ 10-ти ниже нашего лагеря Тола, стѣсняемая горами, измѣняетъ свое меридіанальное теченіе на юго-западное, описывая весьма крутую луку.

Переправившись черезъ рѣку, мы прошли верстъ 5 по ея долинѣ, пересѣкли невысокій кряжъ, Голэй-хаирханъ, тянущійся параллельно рѣкѣ и огибаемый ею на сѣверѣ, потомъ спустились на холмистое предгоріе этого кряжа и снова очутились на Толѣ, текущей въ этомъ мѣстѣ съ сѣверо-востока и вскорѣ поворачивающей на сѣверо-западъ. На обоихъ берегахъ рѣки растутъ густые и высокіе кусты тальника, въ которыхъ въ то время было множество дикихъ гусей, имѣвшихъ тамъ свои гнѣзда.

Оставивъ Толу, мы прошли верстъ 12 по сухой, слегка волнистой мѣстности, поросшей рѣдкими кустиками караганы, потомъ пересѣкли плоское поднятіе и спустились на обширную равнину, обставленную со всѣхъ сторонъ горами. Восточная ея половина называется Хара-нидунъ, а западная Сучжи. На этой равнинѣ мы встрѣтили два соленыя озера, изъ которыхъ одно—Барокчинъ-

цаганъ-норъ имѣетъ около 5 верстъ въ окружности. Оно питается ручьемъ Барокчинъ-голъ, вытекающимъ изъ песковъ верстахъ въ 12-ти къ юго-востоку отъ него и образующимъ на пути нѣсколько малыхъ озерокъ съ топкими, болотистыми берегами, покрытыми большею частью высокимъ тростникомъ. На этихъ озеркахъ, какъ и на Цыгэинъ-норъ, было множество плавающихъ и болотныхъ птицъ, въ особенности утокъ, поднимавшихся съ нихъ стаями въ нѣсколько десятковъ штукъ.

На равнинѣ воздымаются кое-гдѣ одинокіе холмы и небольшія плоскія высоты, а въ западной части находятся обширные солончаки. Описываемая равнина ограничена съ сѣвера хребтомъ Бургутъ и его юго-восточнымъ отрогомъ, съ юга хребтомъ Яргай и его западнымъ продолженіемъ—Салта; съ востока её замыкаютъ низкія горы Уланъ-Шартъ,—вѣтви хребта Яргай, а съ запада хребетъ Салта и предгорія хребта Бургутъ.

Дорога, по которой мы шли, принадлежитъ къ числу второстепенныхъ почтовыхъ трактовъ. На ней выставлены пикеты, содержимые монголами аймаковъ Тушету-хана и Цеценъ-хана. Пикеты отстоятъ среднимъ числомъ верстъ на 27 одинъ отъ другаго. Число лошадей и верблюдовъ на нихъ несравненно меньше, чѣмъ на почтовой дорогѣ изъ Калгана въ Улясутай. На пути по упомянутой равнинѣ намъ попался навстрѣчу монгольскій князь, ѣхавшій въ Ургу. Его везли въ китайской повозкѣ, а свита слѣдовала верхами. Впереди съ боковъ и позади скакали провожатые съ ближайшаго пикета, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣвушекъ въ нарядныхъ костюмахъ. На этой же дорогѣ намъ часто попадали навстрѣчу богомольцы, ѣхавшіе въ Ургу на поклоненіе хутухтѣ. Бѣдные, не имѣющіе собственныхъ верблюдовъ и лошадей, для путешествія въ священный городъ пристраиваются къ караванамъ или къ состоятельнымъ поклонникамъ въ качествѣ погонщиковъ, за что получаютъ отъ хозяевъ пищу и верблюда или лошадь на проѣздъ. Нѣкоторые предпринимаютъ путешествіе въ Ургу пѣшкомъ. Одного изъ такихъ бѣдныхъ пиллигримовъ, возвращавшагося съ богомолья частью пѣшкомъ, частью съ попутчиками, мы взяли съ собой и привезли въ Улясутай. За небольшую плату онъ былъ всё время добросовѣстнымъ работникомъ и мы не безъ со-

жалѣнія разстались съ нимъ въ Улясутаѣ, откуда онъ отправился на родину, въ Ю. Алтай.

На ручьѣ Барокчинъ-голъ по случаю ненастной погоды пришлось простоять почти двое сутокъ. Съ этого ручья дорога идетъ версты три по солонцеватой мѣстности, а потомъ по твердой, дресвяной. Къ сѣверу отъ дороги видны были обширные солончаки. На половинѣ станціи дорога пересѣкаетъ ручей Сучжи, текущій съ горъ Салта и теряющійся въ сосѣднемъ солончакѣ. Западная часть равнины, называемая Сучжи, орошается значительной рѣчкой Хада-сынъ-голъ, выходящей на неё изъ тѣснины и пробивающейся тѣсниною же въ р. Толу чрезъ отрогъ хребта Бургутъ. На правомъ берегу Хада-сынъ-гола, верстахъ въ 6-ти къ сѣверу отъ дороги, есть развалины. Мѣстные монголы говорили намъ, что тамъ была въ старину княжеская ставка. Мы видѣли ихъ только издали.

Съ описываемой равнины ясно замѣтны на сѣверо-востокѣ высокія горы Тосынъ-замаръ, тянущіяся по правому берегу р. Толы. На востокѣ онѣ сочленяются съ хребтомъ Хушикъ-аргалъ, простирающимся къ сѣверу отъ помянутой луки Толы до горъ Уланъ-хада, ограничивающихъ, какъ выше сказано, со своимъ мощнымъ отрогомъ Цобу долину Цаганъ-цыгэинъ-тала съ сѣвера.

Дорога направляется вверхъ по рѣчкѣ Хадасынъ-голъ и вступаетъ въ тѣснину, которая соединяетъ равнину Сучжи съ сосѣднею междугорною же равниною Бурдугуй, орошаемою въ восточной части этою рѣкою. Равнина Бурдугуй съ сѣверной стороны ограничена хребтомъ Аздага,—западнымъ продолженіемъ хребта Бургутъ, а съ юга хребтомъ Берхэ, отдѣленнымъ отъ западной оконечности хребта Салта тѣсниной, по которой стремится рѣчка Хадасынъ-голъ съ юго-запада-юга. Она получаетъ начало въ горахъ, верстахъ въ 60-ти къ юго-западу-югу отъ долины Будугуй. На большой китайской картѣ Монголіи эта рѣчка названа Харухой и ей придана тамъ слишкомъ большая длина.

Восточная часть долины Бурдугуй, орошаемая рѣчкою Хадасынъ-голъ, болотиста и покрыта была въ то время многими временными озерками, образовавшимися отъ разлива. Въ лѣтнее время въ этой влажной мѣстности должна рости хорошая трава. Цент-

ральная же и западная части долины состоять большею частью изъ солончаковъ.

На крайнемъ западѣ обширная междугорная долина Бурдугуй сообщается посредствомъ весьма короткой тѣснины съ сосѣднею долиною Такилту, изъ которой течетъ въ нее ручей того же названія и теряется въ солончакѣ. Мы направились вверхъ по этому ручью, струящемуся по болотистой, кочковатой лощинѣ. Къ западу отъ его истоковъ долина немного возвышается и переходитъ въ сухую, каменистую степь. Въ этой части долины мы опять видѣли множество сурковъ: наша монгольская собака, охотившаяся за ними прежде неудачно, вступила тутъ съ однимъ звѣркомъ въ бой и одержала побѣду. Поднявшись на пологій перевалъ, мы увидѣли синія воды большаго озера Угэй, къ которому спускались постепенно верстъ 5 и остановились на сѣверномъ его берегу дневать.

Озеро Угэй имѣетъ около 40 верстъ въ окружности. Наибольшая его длина съ запада на востокъ простирается до 12 верстъ, а наибольшая ширина до 8 верстъ. Западный и юго-западный берега озера низменны и покрыты высокимъ тростникомъ, сѣверный берегъ большею частью пологій, а южный и юго-восточный довольно крутые. Острововъ на озерѣ нѣтъ. Въ него вдаются два мыса одинъ съ сѣвера, другой съ юга, расположенные другъ противъ друга. На сѣверномъ берегу есть извилистый заливъ, сообщающійся съ озеромъ весьма узкимъ горломъ, а на восточномъ лежитъ замкнутое озерко, имѣющее около версты въ окружности. Угей-норъ питается водами рѣчки Нарынъ-голъ, впадающей въ юго-западную часть его, и соединяется протокомъ съ рѣкою Орхономъ, протекающимъ къ западу отъ него. Этотъ протокъ, называемый монголами холой (т. е. горло), имѣетъ около 4-хъ верстъ длины, отъ 20 до 40 саженъ ширины и порядочную глубину. Онъ течетъ тихо съ небольшими извилинами по низменной, луговой равнинѣ.

Въ Угэй-норѣ, имѣющемъ воду прѣсную, живетъ множество рыбъ: окуней, язей, чебаковъ и ускучей. Другихъ породъ намъ не удалось поймать, но, судя по найденнымъ на берегу костямъ, въ немъ водятся также щуки и тальмени. Неводкомъ въ 10 саженъ

длины мы вытащили въ одну тоню около 30 пудовъ язей, окуней и чебаковъ. Большую часть рыбы побросали тотчасъ же обратно въ воду. Язи и окуни были въ 6—7 фунтовъ. Изъ молюсковъ мы находили въ этомъ озерѣ только беззубика (Anodonta anatina), но другихъ мягкотѣлыхъ не попадалось.

Суевѣрные монголы убѣждены, что въ Угэй-норѣ живетъ чудовище, пожирающее скотъ и даже людей, заходящихъ въ его воды. Они неоднократно убѣждали насъ не входить въ озеро. Сначала мы принимали эти предостереженія за уловку для отвлеченія насъ отъ рыбной ловли, но потомъ убѣдились, что они высказывались безъ задней мысли. По увѣренію монголовъ, это чудовище имѣетъ нѣкоторое сходство съ коровою, но гораздо больше ея и очень хищно.

Глубина Угэй нора въ юго-восточной части, сосѣдней невысокимъ горамъ, должна быть больше, чѣмъ въ остальномъ пространствѣ. Но и близъ сѣвернаго берега, на которомъ мы дневали, она въ разстояніи 50—80 саженей отъ береговой черты достигаетъ уже 6—7 футовъ.

На озерѣ Угэй, кромѣ множества плавающихъ и голѣнастыхъ птицъ, живущихъ преимущественно въ юго-западной его части, около тростниковъ, водятся еще орланы, находящіе себѣ обильную пищу на этомъ необыкновенно рыбномъ озерѣ.

Къ сѣверу отъ озера горы отступаютъ, образуя эспланаду версты въ 3 шириною. На сѣверной ея окраинѣ, подъ горами, стоитъ монастырь Орумба-лама-хійтъ. Въ немъ живутъ тибетскіе монахи. Въ монастырѣ красивый храмъ и много монашескихъ келій. Мы посѣтили тибетскихъ монаховъ и пили у нихъ чай. Большая часть ихъ люди молодые, высокаго роста, съ симпатичными лицами. Тибетскій языкъ, на которомъ они объяснялись въ нашемъ присутствіи между собой, показался намъ благозвучнѣе монгольскаго.

Горы на пространствѣ отъ Урги до р. Орхона представляютъ собою западное продолженіе Гентэйской системы. Узломъ этой системы, отъ котораго расходятся во всѣ стороны мощные лучи,— служатъ высокія альпы, отстоящія верстахъ въ 150 къ сѣверо-востоку отъ Урги. Эти альпы имѣютъ снѣжныя пятна и покрыты густыми хвойными лѣсами, въ которыхъ водятся: медвѣди, маралы,

косули и кабаны. Онѣ даютъ начало многимъ значительнымъ рѣкамъ, а именно: Онону, Ульдзѣ, Керулюну, Толѣ, Хара-голу, Шара-голу и Иро. На сѣверо-востокѣ Гентэйскія горы сочленяются съ Яблоновымъ хребтомъ, а на западъ и сѣверо-западъ отдѣляютъ длинные отроги, достигающіе береговъ Орхона; южныя же и юго-восточныя вѣтви этихъ горъ—коротки.

Западная часть Гентэйской системы на пространствѣ отъ Урги до Орхона не отличается значительной высотой. Первостепенные кряжи тянутся съ востока на западъ, постепенно понижаясь въ этомъ направленіи. Такъ, западный отрогъ хребта Гунту подъ названіями: Салинъ-даба, Уланъ-хада, Хушикъ-аргалъ и Тосынъ-замаръ, представляетъ, сколько мы могли замѣтить, одно непрерывное поднятіе, простирающееся съ востока на западъ до береговъ Толы. Къ западу отъ этой рѣки тянется длинный хребетъ Бургутъ, восточная оконечность котораго весьма близка къ западной оконечности хребта Тосынъ-замаръ. Онъ простирается также въ восточно-западномъ направленіи и подъ названіемъ Аздага достигаетъ долины Орхона.

Къ югу отъ нашего пути мы могли прослѣдить первостепенный кряжъ Дзегиль, начинающійся высотами Сангинъ на правомъ берегу Толы, верстахъ въ 30 къ западу отъ Урги, и простирающійся оттуда сначала на западъ, а потомъ на западъ-югъ-западъ до береговъ Толы. Къ западу отъ нея тянется первостепенный же кряжъ Яргай со своимъ продолженіемъ Салта; далѣе въ томъ же направленіи кряжъ Берхэ, отдѣленный отъ перваго узкою долиною рѣчки Хадасынъ-голъ и достигающій южнаго берега озера Угэй-норъ.

Первостепенные кряжи высылаютъ невысокіе отроги бороздящіе страну, но въ ней все-таки остается много обширныхъ плоскогорій, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ горами и сообщающихся между собой тѣснинами или неширокими долинами. Въ восточной части находится обширное плоскогорье Долонъ-худугэй-кундуй, сообщающееся съ междугорной равниной Цаганъ-цыгэинъ-тала неширокимъ доломъ, а эта послѣдняя неширокою же долиною соединяется съ равниною Толы. Къ западу отъ Толы лежатъ обширныя соединенныя равнины Хара-нидунъ и Сучжи, сообщаю-

щіяся посредствомъ короткой тѣснины съ междугорною равниною Бурдугуй, а эта послѣдняя въ свою очередь соединяется также короткою тѣсниною съ долиною Такилту, изъ которой неширокія ворота ведутъ въ обширную долину озера Угэй и р. Орхона.

Вообще вся горная страна между Ургою и Орхономъ, какъ показываютъ опредѣленныя нами въ ней высоты, постепенно понижается въ западномъ направленіи, до соединенныхъ равнинъ Хара-нидунъ и Сучжи, а отъ нихъ въ томъ же направленіи постепенно возвышается до плоскаго перевала къ озеру Угэй. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней замѣтно также общее склоненіе къ сѣверу, указываемое направленіемъ теченія рѣкъ Толы и ея лѣваго притока Хадасынъ-гола.

Къ сѣверу и югу отъ посѣщенныхъ нами мѣстностей описываемая страна отличается также горнымъ характеромъ, но на сѣверъ горы простираются дальше, чѣмъ на югъ. На южномъ берегу Толы, поблизости ея луки, находятся горы Долонъ-хара, сочленяющіяся съ юго-западнымъ продолженіемъ Ханъ-улы,—хребтомъ Гангынъ. Эти горы тянутся сначала на западъ подъ названіями Яргай и Салта, потомъ уклоняются къ юго-западу и примыкаютъ къ горамъ, дающимъ начало рѣчкамъ Хадасынъ и Нарынъ. Но связи между тѣми горами и системою Хангая, судя по показаніямъ монголовъ, нѣтъ, а если и существуетъ, то весьма слабая, подобная звѣну между Хангаемъ и Ю. Алтаемъ.

Горы Гентэйской системы къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ нашего пути простираются до р. Орхона и его многоводнаго праваго притока Хара-голъ. Пространство между Толою и Орхономъ занято хребтомъ, тянущимся подъ названіями Вургутъ и Аздага въ восточно-западномъ направленіи и высылающимъ длинные, хотя и невысокіе отроги къ сѣверу и сѣверо-западу. Общее названіе этому хребту съ его развѣтвленіями—Куку-чолугу. Страна между Толою и Хара-голомъ также почти повсюду покрыта горами: сѣверо-западнымъ продолженіемъ хребта Гунту—кряжемъ Гурбанъ-урту-нуру и западнымъ отрогомъ того же хребта, простирающимся сначала подъ названіемъ Салинъ-даба, потомъ Уланъ-хада, Хушинъ и Тосынъ-замаръ. Общее же названіе горъ этого участка—Чамуръ.

Въ горахъ Гентэйской системы между Ургою и Орхономъ преобладающую породу представляетъ глинистый сланецъ съ жилами бѣлаго кварца. Пласты простираются на NWN. Изрѣдка встрѣчается и кремнистый сланецъ. Въ холмахъ, окаймляющихъ плоскогорье Долонъ-худугэй-кундуй съ востока и связующихъ хребетъ Салинъ-даба съ кряжемъ Дзегиль, найдены фельзитовый порфиръ, мелко-зернистый гранитъ и порфиритъ, а у южнаго подножія хребта Аздага, въ долинѣ Бурдугуй—фельзитовый туфъ.

Орошеніе описываемаго пространства Гентэйской горной системы далеко нельзя признать обильнымъ: кромѣ Толы съ ея притокомъ Хадасынъ-голъ и трехъ ручьевъ мы не встрѣтили въ ней ни одного источника. Въ восточной части, на плоскогорьѣ Долонъ-худугэй-кундуй, не только источниковъ, но и колодцевъ очень мало: между урочищемъ Дуланъ и родникомъ на берегу оз. Цаганъ-норъ, что въ долинѣ Цаганъ-цыгаинъ-тала, воды вовсе нѣтъ на пространствѣ 57 верстъ. Западная часть орошена сравнительно лучше, но и тамъ между Толою и ручьемъ Барокчинъ-голъ мѣстность безводна на протяженіи 35 верстъ. Флора страны весьма однообразна и не только на сухихъ плоскогорьяхъ, но и въ невысокихъ горахъ отличается вполнѣ степнымъ характеромъ. Въ долинахъ Толы и Хадасынъ-гола растительность нѣсколько разнообразнѣе, но всё-таки бѣдна видами. Лѣса мы видѣли только въ восточной части хребта Дзегиль, а далѣе къ западу ихъ нигдѣ нѣтъ, исключая небольшихъ рощицъ тополя и тала на берегахъ Толы, ниже ея сѣверной луки.

Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ этой странѣ живутъ: цзэрены, волки, лисицы и сурки. Цзэреновъ, впрочемъ, мало, но сурковъ множество. Изъ птицъ, кромѣ плавающихъ и болотныхъ, которыя на рѣчкахъ и болотахъ водятся въ огромномъ количествѣ, мы встрѣчали еще удодовъ, нѣсколько штукъ драфъ, коршуновъ, орловъ и орлановъ.

Въ западной части страна населена плотнѣе, чѣмъ въ восточной, на маловодномъ плоскогорьѣ Долонъ-худугэй-кундуй, гдѣ встрѣчалось очень мало улусовъ.

Съ озера Угэй-нора мы направились къ Орхону и остановились на правомъ его берегу на ночлегѣ. Орхонъ имѣетъ въ этомъ

мѣстѣ отъ 20 до 30 саженей ширины, значительную глубину и течетъ весьма быстро въ довольно крутыхъ берегахъ. При высокомъ стояніи воды переправа черезъ него въ бродъ невозможна. Передъ нашимъ приходомъ китайцы, ѣхавшіе съ товаромъ изъ Улясутая въ Ургу на телѣгахъ, стояли на лѣвомъ берегу Орхона нѣсколько сутокъ, ожидая спаденія воды, но всё-таки должны были переправить товаръ черезъ рѣку на верблюдахъ, взятыхъ у мѣстныхъ монголовъ, а телѣги перетаскивать порожнякомъ.

Орхонъ получаетъ начало въ главномъ хребтѣ Хангая, изъ горъ Ульдзуйту и составляется главнымъ образомъ изъ двухъ рѣчекъ Улютай и Баинъ-Чжируxе. Онъ течетъ сначала на востокъ, потомъ поворачиваетъ почти прямо къ сѣверу, проходитъ мимо большаго монастыря Эрдени-цзе, ниже котораго принимаетъ слѣва рѣчку Чжирматай, потомъ помянутый протокъ (Холой) изъ озера Угэй-норъ. Въ 5-ти верстахъ ниже этого послѣдняго въ него съ лѣвой стороны изливается большая рѣка Тамиръ; верстахъ въ 60 отъ него Орхонъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, а въ 200 верстахъ принимаетъ справа Толу. Послѣднія 70 верстъ Орхонъ опять течетъ почти на сѣверъ и въ 45 верстахъ къ юго-западу отъ Кяхты впадаетъ съ правой стороны въ р. Селенгу, несущую свои воды, какъ извѣстно, въ озеро Байкалъ. При сліяніи обѣихъ рѣкъ масса воды въ Селенгѣ больше, чѣмъ въ Орхонѣ, а потому первую и считаютъ главной рѣкой. Въ среднемъ теченіи долина Орхона большею частью болотиста и покрыта множествомъ малыхъ озерковъ. Долина нижняго Орхона богата тучными лугами, а въ рѣкѣ водится очень много рыбы, для ловли которой пріѣзжаютъ повременамъ русскіе изъ ближайшихъ мѣстностей Забайкальской области.

Во время стоянки на правомъ берегу Орхона мы потеряли одну изъ лучшихъ лошадей, упавшую въ путахъ съ крутаго берега въ эту рѣку и захлебнувшуюся прежде, чѣмъ ей подали помощь. Когда вытащили трупъ этой несчастной лошади, монголы стали просить, чтобы мы продали его. Отказавшись отъ платы, мы отдали имъ погибшую лошадь, съ которой они сняли кожу и подѣлили между собой мясо. На слѣдующій день эти монголы, не желая остаться въ долгу, помогли намъ переправиться черезъ

Орхонъ. Переправа продолжалась около часа и была хлопотлива. Вода доходила верблюдамъ до живота, чего они не любятъ, предпочитая въ такомъ случаѣ лечь на бокъ и плыть, при чемъ роняютъ, конечно, съ себя вьюки. Но у насъ, благодаря содѣйствію монголовъ, все обошлось благополучно.

Переправившись на лѣвый берегъ Орхона, мы стали пересѣкать его широкую, солонцеватую и болотистую долину. По сторонамъ дороги часто встрѣчались небольшія временныя озерки, образовавшіяся отъ разлива. На югѣ долина весьма широка на всемъ обозрѣваемомъ пространствѣ, но на сѣверѣ постепенно съуживается, не переходя однако въ тѣснину. Дорога направляется параллельно р. Тамиру, впадающему, какъ было сказано, въ Орхонъ слѣва, верстахъ въ 5 ниже протока въ эту рѣку изъ озера Угэй-нора. По берегамъ нижняго Тамира растетъ невысокій лѣсокъ изъ тополя и тала съ тальникомъ.

Изъ долины Орхона мы перешли въ степную съ твердымъ, хрящевато-дресвянымъ грунтомъ долину Тамира. Она окаймлена съ сѣвера и юга горными кряжами Сулъ-тологой и Билха. Оба они принадлежатъ къ системѣ Хангая. Эта обширная горная страна начинается слѣдовательно близь береговъ Орхона и не имѣетъ ничего общаго ни въ орографическомъ, ни въ геогностическомъ отношеніи съ горами къ востоку отъ этой рѣки, принадлежащими къ системѣ Гентэя, по крайней мѣрѣ въ посѣщенномъ нами пространствѣ. Такимъ образомъ средній Орхонъ служитъ рубежемъ этихъ горныхъ странъ.

Верстахъ въ 40 выше своего устья Тамиръ принимаетъ въ себя съ правой стороны многоводную рѣку Урту-Тамиръ (Южный Тамиръ), текущую съ юго-запада изъ горной долины, между тѣмъ, какъ главная рѣка, получающая выше сліянія названіе Хойту-Тамира (Сѣвераго Тамира), течетъ съ востока на западъ и только въ верхней части имѣетъ сѣверо-восточное направленіе. По массѣ воды, Хойту-Тамиръ слѣдуетъ считать главной рѣкой, но эта масса, по приблизительной оцѣнкѣ на глазъ, весьма немногимъ превосходитъ массу Урту-Тамира.

Хойту-Тамиръ получаетъ начало въ главномъ хребтѣ Хангая, изъ высокихъ горъ Тэмэ-чолу и, образовавъ въ верховьяхъ неболь-

щое горное озеро, течетъ сначала на сѣверо-востокъ въ узкой и глубокой долинѣ, потомъ, поворотивъ на востокъ, направляется по широкой, луговой долинѣ, переходящей далѣе къ востоку въ степную и наконецъ выходитъ на долину Орхона. Урту-Тамиръ вытекаетъ также изъ высокихъ и лѣсистыхъ горъ Куку-даба главнаго хребта Хангая и стремится сначала въ ущельѣ, а потомъ въ неширокой долинѣ на сѣверо-востокъ.

Междугорная долина нижняго Тамира представляетъ на пространствѣ первыхъ 35 верстъ сухую, каменистую степь, оживляемую только рѣкой, въ которую съ окрайныхъ горъ не сбѣгаетъ ни одинъ ручеекъ. Небольшой лиственный лѣсокъ, покрывающій берега низовьевъ Тамира, исчезаетъ въ этой степной долинѣ. Переправившись черезъ многоводный Урту-Тамиръ, раздѣляющійся при пересѣченіи его дорогой на два длинные рукава, мы прошли верстъ 5 по солонцеватой равнинѣ и остановились на правомъ берегу Хойту-Тамира на ночлегъ. Тутъ находится небольшое, около версты въ окружности, прѣсное озерко, не сообщающееся съ рѣкой. Берега его покрыты высокимъ тростникомъ, а на лѣвомъ берегу Хойту-Тамира, верстахъ въ 10-ти выше слiянія съ Урту-Тамиромъ стоитъ небольшая кумирня Эринъ-годысъ.

На слѣдующій день мы чрезъ живописныя горныя ворота, образуемыя отрогами окрайныхъ горъ долины Хойту-Тамира, вступили въ западную часть этой долины, которая представляетъ уже не сухую, каменистую степь, а луговую, по преимуществу болотистую и мѣстами кочковатую землю. На окрайныхъ горахъ, окаймляющихъ эту часть долины, которая къ западу становится все выше и выше, появляются сначала небольшія рощицы лиственницы, переходящія далѣе къ западу въ перелѣски. Съ этихъ горъ ниспадаютъ въ Хойту-Тамиръ многоводные ручьи. Рѣка имѣетъ отъ 15 до 20 саженей ширины. Въ ней часто встрѣчаются глубокіе омуты, но довольно и бродовъ, хотя не совсѣмъ мелкихъ. На рѣкѣ, текущей очень быстро, много малыхъ и длинныхъ острововъ, покрытыхъ тальникомъ. Въ Хойту-Тамирѣ мы ловили харіусовъ и ленковъ, а въ заливахъ и прибрежныхъ озеркахъ карасей, но другихъ породъ не удалось поймать.

Западная, луговая часть долины Хойту-Тамира ограничена съ

сѣвера весьма высокимъ хребтомъ Уха-чолунэй и его восточнымъ отрогомъ Дэль, продолженіе котораго до долины Орхона называется Сулъ-тологой. Съ юга она окаймлена тоже весьма высокимъ хребтомъ Тайширъ и его восточнымъ продолженіемъ Шиботу, отдѣленнымъ отъ помянутаго хребта Билхэ долиною Урту-Тамира.

Въ западной части долины дорога раздвояется: прямой, вьючный путь оставляетъ р. Хойту-Тамиръ и идетъ черезъ хребетъ Уха-чолунэй, а колесная дорога поворачиваетъ на юго-западъ, вверхъ по этой рѣкѣ, пересѣкаетъ главный хребетъ Хангая и выходитъ на почтовую Улясутайско-калганскую дорогу. Но колесное движеніе по этой дорогѣ неудобно, а потому ѣдущіе изъ Урги въ Улясутай на телѣгахъ предпочитаютъ ей кружный путь, чрезъ станцію Саиръ-усу на упомянутой почтовой дорогѣ. По прямой же дорогѣ съ Хойту-Тамира черезъ хребетъ Уха-чолунэй движеніе на телѣгахъ невозможно, да и съ вьюками не легко, по причинѣ многихъ высокихъ переваловъ.

Съ р. Хойту-Тамира мы повернули на сѣверо-западъ, къ высокому хребту Уха-чолунэй, по равнинѣ, орошенной нѣсколькими многоводными ручьями, текущими съ него въ рѣку. Хребетъ Уха-чолунэй представляетъ весьма высокій сѣверо-восточный отрогъ главнаго хребта, отъ котораго отдѣляется и упомянутый выше кряжъ Тайширъ, а между ними заключается глубокая тѣснина и въ ней стремится съ юго-запада верхній Хойту-Тамиръ. По берегамъ его въ этой тѣснинѣ растетъ лиственный лѣсъ.

На хребетъ Уха-чолунэй мы поднимались по перевалу Уха-чолунэй-баба около 3-хъ часовъ. Сначала восходили постепенно по отлогому подъему, потомъ по весьма крутому, среди лѣсовъ лиственницы, обдававшихъ насъ знакомымъ живительнымъ ароматомъ лѣсной чащи Алтая. Хребетъ въ этомъ мѣстѣ едва лишь достигаетъ высоты алпійской зоны и не только въ ней, но и въ лѣсахъ въ то время (24-го мая) было еще очень мало растеній въ цвѣту. Опустившись немного съ гребня, мы остановились на ночлегъ въ глубокой долинѣ. Въ верхней части она представляетъ болотистую лощину, прорѣзанную ручьями, и примыкаетъ къ обширному перелѣску. Къ вечеру въ этой весьма высокой мѣстности,

стало такъ холодно, что мы принуждены были развести большіе костры и грѣлись около нихъ до поздней ночи.

Утромъ слѣдующаго дня мы спускались еще верстъ пять по той же долинѣ съ хребта. Въ ней стремится маленькая рѣчка, бурливо шумящая между камнями. Покинувъ горы, мы очутились на широкой долинѣ рѣчки Ханынъ-голъ, названной на большой китайской картѣ Монголін—Хануемъ. Она вытекаетъ съ юго-запада, изъ главнаго хребта системы и впадаетъ справа въ р. Селенгу верстахъ въ 100 къ сѣверо-востоку отъ мѣста нашей переправы черезъ нее. Изъ ея долины ясно была видна верстахъ въ 90 часть главнаго кряжа системы Хангая съ весьма высокими вершинами, еще не освободившимися отъ снѣга. Долина Ханынъ-гола имѣющая около 15 верстъ ширины, большею частью болотиста и въ то время была покрыта многими весенними лужами. На сѣверо-востокѣ она открыта, а на юго-западѣ замыкается главнымъ хребтомъ; съ юго-востока ее ограничиваетъ хребетъ Уха-чолунэй, а съ сѣверо-запада кряжъ Тэллінъ-цаганъ, тоже высокій и длинный сѣверо-восточный отрогъ главнаго хребта Хангая.

Перейдя долину Ханынъ-гола, мы вошли въ широкій поперечный долъ впереди лежавшаго хребта Тэлліинъ-цаганъ. Въ немъ протекаетъ маленькая рѣчка Цзунъ-модунэй-голъ, впадающая въ Ханынъ-голъ. Окрайныя горы этой долины, въ которой мы ночевали, покрыты мѣстами лѣсомъ. Къ юго-западу отъ ночлежнаго мѣста, въ широкой и глубокой лощинѣ, видѣнъ былъ обширный лѣсъ, верстъ слишкомъ 30 въ окружности. Такого большаго лѣса, мы нигдѣ, кромѣ этой мѣстности, не встрѣчали на пути по горной странѣ Хангая. Перевалъ черезъ хребетъ Тэлліинъ-цаганъ, называемый Цзунъ-модунэй-даба, отлогъ, но весьма дливенъ. На восточной сторонѣ къ высшей точкѣ его ведетъ узкая болотистая долина, въ которой въ то время (26-го мая) лежали еще кое-гдѣ вблизи гребня толщи обледенѣлаго снѣга. Проходя по этой долинѣ, мы видѣли партію монголовъ, охотившихся въ сосѣднемъ лѣсу на звѣрей: нѣсколько человѣкъ охотниковъ сидѣло открыто въ чащѣ, а на встрѣчу имъ ѣхала потихоньку цѣпь загонщиковъ, слегка покрикивавшихъ. Охота на этотъ разъ была, должно быть, неудачна, потому что мы не слыхали ни одного выстрѣла,

Съ перевала спустились въ неширокую, степную долину маленькой рѣчки Тэллиинъ-голъ, текущей съ его сѣверо-западнаго склона. Въ долинѣ на правомъ берегу рѣчки стоятъ двѣ маленькія кумирни,—Тэллiинъ-хуралъ, а верстахъ въ 6-ти ниже ихъ на лѣвомъ берегу находится группа небольшихъ, но весьма глубокихъ озерковъ, лежащихъ въ чашеобразныхъ впадинахъ. Наибольшее изъ нихъ,—Цаганъ-норъ, имѣетъ около версты въ окружности. Въ рѣчкѣ Тэллiинъ-голъ мы наловили много крупныхъ харiусовъ, попадались и ленки, которыхъ всегда выбрасывали въ воду, такъ какъ свѣжее мясо ихъ довольно приторно.

Рѣчка Тэллiинъ-голъ впадаетъ въ значительную рѣчку Чолунэй-голъ, на которую мы вышли изъ долины. Чолунэй-голъ получаетъ начало въ главномъ хребтѣ изъ горъ Эгэйнъ-даба и образуется изъ двухъ горныхъ рѣчекъ Хурумъ и Галуту, а изливается въ Сумэйнъ-голъ (притокъ Селенги) съ правой стороны. Долина Чолунэй-гола, подобно долинѣ Ханынъ-гола, направляется съ юго-запада на сѣверо-востокъ. На юго-западѣ она очень широка, но къ сѣверо-востоку съуживается.

Изъ долины Чолунэй-гола дорога ведетъ опять въ горы хребта Шивартай, ограничивающаго эту долину съ сѣверо-запада. Кряжъ Шивартай—тоже отрогъ главнаго хребта, но не столь высокiй, какъ предыдущiе и при томъ безлѣсный. Подъемъ на этотъ кряжъ съ востока не труденъ. Въ центральной части хребта находится каменистое плоскогорье, съ котораго мы спускались сначала по отлогому, потомъ по весьма крутому склону въ узкую долину, выходящую къ большой рѣчкѣ Будонъ-гичигинъ-голъ. Эта рѣчка получаетъ начало въ главномъ хребтѣ Хангая и течетъ въ неширокой долинѣ почти прямо на сѣверъ въ рѣку Сумэйнъ-голъ. На лѣвомъ берегу Будонъ-гичигинъ-гола мы дневали поблизости маленькой кумирни Гунъ-ламанъ-куре. На берегахъ этой многоводной рѣчки въ то время (27 и 28 мая) лежали еще во многихъ мѣстахъ большiя толщи льда, набросанныя высокою весеннею водою. Въ долинѣ Будонъ-гичигинъ-гола встрѣчаются небольшiя озерки, подобныя видѣннымъ на Алтаѣ между Укокомъ и Калгуты. Они лежатъ въ чашеобразныхъ котловинахъ, не сообщающихся съ рѣкой и отличаются, повидимому, весьма большой

глубиной. Въ водѣ близь береговъ торчатъ массивные камни, напоминающіе базальтъ, но образцовъ мы не могли достать. На берегу одного изъ такихъ озеръ найденъ былъ кусокъ лавоваго шлака. Эти озера напоминаютъ маары и обязаны своимъ происхожденіемъ, подобно альпійскимъ озерамъ между Укокомъ и ур. Калгуты, по всей вѣроятности, проваламъ.

Съ рѣчки Будонъ-гичигинъ мы опять поднялись на хребетъ Гичигинъ и пересѣкли его по отлогому перевалу Гичигинъ-даба. Этотъ хребетъ, какъ и предыдущіе, представляетъ отрогъ главнаго кряжа. Близь дороги онъ безлѣсенъ, но къ юго-западу отъ нея въ горахъ разбросаны кое-гдѣ небольшіе лѣски лиственницы. Съ него мы спустились по узкой долинѣ и вышли къ большому прѣсному озеру Тэрхеинъ-цаганъ-норъ. Оно имѣетъ около 10 верстъ длины, верстъ 6 ширины, а по окружности простирается до 30 верстъ. Въ южной части озера воздымается высокій, скалистый островокъ, живописно рисующійся на его свѣтло-голубой поверхности, въ полуверстѣ отъ берега. Озеро съ трехъ сторонъ окружено горами, а съ четвертой,—юго-западной, къ нему примыкаетъ широкая и весьма длинная долина впадающей въ него рѣки Тэрхей-голъ. Глубина его при юго-западныхъ плоскихъ берегахъ возрастаетъ медленно, но при прочихъ,—нагорныхъ,—должна быть велика.

Озеро Тэрхеинъ-цаганъ-норъ выпускаетъ изъ себя рѣку Сумэйнъ-голъ, пробивающуюся ущельемъ на сѣверо-востокъ и впадающую въ Селенгу съ правой стороны. Сумэйнъ-голъ принимаетъ въ себя верстахъ въ 16 ниже озера помянутую рѣчку Будонъ-гичигинъ, а въ 45 верстахъ Чолунэй-голъ,—обѣ съ правой стороны. Судя по массѣ воды въ рѣкѣ Тэрхей-голъ, продолженіемъ которой служитъ рѣка Сумэйнъ-голъ,—эта послѣдняя послѣ Орхона—самый многоводный правый притокъ Селенги.

Въ озерѣ Тэрхеинъ-цаганъ-норъ живетъ изумительное множество рыбъ, принадлежащихъ къ тѣмъ же видамъ, какъ и въ Угэй-норѣ. Во время нашего пребыванія на немъ, передъ закатомъ солнца, при совершенно тихой погодѣ на поверхности озера отъ игры несмѣтнаго множества рыбъ поднялась крупная рябь, продолжавшаяся нѣсколько часовъ; частые всплески, производи-

мые рыбами, сливались въ одинъ звукъ, подобный глухому, отдаленному шуму. Въ рѣкѣ Тэрхей-голъ, впадающей въ это озеро, водится также множество рыбы. Близъ нашего лагеря, верстахъ въ 5 выше устья, мы въ одну тоню добыли около 100 порядочныхъ щукъ. Вечеромъ и въ рѣкѣ, не смотря на сильное теченіе, можно было различать рябь, производимую рыбами, а около береговъ, въ травѣ, безпрерывно тамъ и сямъ слышны были всплески ихъ.

Съ озера Тэрхэинъ-цаганъ-норъ дорога направляется по долинѣ р. Тэрхей-голъ. Эта долина ограничена съ сѣвера и юга весьма длинными отрогами главнаго хребта. Въ нижнемъ теченіи рѣки она имѣетъ отъ 10 до 15 верстъ ширины, большею частію болотиста и покрыта малыми озерками. Рѣка же Тэрхей-голъ, при ширинѣ около 15-ти саженей, течетъ очень быстро и отличается значительной глубиной. Во время нашего пребыванія 30 и 31 мая она была такъ полноводна, что даже въ среднемъ теченіи мы не могли переправиться черезъ нее въ бродъ.

Съ хребта, ограничивающаго долину Тэрхей-гола на сѣверѣ, въ эту рѣку течетъ много ручьевъ, а съ правой стороны въ нее впадаютъ двѣ значительныя рѣчки Тэрхеинъ-урту-голъ въ 17 верстахъ выше устья и Удзыгэй-голъ въ 54 верстахъ. Обѣ онѣ получаютъ начало въ главномъ хребтѣ. Въ верховьяхъ рѣчки Тэрхеинъ-урту-голъ есть перевалъ черезъ этотъ хребетъ, ведущій изъ долины Тэрхей-гола на Калганско-улясутайскую почтовую дорогу. Въ долинѣ рѣки Тэрхей-голъ, кромѣ многихъ малыхъ озерковъ, мы встрѣтили на правомъ берегу два порядочныя прѣсныя озера, сообщающіяся съ рѣкой. Одно изъ нихъ, находящееся верстахъ въ 10 выше устья, имѣетъ около 3 верстъ въ окружности, а другое,—Онхотэй-норъ, отстоящее въ 20 верстахъ къ западу отъ перваго,—2 версты.

На окрайныхъ горахъ долины Тэрхей-гола видны небольшіе перелѣски лиственницы, но только въ нижнемъ теченіи рѣки; въ среднемъ же теченіи они исчезаютъ и флора горъ принимаетъ альпійскій характеръ, а въ верхней части и флора самой долины переходитъ постепенно въ альпійскимъ формамъ.

Близъ устья рѣчки Удзыгэй-голъ пикетная дорога, по которой мы шли, переходитъ на лѣвый берегъ рѣки и направляется въ

Улясутай черезъ горы. Но такъ какъ брода чрезъ р. Тэрхей-голъ еще не было, то мы направились по другой дорогѣ въ этотъ городъ, пролегающей по долинѣ названной рѣки.

Верстахъ въ 3-хъ выше устья Удзыгэй-гола на лѣвомъ берегу рѣки стоитъ маленькая кумирня, отъ которой долина Тэрхэй-гола значительно съуживается и орошается многими ручьями, ниспадающими съ окрайныхъ горъ. Въ 25 верстахъ выше этой кумирни на томъ же берегу рѣки Тэрхей-голъ стоитъ другая кумирня,—Убуръ-тэлліинъ-куре, близь которой мы дневали. Отъ последней долина поворачиваетъ къ юго-западу и на пространствѣ около 12 верстъ значительно расширяется, но потомъ опять съуживается. Съ окрестныхъ горъ по прежнему сбѣгаютъ въ рѣку, носящую въ верховьяхъ названіе Хойту-Тэрхей, многоводные ручьи. Долина по обоимъ берегамъ рѣки болотиста и камениста. Округлые камни во многихъ мѣстахъ тянутся валами поперегъ долины съ горъ и напоминаютъ древніе морены, но рельефъ окрестныхъ высотъ таковъ, что заставляетъ сомнѣваться въ существованіи прежде въ этой мѣстности глетчеровъ.

Флора долины въ верхней части рѣки отличается вполнѣ альпійскимъ характеромъ. Древесной растительности нѣтъ и слѣда. Въ цвѣту мы нашли тутъ только два или три вида растеній.

Въ послѣдній разъ мы ночевали въ долинѣ Тэрхей-гола въ верховьяхъ этой рѣки, близь восточнаго подножія главнаго кряжа, называемаго въ этомъ мѣстѣ Бомботу, въ весьма высокой мѣстности. Тэркей-голъ составляется главнымъ образомъ изъ трехъ рѣчекъ: Ихы-голъ, Хату-голъ и Байцинъ-голъ, изъ которыхъ первыя двѣ получаютъ начало въ главномъ хребтѣ, а послѣдняя въ его отрогѣ.

На главный хребетъ мы поднимались сначала по отлогому, а потомъ по крутому, но короткому склону. Высшая точка этого перевала, называемаго Бомботу-даба, по сдѣланному на ней барометрическому наблюденію, оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ высшею точкою на всемъ нашемъ пути не только по Монголіи, но и по Алтаю. Абсолютная ея высота (9,540 футовъ) превышаетъ высоту перевала Уланъ-даба черезъ пограничный хребетъ Сайлюгемъ на 930 футовъ.

На гребнѣ хребта и даже на его склонахъ въ высокой области лежали еще мѣстами большія толщи оледенѣлаго снѣга, отъ которыхъ стремились ручьи. Растительность (4-го іюня) нисколько не тронулась: кромѣ старой ветоши, мы не видѣли на гребнѣ перевала ни одной свѣжей былинки. Спускъ идетъ сначала по болотистой, топкой и каменистой долинѣ, въ которой насъ застала снѣжная буря, а потомъ ниже мы шли подъ сильнымъ дождемъ и спустились въ узкую, каменистую долину рѣчки Бомботу, текущей съ хребта на юго-западъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, верблюды и лошади скользили и мы преждевременно должны были остановиться на ночлегъ. Монголы говорили, что за 10 дней до нашего прибытія черезъ хребетъ не было проѣзда: китайскій чиновникъ, слѣдовавшій изъ Улясутая въ Ургу, ожидалъ цѣлую недѣлю, пока перевалъ не очистился отъ снѣга.

Узкая долина рѣчки Бомботу въ верховьяхъ ограничена съ сѣверной стороны высокими, обнаженными скалами. На крутыхъ склонахъ ихъ лежатъ массы большихъ сіенитовыхъ отторженцевъ, нависшихъ мѣстами надъ окраиною долины и невольно вызывающихъ чувство опасенія у проходящаго подъ ними путника.

На пути внизъ по рѣчкѣ Бомботу мы завидѣли небольшое стадо дикихъ козловъ, пасшихся на горной площадкѣ, близь подножія весьма высокой и крутой скалы. Двое изъ насъ съ винтовками отдѣлились отъ каравана и направились кружнымъ путемъ подкрадываться къ стаду изъ за холмовъ. Но козлы замѣтили этотъ маневръ и по страшной крутизнѣ быстро взобрались на вершину скалы, обернулись къ намъ лицомъ и осмотрѣвъ внимательно окрестность, скрылись за скалой. Надѣясь ихъ разыскать, мы послѣдовали за ними и взобрались на ту-же скалу, но по другому болѣе отлогому склону, да и то послѣ долгихъ усилій. Трудъ нашъ, однако, оказался напраснымъ: козловъ не оказалось. Должно быть они успѣли въ то время, пока мы взбирались на скалу, перебѣжать въ сосѣднія, тоже трудно доступныя скалы, отстоящія отъ первой верстахъ въ четырехъ. За то съ вершины скалы мы увидѣли высшую точку Хангая,—снѣжную гору Богдо-ула, находившуюся отъ мѣста наблюденія верстахъ въ 80 къ сѣверо-западу. На восточной сторонѣ этой величественной горы, немного ниже

снѣжной линіи, замѣтна была наклонная къ востоку площадь синеватаго цвѣта, покрытая, по всей вѣроятности, льдомъ. Гора Богдо-ула заключается не въ главномъ хребтѣ Хангая, а въ его широкомъ и высокомъ отрогѣ Халтыръ, отдѣляющемся отъ него верстахъ въ 40 къ сѣверо-западу отъ перевала Бомботу. Судя по высотѣ перевала черезъ этотъ отрогъ верстахъ въ 20-ти къ югу отъ г. Богдо-ула, опредѣленной мною барометрически, абсолютная высота ея должна быть не менѣе 12,000 футовъ. Богдо-ула считается священной горой и извѣстна не только хангайскимъ монголамъ, но и обитателямъ окрестныхъ странъ. Кромѣ этого названія, она носитъ еще три другія: Богдо-Хаирханъ, Очиръ-вани и Отхонъ-тенгри. Послѣднимъ ее именовали монголы средняго Дзапхына, когда мы расспрашивали ихъ объ истокахъ этой рѣки.

Съ той же высокой скалы мы увидѣли на сѣверѣ долину рѣчки Буянту, получающей начало въ горномъ узлѣ Тарбагатай и текущей на югъ-западъ-югъ. Мы вышли на эту рѣчку по узкой, каменистой долинѣ ея лѣваго притока Бомботу и остановились немного выше устья на дневку.

Многоводную и очень быструю рѣчку Буянту монголы совершенно основательно считаютъ верховьемъ р. Дзапхына. Буянту въ верхней части собираетъ въ себя множество малыхъ притоковъ, пересѣкаетъ почтовую Калганско-улясутайскую дорогу и принявъ ниже ея притокъ Шара-усу, получаетъ названіе Дзапхына, продолжая течь по направленію на югъ-западъ-югъ. Близъ уроч. Цакилдакъ-Дзапхынъ круто поворачиваетъ къ западу и течетъ въ этомъ направленіи около 100 верстъ, потомъ уклоняется на сѣверо-западъ-сѣверъ и принимаетъ въ себя справа самый многоводный притокъ,—рѣчку Улясутай, называемую въ верховьяхъ Богдо-голомъ; далѣе течетъ на сѣверо-западъ, принимаетъ съ лѣвой стороны протокъ изъ озера Хара-норъ и изливается въ озеро Айрикъ. Вся длина теченія Дзапхына около 600 верстъ.

Въ Буянту живетъ много харіусовъ и ускучей, но другихъ породъ рыбъ, обитающихъ въ открытой, океанической системѣ Селенги, ни въ этой рѣчкѣ, ни въ прочихъ, принадлежащихъ къ внутреннимъ бассейнамъ Монголіи,—нѣтъ, исключая развѣ гальяновъ (Nemachilus).

Переправившись съ трудомъ черезъ Буянту, мы шли верстъ около 15 по ея долинѣ внизъ, пересѣкли правый притокъ этой рѣчки Чолуту-голъ, ниже котораго на лѣвомъ ея берегу стоитъ кумирня Буянту, а потомъ повернули на западъ, въ горы Халтыръ, по узкой поперечной долинѣ, орошаемой рѣчкой Халтырэй—правымъ же притокомъ Буянту. На пути насъ засталъ проливной дождь, принудившій остановиться преждевременно. Топливо (аргалъ) сильно отсырѣло и мы долго оставались безъ огня, прозябнувъ, какъ въ глубокую осень.

Не доходя перевала, на правомъ берегу рѣчки стоитъ маленькая кумирня Халтырэй, около которой растетъ небольшой лѣсокъ, но въ окрестностяхъ и въ долинѣ Буянту древесной растительности не видно было нигдѣ. По берегамъ рѣчки Халтырэй мы находили черепа и рога горныхъ барановъ, живущихъ въ окрестныхъ, малодоступныхъ горахъ.

Утромъ мы начали подыматься на перевалъ Халтырэй-даба по короткому, но крутому склону. Съ высшей точки его увидѣли вторично снѣжную гору Богдо-ула, отстоящую отъ него не далѣе 20 верстъ. Потомъ по весьма крутому спуску сошли къ маленькой рѣчкѣ Нарынъ-голъ, получающей начало въ болотистой лощинѣ подъ переваломъ и текущей въ Буянту. За этой рѣчкой мы стали подниматься по отлогому, но каменистому склону на второй перевалъ черезъ тотъ же отрогъ,—Нарынэй-даба, почти одинаковой высоты съ первымъ, а съ него спустились по крутому склону въ ущелье рѣчки Чолуту, получающей начало на западномъ склонѣ перевала и текущей сначала подъ этимъ названіемъ, а потомъ подъ именемъ Шурукъ на юго-западъ, въ Богдо-голъ. На горахъ къ югу отъ этой рѣчки виднѣлись небольшіе перелѣски лиственницы.

Переночевавъ въ верховьяхъ этой рѣчки, мы на другой день прошли внизъ по ней около 12 верстъ по узкой долинѣ, потомъ свернули къ сѣверо-востоку,—въ горы, и на протяженіи 15 верстъ пересѣкли 7 переваловъ, извѣстныхъ подъ собирательнымъ названіемъ *долонъ-даба*. Изъ нихъ только одинъ восточный затруднителенъ, а остальные пологи и невысоки. Всѣ эти перевалы ведутъ черезъ юго-западныя вѣтви мощнаго отрога главнаго хребта, Халтыръ, содержащаго снѣжную гору Богдо-ула. Послѣ утомительна-

го перехода по горамъ мы вышли наконецъ на рѣчку Богдо-голъ. Она получаетъ начало на западномъ склонѣ г. Богдо-ула и течетъ на юго-западъ. Въ верховьяхъ ея есть горячіе ключи, называемые Аршанъ и небольшое озеро. Они отличаются цѣлебными свойствами и посѣщаются больными. По свидѣтельству монголовъ, въ Хангаѣ, кромѣ этихъ ключей, есть еще горячіе источники въ верховьяхъ рѣки Таца и въ горахъ Эльбихэ, дающихъ начало рѣчкѣ Шаргальчжидъ,—верстахъ въ 50-ти къ сѣверо-западу отъ станціи Таца на Калганско-улясутайской почтовой дорогѣ.

Рѣчка Богдо-голъ, показавшаяся намъ многоводнѣе верхней Буянту, течетъ по узкой долинѣ, покрытой тополемъ, таломъ и различными кустарниками, отличаясь весьма значительной быстротой. Въ ней водятся крупные харіусы и ускучи, но другихъ породъ, какъ и въ Буянту, нѣтъ.

Спустившись внизъ по лѣвому берегу Богдо-гола верстъ 8, мы переправились потомъ съ трудомъ на правую сторону и слѣдовали по ней до самаго Улясутая. Верстахъ въ 15 не доходя города узкая и каменистая долина Богдо-гола расширяется, а покрывающій ее лиственный лѣсъ исчезаетъ. На горахъ же къ югу отъ рѣчки разбросаны кое-гдѣ небольшіе лѣски лиственницы. Верстахъ въ 6-ти отъ Улясутая, у подножія горъ, на правомъ берегу рѣчки, стоитъ большая кумирня, а въ трехъ верстахъ цитадель. Богдо-голъ въ расширившейся каменистой долинѣ очень часто дѣлится на рукава. На рѣчкѣ въ окрестностяхъ города разбросаны жалкія юрты бѣдныхъ монголовъ, живущихъ поденной работой и другими промыслами. Переправившись черезъ рѣчку Чжагистэй,—правый притокъ Богдо-гола, по мосту, мы вошли въ городъ 10-го іюня и помѣстились у соотечественниковъ, принявшихъ насъ съ такимъ же радушіемъ, какое мы встрѣтили въ Кобдо, въ Калганѣ и въ Ургѣ.

Теперь считаю не лишнимъ сдѣлать общій обзоръ горной страны Хангая. Эта система состоитъ изъ весьма длиннаго и высокаго хребта со многими вѣтвями, тянущагося непрерывно съ сѣверо-запада на юго-востокъ отъ рѣки Харкира (юго-западный

притокъ оз. Убса) до верховьевъ рѣки Онгіинъ, на пространствѣ слишкомъ 900 верстъ. Наибольшей высоты главный хребетъ достигаетъ у противоположныхъ истоковъ рр. Эдера и Буянту, въ горномъ узлѣ Тарбагатай. Къ юго-востоку и сѣверо-западу отъ этого узла онъ начинаетъ постепенно понижаться. Объ этомъ свидѣтельствуютъ высоты, опредѣленныя нашими путешественниками, пересѣкавшими главный хребетъ Хангая, и показанія монголовъ, по словамъ которыхъ перевалы черезъ него къ юго-востоку отъ истоковъ Байдарика освобождаются отъ снѣга гораздо раньше, чѣмъ къ сѣверо-западу отъ нихъ до истоковъ рѣчки Улакчинъ, не смотря на незначительную разность ихъ широтъ [1]).

Главный хребетъ Хангая высылаетъ къ сѣверо-востоку весьма длинные и высокіе отроги, большую часть которыхъ мы пересѣкли на пути отъ Орхона до озера Терхеинъ-цаганъ-норъ. Посредствомъ этихъ отроговъ, отдѣляемыхъ къ западу отъ р. Эдера, онъ, какъ показываютъ изслѣдованія той мѣстности г. Потанина,—сочленяется въ окрестностяхъ озера Сангинъ-далай съ юго-восточными отрослями хребта Танну-ола, а слѣдовательно и съ Алтаемъ. Южные же отроги хребта плоски и не достигаютъ Ю. Алтая, съ которымъ Хангай, какъ уже было замѣчено, не имѣетъ прочной орографической связи. Кромѣ того, есть нѣкоторыя основанія предполагать, что система Хангая опускается къ югу небольшою террасою.

Въ сѣверо-западной части, между рр. Тесомъ и Мухуръ-Кунгуемъ система Хангая значительно съуживается и переходитъ въ неширокій хребетъ Ханъ-хухэй, отдѣляющій лишь незначительные отроги и оканчивающійся вилообразно двумя вѣтвями Морито и Тохтугэнъ невдалекѣ отъ южнаго берега оз. Убса.

Обширныхъ замкнутыхъ плоскогорій мы не видали въ системѣ

[1]) По опредѣленію гг. Потанина и Рафаилова, пересѣкавшихъ главный хребетъ Хангая по перевалу Дурю-хангинъ, близь узла Тарбагатай, высота этого перевала 9,930 ф. Перевалъ Бомботу, отстоящій отъ помянутаго узла верстахъ въ 40 къ юго-востоку, по моему опредѣленію, имѣетъ 9,540 ф. По опредѣленію г. Падерина, перевалъ Убуръ-улакчинъ черезъ тотъ же хребетъ верстахъ въ 120 къ с.-з. отъ узла Тарбагатай подымается на 6,700 ф. надъ моремъ, а мѣстность Уланъ-чолу близь истоковъ р. Байдарика на сѣверномъ склонѣ главнаго же хребта, но близости гребня, возвышается на 6,800 футовъ.

Хангая, но небольшія и при томъ плоскія горныя котловины по южную сторону главнаго хребта встрѣчались нерѣдко.

Пересѣченные нами на пути отъ Орхона до оз. Тэрхеинъ-цаганъ-норъ сѣверо-восточные отроги главнаго хребта, оканчиваются на правомъ берегу р. Селенги, текущей въ верхней и средней части на востокъ-сѣверъ-востокъ. Къ сѣверу отъ этой рѣки страна, по свидѣтельству хангайскихъ монголовъ, повсюду отличается горнымъ характеромъ. Между рр. Селенгою и Эгинъ-голомъ простирается хребетъ Хангай со своими южными отрогами: Эрцитъ, Халцзанъ и Найманъ-ула. Пространство между Селенгою и нижнимъ Орхономъ также покрыто горами, называемыми на западѣ Бургутай, а на востокѣ Барунъ-ула. Горы же между р. Урту-Тамиромъ и рѣчкою Чжирматай носятъ названіе Сайханъ-ула.

Во всей системѣ Хангая, кромѣ горы Богдо-ула, заключающейся въ отрогѣ главнаго хребта,—Халтыръ,—нѣтъ ни одной снѣжной вершины. Не смотря на то, Хангай даетъ начало многимъ рѣкамъ. На сѣверо-восточномъ склонѣ главнаго хребта беретъ начало р. Селенга, подъ названіемъ Эдера,—величайшая рѣка Монголіи. Въ сосѣдствѣ съ ея вершинами, на противоположномъ склонѣ хребта, находятся истоки весьма значительной р. Дзапхына, называемаго въ верховьяхъ Буянту. Съ г. Богдо-ула течетъ Богдо-голъ—самый многоводный притокъ Дзапхына. Съ юго-западнаго склона Хангая на югъ, въ долину большихъ, замкнутыхъ озеръ изливаются: Байдарикъ съ правыми притоками Цзакомъ и Цаганъ-голомъ и лѣвымъ рѣчкою Утою; Ологой, называемая въ нижней части Нарынъ-голъ; Туинъ-голъ съ лѣвымъ притокомъ Шаргалъчжадъ; Таца-голъ съ лѣвымъ притокомъ Шаргаинъ-голъ; Горида-голъ съ лѣвымъ же притокомъ Шабарту-голъ, по сліяніи съ которымъ называется Аргуинъ-голъ и наконецъ Онгіинъ-голъ, получающій начало въ юго-восточной оконечности главнаго хребта. Съ сѣверо-восточнаго склона того же хребта въ Селенгу текутъ: Тэрхей-голъ съ своимъ нижнимъ продолженіемъ Сумэйнъ-голомъ, принимающимъ справа Будонъ-гичигинъ-голъ и Чолунэй-голъ, далѣе Ханынъ-голъ и Орхонъ съ своими лѣвыми притоками Чжирматаемъ и Тамиромъ.

Большихъ озеръ, кромѣ Тэрхей-цаганъ-нора, въ горной странѣ

Хангая нѣтъ, но малыя нерѣдки. Изъ этихъ послѣднихъ мы встрѣтили одно въ долинѣ Хойту-Тамира, нѣсколько незначительныхъ въ долинахъ рр. Будонъ-гичигинъ-гола и Тэллинъ-гола и два въ долинѣ Тэрхей-гола. Кромѣ того, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, рѣки: Хойту-Тамиръ, Байдарикъ, Цзакъ и Ологой, получающія начало въ главномъ хребтѣ, образуютъ въ своихъ верховьяхъ небольшія озера, а въ горной странѣ къ югу отъ этого хребта, встрѣчаются мѣстами небольшія замкнутыя озера частью прѣсныя, частью соленыя, питающіяся водами родниковъ, ручьевъ или маленькихъ рѣчекъ. На пути по той странѣ мы видѣли малыя озера: соленое Гашунь-норъ и прѣсныя Ульдзуйту-норъ и Гунъ-норъ. Къ сѣверу отъ нашего пути, поблизости главнаго хребта, какъ говорили монголы, ихъ больше.

Горы Хангая слагаются преимущественно изъ гранита, сіенита и фельзитоваго порфира, при чемъ двѣ первыя породы развиты преимущественно въ западной половинѣ его, а фельзитовый порфиръ преобладаетъ въ восточной. Изъ осадочныхъ породъ можно указать только на глинистый сланецъ въ южной части по берегамъ р. Нарынъ-гола. Но и въ сѣверной половинѣ системы между Орхономъ и Улясутаемъ сохранились признаки прежняго обширнаго тамъ распространенія глинистыхъ сланцевъ, разрушенныхъ и смытыхъ атмосферными дѣятелями. Эти свидѣтельства заключаются въ присутствіи на высокихъ кристаллическихъ массивахъ сланцевыхъ плитокъ и крошекъ, а также въ окрашеніи ихъ мѣстами въ темносиній цвѣтъ, очевидно, хлоритомъ распавшихся сланцевъ. Кромѣ того, обозрѣвая наносы горныхъ щелей и долинъ, мы въ числѣ прочихъ сборныхъ камней, погребенныхъ въ этихъ наносахъ, находили сланцевыя обломки: плитки, крошки, голыши и гальки. Наконецъ во многихъ *обо*, т. е. въ грудахъ камней, воздвигаемыхъ на высшихъ мѣстахъ переваловъ и имѣющихъ у монголовъ религіозное значеніе, мы точно также усматривали эти обломки, хотя стланей названной осадочной породы по сѣверную сторону главнаго хребта не встрѣчали нигдѣ.

Всѣ эти признаки несомнѣнно убѣждаютъ въ прежнемъ широкомъ распространеніи глинистыхъ сланцевъ въ сѣверной половинѣ системы, прорванныхъ кристаллическими породами сіенитомъ и

гранитомъ, а потомъ окончательно смытыхъ атмосферными дѣятелями, исключая участка по правому берегу р. Нарынъ-гола, гдѣ сохранились еще до сего времени пласты этой осадочной породы. Такимъ образомъ кристаллическіе массивы Хангая, по крайней мѣрѣ сѣверной части, сравнительно съ осадочными породами—образованія позднѣйшаго.

Въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ сѣверной половины Хангая можно указать въ частности, какъ это было сдѣлано для южной, мѣсторожденія слѣдующихъ породъ: Въ хребтѣ Уха-чолунэй,—самомъ высокомъ изъ сѣверо-восточныхъ отроговъ главнаго кряжа, развитъ—фельзитовый порфиръ съ обнаженіями на гребнѣ мелкозернистаго гранита. Въ хребтѣ Тэлліинъ-цаганъ повсемѣстно около дороги распространенъ фельзитовый же порфиръ. Въ отрогѣ главнаго же хребта Гичигинъ склоны изъ фельзитоваго порфира, а гребень изъ сіенита. Въ главномъ хребтѣ, на перевалѣ Бомботу, преобладаетъ сіенитъ, котораго роговая обманка близъ поверхности перешла въ беатитъ; къ подчиненнымъ породамъ относятся на сѣверо-восточномъ склонѣ гранититъ, на юго-западномъ порфировидный гранитъ, а въ центральной части обыкновенный известнякъ. Въ горахъ Хангая между г. Улясутаемъ и верховьями р. Кунгуя повсюду преобладаетъ гранитъ и лишь изрѣдка встрѣчаются обнаженія фельзитоваго туфа.

Главный хребетъ Хангая, исключая наиболѣе высокой части, принадлежащей къ альпійской области, и его сѣверо-восточные отроги покрыты мѣстами лиственницей. Другихъ хвойныхъ породъ мы не встрѣчали,—но г. Антроповъ видѣлъ въ горахъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ озера Тэрхеинъ-цаганъ-норъ,—небольшіе кедровые лѣса. Хангайскіе лѣса рѣдки, лишены густыхъ зарослей кустарниковъ и не отличаются большими размѣрами. Сплошныхъ лѣсовъ, тянущихся на нѣсколько десятковъ верстъ, какъ наприм. въ Алтаѣ, на верхней Бухтармѣ и Чуѣ, въ Хангаѣ нѣтъ. Самые обширные изъ видѣнныхъ нами въ этой горной странѣ лѣсовъ имѣли отъ 25 до 30 верстъ въ окружности. Точно такъ же, какъ и въ Алтаѣ, въ описываемой горной странѣ лѣсъ растетъ только на сѣверныхъ склонахъ горъ, а южные ихъ покатости безлѣсны. На этихъ послѣднихъ лишь кое-гдѣ встрѣчаются малорослыя кущи и

единокія, чахлыя деревца лиственницы. Обширные лѣса распредѣлены преимущественно по широкимъ и глубокимъ лощинамъ, обращеннымъ къ сѣверу, въ видѣ амфитеатровъ. Небольшіе лиственные лѣски изъ тополя и тала мы видѣли только на нижнемъ Тамирѣ, верхнемъ Хойту-Тамирѣ и въ долинѣ верхняго Богдо-гола.

Въ лѣсахъ Хангая водятся маралы, косули и кабаны, но медвѣдей въ нихъ нѣтъ. Изъ мелкихъ млекопитающихъ въ этихъ лѣсахъ живутъ бурундуки и темныя бѣлки. На скалистыхъ, малодоступныхъ горахъ, преимущественно вблизи главнаго хребта, пасутся горные бараны и козлы, но въ ограниченномъ количествѣ, а въ долинахъ и предгоріяхъ цзерены, которыхъ тоже мало. За то сурковъ въ этой горной странѣ множество. Зайцевъ (Lepus talaï) мы въ Хангаѣ не видѣли вовсе. Изъ птицъ въ хангайскихъ лѣсахъ встрѣчали кукушку и пестраго дятла. Въ высокихъ областяхъ главнаго хребта живутъ улары (Megaloperdix). Каменныхъ же куропатокъ (Cacabis chukar), весьма обыкновенныхъ въ С.-З. Монголіи,—въ Хангаѣ мы нигдѣ не видѣли. Плавающихъ и голѣнастыхъ птицъ на рѣкахъ водится множество.

Травянистая растительность Хангая не отличается разнообразіемъ. Правда въ ту раннюю пору, когда мы проходили по этой горной странѣ, было еще мало растеній въ цвѣту, но и по количеству собранныхъ видовъ цвѣтковыхъ можно судить объ однообразіи флоры Хангая. Сравнительно съ роскошною растительностію нашего Алтая хангайская флора представляется бѣдною, какъ по количеству видовъ, такъ и пышности самыхъ растеній. Но среди прочихъ маловодныхъ и пустынныхъ странъ Монголіи Хангай со своими лѣсами и обильно орошенными долинами можетъ безспорно считаться обширнымъ оазисомъ этой вообще бѣдной по своей природѣ земли. Поэтому и населеніе въ Хангаѣ плотнѣе, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ: на пути по этой горной странѣ монгольскіе улусы встрѣчались чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Монголіи. Климатъ Хангая, благодаря весьма высокому положенію этой страны надъ уровнемъ моря, очень суровый: весна начинается не ранѣе первыхъ чиселъ мая, рѣки освобождаются отъ льда между 1 и 10 числами этого мѣсяца; къ тому же времени прибываютъ и перелетныя птицы, но случается, что воды вторично покрываются на

нѣкоторое время льдомъ и тогда масса плавающихъ и болотистыхъ птицъ погибаетъ отъ холода и голода. Во второй половинѣ сентября по ночамъ уже бываютъ порядочные морозы, а въ началѣ октября рѣки и озера покрываются льдомъ. Хангайскіе монголы жаловались на глубокіе снѣга въ ихъ странѣ, присовокупляя, что въ прежнее время, на памяти стариковъ, зима въ Хангаѣ была мягче и малоснѣжнѣе, тогда какъ нынѣ рѣдкій годъ проходитъ, чтобъ у нихъ не было падежа скота въ особенности барановъ отъ безкормицы.

Въ горной странѣ Хангая только въ одномъ пунктѣ, именно въ г. Улясутаѣ, сдѣланы были бійскимъ купцомъ, г. Антроповымъ, наблюденія надъ температурою воздуха въ теченіи 1880 года. Въ январѣ 1879 года онъ получилъ въ Пекинѣ отъ директора нашей метеорологической и магнитной обсерваторіи, г. Фритше, термометръ Реомюра, устроилъ для него въ Улясутаѣ будку (13 фут. отъ поверхн.) и наблюдалъ аккуратно въ теченіи цѣлаго года, по указанію г. Фритше, три раза въ день: въ 8 часовъ утра, въ 2 пополудни и въ 8 вечера. Не задолго до своей смерти г. Антроповъ прислалъ эти наблюденія ко мнѣ. Не найдя въ нихъ ничего сомнительнаго, я счелъ полезнымъ вычислить эти наблюденія и помѣстить средніе выводы въ настоящемъ примѣчаніи.

Г. Улясутай лежитъ въ широкой междугорной долинѣ, орошаемой рѣчкой Богдо-голъ, подъ 47° 45′ с. ш. и въ 6^h 27^m 35^s отъ Гринвича по долготѣ. Абсолютная его высота около 5,800 футовъ. По наблюденіямъ г. Антропова, среднія мѣсячныя температуры въ этомъ пунктѣ (по терм. Реомюра), слѣдующія:

Весна:		Лѣто:		Осень:		Зима:	
Мартъ	—2,6	Іюнь . .	+17,4	Сентябрь	+ 4,2	Декабрь	—16,5
Апрѣль	+3,8	Іюль . .	+15,4	Октябрь	— 3,5	Январь	—19,4
Май . .	+9,8	Августъ	+12,3	Ноябрь .	—11,3	Февраль	—11,6
Среднія:	+3,7		+15,0		— 3,5		—15,8

Средняя же годичная температура = —0,16. Наибольшую температуру +26,5 г. Антроповъ наблюдалъ 24-го іюня въ 2 часа по полудни, а наименьшую —38,0 января 12-го въ

8 часовъ вечера. Въ эти дни среднія суточныя температуры были: 24-го іюня +21,1, а 12-го января —32,6.

Въ дополненіе къ предыдущимъ выводамъ относительно Улясутая, считаю не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о климатѣ Монголіи вообще. Полныхъ метеорологическихъ наблюденій наша экспедиція не дѣлала, такъ какъ при постоянной перемѣнѣ географической широты, долготы и абсолютной высоты мѣстъ, эти наблюденія, по моему мнѣнію, не могли дать удовлетворительныхъ результатовъ даже для поверхностныхъ выводовъ о распредѣленіи атмосфернаго давленія и въ особенности теплоты въ посѣщенной нами странѣ. Поэтому мы ограничились только наблюденіями вѣтровъ и направленія облаковъ, пополняя эти наблюденія распросными свѣдѣніями отъ мѣстныхъ жителей. Такія же наблюденія дѣлались мною въ 1876 г. въ Чжунгаріи и Зайсанскомъ краѣ въ теченіи семи мѣсяцевъ (съ 1-го марта по 1-е сентября).

По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, пополненнымъ распросными свѣдѣніями, въ Чжунгаріи весною и лѣтомъ преобладаютъ западные и юго-западные вѣтры, осенью и въ началѣ зимы дуютъ преимущественно сѣверо-западные, а зимою сѣверные, сѣверо-восточные, рѣже восточные и еще рѣже южные вѣтры. Облака весной и лѣтомъ приходятъ съ юго-запада и запада, а осенью съ запада и сѣверо-запада; зимою тоже съ сѣверо-запада и рѣже съ сѣвера. Съ остальныхъ странъ свѣта облака во всѣ времена года приходятъ очень рѣдко. Намъ самимъ только однажды случилось наблюдать облака (барашки), шедшія съ востока.

Въ Монголіи на пути изъ г. Кобдо въ г. Гуй-хуа-чэнъ въ сентябрѣ были большею частью тихіе и ясные дни, а въ октябрѣ и ноябрѣ дули преимущественно западные вѣтры, рѣдко сѣверо-восточные и сѣверные, еще рѣже юго-восточные и южные. Январь и февраль мы провели въ г. Калганѣ, расположенномъ въ глубокомъ ущельѣ, въ которомъ наблюденія надъ вѣтрами невозможны безъ флюгера, выставленнаго на одной изъ окрестныхъ горныхъ вершинъ. Мартъ мы употребили на переѣздъ изъ Калгана въ Ургу. Погода въ этомъ мѣсяцѣ стояла большею частью тихая, изрѣдка только дули слабые западные вѣтры, но въ концѣ марта нѣсколько дней сряду дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Въ апрѣлѣ, во

время пребыванія въ Ургѣ, дули преимущественно сѣверо-восточные вѣтры, рѣже сѣверные и восточные. На обратномъ пути изъ Урги чрезъ Улясутай къ границѣ З. Сибири съ 1-го мая по 20-е іюля мы наблюдали преимущественно западные и сѣверо-западные вѣтры, рѣже сѣверные и очень рѣдко съ прочихъ странъ. Въ центральной Монголіи, по свидѣтельству жителей,—въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и въ мартѣ преобладаютъ сѣверо-восточные вѣтры, послѣ нихъ сѣверные и восточные, а прочіе рѣдки. Въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ дуютъ преимущественно западные и сѣверо-западные вѣтры. Въ августѣ и сентябрѣ дни бываютъ большею частью тихіе и ясные. Эти два мѣсяца считаются лучшимъ временемъ въ Монголіи. Въ теченіи ихъ только изрѣдка дуютъ слабые западные и сѣверо-западные вѣтры. Облака въ Монголіи, какъ и въ Чжунгаріи, приходятъ преимущественно съ запада и сѣверо-запада, даже въ юго-восточную часть этой страны. Производя во время путешествія астрономическія наблюденія для географическаго опредѣленія мѣстъ, я слѣдилъ за облаками не только днемъ, но очень часто и ночью, выжидая удобное время для наблюденій и почти всегда замѣчалъ движеніе ихъ съ юго-запада, запада или съ сѣверо-запада. Только въ Ургѣ и раза два въ Хангаѣ пришлось видѣть облака, направлявшіяся съ сѣвера и сѣверо-востока. Показанія монголовъ о направленіи въ ихъ странѣ облаковъ подтверждаютъ то же самое.

Въ заключеніе позволяю себѣ указать на одно обстоятельство, которое, за неимѣніемъ въ тѣхъ странахъ метеорологическихъ наблюденій, можетъ дать нѣкоторое представленіе о направленіи влажныхъ вѣтровъ въ нихъ, именно на неодинаковую степень вывѣтриванія граней у однородныхъ гольцевъ, вѣнчающихъ высокія и открытыя со всѣхъ сторонъ горныя вершины. Наблюденія такихъ гольцевъ въ Чжунгаріи и въ Западной Монголіи показываютъ, что западные и сѣверо-западные грани ихъ, сравнительно съ прочими, наиболѣе подвержены разрушенію. Россыпи, отторженцы и вообще продукты вывѣтриванія у подножій этихъ граней обильнѣе, чѣмъ у остальныхъ; тоже самое можно сказать о трещинахъ и выемкахъ на самыхъ граняхъ. Это явленіе невозможно, мнѣ кажется, объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ теченія въ тѣ страны

наиболѣе влажнаго воздуха съ запада и сѣверо-запада и относительной сухостью прочихъ вѣтровъ. При этомъ нужно, однако, замѣтить, что послѣ западныхъ и сѣверо-западныхъ граней гольцевъ, наиболѣе подвержены разрушенію южные, но отнюдь не отъ присутствія влажныхъ полуденныхъ вѣтровъ, которыхъ тамъ нѣтъ, а отъ попеременнаго дѣйствія на нихъ то весьма значительной солнечной теплоты, то сильнаго холода. Дѣйствительно, въ теплопрозрачной атмосферѣ тѣхъ странъ южные грани гольцевъ должны въ безоблачные лѣтніе дни сильно нагрѣваться солнечными лучами, а по ночамъ, вслѣдствіе свободнаго лучеиспусканія,—претерпѣвать холодъ, что, само собою разумѣется, должно способствовать ихъ вывѣтриванію.

ГЛАВА X.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ СЪ МОНГОЛІЕЙ И ТОРГОВЫХЪ СВЯЗЕЙ ВНУТРЕННЯГО КИТАЯ СЪ ЭТОЙ СТРАНОЙ.

Во время путешествія по Монголіи экспедиція между прочимъ занималась по мѣрѣ возможности собираніемъ свѣдѣній о нашей торговлѣ съ нею преимущественно со стороны З. Сибири, а также о торговлѣ Монголіи съ Внутреннимъ Китаемъ, заимствуя первыя главнымъ образомъ отъ нашихъ купцовъ, торгующихъ въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо, которымъ много обязана за сообщеніе этихъ свѣдѣній.

Приступая къ очерку нашей торговли съ Монголіей, считаю не излишнимъ предпослать ему нѣкоторыя свѣдѣнія о путяхъ, ведущихъ изъ З. Сибири въ эту страну черезъ Алтай. Такихъ путей два: *Чуйскій* и *Бухтарминскій*. Чуйскій трактъ направляется изъ г. Бійска чрезъ села Смоленское и Алтайское, дер. Шаболину, с. Ангудай и далѣе по долинѣ р. Чуи на уроч. Кошъ-агачъ, близь государственной границы, гдѣ производится перегрузка товаровъ, отправляемыхъ по этому пути въ Монголію, и имѣются купеческіе склады. На уроч. Кошъ-агачѣ дорога раздвояется: одна вѣтвь идетъ мимо озеръ: Ачитъ-норъ, Шацгай-норъ и Цзэренъ-норъ, потомъ по лѣвому берегу р. Кунгуй въ г. Улясутай, а другая черезъ перевалъ Хакъ и уроч. Эльдеге Алтанъ-чечей и Хонго въ г. Кобдо. Отъ г. Бійска до Ангудая на протяженіи 240 вер., Чуйскій трактъ представляетъ весьма порядочную колесную дорогу, въ особенности на первыхъ 100 верстахъ. Отъ Ангудая же до самаго Кошъ-агача (220 верстъ) дорога не только неудобна для колеснаго движенія, но и для вьюковъ затруднительна, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (на горныхъ карнизахъ, или *бомахъ*, по р. Чуѣ) даже опасна. Отъ Кошъ-агача обѣ вѣтви Чуйскаго тракта,

ведущія въ гг. Кобдо и Улясутай удобны для вьючнаго слѣдованія. По дорогѣ изъ Кошъ-агача въ Улясутай одинъ изъ бійскихъ купцовъ доставлялъ въ послѣдніе годы товаръ въ этотъ городъ на двухколесныхъ телѣгахъ, но остальные предпочитаютъ вьючный способъ.

Провозная плата по Чуйскому тракту обходится съ пуда: отъ Бійска до Ангудая (240 верстъ) зимою 15 коп., лѣтомъ отъ 20 до 25 коп.; отъ Ангудая же до Кошъ-агача по трудному вьючному пути за такое же почти разстояніе (220 верстъ) отъ 80 коп. до 1 руб.; отъ Кошъ-агача до г. Кобдо (250 верстъ) около 60 коп., а до Улясутая (620 верстъ) около 1 рубля.

Бухтарминскій трактъ ведетъ въ Монголію изъ Семипалатинской области, изъ г. Устькаменогорска черезъ станицы: Ульбинскую, Бухтарминскую и Алтайскую, поселокъ Урыльскій на верхней Бухтармѣ и далѣе черезъ уроч. Калгуты, перевалъ Уланъ-даба въ пограничномъ хребтѣ Сайлюгэмэ, потомъ черезъ урочища: Белеу, Эльдеге, Алтанъ-чечей и Хонго въ г. Кобдо. Отъ Устькаменогорска до пос. Урыльскаго (382 версты) дорога колесная, но между станціями Ульбинскою и Александровскою, на протяженіи 48 верстъ, для тяжелыхъ повозокъ очень затруднительна; а отъ Урыльскаго поселка до самаго г. Кобдо (около 400 верстъ) она представляетъ вьючный путь, который, однако, даже въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ, на верхней Бухтармѣ, несравненно лучше участка Чуйской дороги между Ангудаемъ и Кошъ-агачемъ. Провозная плата по Бухтарминскому тракту отъ Алтайской станицы до г. Кобдо (около 460 верстъ) простирается до 1 рубля съ пуда, но въ пріисканіи возчиковъ встрѣчаются затрудненія на этой неоживленной дорогѣ.

Чуйскій трактъ представляетъ нынѣ главную артерію торговаго движенія изъ З. Сибири въ Монголію, тогда какъ по Бухтарминскому тракту это движеніе далеко не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ изъ Бійска. Устькаменогорскіе и семипалатинскіе торговцы, главную массу которыхъ составляютъ татары, предпочитаютъ вести торговлю съ родственными имъ нашими и китайскими киргизами, нежели съ китайцами и монголами.

Торговля нашихъ бійскихъ купцовъ въ Монголіи почти исклю-

чительно мѣновая и ведется не столько въ гг. Кобдо и Улясутаѣ, въ которыхъ обороты ея незначительны, сколько внутри страны, въ улусахъ[1]). По доставленіи товара въ Кобдо и въ Улясутай, изъ которыхъ въ первомъ во время нашего пребыванія было 4, а во второмъ 9 русскихъ лавокъ, часть его продается на мѣстѣ, а другая, наибольшая, внутри страны, куда товаръ отправляется періодически съ прикащиками. Для мелочной распродажи товара въ улусахъ большинство купцовъ имѣетъ своихъ верблюдовъ и лошадей, па которыхъ прикащики и развозятъ его по кочевьямъ. Разъѣзжая по улусамъ, прикащики въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ, въ княжескихъ ставкахъ и монастыряхъ, привлекающихъ туземное населеніе, равно какъ и на удобныхъ стойбищахъ, на которыхъ группируются преимущественно монголы, останавливаются нерѣдко на продолжительное время. Такіе временные торговые станы, или лагери, по израсходованіи въ нихъ товара, снабжаются имъ вновь изъ Кобдо и Улясутая, а отчасти и прямо изъ Кошъ-агача, смотря по удаленію отъ границы. Изъ пунктовъ, въ которыхъ пребываютъ продолжительное время прикащики бійскихъ купцовъ, въ особенности замѣчательны Уланкомъ,—ставка дурбётскаго Вана, верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ оз. Убса и ставка торгоутскаго хана на среднемъ Булгунѣ. Кромѣ того, торгующіе въ Монголіи бійскіе купцы почти каждое лѣто совершаютъ изъ Кобдо и Улясутая поѣздки съ товаромъ въ гг. Баркуль и Хами, а иногда и въ Гученъ, но къ сожалѣнію встрѣчаютъ тамъ противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ китайскихъ властей, хотя самая торговля въ этихъ городахъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, шла очень успѣшно,—въ особенности въ 1876 году, когда чрезъ нихъ слѣдовали китайскія войска, шедшія на западъ для усмиренія дунганъ и покоренія отпавшаго Алтышара. Впрочемъ въ Хами, нашихъ торговцевъ, благодаря миролюбію тамошняго правителя, стѣсняли несравненно менѣе, чѣмъ въ Баркулѣ и Гученѣ.

---

[1]) Проживающіе въ этихъ городахъ китайцы торговцы и ремесленники очень мало покупаютъ у нашихъ купцовъ; главными покупателями, собственно въ городахъ, служатъ пріѣзжіе монголы, солдаты гарнизоновъ и отчасти чиновники. Во время дунганскаго возстанія гарнизоны были больше и торговля въ обоихъ городахъ шла несравненно оживленнѣе.

Значительная часть товара, сбываемая нашими бійскими купцами въ Монголіи,—раздается въ кредитъ, которымъ монголы пользуются въ широкихъ размѣрахъ и, по свидѣтельству самихъ купцовъ,—уплачиваютъ имъ долги, за немногими исключеніями,—довольно аккуратно. На неисправныхъ же должниковъ приносятся жалобы мѣстнымъ начальствующимъ лицамъ, которыхъ наши купцы, какъ люди весьма практическіе, стараются при удобныхъ случаяхъ задабривать. Если начальникъ неисправнаго должника знакомъ съ его русскимъ кредиторомъ, то и долгъ взыскивается успѣшно; въ противномъ же случаѣ дѣло не обходится безъ проволочекъ и порою нѣкоторыхъ потерь по долговымъ обязательствамъ, которыя купцы, само собою разумѣется, стараются, по ихъ выраженію, *наверстать*. Ургинскій консулъ, по словамъ купцовъ, много содѣйствуетъ имъ въ сборѣ долговъ съ неисправныхъ плательщиковъ. Тѣмъ не менѣе, отпуская значительную часть привозимаго товара въ кредитъ, купцы изъ предосторожности раздаютъ его въ долгъ новымъ, еще неизвѣстнымъ имъ монголамъ не иначе, какъ по рекомендаціи своихъ старыхъ, заслуживающихъ довѣрія покупателей, являющихся какъ бы поручателями за новичковъ, желающихъ кредитоваться у нашихъ купцовъ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны въ нисходящемъ порядкѣ роды товаровъ, ввезенныхъ бійскими купцами въ Монголію въ 1879 году, а равно количество скота, разнаго сырья и китайскаго серебра (въ слиткахъ), вывезенныхъ ими въ томъ же году изъ Монголіи,—съ обозначеніемъ цѣнности.

№№ по порядку	**Перечень** товаровъ, ввезенныхъ въ 1879 г. бійскими купцами въ Монголію.	На сумму рублей	№№ по порядку	**Перечень** предметовъ, вывезенныхъ въ 1879 г. бійскими купцами изъ Монголіи.	На сумму рублей
1	Юфти	36,650	1	Сурка бѣлаго и черного	85,180
2	Бумажныхъ матерій	24,620			
3	Сукна	12,580	2	Рогатаго скота и лошадей	59,000
4	Бязи	12,450			
5	Плису чернаго . .	11,000	3	Китайскаго серебра	11,300
6	Мѣдныхъ издѣлій .	10,720	4	Соболей	8,920

7	Желѣза разныхъ видовъ и издѣлій изъ него	9,910	5	Лисицъ	6,240
8	Мелочныхъ и галантерейныхъ вещей .	8,340	6	Барановъ. . . .	3,800
9	Бакалейнаго товара	7,060	7	Бараньей шерсти и конскаго волоса .	3,390
10	Часовъ карманныхъ и стѣнныхъ, а также серебряныхъ вещей	5,880	8	Сырыхъ кожъ . .	3,300
11	Сундуковъ и шкатулокъ.	4,110	9	Куницъ	2,240
12	Гарусныхъ матерій	2,500	10	Верблюжей шерсти	1,850
13	Ковровъ тюменскихъ	2,480	11	Маральихъ шкуръ	1,320
14	Стеариновыхъ свѣчей и зажигательныхъ спичекъ . .	1,580	12	Китайскихъ шелковыхъ матерій .	840
15	Чугуна въ чашахъ	820	13	Верблюдовъ . . .	800
16	Фарфоровой и стеклянной посуды . .	800	14	Козьихъ и антилопьихъ шкуръ .	680
	Итого . .	151,500		Итого . .	188,860

Изъ этой таблицы видно, что въ числѣ вывозимыхъ въ Монголію предметовъ первое мѣсто занимаетъ юфть, которой ежегодно сбывается бійскими купцами около 5000 штукъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что почти всё населеніе Монголіи носитъ обувь изъ русской юфти, такъ какъ сами монголы выдѣлываютъ кожи очень плохо и при томъ весьма ограниченное количество, а китайцы тоже не мастера на это дѣло. Русская юфть, сбываемая въ Западной Монголіи, выработывается исключительно на бійскихъ заводахъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ заводу гг. Гилевыхъ, но выдѣлка на немъ кожъ весьма несовершенна. Сырыя шкуры, идущія на юфть, пріобрѣтаются преимущественно въ Алтаѣ отъ теленгутовъ по 2—3 рубля за штуку, а по обработкѣ продаются въ Бійскѣ за 6 рублей, въ Монголіи же отъ 7 до 9 рублей.

Бумажныя ткани, хотя и сбываются въ большомъ количествѣ, но не приносятъ хорошихъ барышей, потому что встрѣчаютъ сильную конкурренцію въ китайскихъ, а отчасти даже въ англійскихъ и американскихъ, привозимыхъ нынѣ китайцами въ Монголію. Дешевыя же сукна (синее, малиновое и желтое) и плисъ, которыя китайцы не выдѣлываютъ, сбываются очень выгодно, въ особенности плисъ (черный), покупаемый монголами въ большомъ количествѣ на обшивки къ халатамъ.

Желѣзо разныхъ видовъ (полосовое, шинное и листовое въ небольшомъ количествѣ) и издѣлія изъ него (капканы, ковши и ведра), а равно и чугунные котлы продаются очень выгодно, не смотря на дороговизну доставки, потому что китайское желѣзо и желѣзныя издѣлія въ З. Монголіи стоютъ дороже нашихъ. Еслибъ трудный вьючный путь отъ Ангудая до Кошъ-агача былъ приспособленъ къ колесной ѣздѣ, что удешевило-бы по крайней мѣрѣ на 50 коп. съ пуда провозную плату отъ Бійска до Кобдо и Улясутая, то наше желѣзо и тяжеловѣсныя издѣлія изъ него могли бы еще болѣе соперничать въ З. Монголіи съ китайскими. Съ устройствомъ же на Алтаѣ въ добавокъ къ тому чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ эти предметы, по всей вѣроятности, вытѣснили-бы изъ З. Монголіи однородные китайскіе.

Изъ остальныхъ предметовъ, ввозимыхъ бійскими купцами въ Монголію,—сбываются хорошо: сундуки и шкатулки, окованные желѣзомъ, въ которыхъ купцы, для избѣжанія лишнихъ издержекъ на ихъ доставку, привозятъ изъ Ирбити ткани и разныя мелочи; затѣмъ слѣдуютъ мѣдные чайники, замки, складные ножи, круглыя бронзовыя пуговицы, зеркальцы, мишура, табакерки, зажигательныя спички, тюменскіе ковры, мыло, клей, свѣчи, иголки, сахаръ, пряники и конфекты. Галантерейныхъ вещей и стеклянной посуды продается очень немного преимущественно чиновникамъ въ городахъ и монгольскимъ князьямъ.

Товаръ бійскіе купцы промѣниваютъ монголамъ большею частью на скотъ и разное сырьё, а серебра получаютъ отъ нихъ немного, среднимъ числомъ около 10,000 ланъ (25,000 руб.) ежегодно. У монголовъ собственнаго серебра вовсе нѣтъ, они получаютъ его

отъ китайскихъ купцовъ, но въ весьма ограниченномъ количествѣ, сбывая имъ свои произведенія преимущественно за ткани, кирпичный чай, металлическія издѣлія и проч. Изъ сырыхъ произведеній, принимаемыхъ бійскими купцами въ обмѣнъ, первое мѣсто принадлежитъ сурковымъ шкуркамъ, употребляемымъ у насъ въ Россіи на околыши къ зимнимъ шапкамъ и на́ замшу. Изъ этихъ шкуръ выдѣлываются также въ небольшомъ количествѣ дешевые мѣха. Изъ Монголіи вывозятся двѣ породы сурка: такъ называемый „бѣлый", шкурки котораго покупаются на мѣстѣ отъ 6 до 8 коп. и продаются на Ирбитской ярмаркѣ за 20—25 коп. и „черный", покупаемый за 25 коп. и сбываемый въ Ирбити за 40—50 коп. Китайцы сурковыхъ шкуръ не берутъ и наши купцы единственные покупатели ихъ въ Монголіи, имѣющіе отъ нихъ не малый барышъ. Сурковъ водится очень много въ горныхъ мѣстностяхъ Монголіи и едва-ли они въ скоромъ времени могутъ перевестись.

За сурковыми шкурками слѣдуетъ рогатый скотъ, котораго ежегодно вымѣнивается около 3000 головъ, и лошади. Значительная часть его, по обмѣнѣ, оставляется на попеченіи прежнихъ хозяевъ до условнаго времени; при этомъ купцы нерѣдко отдаютъ товаръ за молодыхъ животныхъ съ тѣмъ, чтобы хозяева содержали ихъ до извѣстнаго возраста съ отвѣтственностью за цѣлость. Больше всего бійскіе купцы вымѣниваютъ скота у дурбётовъ, слывущихъ у нихъ народомъ „скотнымъ" и „незорёнымъ", т. е. богатымъ скотомъ и неразоренными. Въ началѣ лѣта купцы посылаютъ въ хошуны своихъ прикащиковъ для сбора скота, которые, соединивъ его въ табуны, гонятъ ихъ на сѣверо-востокъ, прямыми путями, чрезъ верховья Енисея, въ Иркутскую губернію (гдѣ цѣны на скотъ гораздо выше, чѣмъ въ З. Сибири и въ З. Монголіи) и тамъ продаютъ извѣстнымъ скотопромышленникамъ. Вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ отправляютъ туда же барановъ и лошадей, вымѣненныхъ въ Монголіи на товаръ.

Изъ Монголіи, какъ значится въ таблицѣ, бійскіе купцы вывозятъ еще значительное количество пушнаго товара, а именно: соболей, лисицъ и куницъ. Пушной товаръ вымѣнивается преимущественно отъ урянхаевъ и отчасти торгоутовъ, кочующихъ по р.

Булгуну[1]). Кромѣ того, купцы принимаютъ еще въ обмѣнъ сырыя кожи, верблюжью и баранью шерсть, конскій волосъ и маральи рога. Верблюжья шерсть и конскій волосъ сбываются очень выгодно въ Ирбити, а баранья шерсть почти не имѣетъ сбыта, потому что монголы барановъ не стригутъ, а просто снимаютъ съ нихъ шерсть прядями въ періодъ линянія, отчего въ ней остается много жира, понижающаго ея стоимость. Купцы пробовали привозить монголамъ ножницы и показывали имъ стрижку барановъ, но она не привилась. Въ послѣднее время бійскимъ купцамъ былъ сообщенъ кѣмъ-то способъ очистки бараньей шерсти отъ жира, заключающійся въ вываркѣ ея въ котлахъ, снабженныхъ проволочными колпаками внутри, чтобы шерсть не прикасалась къ стѣнкамъ ихъ. Они выражали желаніе практиковать этотъ способъ и не теряли надежды продавать очищенную такимъ образомъ шерсть съ хорошимъ барышемъ на Ирбитской ярмаркѣ. Сырыя кожи, вывозимыя изъ Монголіи, обработываются на бійскихъ кожевенныхъ заводахъ и продаются частью въ бійскомъ округѣ, частью въ Монголіи. Маральи рога бійскіе купцы покупаютъ въ Монголіи отъ урянхаевъ, торгоутовъ съ р. Булгуна и у халхасцевъ съ Хангая. Въ прежнее время они сбывали ихъ въ Кобдо и Улясутаѣ китайскимъ купцамъ, а съ 1878 года стали отправлять на продажу въ Куку-хото.

Кромѣ бійскихъ купцовъ, въ З. Монголіи торгуютъ еще, но въ незначительныхъ размѣрахъ, и устькаменогорскіе. Эти послѣдніе принадлежатъ къ числу мелкихъ торговцевъ изъ татаръ. Одни изъ нихъ возятъ изъ Устькаменогорска по Бухтарминскому тракту въ Кобдо юфть и металлическія издѣлія, другіе отправляются сначала съ разнымъ товаромъ къ киргизамъ-киреевцамъ, населяющимъ сѣверо-западный уголъ Чжунгаріи и промѣниваютъ имъ этотъ товаръ на барановъ. Затѣмъ гонятъ этихъ барановъ прямымъ путемъ черезъ горы Ю. Алтая въ г. Кобдо и тамъ въ свою очередь промѣниваютъ ихъ китайскимъ купцамъ преимущественно на такъ называемый *столбовый* кирпичный чай, употребляемый въ Кульджинскомъ и Чугучакскомъ округахъ. Торговое движеніе

[1]) Въ этой рѣкѣ водятся бобры, шкурки которыхъ мы видѣли въ лавкѣ Бодуновыхъ въ г. Кобдо въ 1878 году.

со стороны Семипалатинской области собственно въ З. Монголію пока очень незначительно и едва-ли превышаетъ 12,000 много 15,000 рублей по привозу. Но надо ожидать, что будетъ съ каждымъ годомъ по немногу развиваться.

Въ Ургѣ русская торговля идетъ несравненно успѣшнее, чѣмъ въ Улясутаѣ и Кобдо. Этотъ городъ, будучи резиденціей хутухты, привлекаетъ къ себѣ множество поклонниковъ святителя, которыхъ въ теченіи года перебываетъ въ немъ нѣсколько сотъ тысячь. Кромѣ того, Урга лежитъ на большой караванной дорогѣ, ведущей изъ Калгана въ Кяхту, и служитъ мѣстомъ перегрузки чаевъ, слѣдующихъ къ намъ чрезъ сухопутную границу. При такихъ выгодныхъ условіяхъ торговля въ этомъ городѣ, само собою разумѣется, должна быть оживленнѣе, чѣмъ въ глухихъ и малолюдныхъ гг. Кобдо и Улясутаѣ. Но за то русская торговля въ Ургѣ ограничивается исключительно однимъ городомъ: наши купцы, торгующіе тамъ, почти не имѣютъ никакихъ дѣлъ внутри страны. При томъ два главные наши торговые дома въ этомъ городѣ занимаются также и коммиссіонерствомъ по транспортировкѣ чая и потому, будучи отвлекаемы отъ торговли другими обязанностями, не могутъ предаться ей всецѣло. Въ 1879 году въ Ургѣ всѣхъ русскихъ лавокъ было 9 и изъ нихъ продавалось товара ежегодно болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Въ Ургѣ, подобно З. Монголіи, изъ нашихъ товаровъ выгоднѣе прочихъ сбываются: юфть, желѣзо разныхъ видовъ и издѣлія изъ него, чугунные котлы, мѣдныя издѣлія, дешевыя сукна и плисъ. Юфть выдѣлывается въ В. Сибири на тамошнихъ кожевенныхъ заводахъ, изъ которыхъ лучшимъ считается заводъ Лаврентьева. Чугунъ и желѣзныя издѣлія, привозимыя въ Ургу, также принадлежатъ къ производствамъ мѣстныхъ восточно-сибирскихъ заводовъ и продаются въ этомъ городѣ дешевле китайскихъ, а потому китайцы не могутъ соперничать съ нами въ сбытѣ тяжеловѣсныхъ чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, по крайней мѣрѣ въ Западной и Сѣверной Монголіи. Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе стали привозить въ Ургу тяжеловѣсныя чугунныя и желѣзныя издѣлія восточно-сибирскихъ заводовъ,—уменьшился привозъ въ этотъ городъ тѣхъ-же издѣлій изъ Внутренняго Китая и наши стали пер-

венствовать. Бумажныхъ тканей продается также много въ Ургѣ, но съ ограниченнымъ барышемъ, по причинѣ сильной конкурренціи китайскихъ и отчасти англійскихъ и американскихъ, привозимыхъ туда китайцами.

Русская торговля въ Ургѣ тоже по преимуществу мѣновая: большая часть нашего товара промѣнивается монголамъ на кирпичный чай, получаемый ими отъ тамошнихъ китайскихъ торговцевъ за скотъ и сырье. Этотъ чай, потребляемый простонародіемъ въ Восточной Сибири, наши ургинскіе торговцы отправляютъ въ Кяхту, откуда онъ развозится по назначенію. Для облегченія разсчетовъ чаемъ мѣстными китайскими фирмами введены такъ называемые *тезы*, —билеты на полученіе предъявителемъ означеннаго въ нихъ количества чайныхъ кирпичей отъ этихъ фирмъ, при чемъ дробные разсчеты производятся посредствомъ „шара-цай“— $^1/_{30}$ кирпича. Серебра и въ Ургѣ наши купцы получаютъ немного, 8000—10.000 ланъ. Скота они почти вовсе не принимаютъ въ обмѣнъ, такъ какъ при отсутствіи большихъ дѣлъ въ хошунахъ,— эта операція для нихъ неудобна.

До послѣдняго времени наши ургинскіе торговцы вымѣнивали у монголовъ много верблюжьей шерсти и отправляли её чрезъ Калганъ въ Тянь-цзинъ на продажу англичанамъ, но съ 1879 г. этой операціей сталъ заниматься агентъ англійской компаніи, скупающій чрезъ своего довѣреннаго шерсть въ Ургѣ по возвышенной цѣнѣ. Поэтому наши торговцы стали вымѣнивать ея гораздо меньше прежняго.

Часть русскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Ургу, идетъ въ уплату монголамъ за доставку чая изъ Калгана въ Кяхту, но она составляетъ весьма незначительную долю всей суммы, расходуемой на этотъ предметъ и уплачиваемой преимущественно чистымъ китайскимъ серебромъ.

Въ С. Монголіи, кромѣ Урги, существуетъ еще пограничная торговля съ монголами, о которой мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Намъ извѣстно только, что въ пограничной полосѣ Монголіи отъ верховьевъ Енисея до хребта Большаго Хингана наши восточно-сибирскіе торговцы скупаютъ у монголовъ много скота и различныхъ продуктовъ скотоводства. Затѣмъ къ сѣверу отъ хребта Тан-

ну-ола, въ бассейнѣ верхняго Енисея, торгуютъ весьма успѣшно иркутскіе и минусинскіе купцы. Они вымѣниваютъ тамъ на бумажныя ткани, (сукно, плисъ) и металлическія издѣлія у населяющихъ эту страну урянхаевъ и дархатовъ скотъ и продукты скотоводства, а отчасти и пушной товаръ[1]). Кромѣ того, минусинскіе купцы сплавляютъ оттуда по р. Енисею на плотахъ много самосадочной соли, добываемой туземцами изъ соляныхъ озеръ своей страны поблизости слiянiя Улу-кема съ Бей-кемомъ. Водою же доставляется оттуда и часть сырья, но плаванiе по Енисею въ тѣхъ мѣстахъ, по причинѣ пороговъ, не только затруднительно, но и опасно. Китайскіе купцы той страны не посѣщаютъ и потому въ торговомъ отношеніи она тяготѣетъ къ Россіи. Обитатели ея урянхаи и дархаты издавна привыкли къ русскимъ товарамъ, принимаютъ охотно наши кредитныя деньги, а отъ китайцевъ получаютъ только чай, который покупаютъ въ Ургѣ и въ ближайшихъ халхаскихъ монастыряхъ, имѣющихъ китайскія лавочки. Наши купцы Веселковъ и Сафьяновъ имѣютъ въ этой странѣ дома съ товарными складами и пользуются большимъ значеніемъ у туземцевъ.

Въ послѣдніе годы бійскіе купцы, торгующіе въ Монголіи, пытались завязать торговыя сношенія съ г. Гуй-хуа-ченомъ, въ провинціи Шаньси. Еще съ 1874 года они начали собирать свѣдѣнія отъ китайцевъ и монголовъ объ этомъ замѣчательномъ по торговлѣ съ Монголіей городѣ и удостовѣрившись, что тамъ очень выгодно можно сбывать маральи рога, рѣшились отправить въ Гуй-хуа-ченъ вмѣстѣ съ нами караванъ съ рогами. Старшиною каравана и общимъ довѣреннымъ соединившихся для этой операціи четырехъ домовъ былъ избранъ г. Антроповъ, принадлежавшій къ числу участниковъ предпріятія. Соединившіяся фирмы постановили отправлять въ теченіи трехъ лѣтъ рога въ Гуй-хуа-ченъ. На первый разъ въ 1878 г. они послали роговъ на 11,380 р. По прибытіи въ Гуй-хуа-ченъ, Антроповъ, благодаря живому участію г. Спленгера, продалъ эти рога за 21,000 р., выручивъ такимъ образомъ 84% барыша, не смотря на то, что въ 1878 году цѣна на нихъ стояла очень низкая. Доставка роговъ изъ Кобдо до Гуй-хуа-чена была съ излишкомъ покрыта барышемъ, выручен-

[1]) Лучшіе меха идутъ на уплату ясака китайскому правительству.

нымъ г. Антроповымъ отъ продажи во Внутреннемъ Китаѣ 12-ти верблюдовъ привезшихъ рога. Изъ числа полученныхъ за маральи рога денегъ Антроповъ употребилъ 5400 рублей на покупку въ Пекинѣ шелковыхъ матерій и небольшаго количества разныхъ мелочей, которыя потомъ были проданы частью въ Бійскѣ и Томскѣ, частью на Ирбитской ярмаркѣ съ хорошимъ барышемъ. Таковъ былъ результатъ торговой операціи бійскихъ купцовъ въ Гуй-хуа-ченѣ въ 1878 году.

Отправляя г. Антропова въ Гуй-хуа-ченъ, довѣрители поручили ему собрать точныя свѣдѣнія о томъ, какіе именно предметы, кромѣ маральихъ роговъ, можно выгодно сбывать въ этомъ городѣ русскимъ купцамъ. Антроповъ нашелъ, что помимо маральихъ роговъ, бійскіе купцы, торгующіе въ З. Монголіи, моглибы продавать въ Гуй-хуа-ченѣ съ хорошимъ барышемъ: верблюдовъ, лошадей и барановъ, пригоняемыхъ изъ нашей Киргизской степи, Алтая, отчасти и изъ С.-З. Монголіи, гдѣ эти животныя вымѣниваются выгодно на товаръ, а также овчины и верблюжью шерсть. Эти свѣдѣнія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ довѣрія, потому что цѣны на верблюдовъ, лошадей и барановъ въ Гуй-хуа-ченѣ дѣйствительно несравненно выше, чѣмъ въ нашихъ киргизскихъ степяхъ, въ Алтаѣ и въ С.-З. Монголіи, въ чемъ мы имѣли возможность лично убѣдиться. Такъ, верблюдъ, стоющій у насъ на границѣ и въ С.-З. Монголіи, около 50 рублей, въ Гуй-хуа-ченѣ цѣнится не дешевле 75 рублей. Купивъ 16 верблюдовъ въ Алтаѣ по 45 рублей за штуку, мы, по прибытіи въ Гуй-хуа-ченъ, продали этихъ верблюдовъ, страшно исхудалыхъ, едва-едва тащившихъ легкіе вьюки, за ту же самую цѣну первому встрѣчному барышнику, нимало, конечно, не заботясь о какой-либо выгодѣ, а желая скорѣе сбыть съ рукъ, такъ какъ продовольствіе ихъ въ городѣ стоило очень дорого. Г. Спленгеръ и служащіе у него китайцы увѣряли, что барышникъ, купившій у насъ этихъ верблюдовъ по 15 ланъ, на будущую осень продастъ ихъ навѣрно за 25 ланъ, а продовольствіе ихъ до осени будетъ стоить очень немного, потому что скотъ этихъ барышниковъ пасется въ ближайшихъ мѣстностяхъ Монголіи и довольствуется исключительно подножнымъ кормомъ круглый годъ. На базарѣ въ Гуй-хуа-ченѣ

хорошаго верблюда дешевле 25 лан невозможно купить, исключая развѣ благопріятнаго случая.

Цѣна хорошему барану въ киргизской степи Семипалатинской области, сосѣдней Алтаю, въ самомъ Алтаѣ и въ С.-З. Монголіи,— 3 рубля. Въ Гуй-хуа-ченѣ же такіе бараны продаются не дешевле 5 рублей. Точно также, лошадь, стоющую въ поименованныхъ мѣстностяхъ 20 рублей, въ Гуй-хуа-ченѣ можно продать за 35. Нашихъ лошадей, купленныхъ въ Алтаѣ среднимъ числомъ по 20 рублей, мы продали въ Гуй-хуа-ченѣ тому же самому барышнику по 7 ланъ, т. е. по 21 рублю за каждую. Эти лошади, изнуренныя до нельзя продолжительнымъ путешествіемъ едва переставляли ноги на послѣднихъ станціяхъ къ городу.

Верблюжью шерсть наши купцы, по ихъ показанію, пріобрѣтаютъ въ С.-З. Монголіи на товаръ по 2 рубля за пудъ, а въ Гуй-хуа-ченѣ за 100 китайскихъ гиновъ (около 3,5 пуд.) этой шерсти г. Спленгеръ платитъ 7 ланъ[1]), что составитъ почти 6 руб. за пудъ; доставка же туда шерсти изъ Кобдо или Улясутая обойдется не дороже 2 руб. Но если шерсть и другіе предметы возить въ этотъ городъ на верблюдахъ, назначаемыхъ для продажи тамъ, то барышъ, очевидно, будетъ несравненно больше.

Невыдѣланныя овчины въ вышеозначенныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ и въ С.-З. Монголіи стоютъ отъ 40 до 50 коп. штука. Между тѣмъ какъ въ Гуй-хуа-ченѣ цѣна такой овчины колеблется отъ 5 до 6 цзяновъ, т. е. отъ 1 руб. 37 коп. до 1 руб. 60 коп.

Прогонъ скота съ Алтая и изъ С.-З. Монголіи въ Гуй-хуа-ченъ не представляетъ никакихъ затрудненій. На прямомъ коммерческомъ трактѣ изъ Кобдо въ этотъ городъ чрезъ кумирню Нарбаньчжи, долину большихъ озеръ, уроч. Тугурикъ, Хоръ-мусу, кол. Цзала и кумирню Батхалынъ корма и воды достаточно, а по южной вѣтви этой дороги, называемой Кэрмэйнъ-цзамъ и проходящей близъ сѣвернаго подножія Алтая, гонять гурты еще удобнѣе. Намъ кажется, что тутъ можетъ встрѣтиться другаго рода препятствіе: какъ посмотритъ на это дѣло китайское правительство и какъ отнесутся къ нему торгующія въ Монголіи богатыя

[1]) Въ Тяньцзинѣ верблюжью шерсть можно сбывать англичанамъ по 8-ми, а лучшую даже по 9 ланъ за 100 гиновъ.

китайскія фирмы, имѣющія помимо коммерческихъ преимуществъ нѣкоторое значеніе и въ правительственныхъ сферахъ?

Вырученныя въ Гуй-хуа-ченѣ за маральи рога деньги, а если будетъ спросъ на другой товаръ, то и за этотъ послѣдній, бійскіе купцы полагали употреблять на покупку чая въ Калганѣ съ тѣмъ, чтобы доставлять его изъ этого города въ Гуй-хуа-ченъ на подводахъ, а оттуда провозить уже прямымъ путемъ чрезъ Кошъ-агачъ въ г. Бійскъ на верблюдахъ. Въ 1878 году они поручили своему довѣренному, г. Антропову, купить на вырученныя за рога деньги байховаго и кирпичнаго чая въ Калганѣ, потомъ перевезти его въ Гуй-хуа-ченъ, а изъ этого послѣдняго отправить на наемныхъ верблюдахъ по прямому пути въ Кошъ-агачъ. Но чай въ Калганѣ ко времени прибытія туда Антропова былъ уже запроданъ и попытка его не имѣла успѣха. Однако при содѣйствіи одного изъ нашихъ калганскихъ коммисіонеровъ, вступившихъ съ бійскими купцами въ компанію для этой операціи, г. Антроповъ сдѣлалъ заказъ нашимъ ханькоускимъ фабрикантамъ на приготовленіе байховаго и кирпичнаго чая для бійскихъ купцовъ въ слѣдующій чайный сезонъ. Этотъ заказъ, сколько намъ извѣстно, въ 1879 году былъ выполненъ и зимою того же года чай былъ доставленъ бійскими купцами прямымъ путемъ изъ Калгана чрезъ Монголію въ Кошъ-агачъ, а оттуда въ Бійскъ. Но по неисправности возчиковъ, происшедшей вслѣдствіе противодѣйствія монгольскихъ властей,—доставка эта была сопряжена съ затрудненіями.

Осенью 1879 года бійскіе купцы, по примѣру предшествовавшаго года, отправили снова г. Антропова съ маральими рогами въ Гуй-хуа-ченъ, присоединивъ къ нимъ еще транспортъ верблюжьей шерсти. Весь этотъ товаръ былъ проданъ очень выгодно въ Гуй-хуа-ченѣ. Дальнѣйшая судьба торговой дѣятельности бійскихъ купцовъ во Внутреннемъ Китаѣ намъ достовѣрно неизвѣстна, исключая развѣ того, что натянутыя отношенія къ Китайскому правительству въ 1880 и 1881 годахъ замедлили развитіе ихъ операціи.

Бійскимъ купцамъ гораздо выгоднѣе было бы покупать чай не въ Калганѣ, а въ Гуй-хуа-ченѣ, такъ какъ въ первомъ, вслѣдствіе скопленія чайныхъ грузовъ, наемъ верблюдовъ затрудните-

ленъ и обходится несравненно дороже, чѣмъ во второмъ. Въ Гуй-хуа-ченъ же осенью и зимою прибываетъ постоянно множество монголовъ, возвращающихся оттуда нерѣдко съ порожними верблюдами и охотно берущихъ на обратный путь провозъ тяжестей по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, а именно отъ 8 до 10 ланъ съ верблюда до самаго Кобдо. Но въ Гуй-хуа-ченѣ за то вовсе нѣтъ въ продажѣ сортовъ чая, потребныхъ для бійскихъ купцовъ,— т. е. чернаго кирпичнаго и байховаго, а продаютъ исключительно зеленый кирпичный чай для монголовъ и такъ называемый нашими купцами „столбовый", употребляемый въ Кашгаріи, Кульджинскомъ и Чугучакскомъ округахъ. Для того, чтобы наши бійскіе купцы могли получать нужные имъ сорты чая въ Гуй-хуа-ченѣ, надобно исходатайствовать у Китайскаго правительства разрѣшеніе на провозъ ихъ изъ Туньчжоу прямо въ этотъ городъ. Нынѣ чаи, заготовляемые нашими фабрикантами въ Ханькоу и Фучжоу и направляемые чрезъ сухопутную границу, слѣдуютъ, какъ извѣстно, съ мѣстъ производства на пароходахъ до г. Тяньцзина, оттуда доставляются на лодкахъ вверхъ по р. Бай-хё въ г. Туньчжоу, а изъ этого послѣдняго частью вьючнымъ способомъ, частью на телѣгахъ въ Калганъ. Съ разрѣшеніемъ же провоза части чаевъ и чрезъ Гуй-хуа-ченъ прямымъ путемъ къ сѣверо-западной границѣ, бійскіе купцы, дѣлая ежегодно заказы нашимъ фабрикантамъ въ Ханькоу или въ Фучжоу, могли-бы направлять свой чай изъ Туньчжоу прямо въ Гуй-хуа-ченъ и оттуда доставлять его прямымъ путемъ въ Кошъ-агачъ. По разсчету калганскихъ коммисіонеровъ доставка чая изъ Туньчжоу черезъ Гуй-хуа-ченъ и Кошъ-агачъ прямымъ путемъ въ З. Сибирь обойдется нѣсколько дешевле, чѣмъ кружнымъ черезъ Калганъ, Ургу, Кяхту, Иркутскъ и Красноярскъ. Основываясь на собственныхъ свѣдѣніяхъ о провозной платѣ по Внутреннему Китаю, Монголіи и В. Сибири, а также на справочныхъ цѣнахъ изъ Гуй-хуа-чена до Кобдо, изъ Кобдо до Бійска и далѣе отъ Бійска до Томска, сообщенныхъ г. Антроповымъ, калганскіе коммисіонеры пришли къ слѣдующимъ выводамъ. Доставка пуда чая отъ Туньчжоу до Гуй-хуа-чена обойдется не дороже 60 коп., отъ Гуй-хуа-чена до Кобдо— 2 рубля, отъ Кобдо до Бійска—2 рубля и отъ этого послѣдняго

до Томска—40 коп., *а всего слѣдовательно отъ Туньчжоу до Томска 5 руб. на кредитныя деньги.* По кружному же пути изъ Туньчжоу чрезъ Калганъ и Ургу до Кахты 3 руб. 50 коп. и отъ Кяхты чрезъ Иркутскъ и Красноярскъ до Томска 3 руб.,—*итого 6 руб. 50 коп.* Для такого продукта, какъ чай, эта разница впрочемъ неособенно ощутительна. Но если бійскіе купцы станутъ возить въ Гуй-хуа-ченъ рога, шерсть, овчины и проч. предметы на собственныхъ верблюдахъ, а на обратный путь будутъ нагружать ихъ чаемъ, то перевозка его обойдется несравненно дешевле.

Бійскіе купцы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ собирали свѣдѣнія о торговлѣ въ Гуй-хуа-ченѣ и первая ихъ попытка завязать торговыя сношенія съ этимъ городомъ увѣнчалась, какъ мы видѣли, успѣхомъ. Но возникающая въ этомъ направленіи торговая дѣятельность, по нашему мнѣнію, крайне нуждается въ правительственной поддержкѣ, заключающейся въ склоненіи китайскаго правительства на открытіе Гуй-хуа-чена для нашихъ купцовъ, учрежденіе въ немъ русскаго консульства и безпрепятственный провозъ чрезъ него изъ Туньчжоу къ сѣверо-западной границѣ чаевъ. Безъ этой поддержки будущность торговыхъ сношеній бійскихъ купцовъ съ Гуй-хуа-ченомъ представляется совершенно необезпеченною, не смотря на ихъ настойчивыя стремленія, вполнѣ достойныя участія. По возвращеніи въ 1879 г. изъ Китая мною представлена была тогдашнему генералъ-губернатору З. Сибири, Н. Г. Казнакову, въ этомъ содержаніи записка, которую онъ и препроводилъ на усмотрѣніе Министра Финансовъ съ надлежащимъ объясненіемъ. Теперь, по заключеніи новаго договора съ Китаемъ въ С.-Петербургѣ 12-го февраля 1881 года, предоставившаго широкое поприще для русской торговли во Внѣшнемъ Китаѣ,—неудобно было-бы возбуждать вопросъ о разрѣшеніи нашимъ купцамъ торговли въ Гуй-хуа-ченѣ, объ учрежденіи въ немъ русскаго консульства и провозѣ чаевъ чрезъ этотъ городъ изъ Туньчжоу на сѣверо-западную границу, но впослѣдствіи, при благопріятномъ случаѣ, не излишне бы было заручиться этими правами.

Перейдемъ теперь къ очерку торговли Внутренняго Китая съ Монголіей. Она по размѣрамъ своихъ оборотовъ далеко превосходитъ нашу, но объ абсолютной величинѣ этихъ оборотовъ не имѣется даже приближенныхъ цифровыхъ данныхъ. Торговлю съ Монголіей ведутъ главнымъ образомъ богатыя компаніи шансійскихъ купцовъ. Первостепенные склады ихъ товаровъ, предназначаемыхъ для монголовъ, находятся въ Гуй-хуа-чень, а отчасти и въ Калганѣ, изъ которыхъ пополняются второстепенные въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо. Кромѣ собственныхъ произведеній, китайцы сбываютъ въ Монголію небольшое количество англійскихъ и американскихъ бумажныхъ тканей, а также русскіе юфть и плисъ, которые шансійцы вымѣниваютъ весьма выгодно въ Кяхтѣ на чай. Торговля у китайцевъ собственно въ городахъ, исключая Урги, такъ же какъ и у русскихъ купцовъ,—незначительна. Главною ареною ея служатъ кочевья, въ которыя компанія посылаетъ изъ помянутыхъ монгольскихъ городовъ съ товаромъ прикащиковъ, а также ханскія ставки и монастыри, привлекающіе поклонниковъ. Эти *бойкія мѣста* китайцы съумѣли оцѣнить, какъ нельзя лучше, и потому трудно, кажется, указать хотя одинъ значительный монастырь въ Монголіи, въ которомъ не было-бы китайской лавки съ необходимѣйшими для монголовъ товарами.

Торговля Внутренняго Китая съ Монголіей, подобно русской, тоже почти исключительно мѣновая. Китайцы снабжаютъ монголовъ потребными для послѣднихъ предметами промышленности обработывающей, получая взамѣнъ ихъ главнымъ образомъ скотъ, а именно барановъ, которыхъ больше всего поступаетъ изъ Монголіи, потомъ лошадей и отчасти верблюдовъ и быковъ. Первое мѣсто по привозу изъ Внутренняго-Китая въ Монголію принадлежитъ бумажнымъ тканямъ. Кромѣ собственныхъ бумажныхъ матерій, китайцы привозятъ нынѣ въ эту страну небольшое количество англійскихъ и американскихъ, не отличающихся доброкачественностью, но привлекающихъ своею дешевизною. Шелковыхъ матерій, доступныхъ только для состоятельныхъ, въ Монголію привозится сравнительно немного. Послѣ бумажныхъ тканей слѣдуетъ кирпичный чай, потребляемый въ громадномъ количествѣ населеніемъ Монголіи. Въ восточной половинѣ страны употребляется

одинъ сортъ чая, въ западной—другой, но привозимаго къ намъ черного кирпичнаго чая монголы не пьютъ.

Третье мѣсто по привозу принадлежитъ металлическимъ издѣліямъ, изъ которыхъ главныя суть: чугунные котлы, таганы и ковши; потомъ топоры, щипцы, стремена, мѣдные чайники, жертвенныя чашечки, ножи, пуговицы, иголки и бурханы (кумиры).

Немало вывозится также изъ Внутренняго Китая въ Монголію муки (пшеничной и ячменной) и пшена, покупаемыхъ большею частію самими монголами въ Гуй-хуа-ченѣ, а отчасти въ г. Бо-тоу (Буту) и въ Калганѣ.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, китайцы сбываютъ еще монголамъ множество деревянной и каменной посуды, сундуковъ, шкафиковъ, деревянныхъ частей для юртъ, а также писчую бумагу, тушь, водку; весьма значительное количество трубокъ, табакерокъ, кисетовъ и табаку; зеркальцы, бусы, четки (для ламъ) кораллы и проч. мелочи.

Взамѣнъ вышеозначенныхъ предметовъ китайскіе купцы получаютъ отъ монголовъ скотъ, составляющій первостепенную статью обмѣна, потомъ продукты скотоводства. Подобно нашимъ купцамъ, китайскіе торговцы оставляютъ пріобрѣтенный скотъ на попеченіи хозяевъ до условнаго времени, а также выдаютъ товаръ за молодыхъ животныхъ, которыхъ монголы обязываются содержать до извѣстнаго возраста. Ежегодно въ началѣ лѣта, китайскіе купцы собираютъ свой скотъ и отправляютъ гурты преимущественно въ Гуй-хуа-ченъ, и только отчасти въ Калганъ. Въ эти же два города пригоняется онъ на продажу и самими монголами непосредственно, но не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ торгующими въ Монголіи компаніями,—при чемъ и монголы наибольшую часть своего скота сбываютъ въ Гуй-хуа-ченъ.

Послѣ скота слѣдуютъ продукты скотоводства: кожи, овчины, мерлушки, конскій и сарлочій волосъ, баранья и верблюжья шерсть, которой во Внутренній Китай, впрочемъ, вывозится немного. Эти продукты доставляются въ Гуй-хуа-ченъ и въ Калганъ опять таки въ большемъ количествѣ китайскими торговыми компаніями, чѣмъ самими монголами непосредственно.

Изъ соляныхъ озеръ, которыми весьма богата Монгольская

Гоби, во Внутренній Китай привозится масса самосадочной соли, поступающей сначала въ Калганъ и въ Гуй-хуа-чэнъ, изъ которыхъ она отсылается далѣе по назначенію во внутреннія провинціи. Съ Гентэйскихъ горъ въ тѣ же города доставляется много досокъ и брусьевъ. Затѣмъ, изъ Монголіи во Внутренній Китай привозится еще пушной товаръ: соболи, лисицы, куницы и выдры, пріобрѣтаемыя китайскими торговцами преимущественно у Алтайскихъ урянхаевъ, маральи рога (съ Гентэйскихъ горъ, Хангая и земли Алтайскихъ урянхаевъ), маральи же и козьи шкуры. Нужно упомянуть еще о сухихъ грибахъ, вывозимыхъ во Внутренній Китай изъ лѣсистыхъ мѣстностей Гентэя, Хангая и Алтая.

Шансійскія компаніи, держащія въ своихъ рукахъ торговлю съ Монголіей, для избѣжанія взаимныхъ препятствій въ торговлѣ съ нею, распредѣляютъ повременамъ монгольскіе хошуны между собою для торговой дѣятельности и тамъ, гдѣ торгуетъ одна компанія,—другія уже не вмѣшиваются. Кромѣ этихъ богатыхъ компаній, въ Монголіи торгуютъ также и заѣзжіе купцы, преимущественно пекинцы, привозящіе ткани и мелочный товаръ. Они торгуютъ большею частью на серебро, а скота въ обмѣнъ не принимаютъ. Обороты ихъ торговли, сравнительно съ шансійцами, весьма незначительны.

Сопоставляя русскую торговлю въ Монголіи съ Китайской, нельзя не признаться, что китайцы имѣютъ, сравнительно съ нами, гораздо болѣе шансовъ на обширные торговые обороты въ этой странѣ: Внутренній Китай обладаетъ въ излишкѣ тѣми именно произведеніями, которыя составляютъ насущную потребность населенія Монголіи и при томъ въ числѣ ихъ есть незамѣнимыя иными, не китайскими. Таковъ кирпичный чай, сбываемый въ огромномъ количествѣ въ Монголію. Этотъ продуктъ, само собою разумѣется, никто не можетъ доставлять монголамъ, кромѣ китайцевъ. Своеобразный китайскій табакъ, къ которому издавна привыкли монголы, ввозимый въ Монголію тоже въ весьма большомъ количествѣ, есть произведеніе Внутренняго Китая и также не замѣнимъ инымъ. Китайскія бумажныя ткани, по своей доступности, обусловливаемой необыкновеннымъ развитіемъ въ центральныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая мануфактурныхъ производствъ и де-

дешевизною рабочихъ рукъ, первенствуютъ передъ нашими въ Монголіи и совмѣстно съ появившимися въ послѣдніе годы въ ней англійскими и американскими подрываютъ сбытъ нашихъ бумажныхъ тканей.

Съ другой стороны и произведенія Монголіи имѣютъ немаловажное значеніе для Внутренняго Китая, по крайней мѣрѣ для сѣверныхъ провинцій его. Во Внутреннемъ Китаѣ, вслѣдствіе чрезмѣрной плотности населенія,—скотоводство, какъ извѣстно, даже въ ограниченныхъ размѣрахъ, становится невозможнымъ, не исключая и сѣверныхъ провинцій, въ которыхъ плотность населенія меньше, чѣмъ въ центральныхъ. Поэтому китайцы этихъ провинцій содержатъ только рабочихъ животныхъ: лошадей, муловъ и ословъ, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ; а изъ мелкихъ домашнихъ—лишь свиней и птицъ: куръ, утокъ и гусей. Между тѣмъ громадное населеніе Внутренняго Китая, въ особенности сѣверныхъ провинцій его, потребляетъ множество продуктовъ скотоводства. Жители этихъ провинцій зимою носятъ овчинныя шубы или куртки, овчинныя же шаровары, шерстяныя шляпы, башмаки и чулки; въ домѣ каждаго зажиточнаго китайца можно встрѣтить на канѣ войлоки, а на упряжныхъ животныхъ сыромятную сбрую. Всё это—продукты монгольскаго скотоводства. Наконецъ въ сѣверныхъ и центральныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая потребляется немало и мяса монгольскихъ животныхъ, не смотря на то, что большинство китайцевъ довольствуется почти исключительно растительною пищею. Сверхъ того, монгольскія лошади, пригоняемыя ежегодно въ весьма значительномъ количествѣ во Внутренній Китай, употребляются тамъ вмѣстѣ съ мулами и ослами для ѣзды, воздѣлыванія полей и перевозки тяжестей, часть которыхъ въ сѣверныхъ провинціяхъ транспортируется на монгольскихъ же верблюдахъ.

Такимъ образомъ Монголія и Внутренній Китай, столь различные по своей природѣ и по направленію въ нихъ самой народной дѣятельности, находятся въ тѣсной экономической зависимости, а потому не могутъ не обмѣниваться въ обширныхъ размѣрахъ излишками своихъ произведеній.

Вышеизложенным, однако, еще не вполнѣ выражается ком-

керческое преимущество нашихъ торговыхъ соперниковъ въ Монголіи,—китайцевъ. Ихъ купцы, торгующіе въ этой странѣ, глубоко изучили внутренній бытъ мѣстнаго населенія, знаютъ до мельчайшихъ подробностей его потребности и ловко приноравливаются по вкусамъ своихъ покупателей. Они знакомы также весьма основательно съ самымъ характеромъ монгола, его слабостями и умѣютъ эксплуатировать ихъ въ свою пользу, хотя, скажемъ по справедливости,—далеко не безупречно. Кромѣ того, торгующія въ Монголіи компаніи пользуются сильною поддержкою со стороны мѣстной администраціи. Многіе изъ чиновниковъ состоятъ, какъ гласитъ молва, пайщиками этихъ компаній, не исключая даже нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ; тогда какъ другіе пользуются отъ нихъ опредѣленными окладами жалованья и наконецъ третьи единовременными приношеніями. Разсказываютъ даже, что будто-бы эти компаніи, благодаря своимъ богатствамъ, имѣютъ связи съ высшими пекинскими сановниками, стоящими во главѣ управленія Монголіей и что самое назначеніе правителей (амбаней) въ эту страну не обходится безъ ихъ посредства. При такихъ условіяхъ, торгующія въ Монголіи компаніи могутъ творить безнаказанно разныя вымогательства, долги они взыскиваютъ исправно и, какъ выше было замѣчено, даже содержатъ на откупѣ нѣкоторые доходы.

Нельзя еще не упомянуть, что торговля у китайцевъ вообще ведется на весьма раціональныхъ началахъ. Старшіе купеческіе приказчики состоятъ пайщиками хозяйскихъ дѣлъ, въ которыхъ имѣютъ слѣдовательно личный интересъ и по выслугѣ опредѣленнаго срока получаютъ пенсіи, заслуживаемыя, правда, тяжелымъ, неустаннымъ трудомъ. Кромѣ того, китайскіе купцы живутъ весьма скромно, разсчетливо, и чрезвычайно аккуратны въ веденіи своихъ торговыхъ операцій и отчетности по нимъ.

Не смотря однако на столь невыгодныя условія, которыми нынѣ обставлена наша торговля съ Монголіей,—нѣтъ основаній опасаться за ея будущность и пророчить ей несостоятельность предъ китайской конкурренціей. По нашему уразумѣнію, русская торговля въ Монголіи не можетъ, такъ сказать, спасовать предъ своими соперниками—китайцами, потому что они не въ состояніи лишить её той роли, которая силою нашего прогрессивнаго упреж-

дѣлія опредѣлена ей тамъ. Даже теперь, при весьма неблагопріятныхъ для сбыта нашихъ произведеній обстоятельствахъ, именно при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія въ эту страну, а также фабрикъ и заводовъ въ Сибири, нѣкоторые русскіе товары находятъ себѣ множество покупателей въ Монголіи и не замѣнимы китайскими. Таковы юфть и плисъ, сбываемые въ весьма большемъ количествѣ монголамъ частью непосредственно, частью чрезъ китайцевъ, а также нѣкоторые мелочи, не встрѣчающія конкурренціи. Мы уже упоминали, что съ устройствомъ на Алтаѣ, по сосѣдству съ Монголіей, желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ и проложеніемъ въ эту страну колеснаго пути наши тяжеловѣсныя желѣзныя и чугунныя издѣлія могли-бы вытѣснить изъ Западной Монголіи однородныя китайскія. Точно также съ устройствомъ хорошихъ кожевенныхъ заводовъ въ Восточной и Западной Сибири наша юфть цѣнилась бы еще болѣе китайцами и монголами. Добавимъ кстати, что въ послѣдніе годы наши купцы, торгующіе въ Монголіи, стали мало по малу принаровляться ко вкусамъ потребителей, но пока еще только въ мелочахъ. Нѣкоторыя мелкія вещи, какъ напримѣръ монгольскія жертвенныя чашечки, они посылаютъ на заводы, дѣлая по этимъ образцамъ заказы и продаютъ такія вещи очень выгодно.

На основаніи вышеизложеннаго мы не только не рѣшаемся предвѣщать нашей торговлѣ съ Монголіей печальную будущность, но напротивъ питаемъ полную надежду на ея преуспѣяніе, по мѣрѣ улучшенія путей въ эту отдаленную страну, устройства помянутыхъ заводовъ въ Сибири, усовершенствованія отечественныхъ производствъ вообще и примѣненія ихъ ко вкусамъ потребителей въ частности.

ГЛАВА XI.

ОТЪ УЛЯСУТАЯ ДО ГРАНИЦЫ.

Г. Улясутай расположенъ въ глубокой и довольно широкой горной долинѣ, ограниченной съ востока и запада длинными отрогами Хангая. На сѣверныхъ склонахъ этихъ горъ разсѣяны кое-гдѣ небольшія рощи лиственницы. Среди долины стремится быстрый Богдо-голъ, разбивающійся часто на рукава и принимающій справа рѣчку Чжагистай, на правомъ берегу которой, немного выше устья, и раскинутъ самый городъ. Въ немъ не болѣе 100 домовъ. Дворы обнесены тыномъ, улицы узки и грязны. Вообще Улясутай имѣетъ печальный видъ. Жителей въ немъ въ то время было около 1000 человѣкъ. Главную массу ихъ составляютъ торгующіе китайцы, потомъ китайскіе ремесленники. Послѣдніе занимаются преимущественно приготовленіемъ деревянныхъ частей юртъ для монголовъ, деревянной посуды и тагановъ для нихъ же. Желѣзо на таганы покупается частью у китайцевъ, частью у русскихъ купцовъ, торгующихъ въ этомъ городѣ. Торговля въ Улясутаѣ весьма незначительна. Китайскіе купцы имѣютъ въ этомъ городѣ, однако, изрядные склады товаровъ, большая часть которыхъ развозится ихъ прикащиками по кочевьямъ. Кирпичный чай и бумажныя ткани составляютъ первостепенныя статьи сбыта. Товаръ привозится преимущественно изъ Гуй-хуа-чена, а отчасти изъ Калгана и Урги.

Наши бійскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ, поселились на одномъ обширномъ дворѣ, на которомъ находятся и лавочки ихъ. Въ 1879 г. всѣхъ русскихъ лавочекъ въ Улясутаѣ было 9. Торговля собственно въ городѣ и у русскихъ купцовъ очень незначительна. Поэтому главные торговцы наши въ Улясутаѣ отправляютъ, подобно китайцамъ, по временамъ товаръ съ прикащиками по хошунамъ.

Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ города находится крѣпость, въ которой живетъ цзянь-цзюнь, два его помощника (хэбей-ам-

бани), чиновники и помѣщается гарнизонъ, состоявшій въ 1879 году изъ 500 солдатъ, а въ верстѣ къ югу небольшая колонія— китайскихъ земледѣльцевъ. Она имѣетъ около десятка домиковъ, разбросанныхъ среди прекрасно воздѣланныхъ пашень. На пашни проведены изъ рѣчки оросительныя канавы, а земля тщательно удобряется нечистотами, привозимыми колонистами изъ города. Не смотря на весьма значительную высоту Улясутая[1]), ячмень и овесъ и овощи родятся удовлетворительно, а пшеница плохо. Для продовольствія городскихъ жителей большая часть муки, а также рисъ и просо привозятся изъ Гуй-хуа-чена. Съ 1878 г., т. е. со времени прекращенія дунганскаго возстанія въ Джунгаріи, въ Кобдо и Улясутай стали привозить также хлѣбъ изъ Хами, Баркуля и Гучена. Онъ съ того времени значительно подешевѣлъ въ З. Монголіи. Изъ Гуй-хуа-чена, кромѣ хлѣба, въ Улясутай привозятъ еще зимою, преимущественно къ новому году: яйца, свинину, поросятъ и другіе съѣстные припасы, которыхъ невозможно достать на мѣстѣ.

Въ долинѣ Богдо-гола, подъ городомъ, разсѣяно много юртъ и жалкихъ, дырявыхъ шалашей изъ войлока, принадлежащихъ бѣднымъ монголамъ. Эти послѣдніе питаются поденною работою въ городѣ, подачками за различныя услуги китайцамъ и вообще ведутъ жалкую жизнь. Часть монголовъ находится постоянно въ услуженіи у китайцевъ. Немногіе изъ нихъ занимаются и ремеслами, преимущественно въ качествѣ рабочихъ у китайскихъ ремесленниковъ.

Послѣ пятидневнаго отдыха въ Улясутаѣ, мы 15-го іюня направились изъ этого города къ границѣ. Дорога верстъ 5 идетъ внизъ по долинѣ Богдо-гола, потомъ поворачиваетъ въ горы и пересѣкаетъ по перевалу Олинъ-даба невысокій отрогъ. Затѣмъ она спускается въ сухую, каменистую долину рѣчки Иро,—праваго притока Богдо-гола. На окрестныхъ горахъ разбросаны небольшіе лѣски лиственницы, которыхъ мы потомъ уже не встрѣчали до верхней Чуи. Переночевавъ на рѣчкѣ Иро, мы на слѣдующій день пересѣкли по перевалу Ошикъ-даба другой хребетъ, съ котораго спустились въ широкую, открытую къ юго-востоку, долину. По ней направляется въ эту сторону сухое русло временнаго по-

[1]) Абсолютная высота Улясутая, по опредѣленію Элайсса 5,736 фут., по моему 5,810 футовъ.

тока, по берегамъ котораго паслись цзэрены. Изъ этой долины мы опять поднялись на хребетъ Цаганъ-чолу, ночевали на восточномъ склонѣ перевала черезъ него,—Сагдынъ-даба,—и утромъ спустились въ долину ручья Джулинъ-булукъ, текущую съ сѣвера на югъ. Тутъ 17-го іюня видѣли огромную толщу обледенѣлаго снѣга, оставшуюся, должно быть, отъ цѣлаго снѣжнаго холма,—продукта зимнихъ мятелей. Отъ таянія этой снѣжной массы образовалась немного ниже ея обширная и довольно глубокая лужа, которую мы издали приняли за постоянное озерко.

Пройдя верстъ 8 внизъ по ручью Джулинъ-булукъ, изсякающему далѣе въ сухой долинѣ, мы повернули на западъ въ горы и по перевалу Цакиринъ-дырылдже пересѣкли послѣднюю вѣтвь Хангая Дуланъ-хàра, съ которой спустились въ долину къ родникамъ Хобэинъ. Всѣ эти невысокіе хребты, пересѣченные нами на пути изъ Улясутая—суть слабыя вѣтви Хангая, простирающіяся почти съ сѣвера на югъ. Преобладающая ихъ порода—сѣрый гранитъ. Перевалы черезъ эти вѣтви незначительны.

Отъ ключей Хобэинъ дорога направляется по широкой междугорной долинѣ, ограниченной съ сѣвера послѣднимъ отрогомъ Хангая, а съ юга и юго-запада невысокими насажденными горами, весьма слабо съ нимъ связанными. Въ плоскихъ углубленіяхъ долины растетъ весьма порядочный кипецъ, но за отсутствіемъ по близости источниковъ и колодцевъ, она въ лѣтнее время необитаема. Мы прошли по ней около 20 верстъ, потомъ пересѣкли незначительную южную вѣтвь отрога Хангая, ограничивающаго долину съ сѣвера. Эта вѣтвь, называемая Еръ-хаирханъ, сочленяется на югѣ отъ дороги съ невысокими, насажденными горами, лежащими отъ нея къ западу, но на сѣверѣ отдѣлена отъ нихъ открытою долиною. Перейдя эту долину и холмы къ западу отъ нея мы спустились къ колодцу Яренъ-худукъ. Тутъ, въ 80 верстахъ отъ Улясутая по нашему пути, оканчивается обширная горная страна Хангая. Къ западу отъ названнаго колодца мѣстность отличается совершенно степнымъ характеромъ. Она покрыта насажденными хребтами, сочленяющимися весьма слабо, низкими увалами, въ восточной части съ послѣдними отпрысками Хангая. Въ геогностическомъ смыслѣ эти горы не имѣютъ ничего общаго съ Хангаемъ.

Отъ Яренъ-худука къ западу страна значительно понижается. Раньше, проходя по весьма высокимъ мѣстностямъ, мы не испытывали почти вовсе жаровъ, а тутъ они стали для насъ очень чувствительны: приходилось вставать съ разсвѣтомъ, чтобы къ 10-ти часамъ утра окончить дневной переходъ, верстъ въ 20—25 не болѣе.

Дорога отъ колодца направляется по широкой степной долинѣ, ограниченной на югѣ весьма плоской грядой, посредствомъ которой система насажденныхъ степныхъ горъ сочленяется съ послѣдними отрогами Хангая, а на сѣверѣ рѣчкою Кунгуемъ. Пройдя около 25 верстъ по степи, мы вышли на эту рѣчку и остановились на ея лѣвомъ берегу дневать.

Рѣчка Кунгуй получаетъ начало верстахъ въ 25 къ сѣверо-востоку отъ Яренъ-худука и образуется изъ многихъ родниковъ, бьющихъ изъ песка. Въ верховьяхъ она извѣстна подъ названіемъ Нарынъ-гола, а въ средней и нижней части называется Кунгуемъ. Рѣчка имѣетъ отъ 10 до 15 саженей ширины и часто разбивается на рукава. Она очень мелка и только въ немногихъ мѣстахъ, у возвышенныхъ береговъ, глубина ея достигаетъ 3—4 фут. Температура воды около 3-хъ часовъ по полудни достигала почти 20° по R., такъ что купанье въ ней нисколько не освѣжало. Дно, состоящее изъ мелкаго песка и ила, мѣстами очень топко. Въ верхней части рѣчки часто встрѣчались очень маленькія прибрежныя озерки или, правильнѣе, глубокія ямы, сообщающіяся съ рѣкой узкими протоками. Въ этихъ ямахъ и омутахъ самой рѣчки мы ловили маленькихъ усекучей и гальяновъ, а также находили раковины живущихъ въ нихъ озерниковъ (Limnaeus stagnalis). Плавающихъ и голѣнастыхъ птицъ, исключая улитовъ, чаекъ и чегравъ, было немного. Появлялись изрѣдка и степныя курочки, прилетавшія на рѣчку пить.

Къ сѣверу отъ Кунгуя тянется широкая и длинная полоса зыбучихъ песковъ, сопровождающая теченіе этой рѣчки на пространствѣ около 100 верстъ и имѣющая отъ 25 до 30 верстъ ширины. Полоса представляетъ плоскую гряду, постепенно понижающуюся къ западу. Гребень ея подымается приблизительно на 700 фут. надъ уровнемъ рѣчки. Эта гряда состоитъ изъ песчаныхъ бархановъ, покрытыхъ рѣдкими кустиками должно быть караганы. На гребнѣ и склонахъ торчатъ мѣстами голыя скалы, повидимому,

краснаго гранита, выдающіяся изъ этого песчанаго моря въ видѣ высокихъ острововъ и называемыя монголами *шіеръ*. Сообщеніе чрезъ пески затруднительно, въ особенности лѣтомъ, но зимою и осенью монголы, не смотря на ихъ безводіе, часто перегоняютъ чрезъ нихъ стада. Въ верхней части Кунгуя пески переходятъ отчасти, и на лѣвый берегъ рѣчки, образуя на немъ кое-гдѣ сугробы.

На сѣверѣ отъ песчаной полосы, въ 30 съ небольшимъ верстахъ отъ Кунгуя, находится большое соленое озеро Хара-норъ имѣющее около 35 верстъ въ окружности. Въ него впадаетъ съ восточной стороны рѣчка Мухуръ-Кунгуй, получающая начало тоже изъ песковъ, верстахъ въ 18 къ сѣверу отъ истоковъ Кунгуя. Монголы говорили, что съ горъ Ихы-бэрхэ (отрогъ Хангая), отдѣляющихъ истоки этихъ рѣчекъ, стекаютъ въ сосѣдніе пески ручьи, струящіеся въ нихъ скрытно и потомъ выходятъ на поверхность, образуя ключи, дающіе начало обѣимъ рѣчкамъ. По сѣверную сторону озера Хара-норъ тянется длинный сѣверо-западный отрогъ Хангая, называемый въ этомъ мѣстѣ Аргаланту, а далѣе къ западу Ханъ-хухэй. Съ Кунгуя видны были только вершины этого отрога, простирающагося, по словамъ монголовъ, непрерывно отъ высокихъ горъ Хангая съ востока на западъ.

Въ долинѣ Кунгуя во время нашего пребыванія стояло много монголовъ. Эта долина за отсутствіемъ въ странѣ высокихъ горъ, служитъ въ лѣтнее время наиболѣе удобною мѣстностью для стойбищъ. По берегамъ рѣчки тянутся хорошіе луга, но трава въ то время была значительно потравлена пасшимся на нихъ повсюду скотомъ.

Къ югу отъ Кунгуя, въ разстояніи около 20 верстъ, тянется съ востока на западъ, почти параллельно рѣчкѣ, весьма длинный, но невысокій степной кряжъ, Урдуръ-унигыть. На востокѣ этотъ кряжъ слабо сочлененъ съ послѣднимъ отрогомъ Хангая, а на сѣверъ, къ рѣчкѣ, высылаетъ нѣсколько низкихъ отроговъ, между которыми залегаютъ весьма широкія и открытыя къ Кунгую долины съ песчано-каменистой почвой, поросшей во многихъ мѣстахъ караганою. Въ этихъ долинахъ, поблизости рѣчки, встрѣчаются и солончаки, покрытые злакомъ дэрису, а на самыхъ берегахъ весьма хорошія луговыя пространства.

На второй день пути по долинѣ Кунгуя мы ночевали на ур.

Нуга, представляющемъ обширный мокрый лугъ, обильно орошенный многими ключами, образующими малыя озерки. На этомъ урочищѣ мы между прочимъ видѣли нѣсколько березъ, которыхъ не встрѣчали на всемъ пути отъ Урги. Съ ур. Бага-булумъ, отстоящаго въ одной станціи отъ Нуги дорога пролегаетъ по равнинной мѣстности. Короткіе и низкіе отроги степнаго кряжа Урдуръ-Унигытэ, простирающагося къ югу отъ Кунгуя, уже не достигаютъ въ этой мѣстности береговъ рѣчки. Каменисто-песчаная степь покрыта почти повсюду караганою. На этой степи воздымается въ видѣ колоссальнаго конуса гранитная скала Уланъ-хаирханъ. Противъ нее, на правомъ берегу Кунгуя, на южной окраинѣ песковъ, возвышается такая же скала—Сабунъ-хаирханъ, къ сѣверо-западу отъ послѣдней Шьеръ-хаирханъ, а къ сѣверу отъ ур. Нуга изъ песковъ подымается цѣлый кряжъ, тянущійся съ востока на западъ верстъ на 10. Песчаная гряда, изъ которой онѣ воздымаются, имѣетъ волнообразную поверхность, и её можно было бы уподобить морю, застывшему во время волненія, еслибъ она была совершенно плоская. Эта гряда представляетъ много любопытнаго для геолога и тщательное изученіе ея, вѣроятно, пролило-бы нѣкоторый свѣтъ на теорію образованія большихъ песчаныхъ пространствъ.

На меридіанѣ урочища Цацеинъ-булукъ оканчиваются зыбучіе пески, тянущіеся по правому берегу Кунгуя. Песчаная полоса, впрочемъ, не имѣетъ рѣзкой границы на западѣ, а переходитъ постепенно въ каменисто-песчаную степь, покрытую караганою и чингилемъ. Съ этого урочища отдѣляется на сѣверо-западъ дорога въ ставку бурбётскаго Вана,—Уланкомъ, что на рѣчкѣ Харкора,—притокъ озера Убса. Около дороги, въ 25 верстахъ отъ Кунгуя, находится небольшое, но весьма глубокое прѣсное озеро Гунъ-норъ, лежащее въ котловинѣ. Оно питается ключами и рыбы въ немъ монголы не замѣчали.

Къ западу отъ ур. Цаганъ-булумъ рѣчка Кунгуй вступаетъ въ тѣснину съ крутыми, высокими берегами и течетъ въ ней около 25 верстъ. Въ этой тѣснинѣ росъ когда-то березовый лѣсъ, отъ котораго остались кое-гдѣ пни. Да и ни одна эта тѣснина, но вообще вся долина нижняго Кунгуя была прежде покрыта такимъ лѣсомъ, на что, кромѣ пней, указываютъ самыя названія

нѣкоторыхъ ея урочищъ. Лѣсъ, какъ говорили монголы, былъ истребленъ пожарами и съ тѣхъ поръ перестал рости.

Близъ западной оконечности помянутой тѣснины дорога оставляетъ Кунгуй, поворачивающій къ сѣверо-западу, и направляется степью къ рѣкѣ Дзапхыну, но мы рѣшились продолжать путь по Кунгую до его устья. Намъ хотѣлось провѣрить показанія монголовъ, кочевавшихъ на берегахъ Кунгуя о томъ, что эта рѣчка впадаетъ не въ р. Дзапхынъ, какъ значится на большой китайской картѣ Монголіи, а въ озеро Айрикъ-норъ, въ которое, по ихъ же показаніямъ, изливается и Дзапхынъ. Это озеро не нанесено на китайскую карту, а р. Дзапхынъ показана на ней изливающеюся въ оз. Киргизъ-норъ. Желая лично удостовѣриться въ существованіи озера Айрикъ, мы свернули съ дороги и направились по правому берегу Кунгуя на сѣверо-западъ. Поднявшись на увалъ, увидѣли на сѣверѣ цѣпь холмовъ, Цзунъ-сэрилъ, служащую предгоріемъ синѣвшемуся вдали высокому хребту Ханъ-хухэй, а на юго-западѣ тянулась пологая гряда, которою оканчивается между низовьями Дзапхына и Кунгуя степной кряжъ Урдуръ-унигытэ, съ отдѣльными въ концѣ высотами. На ночлегъ мы спустились къ рѣчкѣ на ур. Шара-модутэй-нурмакъ, на которомъ замѣтно было много березовыхъ пней. Утромъ съ увала открылась предъ нами вдали сѣроватая поверхность оз. Айрикъ. Подойдя къ нему, мы были по истинѣ поражены присутствіемъ великаго множества водяныхъ и болотныхъ птицъ на этомъ озерѣ: пеликаны, цапли, утки, лебеди, гуси, чайки, авдотки и многія другія птицы буквально покрывали берега, заливы и всю прибрежную полосу воды въ нѣсколько десятковъ саженей ширины. Мы остановились на устьѣ Кунгуя и пробыли на озерѣ почти двое сутокъ. На наше счастье въ оба дня дулъ свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-востока, препятствовавшій комарамъ, которыхъ въ это время тамъ была тьма, тревожить насъ и нашихъ животныхъ.

Озеро Айрикъ имѣетъ около 17 верстъ длины и 8 ширины, а въ окружности простирается до 45 верстъ. Южный берегъ его низменный и большею частью топкій, сѣверный немного повыше, но тоже плоскій. Кромѣ Кунгуя, озеро принимаетъ въ себя р. Дзапхынъ, устье которой находится въ 3-хъ верстахъ къ западу

отъ перваго. Обѣ эти рѣки приносятъ въ Айрикъ-норъ массу мельчайшихъ, нерастворимыхъ частицъ, окрашивающихъ его воды въ свѣтло-ржавчинный цвѣтъ. Глубина озера отъ южнаго берега возрастаетъ крайне медленно: въ разстояніи 100 саженей отъ береговой черты она не болѣе 2—3 футовъ, да и по срединѣ, судя по рельефу окрестностей, должна быть очень незначительна. Дно Айрикъ-нора до того топко, что по немъ не только неудобно, но и опасно ходить. Тростники на берегу замѣтны только близь устья Дзапхына, противъ котораго находятся отмели, а быть можетъ и низменные островки, покрытые ими; въ остальныхъ мѣстахъ южный берегъ преимущественно открытый.

Вода въ озерѣ прѣсная, но мутная и не совсѣмъ пріятная на вкусъ. Въ немъ живетъ два вида рыбъ: гальяны (Nemachilus) и ускучи (Leuciscus). Послѣдніе достигаютъ весьма большихъ размѣровъ. На устьѣ Кунгуя мы нашли голову ускуча, выброшеннаго волнами и съѣденнаго орланами. Она принадлежала рыбѣ, имѣвшей вѣроятно не менѣе пуда вѣса. Монголы, которымъ мы ее показывали, увѣряли, что имъ случалось видѣть въ озерѣ болѣе крупные экземпляры, не уступающіе по вѣсу жеребенку. Молюсковъ въ Айрикъ-норѣ мы не нашли.

Плавающихъ и болотистыхъ птицъ на этомъ озерѣ было несмѣтное множество. По утрамъ и вечерамъ стаи и одиночныя птицы безпрерывно въ теченіи двухъ, трехъ часовъ проносились вдоль берега. На Айрикъ-норѣ живетъ много орлановъ, питающихся его рыбами. Во время бури волны выбрасываютъ на берега ускучей и орланы, какъ только вѣтеръ начнетъ крѣпчать и на поверхности озера поднимутся большія волны, собираются въ стаи и летаютъ вдоль береговъ, высматривая добычу. Завидѣвъ выброшенную рыбу, стая испускаетъ крики и усаживается на пирушку. Голодныя монгольскія собаки сосѣднихъ улусовъ точно также во время волненія на озерѣ спѣшатъ къ нему со всѣхъ сторонъ, бѣгаютъ вдоль берега, ища выброшенныхъ волнами рыбъ, и иногда вступаютъ въ ожесточенную драку съ орланами изъ за добычи.

Замѣчательно, что выброшенныя на берегъ рыбы большею частью свѣжія, не подвергнувшіяся разложенію. Поэтому слѣдуетъ полагать, что волненіе этого мелкаго озера, имѣющаго топкое,

иловатое дно, касается самаго дна, поднимаетъ сильную муть, отъ которой рыбы, застигнутыя въ мелкихъ мѣстахъ, теряютъ сознаніе и повинуясь волнамъ,—появляются въ безчувственномъ состояніи на берегахъ, гдѣ, конечно, и умираютъ вскорѣ. Во время нашего пребыванія на Айрикъ-норѣ, 28-го іюня послѣ полудня, сѣверо-восточный вѣтеръ развелъ сильное волненіе; волны яростно ударялись о берега и цвѣтъ поверхности озера измѣнился, перейдя изъ свѣтло-ржавчиннаго въ темно-ржавчинный или коричневый, по всей вѣроятности, отъ сильной мути, поднятой волненіемъ. На другой день утромъ, при тихой погодѣ, цвѣтъ поверхности воды казался несравненно свѣтлѣе, чѣмъ наканунѣ, во время бури.

Озеро Айрикъ въ сѣверной части соединяется протокомъ съ весьма большимъ соленымъ озеромъ Киргизъ-норъ. Это послѣднее простирается до 100 верстъ въ окружности. Берега его плоски и пустынны. На нихъ мѣстами растетъ высокій тростникъ. Протокъ, соединяющій озера, имѣетъ около 5 верстъ длины, течетъ очень тихо и такъ глубокъ, что его, по словамъ монголовъ, нигдѣ нельзя переѣхать въ бродъ. Рыбы въ Киргизъ-норѣ нѣтъ, но въ протокѣ, соединяющемъ его съ Айрикъ-норомъ, живетъ множество крупныхъ ускучей. Монголы разсказывали намъ, что большія ускучи, играя въ этомъ каналѣ, высовываются иногда изъ воды и пугаютъ коней у проѣзжающихъ по берегамъ всадниковъ. Не смотря на соленость воды, въ Киргизъ-норѣ должна быть все-таки животная жизнь, такъ какъ на немъ, по увѣренію монголовъ, водятся плавающія и голенастыя птицы. Оба озера отдѣлены весьма плоскою грядою, на которой къ западу отъ прорѣзающаго её протока подымается отдѣльная высота. По случаю появленія множества оводовъ и комаровъ на вторые сутки пребыванія на Айрикъ-норѣ, намъ самимъ не удалось посѣтить Киргизъ-норъ и мы должны были ограничиться описаніемъ его монголами, стоявшими поблизости Айрикъ-нора.

Къ сѣверу отъ Киргизъ-нора тянется въ восточно-западномъ направленіи весьма высокій хребетъ Ханъ-хукэй, опускающійся крутымъ склономъ къ равнинѣ соединенныхъ озеръ. Этотъ кряжъ представляетъ, какъ было замѣчено, непосредственное продолженіе Хангая и оканчивается невысокимъ хребтомъ Тэхтугэнь-нуру на правомъ берегу рѣчки Харкира.

Страна къ востоку и западу отъ озера Киргизъ-норъ представляетъ совершенную пустыню, богатую солончаками. Къ западу отъ этого озера лежитъ небольшое соленое озерко̀ Бага-норъ, а въ пустынѣ къ востоку отъ Киргизъ-нора водятся джигетаи (Equus hemionus). Незадолго до нашего прибытія на Айрикъ-норъ стоявшіе въ окрестностяхъ его монголы охотились на нихъ въ той пустынѣ и убили нѣсколько штукъ. Охотники разсказывали, что въ сильные жары, около полудня, табуны джигетаевъ стоятъ на мѣстѣ и подпускаютъ къ себѣ гораздо ближе, чѣмъ въ прохладное время. Но для такой охоты нужны очень хорошіе, выносливые кони, такъ какъ приходится долго ѣздить по безводнымъ мѣстамъ и при томъ въ жару. Подъѣхавъ къ табуну, монголы стрѣляютъ джигетаевъ изъ своихъ фительныхъ ружей съ сошками.

Джигетаи нынѣ рѣдко встрѣчаются въ Монголіи: мы на всемъ пути не видали ни одного экземпляра,—но достовѣрно извѣстно, что они живутъ въ большомъ количествѣ въ С.-В. Монголіи, отчасти въ долинѣ большихъ озеръ между Хангаемъ и Ю. Алтаемъ и въ окрестностяхъ Киргизъ-нора.

Съ озера Айрикъ мы направились къ юго-западу, на прежнюю дорогу. Первыя 5 верстъ шли по солонцеватой равнинѣ, покрытой мѣстами зарослями дэрису, а потомъ вступили въ песчаные барханы. Тутъ въ пескѣ и на поверхности лежало множество раковинъ озерника (Limnacus stagnalis). Пески находятся на высотѣ по крайней мѣрѣ 200 фут. надъ теперешнимъ уровнемъ Айрикъ-нора. Слѣдовательно прежде вся окрестная соединеннымъ озерамъ страна была, безъ сомнѣнія, покрыта водою и представляла огромное прѣсное водохранилище, сливавшееся, вѣроятно, съ оз. Хара́-усу, и затоплявшее даже всю долину Дзерге, въ которой найдены были тѣ же раковины. Присутствіе множества солончаковъ во всѣхъ значительныхъ углубленіяхъ страны также служитъ тому свидѣтельствомъ.

Среди песчаныхъ бархановъ мы встрѣтили весьма значительную впадину съ солонцеватою почвою и нѣсколькими малыми озерками, поросшими тростникомъ. Перейдя ее поперегъ, снова вступили въ барханы, покрытые низкорослымъ саксауломъ. Песчаная площадь имѣетъ эллиптическую форму и простирается слишкомъ на 30 верстъ въ окружности, но самые барханы невысоки. Изъ бархановъ мы под-

нялись на пологую гряду съ отдѣльной высотой представляющую сѣверо-западную оконечность хребта Урдуръ-унигытэ, а съ нее спустились на р. Дзапхынъ, текущую въ широкой, солонцеватой долинѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Дзапхынъ разбивается на два очень длинные рукава, образующіе обширный островъ. Ширина восточнаго рукава около 20 саженей, а западнаго до 15. Глубина рѣки вообще незначительна, но при крутыхъ берегахъ встрѣчаются омуты въ 6—7 футовъ. Песчано-иловатое дно Дзапхына очень топко и потому переправа черезъ рѣку даже на верблюдахъ, имѣющихъ, какъ извѣстно, большія ступни, затруднительна, а въ половодіе опасна. Въ самомъ низу рѣки, близь устья, дно еще топче и переправа въ томъ мѣстѣ черезъ Дзапхынъ возможна только съ опытнымъ изъ мѣстныхъ монголовъ проводникомъ. Въ одномъ изъ омутовъ рѣки мы закидывали неводокъ и поймали нѣсколько штукъ ускучей того же самаго вида, что и въ Айрикъ-норѣ. Харіусовъ въ нижнемъ Дзапхынѣ не попалось, да и не должно быть, потому что эти рыбы живутъ только въ весьма быстрыхъ и каменистыхъ горныхъ рѣчкахъ. Въ средней же части Дзапхына, ниже монастыря Нарбаньчжи, отличающейся почти горнымъ характеромъ, ихъ водится много.

Нижній Дзапхынъ на протяженіи отъ ур. Аргаланты до устья служитъ западною границею аймака Цзасакту-хана. Улясутайская дорога, по пересѣченіи этой рѣки, направляется до самой государственной границы по землѣ дурбётовъ,—юго-восточная часть которой, примыкающая къ низовьямъ Дзапхына и соединеннымъ озерамъ, представляетъ солонцеватую пустыню съ явственными признаками покрывавшаго ее воднаго пространства. Отъ монголовъ, стоявшихъ на Дзапхынѣ, мы получили подтвержденіе прежнихъ свѣдѣній о сообщеніи озера Хара-усу съ этой рѣкой. Изъ Хара-усу выходитъ глубокій протокъ Чонъ-харихъ, впадающій въ озеро Хара-норъ, которое принимаетъ въ себя съ юга другой протокъ изъ оз. Дурга-нора и выпускаетъ въ свою очередь изъ себя протокъ Татхэ-тэменъ въ р. Дзапхынъ. Устье этого послѣдняго находится въ разстояніи одного дня пути отъ переправы черезъ Дзапхынъ на Улясутайской дорогѣ, или приблизительно верстахъ въ 75 выше устья Дзапхына. Протокъ приноситъ большую массу воды въ рѣку, которая въ нижнемъ теченіи несрав-

ненно многоводнѣе, чѣмъ въ среднемъ, въ окрестностяхъ монастыря Нарбаньчжи, такъ какъ, кромѣ протока, принимаетъ еще съ правой стороны многоводную рѣчку Улясутай.

Переправа черезъ восточный рукавъ Дзапхына сопряжена была съ хлопотами: лошади вязли, да и нѣкоторые изъ верблюдовъ тоже проваливались. Кое-какъ выбрались мы на большой островъ, образуемый рукавами рѣки, и остановились на ночлегъ. Утромъ пришлось переправляться черезъ другой рукавъ; этотъ послѣдній уже и глубже, но не топокъ. Долина Дзапхына имѣетъ болѣе 5 верстъ ширины, мѣстами прорѣзана старицами и покрыта малыми озерками. Въ ней встрѣчаются обширные луга и заросли дэрису, на которыхъ стояло много монголовъ. Изъ долины мы поднялись на увалъ и, пройдя верстъ 5 по сухому, каменистому плоскогорью, спустились въ обширную котловину, центральная часть которой занята соленымъ озеромъ Цзэренъ-норъ, имѣющимъ около 8 верстъ въ окружности. Южный берегъ его покрытъ высокимъ тростникомъ и на немъ находится нѣсколько малыхъ озеръ съ солоноватой водой; на этихъ озеркахъ было множество водяныхъ и болотныхъ птицъ, въ особенности шилоклювокъ. Близъ юго-западной оконечности озера есть родники, на которыхъ останавливаются проходящіе караваны. Мы, по случаю сильнаго жара, тоже остановились на этихъ родникахъ часа на четыре. Стаи степныхъ курочекъ, томимыя жаждой, очень часто прилетали на родники пить, не смотря на наше присутствіе. По берегамъ Цзэренъ-нора растетъ много солончаковыхъ растеній: осенью ботаникъ тутъ могъ бы обогатить свой гербарій солянками. Въ этомъ озерѣ осаждается соль: на западномъ берегу лежатъ пласты чистой самосадочной соли, которой мы взяли съ собой около пуда.

Мѣстность къ западу и въ особенности къ сѣверо-западу отъ Цзэренъ-нора представляетъ пустынную, слегка волнообразную равнину. Ночевать пришлось среди безводной станціи въ 46 верстъ. Утромъ мы шли по волнистой мѣстности, на которой пересѣкли весьма длинное русло временнаго потока. По сторонамъ и впереди видны были повсюду горы. На сѣверѣ отъ дороги тянулась плоская гряда, а на югѣ кряжъ—Анхалэ—крайніе отроги Алтая, въ который мы въ тотъ же день вступили, достигнувъ низкихъ и

пустынныхъ горъ Аргаланту, пересѣкаемыхъ дорогою. Вдали на сѣверо-западѣ бѣлѣли снѣжныя вершины горъ Харкира. Эти вершины мы увидѣли въ первый разъ съ низовьевъ Кунгуя и приняли ихъ сначала за облака, но потомъ уже признали въ нихъ снѣжныя горы. На югѣ тоже вдали видѣнъ былъ массивъ Хобо—западной части хребта Цзунъ-хаирханъ,—сосѣдней озеру Харà-усу.

Съ горъ Аргаланту спустились въ глубокую и обширную котловину и остановились на родникахъ Шину-усу на дневку. Котловина въ южной части сообщается съ обширною равниною, прилегающею къ сѣверному подножію кряжа Анхалэ, и въ ней тамъ и сямъ разбросаны были малые улусы дурбётъ. Этотъ народъ, отличающійся кромѣ языка и внутренняго быта, еще нѣсколько и наружностью отъ халхасцевъ, казался намъ не столь общительнымъ, какъ монголы Халхи. Послѣдніе, бывало, какъ только мы остановимся, стекались со всѣхъ сторонъ въ нашъ лагерь. Дурбёты же держались иначе: рѣдкій изъ нихъ заходилъ къ намъ, да и свѣдѣнія о своей странѣ они сообщали не такъ охотно, какъ халхасцы.

Изъ котловины дорога вступаетъ въ невысокія горы и слѣдуетъ по нимъ около 10 верстъ, потомъ выходитъ на обширную междугорную долину съ большимъ солоноватымъ озеромъ Харà-усу. Долина со всѣхъ сторонъ обставлена горами и только въ юго-восточной части соединяется узкимъ горломъ съ сосѣднею равниною, прилежащею къ подошвѣ хребта Анхалэ. Окрайныя горы ея—суть юго-восточные отроги снѣжныхъ альпъ Харкира. Одинъ изъ нихъ подъ названіями Холбо и Шилюстынъ огибаетъ озеро Харà-усу съ сѣвера и отдѣливъ на югъ двѣ вѣтви, образующія помянутую котловину Шину-усу, тянется потомъ пологою грядою на востокъ и оканчивается въ пустынной равнинѣ, верстахъ въ 30 къ сѣверо-западу отъ Цзэренъ-нора. Другой очень широкій отрогъ отдѣляется отъ тѣхъ же альпъ на югъ, потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ, замыкая долину оз. Харà-усу съ полуденной стороны и оканчивается высотами Куку-ингиръ на лѣвомъ берегу нижней Кобдо.

Озеро Харà-усу имѣетъ около 35 верстъ въ окружности и питается водами весьма значительной рѣчки Намиръ, впадающей въ него съ запада. Въ восточной части въ озеро вдаются двѣ весьма

длинныя косы, расположенныя одна противъ другой, между которыми остается лишь неширокій проливъ, соединяющій меньшую часть озера съ большею, а въ сѣверо-западной части его подходятъ горы, образующія скалистые береговые утёсы. На южномъ берегу въ началѣ косы возвышается небольшая, каменная сопка. Остальные берега плоски и глубина озера должна быть значительна только въ сѣверо-западной части, у скалистыхъ, высокихъ береговъ. Вода въ озерѣ солоноватая, рыбъ и моллюсковъ въ немъ мы не видали, но плавающихъ и болотныхъ птицъ было довольно много, въ особенности турпановъ (Casarca rutila).

Миновавъ озеро, мы остановились близь устья впадающей въ него рѣчки Намиръ на ночлегъ. Рѣчка имѣетъ около 10 саженъ ширины и была въ то время очень глубока и быстра. Вода въ ней отличалась страннымъ, буро-желтымъ цвѣтомъ, отъ размываемой на пути глины, которою она и припахивала. Издали, съ возвышеннаго мѣста, рѣчка казалась темно-желтою лентою, изгибавшеюся по зеленому полю обширныхъ сплошныхъ луговъ. Нѣсколько разъ мы закидывали въ ней свой маленькій неводокъ, но не вытащили ни одной рыбки. Впрочемъ, трудно допустить, чтобы рыбы могли жить въ столь мутной водѣ, похожей на какую то болтушку. Намиръ получаетъ начало въ снѣжныхъ горахъ Харкира и течетъ сначала на югъ-востокъ-югъ, потомъ круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на востокъ-сѣверъ-востокъ и впадаетъ въ западную часть оз. Хара-усу. Вся длина теченія этой рѣки не должна превышать 60 верстъ. Въ нижнихъ частяхъ долина Намира большею частью болотиста, а въ средней и верхней частяхъ рѣчки она представляетъ обширное, сплошное болото. Въ этомъ болотѣ находится множество родниковъ, изъ которыхъ составляются то ручейки, струящіеся непосредственно въ рѣчку, то небольшія озерки, образуемыя источниками и сообщающіяся также съ Намиромъ протоками. Поэтому неудивительно, что рѣчка при такой незначительной длинѣ собираетъ въ себя порядочную массу воды, получая ее въ изобиліи изъ множества сосѣднихъ источниковъ.

Отъ ночлежнаго пункта близь устья Намира мы прошли верстъ 12 вверхъ по этой рѣчкѣ до ея крутаго изгиба, потомъ оставили ее вправѣ и направились по холмамъ къ сѣверо-западу. На пути,

у подножія холмовъ, встрѣтили небольшое озерко, сообщающееся съ рѣчкою протокомъ, далѣе въ лощинѣ между холмами другое,— выпускающее также въ Намиръ ручей. Съ холмовъ въ ближайшей части долины этой рѣчки видны были тоже небольшія озерки, разсѣянныя кое-гдѣ по болотистой мѣстности. Пройдя около трехъ верстъ по холмамъ изъ глинистаго сланца, мы вышли къ ручью Носанъ-булукъ, текущему изъ разрушенныхъ гранитовыхъ массъ въ Намиръ, и остановились на ночлегъ. Съ этого ручья дорога вступаетъ въ горы пересѣкая въ этомъ мѣстѣ южный отрогъ альпъ Харкира, поворачивающій потомъ къ юго-востоку и окаймляющій долину оз. Хара-усу съ юга. На югъ, къ берегамъ протекающей въ сосѣдствѣ р. Кобдо, этотъ отрогъ отдѣляетъ высокія вѣтви.

Въ упомянутомъ отрогѣ находится глубокая междугорная котловина, занятая озеромъ Шацгай[1]). Оно имѣетъ около 10 верстъ въ окружности и питается водами ручья Котюль-булукъ, текущаго въ него съ сѣвера, изъ горъ Харкира. Вода въ озерѣ Шацгай до такой степени солона, что въ немъ не только нѣтъ рыбы, но и вообще никакой животной жизни не должно существовать, на что между прочимъ указываетъ и отсутствіе на немъ водяныхъ птицъ. Исключая нѣсколькихъ паръ турпановъ, мы не видѣли на немъ вовсе этихъ птицъ. Глубина озера, въ особенности въ западной части,—должна быть весьма значительна: такъ дно отъ берега падаетъ такъ круто, что въ разстояніи 3 или 4 саженей отъ береговой черты его уже совсѣмъ не видно и глазу наблюдателя представляется мрачная пучина. Къ западу отъ Шацгай-нора мы пересѣкли такой же невысокій и каменистый перевалъ, какъ и къ востоку, подходя къ нему, а потомъ спустились на весьма каменистое плато, почти сплошь усѣянное сборнымъ булыжникомъ и галькою,—продуктами разрушенія окрестныхъ сѣверныхъ горъ. Эти обломки лежатъ мѣстами правильными, почти параллельными рядами, тянущимися съ сѣвера на югъ, отъ горъ до рѣки Кобдо. Еще спускаясь съ перевала отъ оз. Шацгай мы увидѣли на юго-востокѣ широкую зеленую ленту лиственнаго лѣса,

[1]) Названіе Шацгай-норъ (т. е. сорочье озеро) это озеро получило отъ множества сорокъ, водящихся въ окрестныхъ горахъ, въ которыхъ мы дѣйствительно часто встрѣчали ихъ.

покрывающаго берега р. Кобдо и придающаго издали, въ особенности съ высоты, живописный видъ ея долинѣ. На сѣверѣ, верстахъ въ 30, искрились снѣжныя вершины горъ Харкира, а на югѣ верстахъ въ 70 видѣнъ былъ бѣлокъ Алтанъ-цицикъ. Такъ называютъ дурбёты снѣжныя горы Гурбанъ-цасату, видѣнныя нами въ 1878 году на пути отъ р. Кобдо къ городу того же имени, близъ ур. Алтанъ-чечей.

Пересѣкши на каменистой равнинѣ три ручья, текущія съ сѣвера въ р. Кобдо, мы вышли на рѣчку Шивыртай на ночлегъ. Она получаетъ начало въ горахъ Харкира и впадаетъ въ р. Кобдо слѣва. По берегамъ рѣчки растетъ тополь, тал, тальникъ и другіе кустарники. Рѣчка часто дѣлится на рукава и течетъ очень быстро по каменистому ложу. Въ ней мы ловили много крупныхъ харіусовъ. Стоянка на этой рѣчкѣ, не смотря на прекрасную воду и отличный подножный кормъ, въ то время была несносна, по причинѣ множества оводовъ, комаровъ и мошки. Поэтому на другой день раннимъ утромъ мы поспѣшили оставить Шивыртай. Дорога шла сначало по каменистой равнинѣ, потомъ пересѣкла пологую гряду и снова вышла на равнину, ниспадающую на югъ, къ долинѣ р. Кобдо, крутымъ и высокимъ обрывомъ. Затѣмъ мы вступили въ пологіе холмы изъ глинистаго сланца со многими глубокими и узкими лощинами, направляющимися къ р. Кобдо. Среди этихъ холмовъ воздымаются кое-гдѣ высокіе массивы изъ фельзитоваго порфира, проникающіе чрезъ глинистый сланецъ, развитый повсемѣстно у ихъ подножій. Тутъ къ сѣверу отъ дороги возвышается большая гора изъ названной породы,—Уланъ-лонхо; близь самой дороги на лѣвомъ берегу р. Кобдо подымаются также массивныя высоты изъ той же породы[1]). Обогнувъ эти послѣднія съ сѣвера, мы спустились къ протоку изъ озера Ачитъ въ р. Кобдо и остановились на немъ дневать.

Протокъ, соединяющій озеро Ачитъ съ р. Кобдо и называемый Усунъ-холой (водяное горло), имѣетъ около 5 верстъ длины, отъ 20 до 30 саженей ширины и довольно быстрое теченіе. Онъ стремится съ сѣвера на югъ въ узкой долинѣ, ограниченной не-

[1]) Въ этой мѣстности обнажаются также въ невысокихъ скалахъ кварцитъ и филитъ.

высокими берегами, и имѣетъ довольно значительную глубину, а при устьѣ даже очень большую. Вода въ немъ прѣсная, но отъ присутствія тростника, покрывающаго повсюду его берега, не совсѣмъ пріятнаго вкуса. Въ протокѣ живетъ очень много усачей, но другихъ породъ нѣтъ.

Р. Кобдо при устьѣ протока имѣетъ около 60 сажень ширины и течетъ очень быстро. По берегамъ ея на всемъ видѣнномъ нами пространствѣ растетъ тополь, также и различные кустарники. Въ этихъ заросляхъ поблизости протока живутъ фазаны (Fasianus torquatus). Рѣка описываетъ въ этомъ мѣстѣ весьма значительную луку къ сѣверу. Зимою на берегахъ Кобдо располагаются многіе улусы, но въ лѣтнее время она, по причинѣ множества комаровъ, оводовъ и мошекъ остается въ средней и нижней частяхъ необитаемою. Въ теченіи болѣе полутора сутокъ, проведенныхъ нами на устьѣ протока, эти насѣкомыя до такой степени искусали нашихъ лошадей, что у нихъ сильно вздулись груди, а на тѣлѣ, въ особенности на спинѣ, образовалось множествѣ небольшихъ ранъ. Двѣ бывшія съ нами собаки тоже не находили мѣста отъ оводовъ и комаровъ: терзаемыя этими несносными насѣкомыми, онѣ по временамъ начинали бѣгать отъ нихъ и потомъ бросались въ воду. Не легко было и людямъ въ это время, но желаніе опредѣлить географическое положеніе устья протока удержало насъ тутъ почти на двое сутокъ. Къ несчастью въ оба вечера небо было облачно и мы напрасно промучили себя и животныхъ въ этомъ злополучномъ мѣстѣ.

Къ югу отъ устья протока, верстахъ въ 60, возвышается снѣжная группа Гурбанъ-цасату, или Алтанъ-цицикъ по дурбётски. Она заключается въ весьма высокомъ горномъ хребтѣ, тянущемся на сѣверъ-востокъ-сѣверъ. Мы пересѣкали этотъ хребетъ по перевалу Хонуръ-уленъ въ 1878 году на пути въ г. Кобдо. Въ немъ, верстахъ въ 30 и 40 къ юго-западу-югу отъ группы Алтанъ-цицикъ, видны были вершины, покрытыя снѣжными пятнами.

Съ устья протока мы направились вверхъ по нему къ Ачитъ-нору и пройдя верстъ 5, достигли малаго озера, изъ котораго онъ вытекаетъ. Это озеро имѣетъ около 5 верстъ въ окружности, покрыто по берегамъ тростникомъ и сообщается съ Ачитъ-но-

ромъ проливомъ. Перешеекъ между соединенными озерами представляетъ низменную землю, поросшую тоже тростникомъ. Вскорѣ предъ нами открылась обширная синеватая поверхность Ачитъ-нора, по западному берегу котораго пролегаетъ дорога.

Ачитъ-норъ простирается въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ 20 слишкомъ верстъ. Наибольшая ширина озера въ средней части около 16 верстъ. Въ этомъ мѣстѣ находятся двѣ губы, лежащія одна противъ другой. Острововъ на озерѣ нѣтъ, но скалистые мысы встрѣчаются на юго-западномъ и сѣверо-восточномъ берегахъ. Глубина отъ юго-западнаго берега возрастаетъ довольно быстро, а при крутыхъ скалистыхъ мысахъ, имѣющихъ впрочемъ береговые откосы, дно падаетъ круто. Вообще глубина этого озера должна быть весьма значительна.

Вода въ Ачитъ-норѣ прѣсная, но изъ рыбъ въ немъ живутъ только одни у̀скучи, достигающіе, судя по найденнымъ на берегу остаткамъ, такихъ же большихъ размѣровъ, какъ и въ Айрикъ-норѣ и принадлежащіе тому же самому виду. Молюсковъ же мы не находили въ этомъ озерѣ. На Ачитъ-норѣ живутъ также орланы, а плавающія и болотныя птицы держатся преимущественно въ сѣверо-западной и юго-восточной частяхъ озера, около тростниковъ.

Ачитъ-норъ принимаетъ въ себя въ сѣверной части три рѣчки: Беконь-бере, называемую въ нижнихъ частяхъ Беко-моринъ-голъ, Уласты, или Ендерты, и Цаганъ-норей-холой. Рѣчка Беконь-бере,—самая многоводная, вытекаетъ изъ горнаго озера Кендыкты-куль, отстоящаго верстахъ въ 100 къ сѣверо-западу отъ Ачитъ-нора. Рѣчка Ендерты получаетъ начало въ сосѣднихъ горахъ Яматъ къ сѣверо-востоку отъ озера, а рѣчка Цаганъ-норей-холой, подъ названіемъ Куку-Кутель, вытекаетъ изъ отроговъ пограничнаго хребта Сайлюгэма, и образовавъ на пути нѣсколько малыхъ озеръ, прорѣзаетъ горный хребетъ и изливается въ сѣверо-западную часть Ачитъ-нора.

Долина рѣчки Беконь-бере, текущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, ограничена съ сѣверо-восточной стороны высокимъ кряжемъ, отдѣляющимся отъ пограничнаго хребта Сайлюгэма въ окрестностяхъ горнаго озера Джувлу-куль. Отъ этого же узла отходитъ на востокъ и хребетъ Танну-ола. Означенный кряжъ

тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ подъ названіями Цаганъ-шибету и Ямать съ вершинами, имѣющими снѣжныя пятна; далѣе къ юго-востоку высота его возрастаетъ и онъ получаетъ названіе Харкира, достигая снѣжной линіи. Эти снѣжныя горы отдѣляютъ на юго-востокъ невысокія вѣтви, простирающіяся до меридіана Цэренъ-нора и нижней части р. Кобдо. Съ юго-западной стороны долина Беконь-бере окаймлена тоже отрогомъ пограничнаго хребта Сайлюгэма, отходящимъ отъ высокаго узла съ снѣжными пятнами, Кара-магнай, и тянущагося также съ сѣверо-запада на юго-востокъ до береговъ р. Кобдо. Названная долина отличается степнымъ характеромъ, на ней кое-гдѣ вздымаются невысокія сопки, а близъ устья рѣчки Беконь-бере она переходитъ въ болотистую землю, покрытую высокимъ тростникомъ и прорѣзаемую низовьями этой рѣчки и Цаганъ-норэй-холой. Тутъ въ лѣтнее время бываетъ множество комаровъ и оводовъ, такъ что въ іюнѣ и іюлѣ эта мѣстность необитаема.

По выходѣ на Ачитъ-норъ мы слѣдовали близъ юго-западнаго берега его, по волнообразной мѣстности, покрытой низкими, обнаженными грядами изъ фельзитоваго порфира. Онѣ представляютъ отроги сосѣднихъ юго-западныхъ горъ и упираются въ озеро, образуя скалистые береговые утесы. Между грядами простираются довольно глубокія, но узкія и извилистыя лощины. Вечеромъ мы вышли на рѣчку Цаганъ-норэй-холой и ночевали на ней верстахъ въ трехъ выше устья. На наше счастье ночь была прохладная и комары не тревожили насъ.

На слѣдующій день мы съ большимъ трудомъ перебрались черезъ топкую и каменистую лощину, орошаемую ручьями, текущими съ правой стороны въ рѣчку Цаганъ-норэй-холой; потомъ вышли на каменистую равнину и направились по ней вверхъ по этой рѣчкѣ. На равнинѣ, поблизости рѣчки, встрѣчались мѣстами явственные слѣды прежнихъ пашень, именно прямолинейныя оросительныя канавы, а въ одномъ мѣстѣ встрѣтились и нынѣшнія пашни дурбётовъ, орошаемыя арыками. Около нихъ стоитъ маленькій глиняный домикъ, въ которомъ лѣтомъ живутъ дурбёты—пахари.

Верстахъ въ 30 выше своего устья рѣчка Цаганъ-норэй-холой протекаетъ ущельемъ около 20 верстъ, покрытымъ въ восточной

части небольшимъ лѣсокъ тала съ тальникомъ. Ущелье очень глубоко и ограничено съ обѣихъ сторонъ весьма крутыми горными скдонами. Въ иныхъ мѣстахъ эти склоны такъ сближаются, что кромѣ ихъ, да неширокой полосы голубаго, безоблачнаго неба, не видно было ничего. Ущелье и орошающая его рѣчка Цаганъ-норэй-холой пересѣкають поперегъ высокій отрогъ помянутаго горнаго узла Кара-магнай, простирающійся на югъ до р. Кобдо. Къ западу отъ этого отрога лежитъ высокое волнистое плоскогорье, на которомъ мы встрѣтили озеро Цаганъ-норъ, около 4-хъ верстъ въ окружности, выпускающее рѣчку Цаганъ-норэй-холой. Въ двухъ верстахъ къ западу отъ этого озера находится другое, носящее такое же названіе и соединенное съ первымъ протокомъ, въ который съ лѣвой стороны, съ сѣвера, впадаетъ маленькая рѣчка. Второе озеро имѣетъ около 8 верстъ въ окружности и содержитъ, подобно первому, прѣсную воду, но рыбы ни въ томъ, ни въ другомъ, равно какъ и въ рѣчкѣ Цаганъ-норэй-холой мы не замѣчали. Съ восточной стороны въ озеро вдаются двѣ острыя и длинныя косы, оканчивающіяся скалистыми сопками, живописно отражающимися въ спокойной, зеркальной его поверхности. Съ запада въ это озеро изливается маленькая рѣчка Куку-кутель, образующая на пути рядъ весьма незначительныхъ озерокъ.

Страна, орошаемая рѣчкою Куку-кутель и ея притоками представляетъ высокое плоскогорье, покрытое юго-восточными отраслями пограничнаго хребта Сайлюгэма и замкнутое на востокѣ мощнымъ отрогомъ этого хребта, направляющимся, какъ выше замѣчено, отъ узла Кара-магнай къ югу до береговъ р. Кобдо. Судя по весьма значительной быстротѣ теченія рѣчки Цаганъ-норэй-холой, въ особенности въ ущельѣ, описываемое плоскогорье должно быть высоко приподнято надъ уровнемъ Ачитъ-нора. Между покрывающими его горными отрогами лежатъ долины, то совершенно сухія, то орошенныя ручейками, нерѣдко изсякающими въ песчано-каменистой почвѣ. Древесной растительности въ этой странѣ вовсе нѣтъ, да и травянистая весьма однообразна.

Отъ озера мы шли по долинѣ рѣчки Куку-кутель. Въ эту неширокую долину съ сѣвера и юга сходится много побочныхъ долинъ, большею частью сухихъ. Окрестныя горы невысоки и

покрыта довольно скудною растительностью. Рѣчка Куку-кутель то скрывается въ песчано-каменистой почвѣ долины, то снова появляется на поверхности и образуетъ нѣсколько малыхъ озерокъ. Она получаетъ начало верстахъ въ 15 къ югу отъ государственной границы и несетъ свою незначительную дань Ачитъ-нору, отдающему избытокъ воды р. Кобдо, впадающей въ оз. Хара-усу, а это послѣднее, какъ извѣстно, сообщается съ р. Дзапханомъ и слѣдовательно съ соединенными озерами Айрикъ и Киргизъ-норъ. Такимъ образомъ въ С.-З. Монголіи существуетъ непрерывная гидрографическая сѣть, посредствомъ которой воды съ высочайшихъ горъ Алтая достигаютъ пустыннаго водоема Киргизъ-нора, отлагая въ немъ растворенныя на пути соли.

Переваливъ изъ долины рѣчки Куку-кутель черезъ невысокій отрогъ, мы спустились въ котловину небольшаго озера Хакъ, на которомъ въ то время стоялъ одинъ изъ бійскихъ торговцевъ, продававшій кое-что туземцамъ—дурбётамъ. Это озеро лежитъ близь южнаго подножія пограничнаго хребта Сайлюгэма. Къ сѣверу отъ озера въ Сайлюгемѣ находится перевалъ, называемый Хакъ, или Тонту-дабага. Подобно перевалу Уланъ-даба, лежащему верстахъ въ 90 западнѣе, проходъ Хакъ тоже плоскій и по моему опредѣленію на 390 ф. ниже перваго. Приближаясь къ пограничному кряжу со стороны Монголіи, путешественникъ замѣчаетъ значительное измѣненіе во флорѣ страны: у южнаго подножія и въ особенности на южномъ отлогомъ склонѣ хребта онъ, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, будетъ постоянно встрѣчать все новые и новые виды растеній и, достигнувъ гребня хребта, очутится въ растительной области, рѣзко отличающейся по богатству видовъ отъ сосѣдней части Монголіи, имѣющей весьма однообразную растительность.

Поднявшись безъ затрудненія по отлогому склону на гребень пограничнаго хребта Сайлюгэма, мы остановились у пограничнаго знака и прежде всего съ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали родную землю, такъ давно покинутую. Потомъ, установивъ барометръ, я опредѣлилъ высоту перевала, оказавшуюся въ 8,220 ф. надъ уровнемъ моря. Окончивъ наблюденіе, мы обернулись назадъ и простились мысленно съ Монголіей, быть можетъ на всегда. Спускъ съ пограничнаго хребта на сѣверъ, подобно подъему съ

стороны Монголіи, отлогій; растительность по мѣрѣ приближенія къ сѣверу становится все болѣе и болѣе разнообразною. Съ хребта мы сошли на высокое плоскогорье, извѣстное подъ названіемъ Чуйской степи. Хотя, сравнительно съ другими мѣстностями Внутренняго Алтая, оно и считается малоплодороднымъ, но, какъ послѣ бѣдныхъ, монотонныхъ монгольскихъ степей и непривѣтныхъ горныхъ странъ Монголіи, оно казалось привлекательнымъ.

Перейдя на этотъ разъ пограничный хребетъ Сайлюгэмъ въ другомъ мѣстѣ, именно на 90 верстъ восточнѣе, мы имѣли снова случай убѣдиться въ томъ, что онъ дѣйствительно служитъ рѣзкою физическою границею двухъ весьма различныхъ по своей флорѣ областей: Внутренняго Алтая и сосѣдняго сѣверо-западнаго угла Монголіи, далеко уступающаго первому, не смотря на свой разнообразный рельефъ, какъ по богатству флоры, такъ и по разнообразію животной жизни. Причина такой разницы, какъ это было замѣчено ранѣе, заключается въ недостаткѣ влаги въ С.-З. Монголіи, поглощаемой высокими горами Внутренняго и Южнаго Алтая.

Пройдя по Чуйской степи около 45 верстъ, мы достигли ур. Кошъ-агачъ на верхней Чуѣ, гдѣ находится нѣсколько домиковъ съ товарными складами, принадлежащихъ торгующимъ въ Монголіи бійскимъ купцамъ, и построена маленькая деревянная церковь. Въ Кошъ-агачѣ производится перегрузка товаровъ, доставляемыхъ изъ Бійска въ Монголію и ведется небольшая торговля съ окрестными жителями,—теленгутами. Тутъ мы окончили наше годичное странствованіе по Китайской имперіи.

М. Пѣвцовъ.

г. Омскъ,
15-го апрѣля 1883 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ I-е

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ МѢСТЪ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ МѢСТЪ.

Для производства этихъ наблюденій имѣлись слѣдующіе инструменты:

1) Малый универсальный инструментъ Пистора и Мартинса. Точность поніусовъ на обоихъ кругахъ его 30″, но удобно оцѣнивались и 15″. Труба увеличивала слишкомъ въ 13 разъ. Цѣна одного дѣленія уровня 1′, но какъ линейная его величина была равна 2,3 линіи, то десятыя доли, т. е. 6″, отсчитывались очень точно. Въ фокусѣ трубы было натянуто 6 горизонтальныхъ нитей и двѣ сближенныя вертикальныя.

2) Три карманные хронометра: Брокбенкса, Виркна и Дента. Первый изъ нихъ оказался ненадежнымъ и при томъ неоднократно останавливался въ пути.

3) Барометръ Паррота съ термометрами.

4) Земная труба на штативѣ, употреблявшаяся для наблюденія покрытій звѣздъ луною.

Время опредѣлялось по соотвѣтственнымъ высотамъ различныхъ звѣздъ, мало разнящихся своими склоненіями, при чемъ звѣзды пропускались видимымъ движеніемъ чрезъ всѣ 6 горизонтальныхъ нитей. Наклонность отсчитывалась для каждой нити. Для удостовѣренія же въ неизмѣняемости положенія трубы во время наблюденія замѣчались показанія одного изъ поніусовъ передъ началомъ наблюденія и по окончаніи его. Уровень, не отличавшійся, какъ выше замѣчено, чувствительностью, повѣрялся тщательно передъ каждымъ наблюденіемъ.

Широты опредѣлены изъ наблюденія зенитныхъ разстояній полярной и южной звѣздъ, мало разнящихся по высотѣ, при чемъ южная звѣзда наблюдалась близь меридіана[1]). На каждую звѣзду было дѣлаемо по четыре наведенія: два съ К. Л. и два съ К. П. Наклонность записывалась для всякаго наведенія. Уровень повѣрялся не только передъ началомъ, но и въ срединѣ наблюденія, когда оно было продолжительно. Показанія барометра и термометровъ отсчитывались до и послѣ наблюденія.

Всѣ сдѣланныя мною наблюденія взялъ на себя трудъ вычислить профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Полковникъ К. В. Шарнгорстъ, которому я много обязанъ за этотъ трудъ. Изъ его статьи объ этихъ наблюденіяхъ, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Импер. Русск. Географ. Общества т. XVI, вып. 3-й за 1880 г., а также изъ доставленныхъ имъ мнѣ вычисленій извлечены мною нижеслѣдующія данныя, по которымъ можно судить о достоинствѣ самыхъ наблюденій.

О точности широтъ можно сдѣлать заключеніе по согласію результатовъ наблюденія сѣверной и южной звѣздъ, сопоставленныхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Названіе мѣстъ	Широты: по полярной звѣздѣ	Широты: по южной звѣздѣ	Среднія.
Уроч. Кытэинъ-шара-холусу	47° 17′ 42″	—	47° 17′ 42″
Уроч. Хойту-голъ	47 3 21	47° 3′ 37″	47 3 29
Кумирня Нарбаньчжи. . .	46 40 54	46 41 37	46 41 15
Уроч. Дэлгэръ-булукъ . .	46 22 53	46 23 8	46 23 0
Озеро Ульдзуйту	46 10 36	46 11 24	46 11 0
Кол. Кошонъ-чолунъ-худукъ	46 5 36	46 5 53	46 5 44
Уроч. Хара-нидунэй-шангъ	45 55 30	45 55 49	45 55 40
Пикетъ Горида	45 48 10	45 48 9	45 48 10
Кол. Холтъ	45 32 28	45 33 9	45 32 48
Уроч. Хоръ-мусу	44 58 51	44 59 40	44 59 15
Уроч. Боро-тологой . . .	44 11 3	44 10 32	44 10 48

[1]) Только для двухъ пунктовъ наблюденія южной звѣзды, по причинѣ грубыхъ ошибокъ въ отсчетѣ зенитныхъ разстояній, оказались негодными и исключены.

Названіе мѣстъ	ШИРОТЫ по полярной звѣздѣ	ШИРОТЫ по южной звѣздѣ	Среднія.
Кол. Цзала	43° 44′ 22″	43° 44′ 42″	43° 44′ 32″
Кол. Мунку-обонэй-худукъ.	43 15 11	43 15 29	43 15 20
Кол. Ноинъ-худукъ . . .	42 40 20	42 40 48	42 40 34
Уроч. Цаганъ-дэрису. . .	42 5 3	—	42 5 3
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-ченъ)	40 48 9	40 48 48	40 48 28
Г. Калганъ	40 50 43	40 51 7	40 50 55
	40 50 43	—	40 50 43
	40 50 47	—	40 50 47
		сред.	40 50 50
г. Урга	47 54 55	47 54 46	47 54 50
Ручей Баровчинъ-голъ . .	47 49 35	47 50 12	47 49 53
Озеро Угэй	47 47 2	47 47 45	47 47 23
Р. Хойту-Тамиръ	47 45 10	47 45 44	47 45 27
Р. Будонъ-гичигинъ-голъ .	48 0 31	48 1 21	48 0 56
Кум. Убуръ-тэлліинъ-куре.	47 57 3	47 58 1	47 57 35
Устье рѣчки Бомботу. . .	47 31 22	47 33 9	47 32 15
Уроч. Бага-булукъ . . .	48 22 13	48 22 18	48 22 15
Устье р. Кунгуя	48 49 47	48 50 5	48 49 56
Родники Шину-усу . . .	48 50 51	48 51 54	48 51 22
Рѣчка Цаганъ-норэй-холой.	49 34 45	49 35 22	49 35 3

Долготы большинства мѣстъ опредѣлены перевозкою хронометровъ. Опорными пунктами служили мѣста, въ которыхъ наблюдались покрытія звѣздъ луною или появленія ихъ. Такихъ пунктовъ было восемь. Сверхъ того, г. Кобдо и уроч. Кошъ-агачъ близь государственной границы, изъ которыхъ первый послужилъ начальнымъ, а второй конечнымъ пунктомъ моихъ наблюденій,— были опредѣлены ранѣе, именно Кобдо г. Рафаиловымъ въ 1876 году, Кошъ-агачъ же г. Мирошниченко въ 1869 г. Долгота Кобдо изъ наблюденнаго г. Рафаиловымъ покрытія γ Cancri луною $6^h\ 6^m\ 24^s.0$, а по выступленію той же звѣзды $6^h\ 6^m\ 24^s.8$. Слѣдовательно среднюю $6^h\ 6^m\ 24^s.4$ (отъ Гринвича) нельзя не признать вполнѣ надежною. Долгота Кошъ-агача ($5^h\ 54^m 42^s.7$ отъ

Гринвича) опредѣлена г. Мирошниченко перевозкою хронометровъ, давшихъ довольно согласные результаты[1]).

При вычисленіи долготъ изъ покрытій и появленій г. Шарнгорстъ, при обязательномъ содѣйствіи астронома, В. К. Деллена, ввелъ поправки въ мѣста луны, данныя„ въ Nautical Almanac.

Посредствомъ наблюденія звѣздныхъ покрытій и появленій опредѣлены долготы слѣдующихъ мѣстъ:

1878 г. н. ст.				Долгота отъ Гринвича.		
17 октября.	Озеро Ульдзуйту	по покрытію	Σ Geminorum	6^h	33^m	7^s.
5 ноября.	Колодезь Холтъ	„ „	λ Piscium	6	51	52
10 „	Уроч. Хоръ-мусу	„ „	17. Tauri	6	54	40
27 „	Кол. Мунку-обонэй	„	Oeltzen	7	7	5
1879 г.						
30 января	г. Калганъ	„ „	B. A. C. 389	7	39	25
1 февраля	г. Калганъ	„ „	χ' Tauri	7	39	20
3 марта	г. Калганъ	„ „	Σ. Geminorum	7	39	27
			среднее	7	39	24
29 апрѣля	г. Урга	„ „	O' Cancri	7	7	45
7 мая	г. Урга	по вскрытію	α. Scorpii	7	8	0
			среднее	7	7	50
24 мая	Ручей Барокчинъ	по покрытію	B. A. C. 2238	6	56	54
3 іюня	Р. Хойту-Тамиръ	„ „	A². Scorpii	6	45	52

Въ Ургѣ 7-го мая выступленіе α. Scorpii было замѣчено вскорѣ послѣ полнолунія и при томъ поправка хронометра въ этотъ день, по случаю дурной погоды, не опредѣлена. Поэтому полученной изъ него долготѣ данъ половинный вѣсъ противъ долготы, выведенной изъ покрытія O'Cancri, наблюденнаго 29-го апрѣля. Что касается долготъ остальныхъ пунктовъ, опредѣленныхъ посредствомъ наблюденія звѣздныхъ покрытій, то большинство ихъ весьма хорошо согласуется съ хронометрическими долготами, выведенными для этихъ пунктовъ съ ходами за время переѣзда между ближайшими къ нимъ мѣстами, въ которыхъ также наблюдались звѣздныя покрытія.

[1]) Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. 1-й С.-Петербургъ 1881 г. стр. 352—353. Записки З.-Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Географическаго общества. Кн. IV. 1882 г.

Перевозкою хронометровъ опредѣлены долготы 21 пункта. Два хронометра Виркна и Дента шли вполнѣ удовлетворительно, а третій Броккбинкса оказался, какъ замѣчено выше, негоднымъ. Хронометры сравнивались ежедневно въ одно и то же время передъ заводомъ и кромѣ того всякій разъ передъ наблюденіемъ для опредѣленія времени и послѣ него. Въ холодное время, начиная съ октября, я возилъ ихъ на груди подъ шубою; на мѣстѣ держалъ въ ящикѣ съ грѣлками, а ночью подъ подушкою. Относительные ходы, благодаря этимъ предостроржностямъ, получились удовлетворительные.

Согласіе долготъ, опредѣленныхъ перевозкою хронометровъ, показано въ слѣдующей таблицѣ.

Названіе мѣстъ	Долготы отъ Гринвича: по хроном. Виркна.	по хроном. Дента.	Среднія.
Уроч. Кытэинъ-шара-холусу	6h10m32s.6	6h10m34s.5	6h10m33s.5
Уроч. Хойту-голъ	6 19 25. 3	6 19 1. 6	6 19 13. 4
Кум. Нарбаньчжи. . . .	6 26 45. 4	6 26 27. 8	6 26 36. 6
Уроч. Дэлгэръ-булукъ . .	6 30 47. 1	6 30 43. 4	6 30 45. 2
Кол. Кошонъ-чолунъ-худудъ	6 37 53. 7	6 37 56. 0	6 37 54. 8
Уроч. Хара-нидунэй-шантъ	6 43 28. 8	6 43 26. 5	6 43 27. 6
Пикетъ Горида	6 47 14. 2	6 47 7. 1	6 47 10. 6
Уроч. Боро-тологой . . .	6 58 54. 0	6 58 59. 0	6 58 56. 5
Кол. Цзала	7 3 31. 8	7 3 38. 4	7 3 35. 1
Кол. Ноинъ-худукъ . . .	7 13 20. 0	7 13 17. 5	7 13 18. 7
Уроч. Цаганъ-дэрису. . .	7 18 29. 5	7 18 39. 4	7 18 34. 4
г. Куку-хото (Гуй-хуа-ченъ)	7 26 37. 0	7 26 37. 8	7 26 37. 4
Озеро Угэй	6 51 3. 9	6 51 3. 2	6 51 3. 5
Р. Будонъ-гичигинъ . . .	6 39 37. 2	6 39 42. 2	6 39 39. 7
Кум. Убуръ-тэллиинъ-куре .	6 34 10. 4	6 34 23. 3	6 34 16. 8

Названіе мѣстъ	Долготы отъ Гринвича		
	по хроном. Виргипа	по хроном. Дента	Среднія
Устье рѣчки Бомботу. . .	$6^h31^m27^s.0$	$6^h31^m43^s.7$	$6^h31^m35^s.3$
г. Улясутай	6 27 25. 4	6 27 45. 5	6 27 35. 4
Уроч. Бага-булумъ . . .	6 19 13. 3	6 19 23. 1	6 19 18. 2
Устье р. Кунгуй	6 13 50. 2	6 14 2. 4	6 13 56. 3
Родники Шину-усу . . .	6 9 33. 2	6 9 41. 4	6 9 37. 3
Рѣчка Цаганъ-норэй-холой.	6 0 31. 7	6 0 37. 4	6 0 34. 5

Въ заключеніе помѣщаю списокъ опредѣленныхъ пунктовъ съ ихъ широтами и долготами въ окончательной формѣ:

Названіе мѣстъ	Широта	Долгота отъ Пулкова	Примѣчанія:
Уроч. Кытэинъ-шара-холусу	47° 17′.7	62° 18′.7	Близъ С.-В. оконечн. солончака Цаганъ-норъ.
Уроч. Хойту-голъ	47 3. 5	64 28. 7	
Кум. Нарбаньчжи. . . .	46 41. 2	66 19. 5	
Уроч. Дэлгэръ	46 23. 0	67 21. 6	
Озеро Ульдзуйту	46 11. 0	67 57. 0	Западный берегъ.
Кол. Кошонъ-чолунъ-худукъ	46 5. 7	69 9. 0	
Уроч. Хара-нидунэй-шантъ	45 55. 7	70 32. 2	
Пикетъ Горида	45 48. 2	71 28. 0	
Кол. Холтъ	45 32. 8	72 38. 3	
Уроч. Хоръ-мусу	44 59. 2	73 20. 5	
Уроч. Боро-тологой . . .	44 10. 8	74 24. 4	
Кол. Цзала	43 44. 5	75 34. 1	
Кол. Мунку-обонэй-худукъ.	43 15. 3	76 26. 5	
Кол. Ноинъ-худукъ . . .	42 40. 6	78 0. 0	
Уроч. Цаганъ-дэрису. . .	42 5. 0	72 18. 9	
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-чэнъ)	40 48. 5	81 19. 7	Домъ католическ. миссіи
Г. Калганъ	40 50. 8	84 31. 2	Предмѣстье Янбошань, д. Вэйчинь.

Названіе мѣстъ	Широта	Долгота отъ Пулкова	Примѣчанія:
Г. Урга	47° 54′.8	76° 37′.7	Русское консульство
Ручей Барокчинъ-голъ . .	47 49. 9	73 53. 7	При пересѣченіи съ дорогою
Озеро Угэй	47 47. 4	72 26. 2	На С.-В. берегу, у пролива, соединяющаго малое озерко съ большимъ.
Р. Хойту-Тамиръ	47 45. 5	71 8. 2	
Р. Будонъ-гичигинъ . . .	48 0. 9	69 35. 2	На лѣвомъ берегу въ 1 верстѣ ниже кумирни Гунъ-ламанъ-куре.
Кум. Убуръ-тэлліинъ-куре (на р. Тэрхей)	47 57. 6	68 14. 5	
Устье рѣчки Бомботу (притокъ Буянту).	47 32. 2	67 34. 1	
Г. Улясутай	—	66 34. 1	Дворъ русскихъ купцовъ. Широта Улясутая, по опредѣленію г. Рафаилова, 47° 44′, 4.
Уроч. Бага-булукъ (на р. Кунгуѣ)	48 22. 2	64 29. 9	
Устье р. Кунгуя	48 49. 9	63 9. 4	
Родники Шину-усу . . .	48 51. 4	62 4. 6	
Рѣчка Цаганъ-норэй-холой	49 35. 0	59 49. 0	При выходѣ изъ ущелья.

ПРИЛОЖЕНІЕ II-е.

БАРОМЕТРИЧЕСКІЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ВЫСОТЪ.

БАРОМЕТРИЧЕСКІЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ВЫСОТЪ.

Помѣщенныя въ нижеслѣдующемъ спискѣ высоты мѣстъ опредѣлены барометромъ Паррота, который передъ отъѣздомъ въ Монголію былъ сравненъ съ барометромъ Туретини, только-что привезеннымъ изъ Главной Физической обсерваторіи г. Шиллингомъ,—ревизовавшимъ Омскую метеорологическую станцію. Во время путешествія, въ апрѣлѣ 1879 г., я вторично сравнивалъ свой барометръ съ барометромъ Паррота же Ургинской метеорологической станціи. Поправка этого послѣдняго была опредѣлена директоромъ Пекинской метеорологической и магнитной обсерваторіи, г. Фритше, который на возвратномъ пути изъ Петербурга въ 1877 году сравнивалъ его съ привезеннымъ изъ Главной Физической обсерваторіи барометромъ.

Термометръ Цельсія, употреблявшійся для измѣренія температуры воздуха, а равно и термометръ Реомюра при барометрѣ были сравнены передъ отъѣздомъ съ термометрами Омской метеорологической станціи,—имѣвшими поправки изъ Главной Физической обсерваторіи.

Высоты мѣстъ, лежащихъ западнѣе меридіана г. Улясутая я вычислилъ по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ Семипалатинской и Барнаульской метеорологическихъ станцій[1]), а высоты Центральной Монголіи, между меридіанами Урги и Улясутая, по наблюденіямъ Иркутской и Пекинской станцій. Наконецъ, немногія высоты Юго-Восточной Монголіи и Внутренняго Китая вычисле-

[1]) Исключая 4-хъ пунктовъ, высоты которыхъ вычислены по иркутскимъ и барнаульскимъ наблюденіямъ, такъ какъ въ Семипалатинскѣ съ 1-го по 20-е іюля 1879 г. наблюденія не производились.

ны только по пекинскимъ наблюденіямъ. Сверхъ того, для контроля и достиженія большей точности высоты нѣкоторыхъ мѣстъ Центральной Монголіи, почти равноудаленныхъ отъ всѣхъ поименованныхъ станцій, я вычислилъ по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ надъ каждой изъ нихъ или по крайней мѣрѣ надъ тремя и взялъ среднія изъ полученныхъ величинъ.

Относительныя высоты Семипалатинска и Барнаула надъ Омскомъ и Томскомъ вычислены изъ пятилѣтнихъ соотвѣтственныхъ метеорологическихъ наблюденій въ этихъ городахъ. Абсолютныя же высоты Омска и Томска опредѣлены, какъ извѣстно, инструментальною нивеллировкою экспедиціи г. Мошкова. По этимъ даннымъ, абсолютная высота Семипалатинска получилась 591 фут., а Барнаула 463 фут.

Абсолютная высота Иркутской станціи опредѣлена тою же нивеллировкою, а высота Пекинской станціи вычислена изъ метеорологическихъ наблюденій академикомъ Вильдомъ и ея директоромъ, г. Фритше. Я принялъ высоту г. Фритше, полученную имъ изъ соотвѣтственныхъ наблюденій въ Пекинѣ и Тяньцзинѣ [1]).

Вычисленія сдѣланы по формулѣ и таблицамъ профессора Менделѣева [2]).

Списокъ высотъ.

Названіе мѣстъ	Число наблюденій	Абсолютныя высоты въ рус. фут. по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ станцій:				Среднія.
		Семипалатинск.	Барнаульской	Иркутской	Пекинской	
Алтайская станица. . . .	5	3130	3040	—	—	3080
Урыльскій поселокъ	2	3340	3360	—	—	3350
Перевалъ Укокъ	1	7930	7920	—	—	7920
Перевалъ Уланъ-даба. . .	1	8590	8640	—	—	8610
Уроч. Алтанъ-чечей	1	7580	7560	—	—	7570

[1]) *Лѣтопись Главной Физической обсерваторіи* 1877 г. стр. XX и XXI, 1878 г., стр. XIV. Записки Император. Русск. Геогр. Общества 1875 г. т. V-й стр. 217—218.

[2]) Д. Менделѣевъ. О барометрическомъ нивеллированіи и о примѣненіи для него высотомѣра. С.-Петербургъ. 1876 г.

Названіе мѣстъ	Число наблюденій	Абсолютныя высоты въ рус. фут. по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ станцій:				Среднія
		Семипалатинск.	Барнаульской	Иркутской	Пекинской	
Г. Кобдо	5	4350	4460	—	—	4400
Уроч. Кытэинъ-шара-холусу	2	3470	3400	—	—	3430
Уроч. Хойту-голъ	2	5350	5280	—	—	5310
Кумирня Нарбаньчжи. . .	3	5210	5110	—	—	5160
Уроч. Дэлгэръ	2	—	—	6330	6200	6260
Озеро Ульдзуйту	2	—	—	6150	5980	6060
Рѣчка Цаганъ-голъ . . .	1	5780	—	5990	6070	5950
Колодезь Кошонъ-чолунъ .	2	—	—	5850	5930	5890
Уроч. Хара-нидунэй-шантъ	2	5880	5850	6020	5490	5810
Пикетъ Горида	2	—	—	5710	5810	5760
Колодезь Холтъ.	2	4490	4370	4450	4490	4450
Уроч. Хоръ-мусу	3	—	—	3950	3900	3920
Кол. Боро-тологой. . . .	2	—	—	4580	4490	4530
Кол. Цзала	2	—	—	5500	5310	5400
Кол. Мунку-обонэй-худукъ.	2	—	—	—	4080	4080
Кол. Ноинъ-худукъ . . .	2	—	—	—	3330	3330
Уроч. Цаганъ-дэрису . . .	2	—	—	—	3970	3970
Кумирня Батхалынъ . . .	1	—	—	—	4810	4810
Г. Куку-хото (Гуй-хуа-ченъ)	2	—	—	—	3240	3240
Г. Калганъ	13	—	—	—	2670	2670
Уроч. Аргалы (къ З. отъ Урги)	1	—	—	3750	3750	3750
Ручей Барокчинъ	2	—	—	3050	2790	2920
Озеро Угэй	2	4000	3840	4220	4210	4070
Рѣка Хойту-Тамиръ . . .	2	—	—	4890	4980	4930
Перевалъ Цзунъ-модунэй-даба	1	—	—	7130	7170	7150
Рѣка Будонъ-гичигинъ . .	2	—	—	6790	6870	6830
Кум. Тэлліинъ-куре . . .	2	—	—	7470	7270	7370
Перевалъ Бомботу	1	—	—	9610	9480	9540
Устье рѣчки Бомботу. . .	2	—	—	7490	7540	7510
Перевалъ Халтырэй . . .	1	—	—	9000	9140	9070
Г. Улясутай	1	5740	5760	5840	5890	5810

Названіе мѣстъ	Число наблюденій	Абсолютныя высоты въ рус. фут. по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ станцій				Среднія.
		Семипалатинск.	Барнаульской.	Иркутской	Пекинской	
Уроч. Гурбанъ-шабаганца (на р. Кунгуѣ)	1	—	4820	5170	5180	5070
Уроч. Бага-булумъ (на р. Кунгуѣ)	2	—	4380	4590	—	4480
Поверхн. озера Айрикъ . .	2	—	3480	3490	—	3480
Родники Шину-усу	2	—	4550	4600	—	4570
Поверхн. озера Ачитъ . . .	2	4600	4660	—	—	4630
Рѣчка Цаганъ-норэй-холой (при выходѣ изъ ущелья) .	1	5310	5260	—	—	5280
Перев. Хакъ (черезъ хребетъ Сайлюгамъ)	1	8240	8210	—	—	8220
Уроч. Кошъ-агачъ	7	5550	5600	—	—	5570

ПРИЛОЖЕНІЕ III-е.

СПИСОКЪ ПТИЦЪ,

СОБРАННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ.

СПИСОКЪ ПТИЦЪ.

При обязательномъ содѣйствіи доктора зоологіи Н. А. Сѣверцова и профессора С.-Петербургскаго университета, М. Н. Богданова, опредѣлившихъ собранныхъ мною во время путешествія птицъ, я составилъ списокъ этихъ птицъ съ указаніемъ географическаго распространенія тѣхъ изъ нихъ, которыя встрѣчались неоднократно въ различныхъ мѣстностяхъ. Что же касается видовъ, попадавшихся рѣдко или только въ одномъ мѣстѣ, то я долженъ былъ ограничиться лишь указаніемъ мѣстъ нахожденія ихъ.

ОТРЯДЪ I-й.

ХИЩНЫЯ. ACCIPITRES.

Aquilae fulva. Lin. Въ теченіи путешествія добытъ былъ только одинъ экземпляръ этого рѣдкаго орла на урочищѣ Цаганъ-дэрису, въ Юго-Восточной Монголіи, въ 220 верстахъ къ сѣверо-западу отъ г. Куку-хото. Болѣе мы не встрѣчали его нигдѣ.

Пустельга. Falco tinnunculus. Lin. Убитъ тоже одинъ экземпляръ во Внутреннемъ Алтаѣ, на уроч. Чиндагатуй въ августѣ.

Haliaëtus leucorypha. Pall. Эти орланы живутъ на большихъ озерахъ Центральной и Западной Монголіи, какъ то: Угэй, Тэрхеинъ-цаганъ и Айрикъ. Первыя два необыкновенно рыбны и орланы находятъ на нихъ вдоволь пищи. На рѣкахъ же, обильныхъ рыбою, намъ не приходилось встрѣчать орлановъ.

Коршунъ черноухій. Milvus melanotis. Temm et. Schlg. Лѣтомъ встрѣчается повсемѣстно, не исключая и горныхъ странъ. По остановкѣ каравана тотчасъ же прилетаютъ къ лагерю въ особенности, если завидятъ мясо. Поѣдаютъ и выброшенную рыбу.

Сарычъ. Buteo hemilasius. Temm. Съ урочища Алтанъ-чечей въ С.-З. Монголіи добытъ одинъ экземпляръ.

Сычикъ мохноногій. Athene plumipes. Swinh. Съ урочища Чиндагатуй въ Алтаѣ въ половинѣ августа.

ОТРЯДЪ II-й.

ВОРОБЬИНЫЯ. PASSERES.

Стрижъ башенный. Cypselus apus. Lin. На рѣчкѣ Кунгуѣ въ З. Монголіи встрѣчались часто, а болѣе нигдѣ.

Удодъ, или пустошка. Upupa epops. Lin. Въ первый разъ видѣли въ Монголіи въ концѣ сентября въ южныхъ отрогахъ Хангая. Въ маѣ очень часто встрѣчались на пространствѣ между г. Ургою и р. Орхономъ.

Пѣночка. Phyllopneuste tristis. Blyth. Изъ долины рѣчки Богдинъ-гола близъ г. Уласутая въ началѣ іюня.

Горихвостка. Ruticilla erytronota. Evers. Изъ окрестностей Урыльскаго поселка въ Алтаѣ въ началѣ августа.

Чеканъ-пустынникъ. Saxicola deserti. Rüpp. Изъ долины рѣчки Кунгуя въ іюнѣ.

Чеканъ соловый. Saxicola isabellina. Rüpp. Изъ долины р. Тамира въ половинѣ мая.

Чеканъ-попутчикъ. Saxicola oenanthe. Lin. Изъ той же мѣстности, какъ и предыдущій видъ.

Трясогузка желтоголовая. Budytes citreola. Pall. Встрѣчалась часто на р. Бухтармѣ въ августѣ.

Budytes campestris. Pall. Изъ долины р. Кунгуя въ іюнѣ.

Motacilla dukhunensis. Sykes. Изъ долины р. Тамира въ маѣ.

Дроздъ чернозобый. Turdus fuscatus. Br. Съ р. Тамира въ маѣ.

Turdus mystacinus. Gul. Найденъ въ концѣ сентября на р. Дзанхынѣ во время снѣжной мятели, вѣроятно изъ запоздалыхъ.

Turdus Hadgsoni. Lafr. Съ уроч. Чиндагатуй въ Алтаѣ въ августѣ.

Саксаульная сойка. Podoces Hendersoni. Hume. Мы добыли всего одинъ экземпляръ въ южныхъ отрогахъ Хангая, близь уроч. Хара-нидунэй-шантъ, въ концѣ сентября и нигдѣ болѣе не встрѣчали.

Ворона черная. Corvus orientalis. Evers. Въ началѣ сентября встрѣчалась къ ю.-в. отъ оз. Хара-усу, въ долинѣ Дзерге, а потомъ раннею весною въ Гоби на пути изъ Калгана въ Ургу.

Клушица. Fregilus graculus. Lin. Зимуютъ во множествѣ въ окрестностяхъ городовъ: Урги, Улясутая и Кобдо, прилетая днемъ въ эти города стаями. Лѣтомъ же держатся въ горныхъ мѣстностяхъ. Встрѣчались изрѣдка въ мартѣ и въ Гоби.

Кедровка. Nucifraga caryocatactes. Lin. Видѣли только въ одномъ мѣстѣ, въ Алтаѣ, на западномъ склонѣ перевала Укокъ (близь верхней границы древесной растительности), въ низкорослыхъ кедрахъ, гдѣ онѣ летали большими стаями въ августѣ.

Пѣгая галка. Colaeus dauricus. Pall. Въ мартѣ встрѣчалась изрѣдка въ Гоби, а въ апрѣлѣ неоднократно видѣли въ г. Ургѣ.

Чечетка. Acanthis linaria. Lin. Съ р. Бухтармы, близь Урыльскаго поселка.

Стренатка черноличная. Euspiza aureola. Pall. Въ половинѣ ноября мы нашли этихъ птицъ въ Гоби, въ пустынныхъ горахъ Ихы-Шанхай, а въ другихъ мѣстахъ не попадались.

Emberiza pusilla. Pall. Съ р. Бухтармы близь Урыльскаго поселка въ августѣ.

Жаворонокъ полевой. Alauda arvensis. Lin. Изъ долины р. Тамира въ маѣ.

Жаворонокъ монгольскій. Melanocorypha mongolica. Pall. Встрѣчается повсемѣстно въ Монголіи, не исключая даже невысокихъ горныхъ мѣстностей. Зимою любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ служатъ плоскія котловины, покрытыя зарослями злака дэрису (Lasiagrostis). Въ это время года они лѣтаютъ большими стаями.

Otocoris Brandtii. Dress. Изъ долины р. Тамира въ маѣ.

Petrocincla saxatilis. Lin. Изъ долины р. Кунгуя въ іюнѣ.

Зимородокъ бенгальскій. Alcedo bengalensis. Gmel. Съ р. Бухтармы близь Урыльскаго поселка. На монгольскихъ же рѣкахъ не приходилось замѣчать.

ОТРЯДЪ III-й.

ЛАЗЯЩІЯ. SCANSORES.

Кукушка. Cuculus canorus. Lin. Живетъ въ горныхъ лѣсахъ Хангая.

ОТРЯДЪ IV-й.

ГОЛУБИНЫЯ. COLUMBAE.

Горный голубь. Columba rupestris. Pall. Въ Западной Мон-

голіи нерѣдко встрѣчается въ горныхъ мѣстностяхъ. Гнѣздится въ высокихъ, трудно-доступныхъ скалахъ. Въ особенности видѣли много около горнаго озера Шацгай-норъ и въ ущельѣ рѣчки Цаганъ-норэй-холой (прит. оз. Ачитъ).

ОТРЯДЪ V-й.

КУРИНЫЯ. GALLINAE.

Степная курица. Syrrhaptes paradoxus. Pall. Водится во всей Монголіи, исключая высокихъ, горныхъ странъ. Держатся преимущественно около солончаковъ, въ которыхъ есть прѣсная вода. При отсутствіи въ солончакахъ прѣсныхъ озеръ, источниковъ или рѣчекъ довольствуются колодезной водой, остающейся отъ скота въ корытахъ или лужицахъ у колодцевъ. Осенью соединяются въ большія стаи, изъ которыхъ разбиваются по наступленіи весны.

Куропатка бородатая. Perdix barbata. Verr. Эти куропатки водятся во множествѣ въ С.-З. Монголіи, по рѣчкамъ, въ долинахъ которыхъ растетъ лиственный лѣсъ и кустарники, какъ напр. на р. Кобдо и ея притокѣ рѣчкѣ Хату, на которой ихъ встрѣчалось очень много. Мы нашли этихъ куропатокъ и на среднемъ теченіи р. Дзапхына осенью.

Куропатка каменная. Cacabis chukar. Gray. Встрѣчались въ большомъ количествѣ въ горахъ на пространствѣ отъ р. Кобдо до города того же названія, но въ Гентэйскихъ горахъ и въ Хангаѣ не приходилось видѣть ихъ.

ОТРЯДЪ VI-й.

ГОЛѢНАСТЫЯ. GRALLAE.

Драфа дудакъ. Otis tarda. Lin. Въ маѣ встрѣчали нерѣдко въ широкихъ, степныхъ долинахъ на пространствѣ между г. Ургою и р. Орхономъ, а въ концѣ октября видѣли нѣсколько штукъ на пустынной равнинѣ Голыбъ-Гоби въ Юго-Восточной Монголіи.

Дрофа вилай. Otis Macqueeni. Gray. Эту дрофу мы въ первый разъ замѣтили на среднемъ Дзапханѣ въ концѣ сентября, потомъ видѣли еще однажды въ степной долинѣ нижняго Тамира. Вообще она рѣдка въ Монголіи.

Пиголица, чибисъ. Vanellus cristatus. Meyer et Wolf. Весьма обыкновенна въ болотистыхъ мѣстахъ около рѣкъ и озеръ, въ особенности между г. Ургор и р. Орхономъ.

Береговикъ сѣрый. Actitis hypoleucus. Lin. Съ р. Бухтармы близь Урыльскаго поселка въ Алтаѣ.

Зуекъ малый. Aegialites minor. M. A. W. Встрѣчался нерѣдко на рр. Тамирѣ и Кунгуѣ, на послѣдней въ большемъ количествѣ.

Aegialites placidus. Найденъ былъ только на р. Кунгуѣ въ іюнѣ.

Журавль сѣрый. Grus cinerea. Bechst. Встрѣчали только въ Западной Монголіи, а въ Центральной не попадался, не смотря на посѣщеніе многихъ мѣстностей, привольныхъ для голѣнастыхъ вообще. Это обстоятельство достойно замѣчанія.

Журавль малый. Grus virgo. Lin. Этотъ журавль встрѣчался въ весьма большомъ количествѣ на пути отъ г. Урги до р. Орхона, но въ Западной Монголіи мы не находили его. По возвращеніи же въ Алтай видѣли нѣсколько штукъ на высокомъ Чуйскомъ плоскогорьѣ, что къ ю.-в. отъ уроч. Кошъ-агачъ.

Веретенникъ. Limosa melanuroides. Guld. Встрѣчался на р. Толѣ, ея притокѣ Хадасынѣ въ Центральной Монголіи и на озерѣ Айрикъ въ С.-З. Монголіи.

Micropalama. Taczanowskyi. Verr. Въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ и предыдущій видъ.

Улитъ-травникъ. Totanus ochropus. Lin. Водится повсемѣстно на мокрыхъ лугахъ по ручьямъ, рѣкамъ и озерамъ. Наиболѣе встрѣчали на р. Кунгуѣ.

Улитъ-болотный. Totanus glareola. Lin. Попадался нерѣдко на рр. Толѣ, Орхонѣ и Тамирѣ.

Улитъ обыкновенный. Totanus calidris. Lin. На рр. Толѣ, Хадасынѣ, Орхонѣ, Тамирѣ и Кунгуѣ водится въ большомъ количествѣ.

Шилоклювка. Recurvirostra avocetta. Lin. Найдена была только въ одномъ мѣстѣ, на соленомъ озерѣ Цзэренъ-норъ, въ С.-З. Монголіи. На южномъ берегу этого озера есть источникъ и нѣсколько малыхъ озерокъ съ солоноватой водой, на которыхъ было много названныхъ птицъ.

Песочникъ Темминка. Tringa Temminckii. Leisl. Съ высокаго плоскогорья, усѣяннаго малыми озерами, между переваломъ Укокъ и уроч. Калгуты, въ Алтаѣ въ августѣ.

Lobipes hyperboreus. Изъ той же мѣстности, въ которой, по всей вѣроятности, гнѣздится, такъ какъ былъ найденъ тамъ еще въ половинѣ августа.

Бекасъ. Scolopax galinago. Lin. (var. burka. Lath). Съ р. Толы изъ окрестностей Урги, гдѣ появился въ концѣ апрѣля. Въ другихъ болотистыхъ мѣстностяхъ встрѣчался изрѣдка.

Scolopax hyemalis. Eversm. Въ концѣ августа найденъ былъ на рѣчкѣ Буянту, ниже г. Кобдо.

Edromias veredus. Изъ долины Тамира въ маѣ.

Edromias morinellus. Изъ той же долины, добытъ только одинъ экземпляръ, а потому и неизвѣстно остается ли тамъ на лѣтнемъ пребываніи или пролетомъ.

Strepsilas collaris. Lin. Въ той же мѣстности и одинъ экземпляръ.

Лысуха черная. Fulica atra. Lin. Водится на многихъ озерахъ, поросшихъ около береговъ камышемъ. Въ особенности много на оз. Харà-усу, что близь г. Кобдо.

ОТРЯДЪ VII-й.

ПЛАВАЮЩІЯ. NATATORES.

Гусь сѣрый. Anser cinereus. Meyer. Водится въ весьма большомъ количествѣ на озерахъ З. Монголіи, въ особенности на Харà-усу, но въ Центральной Монголіи мы нигдѣ не встрѣчали его, не смотря на то, что тамъ на рѣкахъ и значительныхъ озерахъ остается на лѣтнемъ пребываніи множество гусей двухъ иныхъ породъ.

Гусь сухоносъ. Anser cygnoides. Pall. Встрѣчался повсемѣстно, какъ въ Западной, такъ и въ Центральной Монголіи, въ особенности на озерѣ Харà-усу и на рр. Толѣ, Орхонѣ и Тамирѣ.

Гусь индійскій. Anser indicus. Lath. Этого гуся мы находили исключительно въ Центральной Монголіи, на рр. Тамирѣ и Тэрхей-голъ, а въ Западной Монголіи не встрѣчался вовсе.

Лебедь кликунъ. Cygnus musicus. Bechst. Видѣли на озерѣ Барокчинъ-цаганъ-норъ, на рѣчкѣ Хадасынъ и р. Тамирѣ въ маѣ и находили яйца, изъ чего слѣдуетъ заключить, что остается въ тѣхъ мѣстностяхъ для гнѣздованія.

Утка-пѣганка (отайка). Vulpanser tadorna. Lin. На рр. Толѣ, ея притокѣ Хадасынъ, на оз. Угэй, на Орхонѣ и Тамирѣ живутъ въ большомъ количествѣ, въ особенности на р. Толѣ.

Турпанъ. Casarca rutila. Pall. Встрѣчается повсемѣстно. Въ

лѣтнее время держатся болѣе въ горныхъ, солонцеватыхъ долинахъ, а осенью на равнинахъ около солончаковъ, поблизости которыхъ есть озерки или рѣчки.

Утка свіязь. Mareca penelope. Lin. Добытъ только одинъ экземпляръ съ р. Ойгора (прит. р. Кобдо) въ концѣ августа.

Утка шилохвостъ. Dafila acuta. Lin. Съ уроч. Кытэинъ-шарахолусу, что въ ю.-в. отъ озера Хара́-усу, гдѣ найдена была въ началѣ сентября.

Утка-чирокъ. Querquedula sircia. Lin. Водится во множествѣ на рр. Толѣ, Орхонѣ, а также на многихъ озерахъ и рѣчкахъ Центральной и Западной Монголіи.

Rhynchaspis clypeata. Lin. Встрѣчали только на оз. Ачитъ, въ С.-З. Монголіи въ іюлѣ.

Nettion crecca. Lin. Находили въ большомъ количествѣ на р. Толѣ, встрѣчалась также нерѣдко и на прочихъ рѣкахъ Центральной Монголіи, а также на оз. Айрикъ въ С.-З. Монголіи.

Branta rufina. Pall. Въ концѣ августа найдена на рѣчкѣ Буянту, ниже г. Кобдо, а въ концѣ сентября попалось нѣсколько штукъ на оз. Ульдзуйту, въ южныхъ отрогахъ Хангая.

Нырокъ красноголовый. Aythia ferina. Lin. Съ озера Хара́-усу въ С.-З. Монголіи въ началѣ сентября.

Крахаль большой. Mergus merganser. Lin. Нашли только въ одномъ мѣстѣ, на р. Будонъ-гичигинъ, въ Хангаѣ, въ концѣ мая.

Мартышка рѣчная. Larus ridibundus. Lin. Весьма обыкновенна на рр. Толѣ, Орхонѣ, Кунгуѣ и другихъ обильныхъ рыбою, но на горныхъ рѣчкахъ, въ которыхъ живутъ только харіусы, не встрѣчается.

Larus cachinnans. Pall. Въ первый разъ нашли на озерѣ въ долинѣ р. Ойгора, потомъ замѣчали на оз. Айрикъ, но въ Центральной Монголіи не попадалась.

Sterna longipennis. Mus. Berl. Водится на рр. Толѣ, Орхонѣ и Кунгуѣ, а также на оз. Айрикъ.

Sterna fluviatilis. Lin. На тѣхъ же рѣкахъ, гдѣ и предыдущій видъ; видѣли также во множествѣ на озерѣ Угэй.

Hydrochelidon fissipes. Lin. Нашли только на р. Кунгуѣ и оз. Айрикъ въ іюнѣ, въ другихъ мѣстахъ не удалось наблюдать.

Pelecanus onocrotalus. Lin. Гнѣздится на озерахъ С.-З. Монголіи Хара-усу и Айрикъ въ большомъ количествѣ; на другихъ же обширныхъ озерахъ Монголіи не приходилось видѣть.

Примѣчаніе. Представленныя мною въ музей Императорской Академіи Наукъ млекопитающія, рыбы и пресмыкающіяся остались пока еще необработанными и описанія ихъ будутъ, по всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени помѣщены въ бюллетеняхъ Академіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV-е.

ОПИСАНІЕ ПУТЕЙ.

ПУТЬ ОТЪ Г. КОВДО ДО Г. КУКУ-ХОТО.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
	Г. Кобдо	—	Первыя 8 верстъ дорога идетъ поперегъ обширной долины рѣчки Буянту. На 9-й верстѣ отлогій подъемъ длиною около 1-й версты въ холмы, а потомъ отлогій же спускъ на волнистую землю. На 10-й верстѣ, въ 200 саж. къ сѣверу отъ дороги колодезь съ хорошей водой, но подножный кормъ для лошадей поблизости его плохъ. Топливо аргалъ (сухой скотскій пометъ) и карагана (колючій кустарникъ).
1	Колодезь Цакиринъ-худукъ	10	Дорога пролегаетъ по волнистой мѣстности, переваливая съ одной пологой высоты на другую. На 4-й верстѣ вправо отъ дороги колодезь Уланъ-обо съ небольшимъ количествомъ плохой воды. Съ 18 й версты дорога идетъ по равнинѣ до самаго озера. Въ 2-хъ верстахъ не доѣзжая до него, дорога пересѣкаетъ неширокую песчаную полосу, а за нею начинается солонцеватая мѣстность съ кочками, простирающаяся по всему южному прибрежью озера. Вода въ озерѣ хорошая. Топливо аргалъ.
2	Южная оконечность оз. Харà-усу . . .	30	Дорога поворачиваетъ отъ озера на ю. в. ю. по широкой, междугорной долинѣ Дзерге и

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			пролегаетъ по солонцеватой мѣстности съ кочками, покрытой тамъ и сямъ злакомъ дэрису и рѣдкимъ, низкорослымъ тростникомъ; встрѣчаются изрѣдка узкія песчаныя полосы, не затрудняющія движенія. На половинѣ станціи, въ сторонѣ отъ дороги есть колодцы. Вода на ночлежномъ мѣстѣ въ колодцахъ хорошая, но кормъ для лошадей сильно потравленъ скотомъ кочующихъ въ окрестностяхъ монголовъ. Топливо аргалъ.
3	Колодцы Баинъ-худукъ.	23	Первыя 3 версты дорога идетъ по солонцеватой мѣстности, а остальное пространство по твердой, дресвяной равнинѣ, покрытой скудною растительностью. На 19-й верстѣ переѣздъ черезъ арыкъ (оросительн. канава) Баинъ-голъ, на 21-й вторичный переѣздъ черезъ тотъ же арыкъ, а на 22-й дорога подходитъ къ арыку Ошикъ-голъ и идетъ берегомъ его до самаго ночлежнаго мѣста. Вода въ арыкѣ очень хорошая, но трава растетъ лишь около самой воды, весьма узкими полосками, а окрестная равнина безплодна. Топливо аргалъ и кустарникъ чингиль.
4	Уроч. Боро-удзуръ на арыкѣ Ошикъ-голъ	27	Около 6-ти верстъ дорога пролегаетъ по твердой, дресвяной равнинѣ, затѣмъ начинается обширный солончакъ, въ которомъ мѣстами встрѣчаются невысокіе песчаные бугры, большія заросли дэрису, а

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			въ углубленіяхъ источники, образующіе малыя озерца, около которыхъ растетъ прекрасная трава, годная для сѣнокошенія. На 24-й верстѣ дорога минуетъ сѣверный берегъ высохшаго озера Цаганъ-норъ, представляющаго большой солончакъ съ ровною, блестящею отъ налета поверхностью. На восточномъ его берегу лежитъ уроч. Кытэинъ-шара-холусу, изобилующее водой и хорошими пастбищами. Топливо аргалъ. На этой станціи ночью нужно быть осторожнымъ, такъ какъ въ сосѣднихъ камышахъ водится множество волковъ.
5	Уроч. Кытэинъ-шара-холусу	27	Дорога около 3-хъ верстъ идетъ по солонцеватому уроч. Кытэинъ-шара-холусу, далѣе по твердой, дресвяной равнинѣ. Вправо отъ дороги верстахъ въ 6 видно соленое озеро Цаганъ-норъ. На 20-й верстѣ вправо же пашни, орошаемыя длиннымъ арыкомъ. На этомъ арыкѣ урочище Ургуюнъ-ширикъ съ хорошей водой и тучными пастбищами. Топливо аргалъ. Въ этой мѣстности, какъ и на предыдущей станціи, слѣдуетъ остерегаться волковъ.
6	Уроч. Ургуюнъ-ширикъ.	23	Дорога идетъ по твердой равнинѣ, постепенно возвышающейся къ востоку. На 20—21 верстахъ около дороги пашни, орошаемыя нѣсколькими арыками. На 23 верстѣ дорога вступаетъ въ весьма широкія, верстъ въ 10, горныя ворота, пересѣкая

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			въ этомъ мѣстѣ очень плоское поднятіе. Черезъ этотъ пологій перевалъ, называемый Цзаилгынъ, проходитъ западная граница Халхи (аймака Цзасакту-хана). Вода не совсѣмъ хороша, кормъ посредственный, топливо аргалъ.
7	Колодцы близъ юго-восточной оконечности солончака Цаганъ-норъ. . . .	35	Дорога около 10 верстъ идетъ по твердой равнинѣ, покрытой дресвой; потомъ около 2 верстъ по солонцеватой мѣстности, поросшей кое-гдѣ злакомъ дэрису. На 12-й верстѣ переѣздъ черезъ рѣчку Хурынъ-голъ, берега которой покрыты кустарникомъ чингилемъ. На 14-й верстѣ отлогій подъемъ въ холмы Тохтохоинъ-нуру, по которымъ дорога пролегаетъ около 6 верстъ. На 31-й верстѣ она спускается постепенно къ источнику Баинъ-булукъ. Къ югу отъ него обширныя заросли дэрису. Вода хорошая, кормъ также хорошій, топливо аргалъ.
8	Уроч. Баинъ-Булукъ при ручьѣ того же названія	33	Отъ источника дорога вступаетъ въ пустыню Кысынинъ-тала съ ровною поверхностью, покрытою галькою и мелкимъ хрящемъ. Растительность крайне бѣдна и состоитъ изъ рѣдкаго, низкорослаго кипца, да кустиковъ караганы. Мѣстами встрѣчаются площади, совершенно лишенныя растительнаго покрова. На 40-й верстѣ дорога спускается въ обширную плоскую впадину Кысь, лежащую среди пустыни.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			Эта солонцеватая впадина покрыта частью дэрису, частью малыми песчаными буграми. Вода въ колодцѣ хорошая, но кормъ для лошадей плохъ. Топливо аргалъ и карагана.
9	Уроч. Кысь . . .	40	Дорога первыя двѣ версты идетъ по дну той же впадины Кысь. На восточной ея окраинѣ источникъ Кысынъ-булукъ, а верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ него небольшое соленое озеро Шабарту-норъ. Отъ источника дорога поднимается на равнину, постепенно переходящую въ волнистую, по мѣрѣ движенія къ востоку. Дорога нерѣдко пересѣкаетъ неглубокія и узкія лощины. По сторонамъ встрѣчаются площади, поросшія порядочнымъ кипцемъ. На 37-й верстѣ дорога подходитъ къ ручью Хойту-голъ, на которомъ кормъ порядочный, а топливо аргалъ. Эту длинную станцію можно раздѣлить, взявъ воды изъ источника Кысынъ-булукъ и остановясь на ночлегъ въ 17-ти верстахъ отъ него, гдѣ растетъ порядочный кипецъ.
10	Уроч. Хойту-голъ при ручьѣ того же названія	40	Отъ ночлежнаго мѣста дорога идетъ версты 3 вверхъ по берегу ручья, потомъ поднимается на каменистое плоскогорье, на 7-й верстѣ выходитъ къ тому же ручью противъ ставки князя Са-дзасака, отстоящей въ 1/2 верстѣ къ сѣверу отъ ручья. На 10 верстѣ дорога минуетъ истоки этого ручья, получающаго начало въ болотистой,

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			чашеобразной котловинѣ. Далѣе пересѣкаетъ долину и на 19-й верстѣ подымается на хребетъ Бичигинъ-нуру, по отлогому перевалу Бичигинъ-даба. На западной сторонѣ перевала есть колодезь Хамыръ-худукъ. Съ вершины перевала пологій спускъ ведетъ на высокое плоскогорье внутри хребта. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ порядочный, топливо аргалъ.
11	Колодезь Тарбаганъ-худукъ въ горахъ Бичигинъ-нуру . . .	30	Дорога идетъ версты 3 по плоскогорью, потомъ въ невысокихъ горахъ съ пологими подъемами и спусками. На 7-й верстѣ колодезь, а на 9-й ручей Ширъ-голъ, изъ котораго надо брать воду, такъ какъ далѣе мѣстность почти на 40 верстъ безводна. На 12-й верстѣ дорога спускается въ глубокое ущелье, въ которомъ извивается сухое русло временнаго потока, и выходитъ по этому руслу на 20-й верстѣ изъ хребта на равнину, покрытую щебнемъ и дресвой. На ней, верстахъ въ 10 отъ подножія хребта, на уроч. Тыскынъ-холой, растетъ порядочный кипецъ и каравану можно ночевать, если есть запасная вода. На это урочище выходитъ дорога изъ Улясутая въ Баркуль.
12	Уроч. Тыскынъ-холой (безводное) . .	30	Дорога пролегаетъ по той же равнинѣ, покрытой по прежнему щебнемъ и дресвой. Мѣстами встрѣчаются порядочныя пастбища (кипецъ), на которыхъ видны были

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			большія стада цзэреновъ (антилопъ). На 20-й верстѣ дорога пересѣкаетъ маленькую рѣчку Удзынь-тэлліинъ-голъ (лѣвый притокъ р. Дзапхына), получающую начало изъ болотистой котловины верстахъ въ 2-хъ отъ нея къ югу. Далѣе идетъ по равнинѣ праваго берега этой рѣчки до самой станціи, находящейся въ солонцеватой мѣстности, покрытой зарослями дэрису. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ посредственный, топливо аргалъ, но его мало.
13	Уроч. Цаганъ-эргэ.	35	
			Первыя 2 версты дорога пролегаетъ по солончаку, а затѣмъ по твердой дресвяной равнинѣ до 10-й версты, на которой пересѣкаетъ пологую гряду и снова спускается на дресвяную равнину. На 20-й верстѣ начинается солонцеватая мѣстность, простирающаяся до самой рѣки. Кормъ хорошъ, топливомъ могутъ служить сухія карчи, приносимыя водой.
14	р. Дзапхынъ . . .	22	
			Дорога около 9 вер. направляется вверхъ по лѣвому берегу Дзапхына, частью по солончакамъ, частью по твердой, хрящевато-дресвяной поверхности, пересѣкая сухія русла временныхъ потоковъ. На 8-й верстѣ небольшой, но каменистый спускъ, а на 10-й дорога входитъ въ глубокую тѣснину Уланъ-сайра вѣтви горъ, идущей съ юга, отъ хребта къ берегу Дзапхына и слѣдуетъ этимъ ущельемъ 5 верстъ. По выходѣ изъ него, она направляется 4 версты по равнинѣ, потомъ переходитъ на правый берегъ

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			Дзапхына мелкимъ бродомъ. На ночлежномъ мѣстѣ, близь мыса горъ Номохонъ, прекрасныя пастбища въ долинѣ рѣки, но древеснаго топлива нѣтъ.
15	Уроч. Цаганъ-лукъ на р. Дзапхынѣ . .	24	
			Около 9 верстъ дорога идетъ по твердой хрящевато-дресвяной равнинѣ, далѣе 1 версту ущельемъ, къ югу отъ котораго стремится также въ тѣснинѣ, покрытой тополемъ, р. Дзапхынъ. По выходѣ изъ ущелья, дорога направляется по плоскогорью праваго берега рѣки, пересѣкая нѣсколько глубокихъ рытвинъ. На 31-й верстѣ она вступаетъ въ холмистую мѣстность со множествомъ рытвинъ, обрывающуюся круто къ рѣкѣ и идетъ по ней почти до самаго монастыря. Подножный кормъ около него сильно потравленъ и аргала для топлива тоже недостаточно.
16	Монастырь гэгэна Нарбаньчжи . . .	35	
			Отъ монастыря дорога направляется вверхъ по долинѣ р. Дзапхына, на 7-й верстѣ пересѣкаетъ скалистый мысъ праваго берега этой долины, далѣе пролегаетъ по прекраснымъ ея пастбищамъ. Въ долинѣ нерѣдко встрѣчаются старицы и озерки. На ночлежномъ мѣстѣ очень хорошій подножный кормъ, есть и сухія карчи для топлива.
17	Уроч. Цакилдакъ на р. Дзапхынѣ . . .	24	
			Дорога идетъ верстъ 6 по правому берегу Дзапхына, на 7-й верстѣ переѣздъ че-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			резъ эту рѣку въ бродъ, далѣе дорога поднимается на высоту по отлогому склону, а спускъ съ нея крутъ, но его можно миновать объѣздомъ къ югу. Съ возвышенности лѣваго берега въ видѣ мыса дорога спускается снова къ рѣкѣ, текущей въ этомъ мѣстѣ въ узкой долинѣ; по берегамъ растутъ: тополь, талъ, тальникъ и другіе кустарники. Пройдя 1 версту по этой долинѣ, дорога на 10-й верстѣ оставляетъ р. Дзапхынъ и подымается на плоскогорье, на которомъ пересѣкаетъ оконечность плоской гряды, тянущейся къ рѣкѣ съ юга, отъ хребта Тайширъ-ула. Въ этомъ мѣстѣ отдѣляется отъ нея южная дорога въ г. Куку-хото, пролегающая близъ сѣверной подошвы Алтая. Съ гряды дорога спускается на обширную степь,— Голоинъ-тала, на которой растетъ мѣстами порядочный кипецъ, но водою необходимо запастись изъ р. Дзапхына для ночлега въ этой безводной степи.
18	Степь Голоинъ-тала (безводная)	30	Дорога 7 верстъ пролегаетъ по степи Голоинъ-тала, потомъ вступаетъ въ холмы— крайніе юго-западные отроги Хангая,— по отлогой лощинѣ. На 9-й верстѣ колодезь Бургасунъ-худукъ съ хорошей водой, отъ котораго подъемъ продолжается по волнистой мѣстности. Съ 20-й версты начинается слабый спускъ въ плоскую долину, въ которой у источника хорошій кормъ. На эту станцію выходитъ дорога

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			изъ г. Улясутая, направляющаяся на южный трактъ въ г. Куку-хото, пролегающій, какъ выше сказано, близь сѣверной подошвы Алтая.
19	Источникъ Шину-усу	23	8 верстъ дорога идетъ по волнистой мѣстности, на 9-й входитъ въ тѣснину, въ которой источникъ Тургынъ-булукъ. Отъ него поворачиваетъ круто на югъ-востокъ-югъ помянутая дорога, совпадающая 10 верстъ съ описываемою. По ней объѣзжаютъ довольно крутой и каменистый подъемъ на 11-й верстѣ нашего пути. На 18-й верстѣ, объѣздная дорога соединяется съ прямою, идущею до самой станціи въ неглубокой тѣснинѣ. Вода въ ручьѣ хорошая, кормъ также хорошъ, топливо аргалъ.
20	Ручей Дэлгэръ-булукъ	27	Отъ источника дорога пересѣкаетъ долину, имѣющую около 11 верстъ ширины и до 50 длины, потомъ направляется по холмамъ, въ которыхъ подъемы и спуски незначительны. Въ нихъ на 12-й верстѣ колодезь Дымултэй-худукъ, около котораго мѣстность покрыта дэрису. На 13-й верстѣ вправо небольшой солончакъ, озерко и источникъ Задагай-булукъ. На 29-й вер. дорога пересѣкается весьма торнымъ путемъ, ведущимъ съ сѣверо-востока на большое соленое озеро Борбонъ-дабасу, лежащее у южнаго подножія хребта Тайширъ-ула. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ посредственный. Близь колодца находится мало-соленое озерко Гашунь-норъ.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
21	Колодезь Дурбульджинъ-худукъ. . .	30	Дорога пересѣкаетъ плоскую отрасль Хангая,—Дурбульджинъ-боро-нуру, достигающую на югѣ Алтая. Близь вершины пологаго черезъ неё перевала, на отлогихъ горныхъ склонахъ, лежатъ массы гранитныхъ камней. Крутыхъ подъемовъ и спусковъ нѣтъ. На 13-й верстѣ путь пересѣкается дорогою на помянутое озеро Борбонъ-дабасу, идущею съ сѣверо-востока. Не доходя 1 версты до озера, дорога спускается въ долину. Вода въ родникахъ на западномъ берегу озера хорошая; кормъ тоже хорошій, топливо аргалъ.
22	Озеро Ульдзуйту . .	22	Дорога всю станцію пролегаетъ по холмамъ, пологіе склоны которыхъ повсемѣстно покрыты гранитными камнями. Подъемы же и спуски незначительны. На 7-й верстѣ дорога пересѣкаетъ узкую долину съ сухимъ русломъ,—Хара-саиръ. Отъ нея мѣстность становится менѣе волнистою. На ручьѣ стоитъ кумирня Дархаинъ-сумэ. Кормъ сильно потравленъ, какъ и вездѣ около кумирень, топливо аргалъ и карагана.
23	Ручей Буянту-голъ . .	24	Дорога пролегаетъ по плоскимъ холмамъ. На 2-й верстѣ небольшой перевалъ, а на 5-й въ $^1/_2$ верстѣ къ сѣверу отъ дороги кумирня Тургунъ-тайчжи-курэ у источника Нарасъ-булукъ. Съ 5-й до 12 версты на отлогихъ горныхъ склонахъ массы гранитныхъ камней. На 16-й верстѣ дорога

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги
			спускается въ узкую поперечную долину, въ которой источникъ Цзамыйнъ-булукъ, а къ востоку отъ него два небольшіе солонца. Пройдя верстъ 7 долиною, дорога поднимается на плоскогорье, съ котораго вскорѣ спускается въ узкую, но неглубокую долину рѣчки Цаганъ-голъ. На правомъ берегу ея раскинуты маленькія пашни, орошаемыя арыками. Съ этой станціи отворачиваетъ дорога на южный путь въ г. Куку-хото, пролегающій близь сѣвернаго подножія Алтая. Кормъ на рѣчкѣ удовлетворительный, топливо аргалъ и карагана.
24	Рѣчка Цаганъ-голъ	24	Дорога на протяженіи всей станціи пересѣкаетъ волнистое плоскогорье. Первую версту она идетъ внизъ по рѣчкѣ, потомъ поднимается на плоскогорье по короткому, но довольно крутому склону. Съ 12-й версты начинается весьма пологій склонъ къ р. Байдарикъ, текущей на югъ, въ соленое оз. Цаганъ-норъ. На лѣвомъ берегу Байдарика, близь дороги, находятся развалины древняго Улясутая. Кормъ хорошій, топливо аргалъ и карагана.
25	Рѣка Байдарикъ . .	22	На первой верстѣ переѣздъ черезъ Байдарикъ, отъ котораго дорога подымается постепенно на весьма волнистое плоскогорье. Съ 8-й версты подъемъ идетъ по неглубокому ущелью около 2 верстъ, далѣе по открытой мѣстности. Съ 18-й версты дорога начинаетъ постепенно спускаться, пересѣкая нѣсколько лощинъ. На поло-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			гихъ горныхъ склонахъ встрѣчаются массы камней. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ тоже хорошъ. Топливо аргалъ и карагана.
26	Колод. Кошонъ-чодунъ-худукъ . . .	27	Дорога идетъ по волнистой мѣстности, пересѣкая много лощинъ, но спуски и подъемы не представляютъ затрудненій. Съ 13-й версты до самаго колодца она пролегаетъ по открытой, слегка волнистой мѣстности. Колодезь въ $^1/_2$ къ югу отъ дороги; вода въ немъ хорошая, кормъ удовлетворительный, топливо аргалъ.
27	Кол. Тарбагатай-худукъ.	15	Отъ колодца до 13-й версты дорога идетъ по долинѣ, на 7-й верстѣ ручеекъ Хутудинъ-булукъ, а на 9-й начинается перевалъ черезъ плоскій хребетъ Тарбаганъ, тянущійся съ сѣвера на югъ. Съ 20-й версты дорога идетъ по южной окраинѣ широкой долины, по ровной почти мѣстности. Съ 23-й до 27 версты влѣво отъ дороги, въ долинѣ, видны солончаки. Кормъ на рѣкѣ хорошій, топливо аргалъ.
28	Р. Нарынъ-голъ . .	38	На первой верстѣ переѣздъ черезъ рѣку, отъ которой дорога подымается на плоскогорье и идетъ по нему до 16-й версты, потомъ вступаетъ въ холмы, пересѣкая нѣсколько пологихъ поднятій. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ потравленъ, топливо аргалъ.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дорогъ.
29	Кол. Шириинъ-шантъ	33	На первой верстѣ очень пологій подъемъ, а потомъ такой же спускъ въ плоскую и широкую долину рѣчки Туинъ-голъ, пересѣкаемой дорогою на 11-й верстѣ. На правомъ берегу рѣчки развалины дома съ обширною оградою, принадлежавшаго китайскому купцу, который торговалъ тутъ прежде съ окрестными жителями. Перейдя черезъ рѣчку, дорога подымается постепенно по широкой лощинѣ до самаго ночлега. Вода хорошая, кормъ посредственный, топливо аргалъ.
30	Уроч. Хара-нидунэй-шантъ	25	Дорога на протяженіи 4-хъ верстъ продолжаетъ подыматься постепенно по той же лощинѣ. На 5-й верстѣ начинается пологій спускъ по волнистой мѣстности на равнину. Съ вершины перевала дорога направляется къ сѣверо-востоку на Калганско-улясутайскій почтовый трактъ, а мы съ того же мѣста, по причинѣ глубокаго снѣга на перевалахъ торной дороги, направились по тропѣ на востокъ. Съ перевала тропа спускается постепенно по волнистой мѣстности верстъ 5 на равнину, по которой идетъ версты 4, далѣе верстъ 11 по волнистой мѣстности. На 30-й верстѣ она спускается въ узкую долину, по которой протекаетъ ручей, и слѣдуетъ по этой тѣснинѣ до самой рѣки Таца-голъ, текущей въ глубокой горной долинѣ. Кормъ на рѣкѣ удовлетворительный, топливо аргалъ и кустарникъ.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
31	Р. Таца-голъ	38	На первой верстѣ переѣздъ черезъ рѣку, потомъ тропа подымается по узкой лощинѣ въ холмы, на 9-й верстѣ начинается пологій спускъ въ долину рѣчки Шаргаинъ-голъ (лѣв. прит. Таца-голъ), которую тропа пересѣкаетъ на 17-й верстѣ. Изъ нея надо брать воду, такъ какъ далѣе на пространствѣ 30-ти верстъ по тропѣ мѣстность безводна. По переѣздѣ черезъ рѣчку, тропа поднимается по узкой, каменистой тѣснинѣ на холмистое плоскогорье, на которомъ пересѣкаетъ нѣсколько весьма плоскихъ котловинъ. На урочищѣ Баинъ-ула, гдѣ тропа выходитъ на почтовый трактъ, кормъ порядочный, но воды нѣтъ, топливо аргалъ.
32	Уроч. Баинъ-ула (безводное).	35	Почтовая дорога 4 версты подымается постепенно по волнистой мѣстности, затѣмъ начинается спускъ по долинѣ, съ значительнымъ паденіемъ, до самой рѣки, на которой стоитъ почтовый пикетъ. Кормъ поблизости пикета совершенно вытравленъ, а потому для остановки на ночлегъ нужно спуститься внизъ по рѣчкѣ версты три, гдѣ есть хорошія пастбища. Топливо аргалъ.
33	Р. Горида	20	На первой верстѣ дорога пересѣкаетъ плоскую гряду, съ которой спускается въ солонцеватую долину рѣчки Шабарту-голъ—(лѣв. прит. Гориды). Въ этой болотисто-солонцеватой долинѣ часто встрѣчаются лужи.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			На 6-й верстѣ переѣздъ черезъ рѣчку Шабарту, отъ которой дорога опять поднимается на плоскую гряду. На ней въ 8-ми верстахъ отъ предыдущей станціи небольшое озерко Гунъ-норъ въ чашеобразной впадинѣ. Около этого озерка мы оставили почтовый трактъ и направились къ ю-в-ю. по тропѣ. На 10-й верстѣ тропа спускается съ гряды на равнину, а съ 22-й версты она идетъ среди холмовъ, пересѣкая нѣсколько довольно глубокихъ лощинъ, до самаго колодца. Вода хорошая, но кормъ сильно потравленъ, топливо аргалъ.
34	Кол. Цзарахатъ-цагай	42	
			Тропа около 5-ти верстъ идетъ по холмистой мѣстности. На 4-й верстѣ солончакъ съ малымъ соленымъ озеромъ Хучжирту. На 6-й верстѣ дорога спускается въ плоскую и весьма длинную впадину, тянущуюся съ запада на востокъ. Она представляетъ сплошной солончакъ, поросшій дэрису и караганою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны признаки высохшихъ озеръ, занимавшихъ наиболѣе углубленныя мѣста этой впадины. На 12-й верстѣ колодезь,— Олонъ-худукъ, съ хорошей водой. На ночлежномъ мѣстѣ вода и кормъ хороши, топливо аргалъ и карагана. Отсюда начинается пустыня Гоби.
35	Кол. Хоборъ-худукъ (начало пустыни Гоби)	15	
			Всю станцію тропа идетъ по упомянутой впадинѣ, имѣющей около 35 верстъ длины и отъ 5 до 8 ширины. Въ восточной части

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			она почти сплошь покрыта зарослями дэрису. Вода на ночлежномъ мѣстѣ не хороша, такъ какъ колодезь давно не прочищался, кормъ же порядочный, топливо аргалъ и карагана.
36	Кол. Адунъ-чолу-худукъ	25	На 1-й верстѣ тропа поднимается изъ впадины на равнину, покрытую весьма мелкой дресвой; на 7-й верстѣ пересѣкаетъ весьма пологую гряду и спускается съ нея въ другую солонцеватую же впадину, протянувшуюся верстъ на 40 съ сѣверо-запада къ юго-востоку при ширинѣ отъ 2-хъ до 4 верстъ. На 18-й верстѣ, среди этой послѣдней впадины колодезь. Далѣе къ ю.-в. въ ней же колодезь Холтъ, въ которомъ вода нехороша, такъ какъ онъ давно не прочищался. Она годна лишь для животныхъ, а люди должны довольствоваться запасной или снѣговой, если есть снѣгъ. Кормъ хорошій, топливо аргалъ и карагана.
37	Кол. Холтъ на уроч. того же названія . .	25	Отъ уроч. Холтъ тропа около 13-ти верс. идетъ по равнинѣ. По обѣ стороны виднѣются солончаки, въ числѣ которыхъ нѣсколько большихъ съ ровною, блестящею отъ налета поверхностью. Съ 13-й версты поверхность равнины становится слегка волнистою и покрыта весьма хорошимъ кипцемъ, а также кустами караганы. На 27-й верстѣ тропа выходитъ на весьма

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			широкую дорогу въ г. Куку-хото, направляющуюся изъ долины большихъ озеръ. Кормъ очень хорошъ, но воды нѣтъ, ею необходимо запасаться на сосѣднихъ станціяхъ, если нѣтъ снѣга. Топливо аргалъ и карагана.
38	Безводная степь, при выходѣ тропы на большую дорогу . . .	27	Дорога пролегаетъ по волнистой слегка равнинѣ, покрытой весьма хорошимъ кипцемъ и караганою. На 18-й верстѣ она спускается въ лощину, выходящую въ котловину Тугурикъ съ весьма хорошимъ колодцемъ. Кормъ на сосѣднихъ возвышенныхъ равнинахъ хорошъ, но около колодца вытравленъ. Въ котловинѣ солончаки, заросли дэрису и мѣстами малые песчаные бугры. Топливо аргалъ и карагана.
39	Кол. Тугурикъ, на уроч. того же названія	25	Изъ впадины дорога поднимается на равнину и идетъ по ней около 18-ти верстъ. На 18-й верстѣ она пересѣкаетъ низкую и пустынную цѣпь холмовъ Огеморъ, спускаясь по крутому склону въ глубокую, междугорную котловину этой цѣпи, весьма богатую солончаковыми растеніями. Въ западной части котловины колодезь Сухай, а въ восточной Кэтэ. Въ послѣднемъ вода хороша, но корма для лошадей въ котловинѣ нѣтъ, а потому надо податься версты 2 къ юго-востоку, въ холмы, гдѣ растетъ тощій кипецъ. Топлива тоже мало.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
40	Кол. Кэтэ въ холмахъ Огонорь. . .	22	Дорога изъ котловины поднимается въ низкіе холмы, окаймляющіе эту котловину съ юго-востока, а потомъ почти всю станцію идетъ по волнистой мѣстности. На 25-й верстѣ она спускается въ плоскую котловину съ колодцемъ Хошанъ-худукъ, но кормъ около него совершенно вытравленъ, а потому и на этой станціи надо податься версты три впередъ къ восточному подножію цѣпи холмовъ Хоръ-мусу, гдѣ растетъ сносная трава.
41	Кол. Хошанъ. . .	29	Поднимаясь изъ котловины, дорога на протяженіи 3-хъ верстъ пересѣкаетъ цѣпь пустынныхъ холмовъ Хоръ-мусу, затѣмъ спускается на равнину, на которой въ 6-ти верстахъ кол. Долонъ-худукъ. На 21-й верстѣ дорога пересѣкаетъ весьма длинную лощину, протянувшуюся съ с. на ю. Въ ней хорошій кормъ, но воды нѣтъ. Далѣе слѣдуетъ по равнинѣ и на 29-й верстѣ спускается въ долину рѣки, на берегахъ которой хорошій кормъ.
42	Р. Онгинъ. . .	30	Изъ рѣчной долины, имѣющей около 2-хъ верстъ ширины, дорога подымается на пустынную равнину. На 20-й верстѣ къ югу отъ дороги въ 3-хъ верстахъ солоное озеро Шара-холусу въ котловинѣ. На сѣверномъ его берегу источники и хорошій кормъ. На ночлежномъ мѣстѣ колодезь съ хорошей водой, но кормъ посредственный.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
43	Уроч. Сухай . . .	44	Эту длинную станцію, если верблюды ненадежны, можно раздѣлить на двѣ, свернувъ съ 20-й версты на оз. Шара-холусу. Дорога около 4-хъ верстъ идетъ по волнистой равнинѣ, потомъ подымается по ущелью на невысокій хребетъ Харасайранъ-нуру, съ котораго спускается немного на волнистую землю и идетъ по ней до самой станціи. На урочищѣ Сучжи, представляющемъ плоскую впадину, растетъ порядочный кипецъ, но воды нѣтъ: ею нужно запасаться на уроч. Сухай или изъ попутныхъ колодцевъ у подошвъ хребта. Дорога близь подножій его мѣстами незамѣтна, такъ какъ её заноситъ часто дресвой и землистыми частицами.
44	Уроч. Сучжи . . (безводное)	30	Первыя 4 версты дорога идетъ по плоской котловинѣ Сучжи, потомъ вступаетъ въ долину, въ которой сухое русло временнаго потока съ ильмовыми деревьями по берегамъ. Тутъ можно наломать сухихъ вѣтвей на топливо. Пройдя версты двѣ долиною, дорога пролегаетъ далѣе по холмистой мѣстности до самой станціи. На 22-й верстѣ колодезь Цакей-худукъ. На ночлежномъ мѣстѣ вода порядочная, но кормъ сильно потравленъ.
45	Кол. Боро-тологой .	27	Дорога около 10-ти верстъ идетъ по холмистой мѣстности, потомъ пересѣкаетъ долину верстъ въ 7 ширины съ котловиной

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			въ западной части; далѣе до самой станціи идетъ опять по холмистой мѣстности. На 42-й верстѣ она спускается въ котловину у с.-з. подножія низкой цѣпи холмовъ Бага-Шанхай. Въ этой котловинѣ колодцы съ хорошей водой, но кормъ плохъ. Настоящую станцію можно раздѣлить на двѣ, взявъ воды изъ колодца Боро-тологой и остановясь на ночлегъ въ 22-хъ верст. отъ него, гдѣ есть порядочный кормъ.
46	Колодцы, близь с.-з. подножія цѣпи холмовъ Бага-Шанхай.	42	На протяженіи 4-хъ верстъ дорога пересѣкаетъ низкую цѣпь холмовъ Бага-Шанхай, съ которой спускается на обширную равнину Бургастэй-тала. На 23-й верстѣ она пересѣкаетъ плоскую впадину съ песчаными буграми и колодцемъ Шармактэйнъ-усу. Далѣе идетъ по той же обширной равнинѣ до самой станціи. На ночлежномъ мѣстѣ, въ 1-й верстѣ къ сѣверу отъ дороги, колодезь съ хорошей водой, кормъ удовлетворительный, топливо аргалъ.
47	Уроч. Бургастэй.	30	Дорога пролегаетъ все по той же обширной равнинѣ, вступая лишь на 20-й верстѣ въ невысокую цѣпь Ихы-Шанхай. Въ долинѣ ея колодезь Цзала съ хорошей водой. На окрестныхъ холмахъ и въ лощинахъ растетъ посредственный кипецъ. Топливо аргалъ.
48	Кол. Цзала въ горахъ Ихы-Шанхай.	25	Дорога пересѣкаетъ на пространствѣ 17-ти верстъ цѣпь Ихы-Шанхай, въ кото-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			рой подъемы и спуски незначительны. На 16-й верстѣ, въ долинѣ кумирня Илэгэинъ-хуралъ, около которой колодезь съ хорошей водой. Далѣе, переваливъ черезъ плоскую гряду, дорога выходитъ на обширную равнину, по которой и идетъ до самаго колодца, находящагося въ котловинѣ. Вода посредственная, кормъ тоже.
49	Кол. Болергенъ . .	35	Слѣдуя по прежнему по равнинѣ, дорога на 10-й верстѣ пересѣкаетъ лощину съ колодцемъ Уланъ-эргэ-худукъ. Отъ нея мѣстность становится слегка волнистою. На 25-й верстѣ дорога вступуетъ въ горы низкой цѣпи Цзамыйнъ-Шобуктай и, пройдя по нимъ верстъ 7, спускается въ междугорную котловину этой цѣпи. Вода хорошая, кормъ посредственный. У с.-з. подножія помянутой цѣпи отъ нашего пути отворачиваетъ дорога, называемая Кэрмэйнъ-цзамъ и пролегающая близь сѣверной подошвы Алтая въ долину большихъ озеръ,—что между Алтаемъ и Хангаемъ.
50	Кол. Шобуктай въ горахъ Цзамыйнъ-Шобуктай	38	Около 4-хъ верстъ дорога идетъ по холмамъ цѣпи Цзамыйнъ-Шобуктай, потомъ версты 8 по долинѣ, далѣе на протяженіи 2-хъ верстъ пересѣкаетъ низкую гряду Гувелатъ и спускается съ нея на равнину. У восточнаго подножія гряды отдѣляется торная дорога на востокъ, въ г. Куку-хото. Отъ этого подножія дорога идетъ 5 верстъ по равнинѣ, слегка вол-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			нистой, потомъ по ровной мѣстности. Ночлежное мѣсто въ плоской впадинѣ съ солончаками и песчаными буграми. Кормъ для лошадей около колодца очень плохъ, ихъ необходимо отгонять версты за 2 къ востоку, въ холмы, гдѣ есть порядочныя пастбища. Вода въ колодцѣ хорошая, топливо аргалъ и колючій кустарникъ, растущій на песчаныхъ буграхъ.
51	Кол. Мунку-обонэй-худукъ	27	
			5 верстъ дорога идетъ по холмамъ, пересѣкая низкую цѣпь Обо, потомъ около 20-ти верстъ по равнинѣ. На 14-й верстѣ около дороги два колодца Голыбъ-худукъ. На 26-й верстѣ дорога входитъ въ весьма низкую гранитную гряду Ханымъ-нуру. По сторонамъ повсюду массы нагроможденныхъ другъ на друга камней. Пройдя версты 3 по этимъ холмамъ, дорога спускается въ горную котловину и слѣдуетъ поперегъ ея 11 верстъ. Изъ котловины она спускается въ узкую, но неглубокую щель, по которой извивается сухое русло временнаго потока, назыв. Урту-голъ. Оно начинается въ помянутой котловинѣ, составляясь тамъ изъ нѣсколькихъ частныхъ руслъ. На берегахъ ихъ и общаго русла растутъ ильмы. Въ самомъ руслѣ, въ щели, встрѣчались ямы съ промерзшей до дна водой. Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ посредственный, топливо сухія ильмовыя вѣтви.
52	Кол. Байшинэ-худукъ, въ сухомъ руслѣ Урту-голъ	48	
			Первыя 16 верстъ дорога идетъ внизъ

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			по тому же сухому руслу, извивающемуся по прежнему въ неглубокой, но узкой щели невысокихъ гранитныхъ холмовъ Голыбъ. По берегамъ растутъ ильмы, а въ самомъ руслѣ встрѣчаются ямы съ водой. На 17-й верстѣ дорога пересѣкаетъ плоскій горный мысъ, съ котораго спускается на обширную, пустынную равнину Голыбъ-Гоби. Въ западной ея части, у колодца Цаганъ-хамаръ кормъ для лошадей плохъ.
53	Кол. Цаганъ-хамаръ	28	Дорога пересѣкаетъ помянутую пустынную равнину Голыбъ-Гоби. Сначала около 3-хъ верстъ она идетъ среди песчаныхъ бугровъ, на 4-й верстѣ переходитъ черезъ названное русло Урту-голъ, направляющееся по пустынѣ къ с.-в. По берегамъ его и въ этомъ мѣстѣ растутъ ильмы. Далѣе дорога направляется по голой, безжизненной равнинѣ, покрытой галькою, щебнемъ и дресвой. На ночлежномъ мѣстѣ вода въ колодцѣ, у оконечности хребта Номохонъ хорошая, но кормъ для лошадей плохъ.
54	Кол. Хоборъ, у оконечности хребта Номохонъ	27	17 верстъ дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности, вправо и влѣво видны довольно значительные кряжи. На 7-й верстѣ въ холмахъ неширокая долина съ сухимъ русломъ, по берегамъ котораго растутъ ильмы. На 18-й верстѣ дорога спускается въ широкую и весьма пустынную долину. Въ ней большое русло вре-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			меннаго потока Сухай-голъ съ ильмами по берегамъ. Ни воды, ни корма въ этой печальной долинѣ нѣтъ.
55	Русло Сухай-голъ . .	23	Дорога 3 версты идетъ поперегъ этой же пустынной долины, потомъ вступаетъ въ выходящую въ неё побочную долину, тоже пустынную. Въ этой послѣдней на 9 й верстѣ начинаются заросли злака дэрису, сильно потравленныя верблюдами проходящихъ каравановъ. На восточной окраинѣ зарослей, на 14-й верстѣ, колодезь съ хорошей водой, но корма для лошадей около него нѣтъ. На 23-й верстѣ начинаются опять заросли дэрису, близь восточной оконечности которыхъ колодезь Ноинъ-худукъ съ хорошей водой, но кормъ плохъ.
56	Кол. Ноинъ-худукъ	26	Почти всю станцію дорога идетъ по холмистой мѣстности. По сторонамъ, по прежнему, видны кряжи съ восточно-западнымъ направленіемъ. На 11-й верстѣ дорога пересѣкаетъ небольшую поперечную долину съ сухимъ русломъ, поросшимъ по берегамъ ильмами, а на 22-й спускается въ обширную междугорную котловину. Въ ней сухое русло съ колодцемъ. Вода хорошая, кормъ посредственный.
57	Кол. Шара-хадынъ-худукъ	24	Дорога около 4-хъ вер. идетъ по холмамъ, а потомъ пересѣкаетъ обширную долину. На 9-й верстѣ влѣво отъ дороги большая, плоская впадина съ песчаными буграми.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			Вода въ колодцѣ хорошая, кормъ тоже хорошъ. На этой станціи оканчивается пустыня Гоби, по которой мы прошли около 675 верстъ.
58	Кол. Сайнъ-худукъ (конецъ Гоби)	24	Первыя 5 верстъ дорога идетъ по весьма пологому скату, близь подножія сосѣдняго южнаго кряжа, а потомъ все по волнистой мѣстности. На 12-й верстѣ колодезь. Вода на ночлежномъ мѣстѣ хорошая, кормъ порядочный.
59	Кол. Цзамыйнъ-худукъ	30	Дорога идетъ по волнистой мѣстности, пересѣкая часто небольшія котловины. На 12-й верстѣ вправо отъ дороги колодезь съ хорошей водой. На ночлежномъ мѣстѣ вода и кормъ хороши.
60	Кол. Обо-худукъ. .	22	Перейдя черезъ низкую гряду, дорога направляется по равнинѣ, склоняющейся медленно къ востоку. На 12-й верстѣ переѣздъ черезъ рѣчку Чжиргаланту, на лѣвомъ берегу которой домъ. Въ 7-ми верстахъ отъ нея дорога пересѣкаетъ снова низкую гряду, а на 29-й верстѣ спускается въ обширную впадину Цаганъ-дэрису со многими источниками, густыми зарослями дэрису и весьма хорошими пастбищами. На западной ея окраинѣ находится кумирня Цаганъ-дэрисунъ-куре.
61	Уроч. Цаганъ-дэрису	31	Сначала дорога идетъ версты 2 по дну впадины, потомъ поднимается на равнину, склоняющуюся слегка къ сѣверу, а на

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			12-й верстѣ вступаетъ въ волнистую мѣстность, образуемую слабыми отраслями сосѣдняго хребта, тянущагося къ югу, почти параллельно дорогѣ. На 19-й верстѣ колодезъ Хара-тологой-худукъ. На ночлежномъ мѣстѣ хорошая вода и прекрасныя пастбища.
62	Кол. Цаганъ-тологой-худукъ	24	Дорога, какъ и на второй половинѣ предыдущей станціи, идетъ по волнистой мѣстности, пересѣкая неоднократно рытвины съ сухими руслами. Хребетъ на этой станціи отстоитъ немного дальше отъ дороги, но тянется почти параллельно ей. На 16-й верстѣ источникъ Уланъ-булукъ. На ночлежномъ мѣстѣ, на рѣчкѣ, очень хорошій кормъ. Трава сорванная и смѣтенная вѣтрами лежитъ мѣстами на подобіе валовъ скошеннаго сѣна. Повсемѣстно на этихъ тучныхъ пастбищахъ видны стада цзереновъ (антилопъ).
63	Рѣчка Хара-бухукъ-голъ.	28	Дорога идетъ, подобно предыдущей станціи, по волнистой мѣстности. На 16-й верстѣ колодезь, на 26-й тоже, а на 28-й дорога подымается на сѣверо-восточную вѣтвь хребта, тянувшагося прежде параллельно ей. Подъемъ и спускъ отлоги. Съ хребта дорога спускается къ рѣчкѣ, на берегу которой большой монастырь Батхалынъ-куре. Кормъ на рѣчкѣ довольно хорошъ, хотя и потравленъ.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
64	Рѣчка Батхалынъ . .	45	На первыхъ 3-хъ верстахъ переѣздъ черезъ нѣсколько рукавовъ рѣчки Батхалынъ, затѣмъ дорога идетъ всю станцію по волнистой слегка равнинѣ, пересѣкая рытвины и котловины. На югѣ видна отрасль хребта, тянувшагося прежде параллельно ей и отдѣляющаго эту отрасль на ю. в. ю. Вода и кормъ на ночлежномъ мѣстѣ хороши.
65	Кол. Гэръ-чолу . .	30	Дорога идетъ по равнинѣ, пересѣкая изрѣдка невысокія и пологія гряды. На 16-й верстѣ сухое русло Дабату-голъ, по берегамъ котораго разбросаны фанзы (дома) китайскихъ колонистовъ. Дорога направляется параллельно ему и на 27-й верстѣ подходитъ снова къ самому руслу. Въ немъ колодезь съ хорошей водой, кормъ посредственный; аргалъ собирается для удобренія полей колонистами и потому его мало.
66	Сухое русло Дабату-голъ.	27	Всю станцію дорога пролегаетъ по равнинѣ, только на срединѣ есть незначительный перевалъ черезъ низкую гряду. Вода въ колодцахъ на берегу озера хорошая, а кормъ посредственный.
67	Соленое оз. Уланъ-норъ	18	Около версты дорога идетъ по берегу озера, потомъ по солонцеватому пространству, покрытому дэрису, съ кочками. На 10-й верстѣ переѣздъ черезъ рѣчку, отъ

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
68	Домъ китайца . .	22	которой дорога подымается постепенно въ холмы невысокой цѣпи, протянувшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Пологій спускъ съ хребта ведетъ въ долину, въ которой у самаго подножія домъ китайца съ колодцемъ. Подножный кормъ крайне плохъ.
69	Городокъ Куку-эргэ	28	Дорога идетъ по равнинѣ, на 8-й верстѣ нѣсколько рытвинъ, близь которыхъ домъ. По сторонамъ дороги, начиная съ 16-й версты видны китайскія селенія, число которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ городу. Городокъ небольшой, но торговый. Въ немъ около 500 домовъ съ населеніемъ не болѣе 6000.
			Отъ города дорога идетъ версты 3 по равнинѣ, потомъ вступаетъ въ ущелье горнаго хребта Инщаня и поднявшись немного, спускается постепенно ущельемъ до 20-й версты. Въ ущельѣ по дорогѣ множество постоялыхъ дворовъ, а на окрестныхъ горахъ видны селенія. Съ 20-й версты начинается подъемъ на главный перевалъ, Онгіинъ-даба, сначала отлогій, но каменистый и узкій до того, что встрѣчныя повозки разъѣзжаются только мѣстами. Затѣмъ слѣдуетъ крутой и также узкій подъемъ около $1/2$ версты. Спускъ съ перевала на первой верстѣ тоже крутъ, каменистъ, узокъ и въ добавокъ извилистъ. Далѣе дорога пролегаетъ по пространному ущелью, въ которомъ постоя-

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			лые дворы встрѣчаются еще чаще. Уклонъ ущелья незначительный. На 35-й верстѣ дорога оставляетъ горы и выходитъ на густо-заселенную равнину; деревни слѣдуютъ одна за другою до самаго города, отстоящаго въ 10-ти верстахъ отъ подножія хребта Иншаня.
70	Г. Куку-хото (Гуй-хуа-ченъ)	45	
	Итого отъ г. Кобдо до г. Куку-хото. .	2004	

МАРШРУТЪ

отъ г. Урги до урочища Кошъ-агачъ въ юго-восточной части Бійскаго округа, близъ государственной границы.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
	Русское консульство въ Ургѣ . . .	—	
1	Уроч. Сангинъ, въ долинѣ р. Толы. .	25	Дорога на 3-й верстѣ проходитъ чрезъ монгольскій городъ, или Богдо-курень, отъ котораго направляется по долинѣ р. Толы къ западу. На 8-й верстѣ она пересѣкаетъ невысокій земляной валъ, возведенный поперегъ этой долины для защиты Урги отъ дунганъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія. Далѣе дорога пересѣкаетъ нѣсколько мелкихъ старицъ, по берегамъ которыхъ разсѣяны малыя озерки. Вода въ протокѣ на ночлежномъ мѣстѣ хорошая, кормъ очень хорошъ, топливомъ могутъ служить сухія вѣтви растущихъ поблизости тополей.
2	Долина Долонъ-худугэй-кундуй . .	20	Оставивъ долину Толы, дорога 16 верстъ идетъ по холмистой мѣстности, съ которой потомъ спускается немного на плоскогорье Долонъ-худугэй-кундуй, отличающееся степнымъ характеромъ. Вода въ колодцѣ не совсѣмъ хороша, кормъ посредственный, топливо аргалъ.
			Дорога 11 верстъ пролегаетъ по плоско-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			горью, потомъ поворачиваетъ круто влѣво и, перейдя черезъ низкій горный отрогъ, выходитъ въ долину, въ которой колодезь съ хорошей водой, а поблизости хорошее пастбище.
3	Уроч. Дуланъ . .	12	Отъ колодца дорога идетъ 3 версты по долинѣ, которая выводитъ её опять на то же плоскогорье Долонъ-худугэй-кундуй. На 17-й верстѣ она пересѣкаетъ весьма плоскую гряду, протянувшуюся по этому плоскогорью съ сѣвера на югъ. Къ западу отъ нея мѣстность по преимуществу солонцеватая и углубленная. На 28-й верстѣ дорога пересѣкается торнымъ путемъ, по которому окрестные монголы ѣздятъ въ Маймайченъ, что близь Кяхты. На ночлежномъ мѣстѣ кормъ хорошъ, но воды нѣтъ.
4	Уроч. Аргалэй . .	32	Дорога пролегаетъ по тому же плоскогорью, которое въ западной части съуживается въ долину, сообщающую его съ сосѣднею обширною долиною Цаганъ-цыгеинъ-тала. На 8-й верстѣ, перейдя незначительный горный мысъ, дорога выходитъ въ эту долину. Центральная ея часть представляетъ обширный солончакъ, покрытый мѣстами зарослями злака дэрису. На ночлежномъ мѣстѣ вода въ источникѣ на восточномъ берегу озера хорошая, кормъ также хорошъ.
5	Озеро Цаганъ-норъ. .	25	Дорога направляется по той же долинѣ Цаганъ-цыгэинъ-тала, которая въ запад-

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			ной части съуживается до 4-хъ верстъ и переходитъ въ болотистую мѣстность, усѣянную малыми озерками, сливаясь съ сосѣднею долиною р. Толы. Въ этой послѣдней на ночлежномъ мѣстѣ, у самой рѣки, очень хорошій кормъ. Въ долинѣ встрѣчаются не рѣдко старицы и озерки, на которыхъ множество плавающихъ и болотныхъ птицъ.
6	Рѣка Тола . . .	17	По переѣздѣ черезъ рѣку неглубокимъ бродомъ, дорога идетъ около версты по солонцеватой мѣстности, потомъ поднимается очень медленно по сухой, щебневато-дресвяной равнинѣ и на 11-й верстѣ пересѣкаетъ по отлогому перевалу Боро-кундуинъ-даба невысокій кряжъ, ограничивающій долину Толы съ запада. Съ кряжа дорога спускается на равнину и, переваливъ черезъ незначительный горный мысъ, выходитъ снова къ рѣкѣ, описавшей крутую луку на сѣверъ. Кормъ на станціи очень хорошъ. Если животныя надежны, то съ 11-й версты можно слѣдовать по прямой, торной дорогѣ, на которой отъ Толы до ручья Барокчинъ-голъ (55 вер.) нѣтъ воды, но можно остановиться на срединѣ, взявъ ея съ собою.
7	Рѣка Тола . . .	23	Дорога идетъ по волнистой мѣстности и на 9-й верстѣ выходитъ на помянутую прямую. На 12-й верстѣ она переваливаетъ черезъ гряду низкихъ, пологихъ холмовъ, съ которой спускается постепенно на обширную равнину, называемую въ

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			восточной части Хара́-нидунъ, и слѣдуетъ по ней до самой станціи. Съ 25-й до 28-й версты солонцы, а на 32-й влѣво отъ дороги небольшое соленое озерко. Кормъ на ручьѣ очень хорошъ. Ручей образуетъ на пути нѣсколько озерокъ и впадаетъ въ соленое озеро Барокчинъ-цаганъ-норъ. На этихъ озеркахъ множество болотныхъ и водяныхъ птицъ.
8	Ручей Барокчинъ-голъ	34	Дорога направляется по той же равнинѣ, которая къ западу отъ ручья называется Сучжи. Первыя 3 версты она проходитъ по солонцеватой мѣстности, а остальныя по супесчаному грунту; но къ сѣверу отъ дороги видны обширные солончаки. На 18-й верстѣ переѣздъ черезъ ручей Сучжи, вытекающій изъ хребта Салта, что къ югу отъ дороги. Кормъ на ночлежномъ мѣстѣ хорошъ, хотя и потравленъ.
9	Рѣка Хадасынъ . .	33	Дорога направляется вверхъ по рѣчкѣ Хадасынъ и слѣдуетъ 2 версты по правому ея берегу, потомъ до самой станціи по лѣвому. На 10-й верстѣ находятся горныя ворота, чрезъ которыя выходитъ рѣчка Хадасынъ изъ сосѣдней долины Бурдугуй. Дорога обходитъ ихъ по высотѣ, съ которой спускается въ названную долину. Въ восточной ея части, на рѣчкѣ, прекрасныя пастбища.
10	Уроч. Бурдугуй на той же рѣчкѣ . .	18	Дорога пролегаетъ по долинѣ Бурдугуй,

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			въ центральной части которой находится обширный солончакъ, а въ западной протекаетъ ручей Такилту-булукъ, выходящій изъ сосѣдней долины и теряющійся въ этомъ солончакѣ. Кормъ на ручьѣ хорошъ.
11	Ручей Такилту-булукъ.	25	Дорога направляется вверхъ по ручью и проходитъ чрезъ горныя ворота, ведущія въ сосѣднюю долину. Достигнувъ на 10-й верстѣ истока ручья Такилту, получающаго начало въ болотистой лощинѣ, дорога начинаетъ отъ этой лощины медленно подниматься по сухой, степной долинѣ. Съ 18-й версты идетъ слабый спускъ до самаго озера. На сѣверномъ его берегу, у извилистаго залива, соединеннаго съ озеромъ узкимъ каналомъ, кормъ хорошъ. Вода въ озерѣ прѣсная и оно очень обильно рыбою.
12	Озеро Угей-норъ. .	28	Дорога около 8-ми верстъ пролегаетъ по берегу озера. На 5-й верстѣ къ сѣверу отъ дороги, въ 1½ верстахъ, между горами, кумирня Орумба-лама-хійтъ. На 10-й верстѣ дорога пересѣкаетъ незначительный горный мысъ и спускается въ долину р. Орхона. Кормъ на берегу ея очень хорошъ.
13	Рѣка Орхонъ. . . .	11	Переправа черезъ р. Орхонъ въ бродъ при высокомъ стояніи воды, весною, невозможна, а плотовъ и лодокъ нѣтъ; поэтому придется выжидать спаденія воды.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			Отъ рѣки дорога направляется по ея широкой и мѣстами болотистой долинѣ. Вправо отъ дороги течетъ р. Тамиръ, впадающая въ Орхонъ верстахъ въ 5-ти ниже переправы. На 16-й верстѣ дорога переходитъ въ сухую, степную долину р. Тамира. На ночлежномъ мѣстѣ, на берегу этой рѣки, кормъ очень хорошъ. Ниже этого урочища до самаго устья по Тамиру растетъ лиственный лѣсъ.
14	Уроч. Долото на рѣкѣ Тамирѣ	27	
			Дорога направляется по долинѣ р. Тамира, отличающейся, какъ и на предыдущей станціи, степнымъ характеромъ. На 20-й верстѣ къ сѣверу отъ рѣки стоитъ кумирня Эринъ-годысъ, а на 23-й дорога пересѣкаетъ два рукава р. Урту-Тамира,—праваго притока помянутой рѣки. Выше слiянія главная рѣка называется Хойту-Тамиръ. Близъ ночлежнаго мѣста, на берегу Хойту-Тамира, небольшое озеро. Кормъ очень хорошъ.
15	Рѣка Хойту-Тамиръ	26	
			На первой верстѣ дорога проходитъ по тѣснинѣ, ведущей въ западную часть долины Хойту-Тамира, болотистую и кочковатую близъ береговъ рѣки. На 18-й верстѣ ручей Илисуинъ-ундурэй-булукъ,—правый притокъ Хойту-Тамира. На 20-й верстѣ дорога пересѣкаетъ незначительный горный мысъ. Кормъ на ночлежномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, очень хорошъ. Съ этой станціи горная дорога продолжаетъ идти

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			вверхъ по Хойту-Тамиру, а прямая, вьючная, перейдя на лѣвый берегъ рѣки, оставляетъ её и направляется къ сѣверо-западу, въ горы.
6	Рѣка Хойту-Тамиръ	34	По переправѣ черезъ Хойту-Тамиръ, вьючная дорога направляется сначала на западъ по долинѣ рѣки; на 5-й верстѣ пересѣкаетъ рѣчку Цаганъ-голъ—лѣвый притокъ Хойту-Тамира, а на 8-й другой притокъ рѣчку Ишигэинъ-голъ. На 12-й верстѣ дорога принимаетъ сѣверо-западное направленіе и вступаетъ въ неширокую долину хребта Уха-чолунэй, въ которой протекаетъ ручей Хунэй-голъ. Сначала по этому ручью, а потомъ по лощинѣ дорога поднимается на крутой и высокій перевалъ Уха-чолунэй-даба. По сторонамъ горы покрыты лиственницей. Спускъ сначала также крутъ, далѣе отлогій. Кормъ очень хорошъ, топливо древесное.
17	Истокъ рѣчки Чолунэй-голъ, на с.-з. склонѣ перевала Уха-чолунэй-даба	26	Дорога около 5-ти верстъ спускается постепенно съ хребта по узкой долинѣ, орошаемой рѣчкою Чолунэй-голъ. На 6-й верстѣ она выходитъ на широкую долину рѣчки Ханынъ-гола, которую пересѣкаетъ поперекъ на протяженіи 13-ти верстъ. Изъ этой послѣдней дорога переходитъ въ поперечную долину хребта Цзунъ-модунэй и направляется вверхъ по рѣчкѣ Цзунъ-модунэй-голъ. Кормъ на этой рѣчкѣ очень хорошъ.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
18	Рѣчка Цзунъ-ходунэй-голъ	22	Дорога продолжаетъ идти по той же долинѣ, вверхъ по названной рѣчкѣ. Подъемъ на хребетъ постепенный и только близъ вершины перевала, называемаго Цзунъ-ходунэй-даба, становится нѣсколько круче. Спускъ тоже пологій и ведетъ въ широкую долину, орошаемую рѣчкою Тэллінъ-голъ, получающую начало на с.-з. склонѣ перевала. На 15-й и 22 верстахъ въ помянутой долинѣ двѣ маленькія кумирни Тэллінъ-куралъ. Близъ ночлежнаго мѣста, на берегу рѣчки Тэллінъ-голъ, нѣсколько малыхъ озерокъ въ чашеобразныхъ углубленіяхъ, изъ которыхъ одно, Цаганъ-норъ, имѣетъ около версты въ окружности. Кормъ очень хорошъ.
19	Рѣчка Тэллінъ-голъ	27	Изъ долины рѣчки Тэллінъ-голъ дорога направляется поперегъ широкой долины р. Чолунэй-голъ, которую пересѣкаетъ на 6-й верстѣ, а на 11-й дорога вступаетъ въ поперечную долину, по которой подымается постепенно на хребетъ Шывыръ, заключающій въ этомъ мѣстѣ волнистое плоскогорье. По этому плоскогорью дорога пролегаетъ около 8-ми верстъ. Спускъ съ хребта короткій, но крутой, по лощинѣ, переходящей потомъ въ узкую долину, которая выходитъ къ р. Будонъ-гичигинъ-голъ. Кормъ на рѣчкѣ хорошъ. На берегахъ 28-го мая лежали еще большія толщи льда.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
20	Р. Буденъ-гичигинъ-голъ	38	Отъ рѣчки дорога идетъ версты 2 поперегъ ея долины, потомъ по узкой поперечной долинѣ начинаетъ подниматься на плоскій хребетъ. Подъемъ отлогій и только въ концѣ, на 11-й верстѣ, становится нѣсколько круче. Спускъ съ перевала, называемаго Гичигинъ-даба, отлогій по узкой долинѣ. На 18-й верстѣ дорога выходитъ въ обширную долину р. Тэрхей-голъ, образующей большое прѣсное озеро Тэрхеинъ-цаганъ-норъ и минуя его, выходитъ на эту рѣку. Кормъ очень хорошъ.
21	Р. Тэрхей-голъ близъ устья	24	Дорога направляется долиною р. Тэрхей-голъ по правому ея берегу. На 4-й верстѣ влѣво отъ дороги длинное, но узкое озерко, а на 12-й переѣздъ черезъ рѣчку Уртуинъ-Тэркей-голъ,—правый притокъ названной рѣки. Кормъ на станціи очень хорошъ.
22	оз. Онхотэй-хухуръ-норъ въ долинѣ р. Тэрхей-голъ . . .	23	Дорога пролегаетъ по той же долинѣ, на 21-й верстѣ переѣздъ черезъ довольно глубокую рѣчку Удзыгей-голъ—притокъ Тэрхей-гола. Кормъ близъ устья этой рѣчки очень хорошъ. Отъ этого устья дорога въ г. Улясутай раздѣляется на двѣ вѣтви: одна переходитъ р. Тэрхей-голъ и направляется на сѣверо-западъ, въ горы; другая идетъ по правому берегу этой рѣки. Переправа черезъ нее по случаю высокой воды была опасна, а потому мы послѣдовали

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			вверхъ по рѣкѣ Тэрхей-голь. Вблизь устья рѣчки Удзыгей, на лѣвомъ берегу р. Тэрхей-голь, маленькая кумирня.
23	Устье рѣчки Удзыгей	23	Дорога всю станцію идетъ близь подножія хребта, окаймляющаго долину съ юга. На 12-й верстѣ р. Тэрхей приближается къ этому подножію и дорога въ этомъ мѣстѣ идетъ по краю не безопаснаго обрыва въ рѣкѣ. Съ окрайныхъ хребтовъ долины въ рѣку изливается много ручьевъ. На ночлежномъ мѣстѣ, на берегу рѣки, очень хорошій кормъ.
24	Р. Тэрхей-голь, противъ кумирни Убуръ-тэлліинъ-куре . .	26	Дорога идетъ все по той же долинѣ, пересѣкая на 5-й и 9 верстахъ маленькія рѣчки, впадающія въ Тэрхей-голь. На 15-й верстѣ она переходитъ на лѣвый берегъ рѣки, называемой въ верховьяхъ Хойту-Тэркей и протекающей въ узкой, болотистой долинѣ. Кормъ на ночлежномъ мѣстѣ очень хорошъ.
25	Рѣчка Хойту-тэрхей близь восточнаго подножія перевала Бомботу-даба	23	Дорога идетъ сначала вверхъ по рѣчкѣ Хойту-Тэрхей, составляющейся изъ многихъ ручьевъ, потомъ по косогору и весьма крутой лощинѣ подымается на перевалъ Бомботу-даба главнаго хребта Хангая. Подъемъ трудный, а спускъ хотя и отлогъ, но болотистъ и каменистъ на первыхъ двухъ верстахъ. Далѣе дорога направляется по весьма глубокой и узкой долинѣ,

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			внизъ по рѣчкѣ Бомботу, получающей начало на западномъ склонѣ перевала, на вершинѣ котораго 5-го іюня лежали еще мѣстами толщи оледенѣлаго снѣга. Кормъ на станціи очень хорошъ.
26	Рѣчка Бомботу . .	24	Дорога идетъ внизъ по рѣчкѣ Бомботу, текущей по прежнему въ узкой и глубокой долинѣ. На 6-й верстѣ рѣчка приближается къ сѣверному краю долины, а дорога проходитъ въ этомъ мѣстѣ по карнизу. На 13-й верстѣ дорога выходитъ въ долину р. Буянту, на берегу которой очень хорошій кормъ.
27	Устье рѣчки Бомботу.	15	Переправа въ бродъ черезъ многоводную и быструю р. Буянту, на днѣ которой въ добавокъ лежатъ массивные камни, довольно затруднительна. По переѣздѣ дорога идетъ внизъ по правому берегу рѣки, на 4-й верстѣ пересѣкаетъ ея притокъ Чолуцзэй-голъ, а на 13-й вступаетъ въ поперечную долину хребта Халтыръ, орошаемую рѣчкою Халтырэй-голъ, тоже притокомъ Буянту. Въ долинѣ стоитъ кумирня Халтырэй-куре. На ночлежномъ мѣстѣ, на помянутой рѣчкѣ, очень хорошій кормъ.
28	Рѣчка Халтырей-голъ	22	Дорога подымается на хребетъ Халтырэй сначала по рѣчкѣ того же названія, потомъ по лощинѣ средней крутизны. Съ вершины перевала, называемаго Холтырэй-даба, крутой спускъ къ рѣчкѣ Нарынъ-голъ,—правому притоку Буянту; потомъ

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги
			слѣдуетъ второй перевалъ, Нарынэй-даба, на 8-й верстѣ, некрутой, но каменистый и скользкій въ дождливое время. Съ вершины его ясно видна снѣжная гора Богдо-ула, отстоящая отъ дороги верстахъ въ 20-ти. Спускъ сначала крутъ, а потомъ отлогій по узкой и глубокой лощинѣ, внизъ по рѣчкѣ Чолуту-голъ. На горахъ, окаймляющихъ долину съ юга, растетъ лиственница. Кормъ на ночлежномъ мѣстѣ очень хорошъ.
29	Рѣчка Чолуту-голъ	22	До 9-й версты дорога идетъ внизъ по рѣчкѣ Чолуту, пересѣкая на 1-й верстѣ ея правый притокъ, потомъ направляется въ горы, въ которыхъ переваливаетъ съ высоты на высоту семь разъ. Изъ этихъ переваловъ только первый, что на 20-й верстѣ, крутъ, а остальные пологіе, но въ совокупности утомительны. Съ горъ дорога спускается къ рѣчкѣ Богдо-голъ, текущей въ узкой долинѣ съ лиственнымъ лѣсомъ по берегамъ. Кормъ на рѣчкѣ очень хорошъ.
30	Рѣчка Богдо-голъ	30	Переправа черезъ Богдо-голъ затруднительна по причинѣ необыкновенной его быстроты и крайне каменистаго дна. Перейдя на правый берегъ, дорога направляется внизъ по рѣчкѣ, долина которой съ 10-й версты начинаетъ постепенно расширяться. На 14-й верстѣ вправо отъ дороги, подъ горами, кумирня, а на 17-й тоже вправо—городская цитадель. При входѣ въ городъ дорога пересѣкаетъ рѣчку

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			Дзагистэй,—правый притокъ Богдо-гола. Городъ имѣетъ до 100 домовъ съ населеніемъ около 1000 чел. торгующихъ китайцевъ и ремесленниковъ, въ числѣ которыхъ есть немного монголовъ.
31	Г. Улясутай . . .	19	Первыя пять верстъ отъ города дорога идетъ внизъ по долинѣ Богдо-гола, минуя на 2-й верстѣ китайское селеніе, состоящее изъ десятка домиковъ, вытянутыхъ въ линію на пространствѣ 1-й версты. По сторонамъ колоніи огороды и пашни. На 6-й верстѣ дорога поворачиваетъ въ сухую долину окрайныхъ горъ и, пройдя по ней около 4-хъ верстъ, пересѣкаетъ небольшой горный отрогъ, съ котораго спускается къ рѣчкѣ Иро,—правому притоку Богдо-гола. Кормъ на ней посредственный.
32	Рѣчка Иро . . .	15	Съ рѣчки дорога направляется въ поперечную долину, по которой идетъ верстъ 10. На 9-й верстѣ колодезь Ошикъ-худукъ, а на 11-й небольшой перевалъ Ошикъ-даба, черезъ горный отрогъ, съ котораго дорога спускается въ неширокую, но весьма длинную и сухую долину. Перейдя эту долину поперегъ, она вступаетъ въ лощину, ведущую на перевалъ Сагдынъ-даба, на восточномъ склонѣ котораго родники и около нихъ очень хорошій кормъ.
33	Родники на восточномъ склонѣ перевала Сагдынъ-даба. .	26	На первой верстѣ высшее мѣсто пологаго перевала, съ котораго дорога спускает-

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			ся въ долину, орошаемую ручьемъ Джулинъ-булукъ, протекающимъ на 9-й верстѣ. Затѣмъ пройдя около 3-хъ верстъ внизъ по этому ручью, она поворачиваетъ къ западу, въ горы, и по незначительному перевалу Цакиринъ-дырылдже пересѣкаетъ слабый, юго-западный отрогъ Хангая, съ котораго спускается въ долину, къ родникамъ Хобеинъ. Кормъ около нихъ очень плохъ, а потому, напоивъ животныхъ и взявъ воды, надо податься версты 4 впередъ.
34	Родники Хобеинъ. .	21	Отъ родниковъ дорога направляется верстъ 17-ть по долинѣ, окаймленной съ сѣвера отрогомъ Хангая, а съ юга степнымъ кряжемъ и его развѣтвленіями. Влѣво видна обширная плоская котловина, покрытая мѣстами порядочною степною растительностью. На 18-й верстѣ дорога вступаетъ въ холмы,—крайніе юго-западные отпрыски Хангая,—и пройдя по нимъ 12 верстъ, спускается въ лощину, къ колодцу, около котораго кормъ посредственный.
35	Кол. Яренъ-худукъ	30	Дорога отъ колодца идетъ версты 4 по долинѣ, постепенно расширяющейся и на 5-й выходитъ на обширную степь, окаймленную съ юга невысокимъ, но длиннымъ и вѣтвистымъ кряжемъ, а съ сѣвера рѣчкою Кунгуемъ. По этой степи дорога идетъ до самой рѣчки, на которой хорошій, хотя и потравленный, кормъ. По берегамъ часто встрѣчаются миніатюрныя озерки, глухія или соединенныя съ рѣчкой протоками.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
36	Рѣчка Кунгуй противъ песчаныхъ сопокъ Гурбанъ-шабаганца	30	Дорога идетъ по лѣвому берегу рѣчки внизъ, на 9-й верстѣ пересѣкаетъ незначительный горный мысъ отрога степнаго кряжа, что къ югу отъ Кунгуя. Съ 13-й версты дорога пролегаетъ по солонцеватой мѣстности, покрытой караганою и зарослями дэрису. На ночлежномъ мѣстѣ много источниковъ, около которыхъ прекрасный кормъ.
37	Уроч. Нуга на рѣчкѣ Кунгуѣ	25	Дорога всю станцію идетъ близь лѣваго берега рѣчки, къ сѣверу отъ которой обширная, песчаная полоса, начинающаяся еще немного восточнѣе меридіана кол. Яренъ-худукъ и простирающаяся къ западу по правому берегу рѣчки верстъ на 100 при средней ширинѣ около 30-ти верстъ. Изъ песковъ выдаются мѣстами голыя скалы и даже цѣлый короткій, впрочемъ, кряжъ. На ночлежномъ мѣстѣ кормъ хорошъ.
38	Уроч. Бага-булукъ на той же рѣчкѣ . .	17	Дорога по прежнему идетъ по лѣвому берегу рѣчки. На 11-й верстѣ влѣво отъ дороги высокая скала,—Уланъ-хаирханъ, а противъ нея на правомъ, на окраинѣ песковъ, другая Сабунъ-хаирханъ. Съ 12-й версты до ночлежнаго мѣста по лѣвую

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			сторону дороги—заросли дэрису. Кормъ хорошъ. На этой станціи оканчиваются пески на сѣверѣ отъ рѣчки Кунгуя.
39	Уроч. Цацеинъ-булумъ на той же рѣчкѣ	19	Первыя 3 версты дорога идетъ по песчаному грунту, потомъ по твердой равнинѣ, которая влѣво отъ дороги на большое разстояніе покрыта караганою. На 17-й верстѣ заросли дэрису. Кормъ на станціи хорошъ.
40	Уроч. Цаганъ-булумъ на рѣчкѣ Кунгуѣ. .	24	Дорога продолжаетъ идти по лѣвому берегу Кунгуя, по волнистой окраинѣ равнины, ниспадающей къ рѣчкѣ крутымъ, скалистымъ обрывомъ. Рѣчка же Кунгуй всю станцію течетъ въ неглубокой тѣснинѣ. На послѣднихъ 6-ти верстахъ грунтъ песчаный и волнистая равнина, по которой пролегаетъ дорога, покрыта чингилемъ.
41	Рѣчка Кунгуй при выходѣ изъ тѣснины	28	Оставивъ рѣчку Кунгуй, дорога направляется поперегъ весьма плоской и пустынной гряды, служащей водораздѣломъ рр. Дзапхына и Кунгуя на этомъ пространствѣ. На 18-й верстѣ она пересѣкаетъ сѣверо-западную оконечность степнаго кряжа Урдуръ-унигытэ, вѣнчающаго названную гряду. Отъ него дорога начинаетъ медленно спускаться къ р. Дзапхыну. На всей этой длинной станціи нѣтъ воды и потому въ жаркое время ее нельзя раздѣлить, а надо проходить ночью. Кормъ на рѣкѣ хорошъ.

№ станцій	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
42	Рѣка Дзапхынъ . .	42	Переправа въ бродъ черезъ два рукава р. Дзапхына, вслѣдствіе топкости дна, затруднительна даже при низкой водѣ, а при высокомъ стояніи ея невозможна. Въ крайнемъ случаѣ можно спуститься верстъ 20 ниже и переправиться на плотѣ, построенномъ изъ растущихъ тамъ по берегамъ тополей. Отъ рѣки дорога идетъ около 5-ти верстъ поперегъ ея широкой, луговой долины, богатой старицами и малыми озерками. На 6-й верстѣ она поднимается на твердое, хрящевато-дресвяное плято и слѣдуетъ по нему около 5 верстъ. Затѣмъ спускается въ обширную, солонцеватую котловину соленаго озера Цзеренъ-норъ. Близъ юго-западной оконечности его источникъ съ хорошей водой и около него порядочный кормъ. На сѣверо-западномъ же берегу озера много самосадочной соли.
43	Соленое озеро Цзэренъ-норъ. . . .	15	Отъ озера дорога направляется по пустынной равнинѣ, покрытой хрящемъ и дресвой. На 21-й верстѣ небольшое ущелье, по которому дорога идетъ $^1/_2$ версты. Въ немъ сухое русло временнаго потока, выходящее изъ сосѣдней обширной лощины, замыкаемой этимъ ущельемъ на юго-востокѣ. Далѣе дорога идетъ по названной лощинѣ, подымаясь постепенно сначала по ней, а потомъ по отлогому склону. На 37-й верстѣ она вступаетъ въ волнистую мѣстность, а на 40-й въ каменистые холмы,

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			изъ которыхъ спускается въ обширную котловину къ родникамъ; около нихъ хорошій кормъ. Лѣтомъ эту станцію нужно проходить ночью, а въ прочія времена года можно раздѣлить на двѣ, остановясь на 21-й верстѣ въ ущельѣ, въ которомъ растетъ порядочный кипецъ.
44	Родники Шину-усу	45	Дорога верстъ 9-ть идетъ по котловинѣ, на западной окраинѣ которой колодезь Цаганъ-худукъ. Далѣе дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности, потомъ переходитъ въ долину и слѣдуетъ по ней около 9-ти верстъ. Долина выводитъ ее на обширную, междугорную равнину озера Харà-усу. На 32-й верстѣ, не доходя 3-хъ верстъ до озера, вправо отъ дороги колодезь. На 37-й верстѣ дорога подходитъ къ самому озеру съ солоноватой водой и слѣдуетъ близь южнаго берега его до станціи. Кормъ хорошій.
45	Рѣка Намиръ близь устья	46	Дорога идетъ вверхъ по правому берегу р. Намира около 14-ти верстъ. Съ 12-й версты встрѣчаются небольшія прибрежныя озерки. Съ 15-й версты дорога оставляетъ рѣку и слѣдуетъ версты 2 по равнинѣ, покрытой мѣстами тоже озерками. На 18-й верстѣ она вступаетъ въ холмы, въ которыхъ минуетъ малое озерко, сообщающееся съ рѣкой ручьемъ. Съ холмовъ на болотистой равнинѣ лѣваго берега р. Намира видны были также малыя озера и ручьи. Кормъ на станціи хорошъ.

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
46	Ручей Носанъ-булукъ	24	Дорога идетъ по каменистымъ холмамъ. На 6-й верстѣ пологій перевалъ, съ котораго дорога спускается въ глубокую, горную котловину соленаго озера Шангайноръ и слѣдуетъ по южному берегу этого весьма глубокаго озера. Изъ котловины дорога поднимается снова на пологій перевалъ, а потомъ спускается на каменистую равнину. На 20-й верстѣ пересѣкаетъ ручей, отъ котораго равнина почти сплошь усѣяна кругляками. По рѣчкѣ растетъ лиственный лѣсъ. Кормъ хорошъ, но въ жаркое время на этой станціи бываетъ множество овода, комаровъ и мошки.
47	Рѣчка Шывартай . .	25	Отъ рѣчки дорога вскорѣ подымается на пологую гряду, съ которой спускается на высокую прибрежную равнину р. Кобдо, обрывающуюся къ долинѣ этой рѣки крутымъ и высокимъ склономъ. Съ 18-й версты прибрежная равнина становится волнистою и часто пересѣкается глубокими и узкими лощинами, направляющимися къ обрыву. На 25-й верстѣ дорога изгибается къ сѣверу для обхода прибрежныхъ скалъ. Въ 1-й верстѣ отъ изгиба вправо отъ дороги высокая, уединенная скала Уланъ-хаирханъ. На 27-й верстѣ дорога спускается къ протоку въ узкую долину и пересѣкаетъ его въ бродъ, который довольно глубокъ, а въ высокую воду, вѣроятно, невозможенъ. Кормъ хорошъ, топливо древесное, но въ жаркое время и на этой

№ станцій	Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
			станціи масса овода, комаровъ и мошки. На устьѣ протока и въ долинѣ р. Кобдо лиственный лѣсъ.
48	Устье протока Усунъ-холой изъ оз. Ачитъ въ р. Кобдо . . .	27	Дорога направляется вверхъ по протоку, текущему въ узкой долинѣ, покрытой по берегамъ его тростникомъ. На 5-й верстѣ она достигаетъ малаго озера, выпускающаго этотъ протокъ и соединеннаго съ оз. Ачитъ широкимъ проливомъ. Миновавъ это озеро, дорога слѣдуетъ вдоль юго-западнаго берега Ачитъ-нора, по волнистой мѣстности, прорѣзанной лощинами. На 20-й и 25 верстахъ она пересѣкаетъ оконечности обнаженныхъ кряжей, упирающихся въ озеро. Кормъ на рѣчкѣ хорошъ, но въ жары, подобно двумъ предыдущимъ станціямъ, въ низовьяхъ ея бываетъ множество помянутыхъ насѣкомыхъ.
49	Низовье рѣчки Цаганъ-норэй-холой . .	31	На первой верстѣ дорога пересѣкаетъ топкую и каменистую лощину, потомъ направляется по степной равнинѣ праваго берега рѣчки Цаганъ-норэй-холой. На 15-й верстѣ глиняный домикъ, около котораго пашни, орошаемыя арыками. На станціи кормъ хорошій.
50	Рѣчка Цаганъ-норэй-холой при выходѣ изъ ущелья	21	Дорога направляется по глубокому ущелью хребта, прорѣзаемаго рѣчкою Цаганъ-норэй-холой, которымъ идетъ 20 верстъ. Въ

Названіе станцій	число верстъ	Описаніе дороги.
		восточной части ущелья растетъ по берегамъ помянутой рѣчки тальникъ. Изъ ущелья дорога выходитъ на небольшое плоскогорье къ оз. Цаганъ-норъ, выпускающему изъ себя названную рѣчку и принимающему съ сѣверо-запада рѣчку Куку-кутэль. На сѣверо-западномъ берегу его источникъ, около котораго хорошій кормъ.
Озеро Цаганъ-норъ	21	Отъ озера дорога идетъ вверхъ по рѣчкѣ Куку-кутэль, принимающей немного выше устья притокъ слѣва. На 3-й верстѣ влѣво отъ дороги другое озеро Цаганъ-норъ, образуемое тою же рѣчкою Куку-кутэль. Далѣе дорога слѣдуетъ по неширокой горной долинѣ этой рѣчки. Въ эту долину выходятъ часто поперечныя долины, а самая рѣчка, то теряется въ рыхломъ супесчаномъ грунтѣ, то появляется на поверхности. На послѣдней верстѣ дорога пересѣкаетъ небольшой горный мысъ. Кормъ на ночлежномъ мѣстѣ хорошъ.
Рѣчка Куку-кутэль	22	Дорога идетъ по долинѣ, оставляя на 1-й верстѣ рѣчку Куку-кутэль, вытекающую съ сѣвера. На 14-й верстѣ дорога пересѣкаетъ горный отрогъ, съ котораго спускается въ длинную котловину оз. Хакъ, на берегу котораго хорошій кормъ.
Озеро Хакъ близъ государственной границы	18	Дорога версты 3 идетъ по озерной котловинѣ, потомъ начинаетъ постепенно по-

№ станц.	Названіе станцій	Число верстъ	Описаніе дороги.
			дыматься на пограничный хребетъ Сайлю-гэмъ по перевалу Хакъ, или Тапту-дабага. По мѣрѣ поднятія, травянистая раститель-ность становится нѣсколько разнообразнѣе. На 8-й верстѣ дорога достигаетъ гребня этого плоскаго хребта у пограничныхъ зна-ковъ. Спускъ съ перевала тоже пологій и дорога выходитъ на равнину къ рѣчкѣ, на которой очень хорошій кормъ.
54	Рѣчка Уландрыкъ..	15	Дорога всю станцію пролегаетъ по высо-кому и обширному плоскогорью, извѣстно-му подъ названіемъ Чуйской степи. По-близости орошающихъ его рѣчекъ и ручьевъ оно покрыто весьма хорошею травянистою растительностью, а въ остальныхъ мѣстахъ поверхность его, усѣянная дресвой или гальвой, малоплодородна и изрѣдка даже пустынна. На урочищѣ Кошъ-агачъ, на-ходящемся при устьѣ рѣчки Цаганъ-бур-газы, впадающей слѣва въ р. Чую, по-строено нѣсколько домиковъ бійскими куп-цами, торгующими въ Монголіи и съ окрестными жителями—теленгутами. При этихъ домикахъ имѣются товарные склады, а поблизости ихъ, въ сторонѣ,—маленькая деревянная церковь. Въ Кошъ-агачѣ произ-водится перегрузка товаровъ, слѣдующихъ изъ г. Бійска въ Монголію.
55	Уроч. Кошъ-агачъ на р. Чуѣ	40	
	Итого отъ г. Урги до уроч. Кошъ-агачъ .	1376	въ томъ числѣ отъ Урги до Улясутая 749 и отъ Улясутая до Кошъ-агача 627 верстъ.

МАРШРУТЪ АНТРОПОВА ОТЪ УРГИ ДО КУКУ-ХОТО.

Бійскій купецъ, Е. Г. Антроповъ, въ 1879 году проѣхалъ по прямой дорогѣ изъ Урги въ Куку-хото и описалъ этотъ путь. Дорожныя замѣтки г. Антроповъ не задолго до своей смерти препроводилъ ко мнѣ вмѣстѣ съ произведенными имъ въ Уласутаѣ метеорологическими наблюденіями. По разсмотрѣніи этихъ замѣтокъ, я счелъ не лишнимъ помѣстить ихъ въ настоящемъ приложеніи, такъ какъ онѣ, не смотря на свою сжатость, даютъ все-таки нѣкоторое представленіе объ общемъ характерѣ посѣщенной г. Антроповымъ части Монгольской Гоби. Именно онѣ подтверждаютъ, что поверхность этой пустыни и на пути Антропова не представляетъ совершенной равнины, что въ Монгольской Гоби и донынѣ существуетъ много незначительныхъ соленыхъ озеръ и наконецъ, что въ ней замѣтны признаки ея прежняго, болѣе обильнаго орошенія.

Первыя станціи отъ Урги Антроповъ, судя по его маршруту, прошелъ, должно быть, по Калганскому побочному тракту Гунъ-жу-дзамъ (принцессина дорога), соединяющемуся съ караваннымъ на станціи Уйдзинъ. Затѣмъ отъ станціи Цзамыйнъ-усу этого пути онъ направился уже по прямой дорогѣ въ Куку-хото.

27-го Октября. Отправились изъ Урги въ Куку-хото по прямой дорогѣ. По переѣздѣ р. Толы миновали нѣсколько постоялыхъ дворовъ для проѣзжихъ монголовъ. Вправо осталась гора Ханъ-ула. Полдневали у ключа на урочищѣ Эфиин-модо, верстахъ въ 25-ти

отъ Урги. Потомъ пересѣкли двѣ небольшія гряды и спустились въ долину. Изъ нея поднялись на хребетъ по перевалу Ихы-даба и съ него спускались по отлогому склону. Ночевали въ 25-ти верстахъ отъ мѣста привала, а всего прошли въ первый день 50 верстъ.

28-го Октября. Спускались по той же долинѣ. По сторонамъ дороги холмы. Полдневали на уроч. Халты, въ 28 верстахъ отъ ночлежнаго мѣста. Дорога направляется сначала по правой окраинѣ долины, потомъ по срединѣ, гдѣ встрѣтили колодезь. Долина поворотила вправо, а мы по тѣснинѣ поднялись на невысокій перевалъ, на вершинѣ котораго маленькое озерко. Съ перевала спустились въ долину и ночевали въ ней на уроч. Балги, пройдя въ этотъ день 58 верстъ.

29-го Октября. Дорога идетъ по лощинѣ, по сторонамъ ея видны холмы, потомъ пересѣкаетъ неглубокую долину Аскиту, которая сливается съ долиною Бага-умбуи, тянущеюся влѣво отъ дороги. Изъ долины поднялись на высоту, миновали скалу и спустились къ озеру Зулгэти. Отъ него опять поднялись въ холмы и ночевали въ нихъ близъ обнаженной горы Баинъ-ула. Всего прошли 50 верстъ.

30-го Октября. Спускались сначала подъ гору. Справа, изъ низкаго хребта вышла долина, которую пересѣкли, въ ней колодезь Чапчиръ. Далѣе шли правымъ берегомъ плоской долины. По сторонамъ видны небольшіе холмы. Потомъ пересѣкли долину и поднялись немного въ холмы, въ которыхъ много лощинъ. Изъ холмовъ спустились въ широкую долину Цзамыйнъ-капцалъ, вышедшую слѣва, которую также пересѣкли и пройдя по холмамъ, остановились на ночлегъ въ широкой долинѣ, на уроч. Цзамыйнъ-уланъ. Разстояніе 50 верстъ.

31-го Октября. Изъ долины шли по холмамъ, въ которыхъ влѣво отъ дороги озерко Дабасунъ-норъ. Отъ него стали спускаться въ широкую долину, вышедшую справа. Далѣе пересѣкли

сухое русло Бутурінъ-голъ. Отъ него поднимались на пологую высоту и потомъ шли среди холмовъ. Разстояніе 25 верстъ.

1-го Ноября. Изъ холмовъ спустились въ котловину, потомъ опять въ холмы, а изъ нихъ вышли на открытую степь; затѣмъ пересѣкли каменную гряду Хаирхадъ-холу, протянувшуюся съ запада на востокъ на всемъ видимомъ пространствѣ; далѣе шли по степи, покрытой мелкосопочникомъ, наконецъ по волнистой мѣстности. Вправо видны небольшія горки. Разстояніе 45 верстъ.

2-го Ноября. Сначала шли по ровной степи, на которой пересѣкли нѣсколько лощинъ, потомъ спустились въ долину съ колодцами Табынъ-уланъ-худукъ. Въ эту долину вышла съ правой стороны другая и обѣ оканчились въ сосѣдней степи. Изъ долины поднялись на высоту и съ нея спустились въ котловину съ колодцемъ Заерыкъ-худукъ. Изъ котловины опять поднялись на высоту и шли между каменистыми сопками, потомъ по ровной степи Янты, на которой ночевали. Разстояніе 55 верстъ. Влѣво отъ ночлежнаго мѣста видна черная гора Янты.

3-го Ноября. Изъ степи поднялись въ холмы, въ которыхъ видѣли двѣ ильмы, пересѣкли низкій кряжъ, спустившись съ него по сухому руслу Хонингынъ-голъ. Въ немъ колодезь, а по берегамъ растутъ ильмы. Далѣе опять поднялись на кряжъ, съ котораго спустились тоже по сухому руслу Баинъ-хошу. Полдневали въ этомъ руслѣ, у колодца. Тутъ встрѣтился намъ караванъ въ 47 верблюдовъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото. Монголы везли хлѣбъ для собственной потребности. Послѣ дневки опять пересѣкли кряжъ и ночевали въ сухомъ руслѣ Цаямынъ-хоргусынъ. По берегамъ его растутъ ильмы. Разстояніе 48 верстъ.

4-го Ноября. Сначала шли по ровной степи, на которой видны кое-гдѣ мелкія сопки, потомъ по волнистой мѣстности; по сторонамъ невысокіе холмы, а влѣво большая гора,—Дуланъ-ула, далѣе спустились въ широкую долину Ердинъ-усъ, гдѣ полдневали. Въ

долинѣ растетъ саксаулъ и одинокая ильма. Тутъ опять попались на встрѣчу монголы съ хлѣбомъ изъ г. Куку-хото на 37 верблюдахъ. Далѣе продолжали путь по долинѣ, потомъ по степи съ каменистыми сопками, на которой ночевали. Влѣво отъ ночлежнаго мѣста ставка Мергенъ-вана съ кумирней и около нея, въ лощинѣ много фильмъ. Разстояніе 55 верстъ.

5-го Ноября. Отъ ночлежнаго мѣста поднялись немного и пересѣкли каменную гряду Хони-нуру. Съ перевала спускались по сухому руслу, въ которомъ полдневали. Въ этомъ мѣстѣ стояли прикащики—китайцы бельгійца Спленгера изъ Куку-хото, скупавшіе у монголовъ верблюжью шерсть. Потомъ опять поднялись на каменистый хребетъ, съ котораго спустились въ долину и изъ нея снова на хребетъ по перевалу Олинъ-хиръ. На перевалѣ встрѣтились монголы на 45-ти верблюдахъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото. Затѣмъ, слѣдовало нѣсколько незначительныхъ спусковъ и подъемовъ въ волнистой мѣстности. Ночевали у сухаго русла, близъ уроч. Цзамыйнъ-сучжи, пройдя въ этотъ день 48 верстъ.

6-го Ноября. Шли сначала по степи съ небольшими лощинами, въ одной изъ нихъ колодезь Салогинъ-худукъ, потомъ пересѣкли низкую песчаную гряду. По сторонамъ мелкія сопки. Далѣе пересѣкли гряду по перевалу Едмыкъ и спустились въ лощину, а изъ нея опять поднялись на гряду. Съ этой послѣдней спускались по сухому руслу Шабыкъ, на которомъ встрѣтили монголовъ на 18-ти верблюдахъ, возвращавшихся съ хлѣбомъ изъ Куку-хото. Разстояніе 40 верстъ.

7-го Ноября. Сначала шли по каменистой равнинѣ, оставивъ вправо высокую, черную гору, потомъ по волнистой мѣстности, откуда спустились въ широкую лощину. Въ ней встрѣтили монголовъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото на 118-ти верблюдахъ. Изъ лощины поднялись на невысокій кряжъ по перевалу Усунъ-хотэль, съ котораго спустились въ широкую лощину Хайцагай и въ ней ночевали Разстояніе 53 версты.

8-го Ноября. Спустившись немного, вышли на широкую степь и на ней пересѣкли почтовую Калганско-улясутайскую дорогу на станціи Зесъ въ 24-хъ верстахъ отъ ночлежнаго мѣста. На станціи попался караванъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото на 83-хъ верблюдахъ. Отъ станціи шли по ровной степи. Вправо плоская высота, оканчивающаяся близъ дороги, а влѣво отъ дороги въ 2-хъ верстахъ озеро Ихы-норъ, принимающее рѣчку Хошотынъ-голъ, текущую съ юго-запада. Въ долинѣ ея хорошая трава и обширныя заросли дэрису. Перейдя черезъ рѣчку, поднялись немного въ гору и ночевали въ 47-ми верстахъ отъ предыдущаго ночлежнаго мѣста.

9-го Ноября. Шли по ровной степи, покрытой мѣстами мелкосопочникомъ. На ней попалось нѣсколько каравановъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото на 107 верблюдахъ. Послѣдніе 18 верстъ шли по волнистой мѣстности, въ которой застигла сильная мятель. Прошли въ этотъ день 43 версты.

10-го Ноября. Пройдя немного отъ ночлежнаго мѣста, вышли на берегъ рѣчки Уланъ-хобо, текущей влѣво отъ дороги. Въ ея долину выходитъ съ запада нѣсколько лощинъ. По сторонамъ, на степи видны небольшіе холмы. Далѣе пересѣкли сухое русло, потомъ поднялись на плоскую высоту и миновали колодезь Улугуръ-шанца. На востокѣ видна гора Хаирханъ-ула. Пересѣкли низкую гряду Отхонъ-нуру и спустились съ нея къ рѣчкѣ Чахырмыкъ. Отъ рѣчки шли по волнистой мѣстности и ночевали въ 47-ми верстахъ отъ предыдущей станціи.

11-го Ноября. Продолжали идти по волнистой мѣстности и достигли рѣчки Шара-мурень, на которой встрѣтили монголовъ съ хлѣбомъ изъ Куку-хото на 126-ти верблюдахъ. Отъ рѣчки дорога идетъ также по волнистой мѣстности, минуя холмы Хара-тологой, около которыхъ она пересѣкаетъ дорогу изъ Улясутая въ Куку-хото. Тутъ опять попались монголы съ хлѣбомъ на 286-ти верблюдахъ. Къ вечеру пришли въ городъ Куку-эргэ, сдѣлавъ въ этотъ день 45 верстъ.

12-го Ноября. Отъ Куку-эргэ версты 4 шли по равнинѣ, потомъ ущельемъ хребта верстъ 30. Подъемъ крутой и спускъ въ началѣ тоже. Дорога на главномъ перевалѣ узкая и каменистая, но ѣздятъ на телѣгахъ. Съ горъ сошли на равнину, гдѣ постоянно встрѣчаются деревни. Мѣстность густо заселенная китайцами. Вечеромъ прибыли въ Куку-хото, отстоящій отъ Куку-эргэ въ 45-ти верстахъ.

Итого отъ Урги до Куку-хото по прямой дорогѣ, пройденной Антроповымъ,—804 версты.

ПРИЛОЖЕНІЕ V-е.

КРАТКАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КЪ КАРТѢ МОНГОЛІИ.

КРАТКАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КЪ КАРТѢ МОНГОЛІИ.

При составленіи прилагаемой карты опорными пунктами послужили точки, опредѣленныя по настоящее время въ Монголіи, Чжунгаріи и сѣверной части Внутренняго Китая, вошедшей на карту, а также въ пограничныхъ мѣстностяхъ Забайкальской и Семипалатинской областей, Иркутской, Енисейской и Томской губерній.

Опредѣленіе географическихъ координатъ собственно въ Китайской имперіи начато въ прошедшемъ столѣтіи миссіонерами—іезуитами. Императоръ Канси повелѣлъ имъ составить карту Китая, надъ которою они трудились 10 лѣтъ съ 1708 по 1718 г., собравъ предварительно матеріалы для нея, при чемъ независимо отъ дорожныхъ замѣтокъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ китайскихъ книгъ, опредѣляли также во время своихъ разъѣздовъ по странѣ географическое положеніе мѣстъ большею частью посредствомъ астрономическихъ наблюденій. Изъ числа іезуитовъ, трудившихся на этомъ поприщѣ, въ особенности выдаются: Жарту, Буве, Режи, Галлерштейнъ и д'Ароша.

Нѣкоторые изъ опредѣленныхъ въ минувшемъ столѣтіи іезуитами пунктовъ были въ недавнее время переопредѣлены европейцами,—преимущественно русскими и отчасти англичанами,—посредствомъ усовершенствованныхъ инструментовъ и самыхъ способовъ наблюденій. Эти переопредѣленія показали, что широты іезуитовъ немногимъ разнятся отъ полученныхъ въ новѣйшее время и притомъ почти всегда превышаютъ эти послѣднія; но долготы ихъ ненадежны и относятъ пункты большею частью далеко къ востоку отъ ихъ истинныхъ мѣстъ на земномъ сфероидѣ.

Опредѣленные іезуитами въ Китайской Имперіи пункты можно найти въ сочиненіяхъ: Du Hald'a. „Description de la Chine"; Klaproth'a. „Mémoires relatifs à l'Asie". T. III; Biot. „Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements e. c. t., compris dans l'empire Chinois", и въ англійскомъ: Topography of China and neighbouring states. Honkong. 1864.

Новѣйшія опредѣленія мѣстъ въ Монголіи, Джунгаріи и сѣверныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая произведены: Фуссомъ, Фритше, Эляйясомъ, Пржевальскимъ (однѣ широты), Мирошниченко, Рафаиловымъ и мною. Результаты этихъ наблюденій помѣщены: въ „Memoires de l'Academie Imperial des Sciénces de S. Pétersbourg". Série VI. T. III. 1835; въ „Journal of the Royal geographical society". Vol. XLIII. 1873; въ „Repertorium für meteorologie" T. IV. № 3-й; во II т. путешествія г. Пржевальскаго „Монголія и страна тангутовъ"; въ 1-мъ выпускѣ труда г. Потанина. „Очерки С.-З. Монголіи"; въ 1-й и IV-й книжк., „Записокъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" и въ 1-мъ приложеніи къ настоящей книгѣ. Географическія координаты точекъ пограничныхъ мѣстностей Забайкальской и Семипалатинской областей, Иркутской, Енисейской и Томской губерній, заимствованы изъ „Трудовъ сибирской экспедиціи" (математическій отдѣлъ Шварца) и изъ IV-й кн. „Записокъ З.-Сибирскаго Отдѣла[1])".

Топографическими матеріалами при составленіи карты Монголіи служили:

1) Маршрутныя съемки топографовъ Шимковича и Волкова почтовой и караванной дорогъ изъ Урги въ Калганъ; маршрутная съемка г. Матусовскаго отъ уроч. Суокъ близь государственной границы чрезъ гг. Кобдо и Улясутай въ Минусинскій округъ; маршрутъ Принтца отъ того же уроч. до г. Кобдо; марш-

[1]) При составленіи прилагаемой карты я воспользовался также пунктами, опредѣленными мною и г. Мирошниченко въ 1882 г. въ С.-З. Джунгаріи и еще нигдѣ не напечатанными; однимъ пунктомъ, опредѣленнымъ г. Орловымъ въ С.-З. Монголіи (Улангомъ—ставка дюрбетскаго Вана) и широтами г. Пржевальскаго, помѣщенными во II т. его труда „Монголія и страна тангутовъ". 1876 г.

рутъ Гельмерсена изъ Урги на оз. Косоголъ; маршрутныя же съемки классныхъ топографовъ Скопина и Чуклина отъ Кобдо чрезъ Куку-хото до Калгана и отъ Урги чрезъ Улясутай до перевала Хакъ на государственной границѣ; такая же съемка г. Орлова въ С.-Западной и С. Монголіи отъ уроч. Кошъ-агача до Уланкома, между Уланкомомъ и г. Кобдо; вокругъ оз. Убса, въ области Улу-кема и по сѣверо-западному берегу оз. Косогола; наконецъ маршрутъ экспедиціи Бутиныхъ отъ Чинданта чрезъ Керулюнъ въ г. Долонъ-норъ.

2) Описаніе путей: Даржидарова отъ Урги въ верховьямъ Онона, Антропова изъ Урги въ Куку-хото, Падерина изъ Урги же чрезъ Улясутай въ Минусинскій округъ; Веселкова въ бассейнѣ верхняго Енисея и Пермикина на оз. Косоголъ.

Руководствомъ служили также слѣдующія карты:

1) Карта пути отъ Кяхты до Пекина чрезъ Монголію. Е. Тимковскаго 1824 года въ масштабѣ $\frac{1}{2.282.280}$.

2) Karte der Östlichen Mongolei zwischen Peking und Staro—Zuruchaitu zusamengestellt nach eigenen Beobachtung. 1874; масшт. 63 километра въ дюймѣ, составленная Н. Фритше.

3) Его же. „Карта Сѣвернаго Китая, Монголіи, Манчьжуріи, Амурскаго и Уссурійскаго края". 1875 г., масшт. 155 килом. въ дюймѣ.

4) Его же. „Карта путей, ведущихъ чрезъ Монголію въ Ургу и Калганъ".

5) Карта, составленная по маршруто-глазомѣрной съемкѣ г. Пржевальскаго 1871—1872 и 1873 гг.; масшт. 40 вер. въ дюймѣ.

6) Карта Чжилійской губерніи, составленная К. Веберомъ въ 1871 г. масшт. $\frac{1}{1\ 022.000}$.

7) Карта Сѣверо-Западной Монголіи г. Рафаилова 1879 г., масшт. 50 вер. въ дюймѣ.

8) Фотографическая копія съ „Карты Азіятской Россіи съ прилежащими къ ней владѣніями", составляемой Картографическимъ отдѣленіемъ Главнаго Штаба, масшт. 100 вер. въ дюймѣ.

9) Карта рѣчной области Чернаго Иртыша 1873 г., масшт. 30 вер. въ дюймѣ.

10) Карта государственной границы Россіи съ Китаемъ и путей отъ нея внутрѣ Китайской имперіи. Венюкова. 1873 г., масшт. 100 вер. въ дюймѣ.

11) Карта южной половины Восточной Сибири, части Монголіи, Маньчжуріи и о. Сахалина. Кропоткина. 1875 г., масшт. $\frac{1}{6.720,000}$.

12) Его же. Гипсометрическая карта Минусинскаго, Красноярскаго и части Канскаго округовъ. 1875 г., масшт. 40 вер. въ дюймѣ.

13) Carte de l'Asie Centrale. Klaproth'a.

14) Большая китайская карта Монголіи и уменьшенная копія съ нея въ переводѣ г. Падерина.

15) Спеціальная карта Западной Сибири (Бійскій, Барнаульскій и Устькаменогорскій уѣзды), масшт. 10 вер. въ дюймѣ.

16) Карта Средней Азіи, изд. Топографическимъ Отдѣломъ Главнаго Штаба, масшт. 100 вер. въ дюймѣ (послѣднее изданіе).

17) Карта Монголіи Петермана, приложенная къ Geographische Mittheilungen. 1874.

18) Карта Монголіи К. Венера.

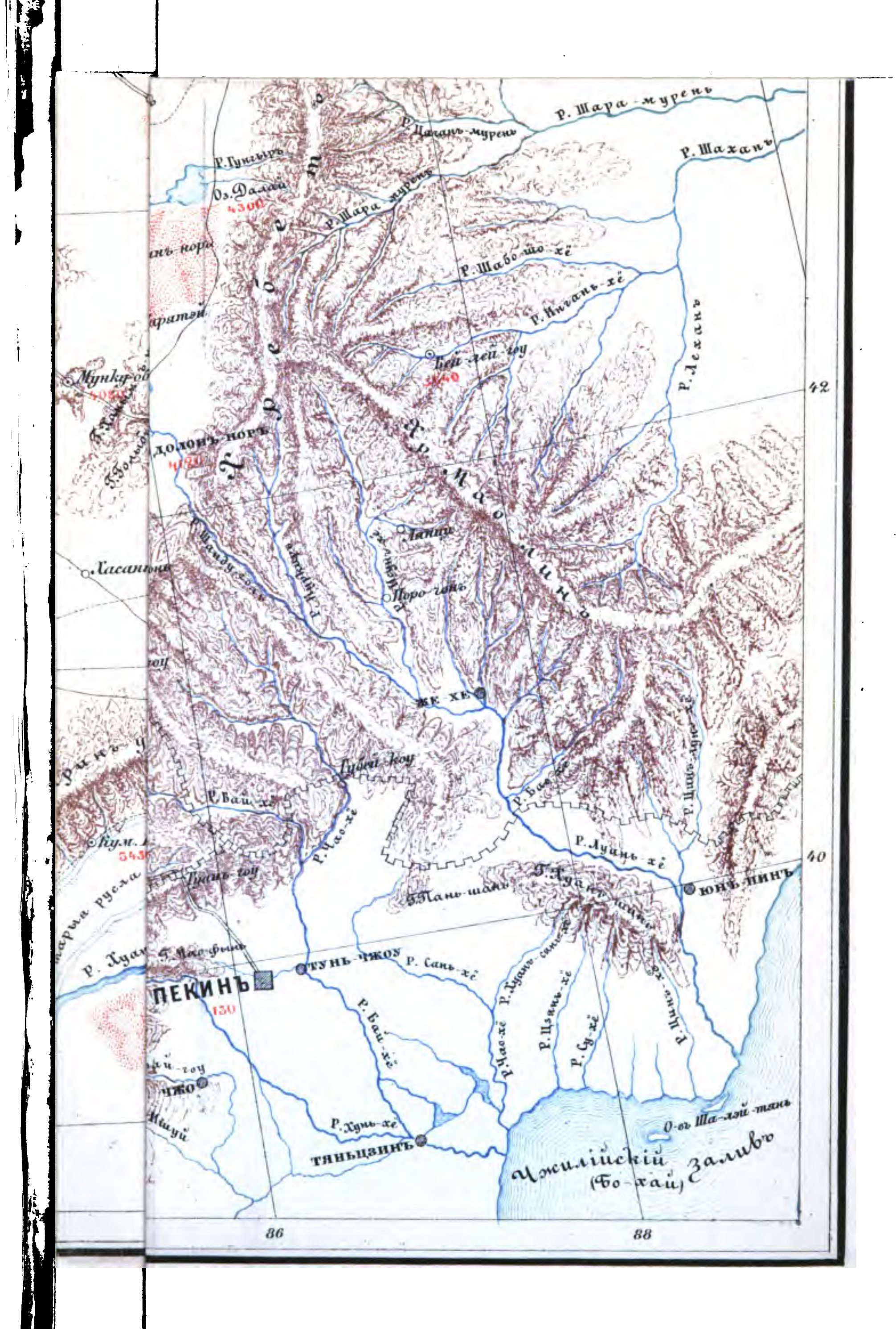
19) Отчетная карта Монголіи, приложенная къ статьѣ Элайса: „Narrative of a Journey through Western Mongolia" (въ Journ. of the Royual geogr. society. XLIII. 1873).

20) „Карта бассейновъ Амура, Лены и Енисея. Шварца, 1863 г.

Кромѣ перечисленныхъ источниковъ, при составленіи карты Монголіи я руководствовался описаніями путешественниковъ, собранными лично расспросными свѣдѣніями и выдержками изъ китайскаго сочиненія: „Мен-гу-ю-му-цзи" (описаніе монгольскихъ кочевьевъ), представляющими интересъ для картографіи этой малоизвѣстной страны.

ОПЕЧАТКИ:

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
10	13 сверху	5) Тау-низкэлэ	5) Тау-тэкэлэ
30	10 снизу	Изун҆ъ-хаирханъ	Цзунъ-хаирханъ
38	4 сверху	Кысынъ-тала	Кысынинъ-тала
47	1 „	Изакъ	Цзакъ
48	8 „	преспективный	перспективный
54	14 снизу	на Дзапхынъ	на Дзапхынѣ
89	3 сверху	Чара-хадынъ	Шара-хадынъ
89	17 „	песчанаго	песчаною
89	5 снизу	Борджинъ	Борджонъ
89	5 „	Изаилгынъ	Цзаилгынъ
103	7 сверху	и Барлукъ	и Джаиръ
103	14 прим. сн.	Масинымъ	Мосинымъ
116	8 снизу	Иншагія	Иншаня
160	2 сверху	съ висмутомъ	съ цинкомъ
170	12 „	ниже 4,400	ниже 3.700
170	14 „	Наинъ-худукъ	Ноинъ-худукъ
174	12 „	пустыны	пустыни
198	14 снизу	Таймиръ	Тайширъ
199	4 „	открыто	скрытно
209	9 сверху	Хангай	Хантай
209	17 снизу	р. Дзанхына	р. Дзапхына
233	15 сверху	компанія	компанія
244	11 снизу	бурбётскаго	дурбётскаго
244	10 и 11 сн.	Харкора	Харкира
244	10 снизу	притокъ	притокѣ
254	18 сверху	сначало	сначала
255	17 „	множествѣ	множество
257	9 „	и тянущагося	и тянущимся



Р. Шара-мурень
Р. Цаганъ-мурень
Р. Гунгырь
Оз. Далай
4300
Р. Шахань
Р. Шара-мурень
Р. Шабо-шо-хё
Р. Иныань-хё
Бей-лей-гоу
Р. Лехань
42
Хребетъ
Долонъ-норъ
4120
Хасантю
Ляшци
Поро-чэнъ
Же-хе
Губей-коу
Р. Бай-хё
Р. Чао-хё
Р. Луань-хё
Юнъ-пинъ
40
Пань-шань
Тунь-чжоу
Р. Сань-хё
Пекинъ
130
Р. Бай-хё
Р. Чао-хё
Р. Цзянь-хё
Р. Су-хё
Р. Хунь-хё
Тяньцзинъ
О-въ Ша-лэй-тянь
Чжилійскій заливъ
(Бо-хай)
86
88